3 1761 06635542 1

СОЧИНЕНІЯ ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ 14.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ

1021
1657
232

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

LR
L4314V

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie sochinenij

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

(v. 4)

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ

494862
25.7.49

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1899

Дозволено цензурою. Спб., 20 го марта 1899 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

Посвящается Ал. Ал. Леб...вой.

I

Былъ полдень одного изъ дней августа 1862 года. Лѣтнее солнце, на прощанье съ жителями Москвы, хотѣло порадовать ихъ еще своими теплыми ласками. Въ это время ковылялъ въ гору, по правую руку Кузнецкаго Моста, господинъ въ свѣтломъ пальто англійскаго суровья, просторно сидѣвшемъ на худощавомъ его тѣлѣ. Ему казалось лѣтъ за шестьдесятъ, но, можетъ быть, разныя житейскія невзгоды не поскупились накинуть нѣсколько лишнихъ лѣтъ на его наружность. Соломенная шляпа съ широкими полями ограждала отъ лучей солнечныхъ его блѣдное, добродушное лицо. Въ рукѣ у него былъ небольшой узелъ, завязанный въ фулярѣ. Не занимали его любопытства выставленныя въ окнахъ магазиновъ роскошныя вещицы, отчасти выписанныя изъ-за границы, отчасти

дѣлаемыя въ Россіи подъ именемъ иностранныхъ. Продавцы ихъ, тоже иноземцы, пользуясь пристрастіемъ нашимъ ко всему заграничному и, можетъ быть, справедливымъ недовѣріемъ къ отечественнымъ издѣліямъ, берутъ съ насъ за свои товары по 50 процентовъ на сто. Иные, накопивъ на Руси богатые капиталы, уѣзжаютъ во-свояси, гдѣ въ благодарность за наше простодушіе бранятъ на весь свѣтъ дикообразную Московію, набившую ихъ карманы своимъ золотомъ. Правда, есть благородныя исключенія. Между прочими справедливо сохранить память одного изъ нихъ, Депре́, который, умирая въ Парижѣ, завѣщалъ похоронить его прахъ въ Москвѣ, гдѣ онъ нажилъ свое богатое состояніе.

Остановился, однакожъ, старикъ противъ магазина Даціаро, всегда привлекавшаго къ своимъ окнамъ толпу прохожихъ—отдохнуть ли онъ хотѣлъ, или взглянуть на картины. Вѣроятно, онъ былъ близорукъ, потому что, уставивъ глаза въ окно, прищурился и наложилъ ладонь на стекло окна, по которому переливались лучи солнечные. Вскорѣ подошелъ другой господинъ, молодой, и, ставъ подлѣ него, приступилъ къ такому же созерцательному бездѣлью. Хотя на немъ было широкое лѣтнее пальто, но въ посадкѣ его стана видно было, что онъ привыкъ носить военный мундиръ и, вѣроятно, только-что недавно скинулъ его.

— Ея ужь нѣтъ, — сказалъ съ грустью старикъ, качая головой.

— Кого?—спросилъ его поручикъ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Старикъ былъ видимо изъ такихъ личностей, которыя въ минуты особеннаго настроенія души готовы излить ее хоть незнакомцу. По природѣ ли, или исходивши жизнь подъ гнетомъ разныхъ тяжкихъ обстоятельствъ, или отъ старости, онѣ склоняются къ дѣтству.

— Здѣсь, — отвѣчалъ онъ, поощряемый къ откровенности свѣтлымъ взглядомъ и добрымъ, пріятнымъ лицомъ своего спутника, — была раскрашенная англійская гравюра, — не величка, но какъ много говорила она сердцу! На ней изображена была красивая молодая женщина. У полуобнаженной груди ея лежалъ младенецъ. Видно было, она только-что откормила его. Ребенокъ засыпалъ и сквозь сладкій сонъ улыбался ангельскою улыбкой. Еслибъ вы видѣли, какъ смотрѣла мать на свое дитя. Любовь и блаженство выражались въ голубыхъ глазахъ ея. Да, сударь, блаженство—это чувство отъ неба; счастіе называю я наслажденіемъ земнымъ.

— Жаль, что я не видалъ этой картинки, — сказалъ молодой человѣкъ, вглядываясь въ старика и занятый болѣе его личностью, чѣмъ разговоромъ о картинкѣ.

— Очень жаль, вы потеряли нѣсколько минутъ самаго чистаго душевнаго удовольствія. Однакожъ, когда я бывалъ здѣсь, она мало занимала смотрѣвшихъ на здѣшнюю выставку. Я былъ, повидиму, одинъ, кого она приковывала къ себѣ.

— Нынѣ вѣдь нужны предметы болѣе пикантные, раздражающіе чувства.

— Такъ, такъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами обнаженныя, купающіяся женщины; ихъ сторожитъ изъ-за засады деревьевъ воспламененный взглядъ юноши, замѣтьте — юноши. Онъ, кажется, хотѣлъ бы превратиться въ волну, которая скатывается по ихъ прекраснымъ формамъ.

— У насъ нынѣ, — замѣтилъ молодой человѣкъ, — не только юношей, но и дѣтей нѣтъ.

— А вотъ эта, налѣво, ради возбужденія какихъ страстей? Бандиты со звѣриными лицами потрошатъ какого-то путешественника, подъ нимъ лужа крови.

Далѣе убійца съ топоромъ въ рукѣ, съ котораго каплетъ кровь его жертвы.

— Правда въ искусствѣ — вотъ лозунгъ, который задали себѣ наши писатели и живописцы.

— Прекрасно, но они забываютъ, что ихъ обязываетъ другая правда — художественная. Это напоминаетъ мнѣ Каратыгина въ драмѣ: «*Игрокъ*». Онъ отвратительно намазывалъ себѣ руку красной краскою, чтобы показать, что на ней кровь—слѣды совершоннаго имъ убійства. Между тѣмъ, для возбужденія въ зрителѣ чувства ужаса, и безъ видимыхъ знаковъ довольно было однихъ словъ артиста, что на рукѣ его кровь. Впрочемъ, извините болтовню старика, вамъ незнакомаго. Можетъ статься, по-вашему, по-нынѣшнему, я ошибаюсь, и вамъ непріятно слушать то, что противно вашимъ взглядамъ.

— Напротивъ, — сказалъ молодой человѣкъ, — хоть нынѣ только тѣ quasi-убѣжденія хороши, о которыхъ кричатъ наши такъ называемыя *дѣти*, я слушалъ васъ съ большимъ участіемъ. Къ тому-жъ, когда я всматривался въ васъ болѣе и болѣе, меня подмывало сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Онъ не покажется вамъ страннымъ, если вы узнаете причину его. Не вспомните-ли вы меня? Мое имя Сурминъ...

Старикъ сталъ пристально всматриваться въ лицо своего импровизованнаго собесѣдника, безцеремонно повернувъ его къ свѣту обѣими руками за плечи.

— Хоть убейте,—отвѣчалъ онъ,—ни вашего имени, ни васъ не припомню.

— Не мудрено: вы видѣли меня только одинъ разъ. Я былъ тогда еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, только-что выпорхнулъ изъ гнѣзда гвардейскихъ юнкеровъ и оперился въ мундиръ кавалергардскаго полка. Съ того времени прошло десять лѣтъ. Теперь я сдѣлался кампаньяромъ и, какъ видите, отпустилъ

ужь бородку. Служили вы въ Прирѣчьѣ вторымъ лицомъ по губернской іерархіи?

— Точно такъ.

— Васъ зовутъ Михайла Аполлонычъ Ранѣевъ.

— Это имя мое.

— Вотъ видите, какъ я васъ помню, или, лучше сказать, помнитъ васъ мое сердце. Но я не желаю, чтобы посторонніе, останавливающіеся здѣсь, слышали нашъ разговоръ. Вы, кажется, шли въ гору Кузнецкаго Моста?

— Да, я шелъ къ оптику Швабе купить себѣ зрѣніе. Безъ очковъ, которыя, къ горю моему, по старческой разсѣянности затерялъ, всѣ предметы въ природѣ представляются мнѣ въ какомъ-то недодѣланномъ видѣ или какъ будто задернуты флеромъ.

— Мы словно сговорились; кстати, и я иду туда-жъ купить себѣ барометръ. Если вы мнѣ позволите, мы продолжимъ нашъ разговоръ, которымъ я напомню вамъ наше часовое знакомство, оставившее глубокіе слѣды въ благодарной памяти всего нашего семейства.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Они пошли въ гору; молодой человѣкъ укорачивалъ шаги, чтобы не утомить своего спутника. Дорогой повели они бесѣду, какъ давнишніе пріятели.

— У матери моей, — началъ молодой человѣкъ, — было дѣло, отъ котораго зависѣла участь всего нашего семейства: ея, меня и двухъ малолѣтнихъ сестеръ моихъ. За долги частные и процентные въ Опекунскій Совѣтъ, запущенные нашимъ опекуномъ, 500-душное имѣніе наше было подъ запрещеніемъ. Вы знаете, что такое наши опеки?

— Слишкомъ хорошо. Я читалъ отчетъ одного опекуна надъ сумасшедшимъ: былъ очень богатый баринъ. Въ этомъ отчетѣ, повѣрите ли, записана была покупка собольяго одѣяла въ шесть тысячъ рублей. Я видалъ,

какъ у малолѣтнихъ на ремонтъ дома истрачивались всѣ доходы съ имѣнія. Придя въ совершенные года, они, разумѣется, оставались нищими. Я слыхалъ, какъ заводскія тысячныя лошади продавались полячкомъ-опекуномъ подъ покровомъ воеводы по 50 рублей. Да всѣхъ продѣлокъ опекуновъ не перечтешь.

Старикъ энергически махнулъ рукой.

— Подобными продѣлками нашего опекуна, — имя его утаю (скажу только—онъ даже очень близкій намъ родственникъ),—и наши дѣла были доведены до того, что Совѣтъ назначилъ наше имѣніе въ продажу съ аукціона. По просьбѣ матери, опекунъ былъ смѣненъ и она утверждена опекуншей и попечительницей. Что можно было продать изъ движимаго имущества: серебро, брилліанты и разныя разности, все ею было продано, добрые люди помогли, частные долги заплачены, сумма въ Опекунскій Совѣтъ собрана. Мы съ матерью отправились въ Москву, но, чтобы остановить продажу имѣнія, надо было заѣхать въ Прирѣчье. Здѣсь мы должны были получить изъ гражданской палаты свидѣтельство, что оно освободилось отъ запрещенія по частнымъ долгамъ и казеннымъ повинностямъ. Нашъ мѣстный уѣздный судъ увѣдомилъ о томъ всѣ прирѣченскія мѣста, кому надлежало знать. На спросъ гражданской палаты эти мѣста, кромѣ губернскаго правленія, отвѣчали удовлетворительно. Обращаюсь въ правленіе, показываю номеръ и число, за которыми посланъ рапортъ суда. Столоначальникъ отзывается, что рапорта не получено. «Не можетъ быть,—говорю я,—онъ отправленъ съ недѣлю, всѣ другія мѣста получили». — Намъ до другихъ мѣстъ дѣла нѣтъ, мы не получали,—съ сердцемъ отвѣчалъ столоначальникъ. По молодости лѣтъ и неопытности моей, я думалъ, что если предложу *благодарность*, такъ навлеку на себя страшныя послѣдствія.

— Хе, хе, хе, видно, молодо-зелено было.

— Такъ и мерещилось мнѣ дуло пистолета, уставленное въ грудь мою. Обращаюсь къ совѣтнику, тотъ же рѣшительный отвѣтъ. Обстоятельства были для насъ критическія; черезъ два дня роковой молотокъ (я воображалъ молотокъ при всякомъ аукціонѣ) долженъ былъ ударить и лишить насъ состоянія. На него охотники, въ томъ числѣ и нашъ бывшій опекунъ, точили ужь зубы, заговоръ между ними былъ устроенъ, *слазы* опредѣлены.

— Охъ, эти слазы! иной разъ у иного начальника при продажѣ имѣнія сердце болитъ, что оно продается за безцѣнокъ, а противъ этого ничего не подѣлаешь.

— Моя мать въ отчаяніи. Наши прирѣченскіе пріятели указываютъ намъ на васъ, какъ на единственнаго человѣка, который можетъ спасти насъ отъ бѣды. Лечу къ вамъ, — мнѣ говорятъ, вы нездоровы, никого не принимаете. Горячо настаиваю у вашего слуги, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ, говорю: «дѣло экстренное», — онъ неумолимъ. Молодость и отчаяніе кипятили мою кровь, я сдѣлался дерзокъ, возвышаю голосъ, готовъ браниться. Вы услыхали наши крупные переговоры, вышли ко мнѣ, извиняетесь, что въ шлафрокѣ, спрашиваете, «въ чемъ дѣло». Объясняю его. Вы выслушиваете меня внимательно, между тѣмъ какъ у васъ лицо подергивало отъ негодованія.

— Ого! какъ вы помните всѣ подробности!

— Немудрено, это были роковыя минуты, онѣ не забываются. «Негодяи!» вырвалось у васъ отъ гнѣва, и тотчасъ, несмотря на свое нездоровье, приказываете подать себѣ одѣться, ѣдете со мною въ правленіе на моемъ калиберѣ, какой мнѣ второпяхъ попался. Здѣсь, по грозному требованію вашему, рапортъ суда отысканъ подъ сукномъ и въ ту же минуту при васъ сдѣлано по немъ распоряженіе. Досталось же отъ васъ

порядкомъ столоначальнику, не обошли вы своимъ замѣчаніемъ и совѣтника. Мать получаетъ свидѣтельство изъ гражданской палаты, скачемъ съ нею въ Москву и спасаемъ имѣніе отъ продажи. Опоздай одинъ день,— и мы были бы разорены. Съ легкой руки вашей дѣла наши пошли въ гору, мы живемъ теперь въ полномъ довольствѣ и благословляемъ ваше имя, какъ нашего благодѣтеля.

— Очень радъ,—сказалъ Ранѣевъ, видимо просіявшій отъ удовольствія,—очень радъ, — повторилъ онъ, пожимая руку своего спутника, — что могъ, исполняя свой долгъ, сдѣлать что-нибудь въ пользу вашу. Вотъ видите, какъ легко человѣку, у котораго есть какая-нибудь власть, располагать участью людей на добро и зло. Не перечтешь несчастій отъ сущей бездѣлицы, отъ того, что иной съ высоты своей полѣнился выслушать внимательно просителя, другой пугнулъ его въ пароксизмѣ воеводскаго нетерпѣнія. А самоуправство, апатія, продажность...—вотъ что губитъ насъ.

— Кажется, благодаря духу времени, взяточничество выводится. Поговариваютъ, что составляются проекты новыхъ судовъ съ гласностью въ помощь имъ. Надо надѣяться, что молодыя поколѣнія не ударятъ лицомъ въ грязь.

— Вотъ это дѣло другое. Гласность, гласность! великое слово, если оно вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло. Пусть явится во всеоружіи истины, хотя бы съ грозою, но только не театральной, не съ фальшфейеромъ. Не ласкать зло надо, а сокрушать его.

Въ голосѣ Ранѣева слышалось какое-то ожесточеніе; забывшись, онъ говорилъ громко и потрясалъ рукой, такъ что прохожіе смотрѣли на него какъ на чудака.

— Дай Богъ, чтобы скорѣе состоялись эти суды. Авось либо свѣжія струи съ новыми, честными силами

втекутъ на нихъ,—продолжалъ онъ.—Допусти и меня, Боже, дождаться хоть зари этого дня. О тогда, если не задушатъ этой гласности въ ея зародышѣ тѣ, кому она по грѣхамъ ихъ не понравится, я опишу исторію одного событія въ моей жизни на поученіе слѣдователямъ и судьямъ. Да, другъ мой, есть въ ней чудеса, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ-обличителямъ. Сильно боролся я съ людскою злобой и коварствомъ (только глупая овца лижетъ руку, которая ведетъ ее на закланіе) и все-таки изнемогъ въ борьбѣ. Но я, думаю, наскучилъ вамъ своими стариковскими іереміадами. Что-жъ дѣлать, это мой конекъ, съ котораго сойду только на порогѣ гроба. Къ тому-жъ я съ перваго раза полюбилъ васъ, и потому такъ съ вами откровененъ. Кстати, вотъ и магазинъ Швабе.

Вошли въ магазинъ. Старика, видно, знали тамъ хорошо. Онъ протянулъ хозяину руку, хозяинъ радостно пожалъ ее и, привѣтствуя его съ добрымъ утромъ, называлъ превосходительствомъ. Ранѣевъ отозвалъ его въ сторону и сталъ переговаривать съ нимъ вполголоса. Онъ не стыдился своей бѣдности, но и не любилъ пародировать ею, а предметъ его разговора съ оптикомъ казался ему щекотливымъ при постороннемъ свидѣтелѣ. Дѣло въ томъ, что онъ принесъ въ узлѣ спорки богатаго шитья съ мундира, въ которомъ не имѣлъ болѣе надобности, темляки, шарфъ, и просилъ тотчасъ сжечь ихъ, свѣсить выжигу и промѣнять на очки. Между тѣмъ Сурминъ старался не слыхать ихъ переговоровъ и занялся съ приказчикомъ осмотромъ барометровъ. Порядочный комъ выжиги былъ скоро принесенъ и свѣшенъ. Хозяинъ магазина предложилъ старику выбрать себѣ очки по глазамъ. Ранѣевъ сказалъ номеръ, который онъ обыкновенно употреблялъ, золотыя очки были выбраны, испробованы на разныхъ предметахъ и пришлись совершенно по глазамъ.

— Какъ же расчетъ?—спросилъ онъ.

— Ваши вещи стоятъ 20 рублей, наши 15, вамъ слѣдуетъ получить съ насъ 5 рублей.

— Браво! — воскликнулъ торжествующимъ голосомъ старикъ, забывъ свою прежнюю осторожность,— *въ рядахъ* дали бы половину. Вотъ я и съ глазами, — прибавилъ онъ, поводя еще очками по разнымъ предметамъ въ магазинѣ, какъ будто прозрѣвалъ послѣ счастливой операціи надъ его глазами.

Ранѣевъ и новый его знакомый вышли изъ магазина. Каждый несъ свою покупку, одинъ—осѣдлавъ ею свой носъ, другой—спрятавъ ее въ карманъ своего пальто. Сойдя съ наружной лѣстницы на тротуаръ, Ранѣевъ остановился. Сначала всматривался онъ въ надписи на вывѣскахъ, потомъ переносился глазами на лица проходящихъ, испытывая на нихъ свои очки, отчего живые предметы его безцеремоннаго созерцанія встрѣчали его пристальные взгляды или усмѣшкой, или сердитой миной. Особенно чопорныя, наштукатуренныя барыни вооружались противъ него негодованіемъ, презрительно надувъ губки или отворачиваясь отъ старика-нахала. Съ своей стороны, онъ не только равнодушно принималъ эти заявленія, какъ будто они его не касались, но даже улыбался дѣтской улыбкою. Ему казалось, что внезапно выступилъ передъ нимъ изъ сумерекъ новый міръ, вспрыснутый яркими лучами солнца. Видно было, что удовольствіе отъ удачной покупки, подкрѣпляемое добротою сердца, не давало въ немъ мѣста другому чувству. Но лишь только онъ и Сурминъ простились, обѣщаясь видѣться, и сдѣлали не болѣе пяти шаговъ другъ отъ друга, первый, подъ гору Кузнецкаго Моста, второй, по направленію къ Лубянкѣ, какъ молодой человѣкъ услыхалъ позади себя крикъ:

— Онъ, онъ, Киноваровъ, воръ, грабитель!

Сурминъ оборотился и увидѣлъ, что какой-то прохожій, немолодыхъ лѣтъ, съ сѣдоватой бородкой, въ поярковой шляпѣ съ широкими полями, изъ-подъ которой упадали стриженые въ кружокъ волосы подъ масть бородѣ, въ русскомъ кафтанѣ со сборами,—рвался изъ рукъ Ранѣева, вцѣпившагося въ рукавъ его кафтана. Въ крикѣ Михайлы Аполлоновича было что-то дикое, отчаянное, словно онъ стоялъ подъ ножомъ разбойника и призывалъ прохожихъ на помощь. Онъ хотѣлъ еще что-то закричать, но слова задохлись въ его груди. Борьба была недолгая, прохожій вырвался изъ слабыхъ рукъ старика, успѣлъ вскочить на лихача, мимо шагомъ проѣзжавшаго, и скрылся изъ виду, окутанный клубами пыли, закурившейся въ послѣдній разъ на поворотѣ къ Трубному бульвару. Ранѣевъ пошатнулся и упалъ безъ чувствъ головой на тумбу. Все это какъ молнія промелькнуло въ глазахъ Сурмина, но шафранное лицо прохожаго, кошачій взглядъ сѣро-желтыхъ глазъ его — врѣзались въ памяти молодого человѣка. Пока онъ суетился около своего новаго знакомца и звалъ городового, давно образовался кружокъ любопытныхъ, въ это время мимо проходившихъ. Прибѣжалъ городовой и, разспрося слегка о томъ, что случилось, старался поднять упавшаго, между тѣмъ выкликалъ извозчика, чтобъ отвезти его въ часть. Старикъ лежалъ у тумбы, кровь текла изъ раны надъ бровью, очки, которыя такъ радовали его, лежали разбитыя на тротуарѣ. Какой-то подозрительный человѣкъ, вродѣ тѣхъ личностей, которыя при всякой суматохѣ и сборищѣ людей выростаютъ изъ земли,—уже поднялъ золотую оправу и заносилъ съ нею руку подъ полу рыжеватой, засаленной фризовой шинели. Сурминъ успѣлъ это замѣтить и вырвать оправу у жулика.

— Это генералъ, — сказалъ онъ городовому, переводя для вящшаго эффекта статскій чинъ на воен-

ный, — отнесемъ его въ знакомый мнѣ и ему магазинъ.

Только-что они приподняли Ранѣева, какъ отъ Швабе, видѣвшаго изъ окна несчастный случай, прибѣжали посланные имъ рабочіе и помогли отнести его въ магазинъ. Здѣсь его положили на диванъ и, съ помощью примочекъ и спиртовъ, успѣли привести въ чувство. Рана была легкая, но могла быть смертельна, еслибъ онъ ударился о тумбу полувершкомъ ближе къ виску. Кровь изъ нея уняли компрессомъ изъ арники. Отдохнувъ немного, онъ осмотрѣлся, перекрестился, пожалъ руку Сурмину и попросилъ оптика приказать достать ему извозчика, сказавъ улицу своей квартиры. Сурминъ рѣшительно объявилъ, что не отпуститъ его одного и самъ доставитъ домой. Старику оставалось только поблагодарить за дружеское одолженіе.

— Я чувствую себя хорошо, — сказалъ онъ, — но еслибъ мнѣ пришлось худо, такъ лучше умереть при дочери.

Нанятая пролетка стояла ужь у крыльца. Ранѣеву обвязали голову платкомъ со свѣжими компрессами. Собираясь выходить, онъ вспомнилъ о своихъ очкахъ, ему поданы были новыя, въ футлярѣ. О томъ, что купленныя имъ прежде разбились, никто не промолвилъ ни слова. Когда онъ сходилъ съ крыльца, городовой приложилъ руку къ козырьку своего кепи и спросилъ его превосходительство, не украдено ли чего у него, такъ какъ онъ гнался за воромъ.

— Ничего, голубчикъ,—отвѣчалъ Ранѣевъ, немного смутившись, — благодарю, ни на комъ не взыскиваю, ничего не ищу, не доводи объ этомъ до начальства.

Украдкою онъ сунулъ ему въ руку серебряную монету, какая у него случилась.

Сѣли на извозчика, приказано было ѣхать не шибко.

Дорогою старикъ, оправясь, первый заговорилъ со своимъ спутникомъ.

— Многіе, послѣ происшествія со мною, почли меня за сумасшедшаго, — сказалъ онъ, — но еслибъ знали, кто былъ человѣкъ, котораго я хотѣлъ схватить, еслибъ знали его отношенія ко мнѣ, такъ оправдали бы мое бѣшеное нападеніе на него. Да, другъ мой,—прибавилъ онъ по-французски, чтобы извозчикъ не понялъ его,—это величайшій врагъ мой, онъ обокралъ казну, обокралъ меня, разрушилъ счастіе мое, счастіе моего семейства, убилъ жену мою...

— Почему-жъ бы вамъ, — замѣтилъ Сурминъ, не понимая страннаго, загадочнаго разсказа старика,—не отыскать преступника чрезъ полицію? вѣдь вамъ имя его и званіе извѣстны.

— Черезъ полицію! знаете ли, что онъ коллежскій совѣтникъ и кавалеръ, считается умершимъ въ тюрьмѣ, похороненъ... Вѣроятно, онъ скрывается подъ чужимъ именемъ и фальшивымъ паспортомъ, и послѣ встрѣчи со мною не останется ни одного часа въ Москвѣ. Что-жъ, если бы его нашли и задержали, прошлаго не воротишь, рѣшеннаго не перерѣшишь. Только однимъ бы несчастнымъ было больше на свѣтѣ. Я такъ, сгоряча, не раздумавъ хорошо, погнался было за нимъ. Но это длинная, несчастная исторія; когда-нибудь разскажу вамъ ее; Богъ дастъ, ближе познакомимся. Сколько лѣтъ не видалъ я этого злодѣя,—продолжалъ онъ немного погодя, — слишкомъ пятнадцать лѣтъ. Пятнадцать лѣтъ угрызенія совѣсти, страхъ попасть опять въ тюрьму, изъ которой бѣжалъ, и оттуда поплестись въ Сибирь,—хоть какого молодца передѣлаютъ. Я и не преступникъ, да несчастія сдѣлали изъ меня въ 57 лѣтъ, какъ видите, ходячую мумію. Онъ состарѣлся, посѣдѣлъ, надѣлъ какой-то маскарадный костюмъ, однакожъ, я его узналъ, — узналъ, какъ будто вчера только ви-

дѣлъ. Не мудрено: онъ не разъ пробуждалъ меня отъ крѣпкаго сна, его желтые, съ крапинами косые глаза блуждали по мнѣ въ ночномъ мракѣ, онъ и днемъ меня преслѣдовалъ, его образъ придетъ смущать послѣдніе мои часы. Но вотъ мы подъѣзжаемъ къ моей квартирѣ. Ради Бога, не говорите ничего дочери о сегодняшнемъ происшествіи. Я скажу, что, выходя отъ Швабе, оступился и, упавши, ушибся. Кажется, рана моя не велика. Я сниму теперь повязку, на ней, вѣроятно, выступила кровь.

Дѣйствительно, на повязкѣ были мелкія пятна запекшейся крови. Онъ снялъ ее и спряталъ въ карманъ. Сурминъ осмотрѣлъ ушибъ и успокоилъ его, сказавъ, что рана едва замѣтна. Старикъ надѣлъ очки, чтобы, какъ онъ думалъ, совсѣмъ скрыть ее.

Остановились у скромнаго домика въ пять оконъ на улицу, противъ Нижняго Прѣсненскаго пруда.

II

Зоркій глазъ дочери сторожилъ отца изъ окна. Старикъ только-что хотѣлъ позвонить у наружной двери, какъ она отворилась, и прекрасная, стройная дѣвушка бросилась ему на грудь, цѣловала руки, расточала ему самыя нѣжныя ласки, самыя нѣжныя имена. Онъ платилъ ей такими же нѣжными, горячими изъявленіями любви. Казалось, они свидѣлись послѣ долгой разлуки.

Сурминъ, въ полусумракѣ сѣней, смотря на очаровательную дѣвушку, остолбенѣлъ, какъ будто она ослѣпила его лучами своей красоты.

— Что ты такъ долго былъ?—сказала она отцу,— я думала, не дождусь тебя.

— Извини, дружокъ, случай, встрѣтилъ неожиданно стариннаго пріятеля, Андрея Иваныча Сурмина, заболтался съ нимъ. Рекомендую его. Это моя дочь, Лиза,—прибавилъ онъ, указывая на молодую дѣвушку.

Ранѣева, которая до сихъ поръ никого не видала, кромѣ отца своего, вся поглощенная любовью къ нему, прищурилась, потомъ окинула молніей своихъ глазъ молодого, красиваго незнакомца и, слегка зарумянившись, глубоко присѣла передъ нимъ, какъ присѣдаютъ институтки передъ своей начальницей.

Они вошли черезъ переднюю въ большую комнату, служившую, повидимому, старику кабинетомъ, гостиной и спальней. Здѣсь, въ комнатѣ, при большемъ свѣтѣ, нежели въ сѣняхъ, Сурминъ могъ лучше разсмотрѣть стройный, нѣсколько величественный станъ Лизы, тонкія, правильныя черты ея бѣло-матоваго лица, оттѣненнаго своеобразною прической волосъ, черныхъ какъ вороново крыло, и ея глубокіе, вдумчивые черные глаза. Все въ комнатѣ было хотя небогато, но такъ чисто, такъ со вкусомъ прибрано, что вы съ перваго взгляда угадывали, что женская заботливая рука проходила по всѣмъ предметамъ, въ ней расположеннымъ; все въ ней глядѣло привѣтливо, кромѣ портрета какого-то рыцаря съ суровымъ лицомъ, висѣвшаго, какъ-бы въ изгнаніи, надъ шкапомъ въ тѣни.

Сдѣлалась аксіомой пословица: «скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты таковъ».—Не менѣе вѣрно замѣчаніе: введи меня за-просто, по-пріятельски въ свое жилище, и я загляну въ твою душу, разскажу твой образъ жизни, твои наклонности. Такъ и здѣсь: Сурминъ, оглядѣвъ комнату, могъ дополнить характеристику хозяина, мысленно еще только очерченную въ первый часъ знакомства въ нимъ.

Столъ, покрытый черною клеенкой, придвинутъ къ окну; на немъ скромный письменный приборъ и артистическій пресъ-папье изъ матовой бронзы: это была группа Лаокоона и дѣтей его, обвитыхъ Змѣемъ-Рокомъ, который душитъ ихъ и съ которымъ отецъ, напрягши мышцы, борется до послѣдняго издыханія. Тутъ же вазочка, настоящій vieux Saxe. Такъ и срываетъ съ вашихъ устъ улыбку шаловливый рой пригожихъ, полунагихъ дѣтей, на ней изящно написанныхъ. Въ вазочкѣ свѣжій букетъ скромныхъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, со вкусомъ и гармонически подо-

бранный. Передъ столомъ глубокое, мягкое кресло, на которомъ зеленый сафьянъ уже отъ времени порыжѣлъ. Изъ окна черезъ столъ лоснится зеркало Прѣсненскаго пруда, оправленное въ раму бархатнаго газона и разнообразной зелени деревъ. На ближайшемъ берегу къ маститому, мускулистому вязу привязана красивая лодка съ разноцвѣтнымъ флагомъ, который отъ вѣтерка — то лѣниво потягивается, то бьется о мачту словно крыломъ. За Горбатымъ мостомъ видны извилины Москвы-рѣки. На лѣвомъ отъ зрителя берегу ея нагромождены плоты и груды лѣса, на правомъ изъ густой кущи деревъ выглядываетъ богатая усадьба какого-то купца. Далѣе, проведя глазомъ прямую черту по разрѣзу рѣки—Воробьевы горы, дача графа Мамонова, Александрійскій дворецъ; еще далѣе, сквозь туманъ поднявшейся надъ Москвою пыльной атмосферы видны едва очерченныя крыши деревеньки и небольшія купы рощъ; такъ и хочется перенестись въ нихъ изъ душнаго города. Здѣсь стукъ, шумъ, тревога; здѣсь дышешь тлетворными міазмами, а тамъ должно быть тихо, прохладно, груди такъ легко впивать въ себя струи чистаго воздуха. Правѣе, за Даргомиловской заставой, широкою лентой убѣгаетъ въ сизую даль такъ называемая шоссейная смоленская дорога. При взглядѣ на нее, изъ глубины души вашей встаютъ великія воспоминанія. Къ одной стѣнѣ комнаты прижался большой мягкій диванъ. У локотника его лежитъ канвовая подушка, на которую брошенъ пышный букетъ, рѣзко выдающійся свѣжестью своихъ красокъ на ветхой кожѣ дивана. Хочется обонять эти цвѣты, ждешь, что вотъ слетитъ въ нихъ пчела и зажужжитъ по комнатѣ, — такъ художественно выполнены шерстью цвѣты и пчелка. Повыше дивана, въ гравюрахъ, портреты Петра I, Екатерины II, Вашингтона, Франклина, Вальтеръ-Скотта, Шиллера и доктора Гааза,

На противоположной стѣнѣ живописный портретъ офицера среднихъ лѣтъ, въ семеновскомъ мундирѣ александровскихъ временъ. Рядомъ акварельный портретъ молодой красивой женщины, обвитый вѣнкомъ изъ иммортелей, другой, фотографическій, болѣе молодой женщины, къ которой можно тотчасъ признать дочь хозяина, и третій, такой же, юноши въ юнкерскомъ пѣхотномъ мундирѣ. Все, что любитъ старикъ, что дорого его сердцу, собралъ онъ вокругъ себя. Въ одномъ углу — кровать, на желѣзные изогнутые столбики ея накинутъ снѣжной бѣлизны чехломъ изъ марли, обшитый домашними кружевцами. Сквозь сѣтку его не проникнуть ни докучливой мушкѣ, ни трубачу-комару. Такія походныя желѣзныя кровати съ чехломъ разбиваютъ англійскіе офицеры и путешественники въ знойныхъ странахъ, не боясь ни москитовъ, ни тарантулъ. Близъ кровати небольшой образъ безъ оклада Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и порхающими надъ ними ангелами, писанный художническою кистью. Надъ шкафомъ, какъ я сказалъ, будто въ изгнаніи, живописный, средней руки, портретъ какого-то рыцаря съ гордой осанкой, въ панцырѣ. Рѣзкія, суровыя черты его, черные, большіе усы, глаза, пронизывающіе васъ насквозь, такъ и выступаютъ изъ полотна. Можно бы пугать имъ дѣтей; въ душѣ взрослаго онъ возбуждалъ непріятное чувство. Въ сосѣдней комнатѣ голосисто разливается канарейка, надъ потолкомъ воркуютъ голуби. Когда они слишкомъ заговаривались и мѣшали хозяину и гостю слушать другъ другу, Ранѣевъ замѣчалъ:

«Не взыщите, сами поселились на чердакѣ, вольная колонія! Пускай себѣ живутъ, благо имъ хорошо, а намъ тѣснѣе не будетъ».

А если они ужь слишкомъ посягали на терпѣніе его, то ему стоило только постучать въ потолокъ

тростью, чтобы они замолкли, точно понимали его. Въ семью мебели развѣ еще включить членовъ-челядинцевъ: маленькій диванъ, обитый скромнымъ ситцемъ, передъ нимъ овальный орѣховаго дерева столикъ, да четыре, пять стульевъ. Все это успѣлъ быстро занести въ свои соображенія Сурминъ, усаженный на почетное мѣсто дивана.

— Да у тебя новыя очки, — сказала Лиза, — поздравляю тебя съ покупкой, ты былъ безъ нихъ какъ безъ глазъ. Дай-ка, попробую ихъ на себѣ. Вѣдь я тоже близорука, настоящая папашина дочка, — прибавила она, обращаясь къ Сурмину, сняла съ отца очки, надѣла на свой греческій носикъ и кокетливо провела ими по разнымъ предметамъ въ комнатѣ, не минуя и гостя.

— Дитя,—подумалъ было Сурминъ, смотря на ея шаловливыя движенія.

— Совершенно по глазамъ моимъ,—сказала она,— папаша позволитъ, такъ я и сама начну носить очки и заговорю съ каѳедры.

— Ну, на это бабушка на-двое говоритъ, — возразилъ Ранѣевъ.

Возвращая очки отцу, она замѣтила у него знакъ раны надъ бровью.

— Ты гдѣ-нибудь поранилъ себя? — спросила она въ испугѣ. — Говори, что съ тобою случилось, не то допрошу monsieur Сурмина; надѣюсь, на первый день нашего знакомства онъ не рѣшится покривить передо мною душой.

— Боже сохрани, — сказалъ молодой человѣкъ, — когда-нибудь провиниться передъ вами въ такомъ тяжкомъ проступкѣ; да я думаю, и самъ Михайло Аполлонычъ признается, что онъ, сходя отъ Швабе, оступился и, упавши, ушибся о ступень. Можете судить, какъ рана была легка по слѣдамъ, которые она оставила.

— Могла бы имѣть болѣе опасныя послѣдствія, еслибъ не этотъ милый человѣкъ. Онъ поднялъ меня во-время, отвелъ въ магазинъ, гдѣ мнѣ тотчасъ приложили примочку, и былъ такъ добръ, такъ обязателенъ, что не хотѣлъ отпустить меня одного домой. Родной сынъ не могъ бы для меня болѣе сдѣлать.

Ранѣевъ съ перваго раза полюбить Сурмина и, разсыпаясь въ благодарностяхъ ему, видимо старался увеличить его одолженіе и тѣмъ задобрить свою дочь въ его пользу.

Лиза, вѣря и не вѣря показаніямъ молодого человѣка, въ раздумьѣ покачала головой, потомъ, протянувъ ему руку, наградила его такимъ взглядомъ, за который онъ готовъ былъ для нея въ огонь и въ воду.

— Вотъ негодный папашка и наказанъ за то, что не взялъ меня съ собою. Вѣдь онъ у меня такой разсѣянный, безъ меня, того и гляди, напроказничаетъ, какъ дитя. Нѣтъ, говоритъ, время прекрасное, обѣщалъ только пройтись по дорожкамъ Прѣсненскаго сада, а очутился Богъ знаетъ гдѣ.

— Хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ очками.

— Сдалась я, между тѣмъ сердце предвѣщало мнѣ что-то недоброе. Няня сказывала мнѣ, что онъ и молодой былъ разсѣянъ, да тогда глядѣлъ за нимъ глазъ позорче моего, водила его рука понадежнѣе моей.

— Ея давно ужь нѣтъ, — сказалъ грустнымъ голосомъ старикъ, и слезы навернулись на глазахъ его. — Кабы вы знали, какая это была женщина! Но такія созданія, видно, нужны тамъ, на небѣ. Посмотрите-ка на этотъ портретъ (онъ указалъ на портретъ молодой, красивой женщины). Это портретъ моей покойной жены. Какой благостыней дышетъ ея лицо, какіе лучи ангельской доброты льются изъ глазъ ея! Святая женщина! Выродокъ изъ польской семьи!

— Скажите лучше, папаша, изъ бѣлорусской.

— Ну, недалеко ушли другъ отъ друга, — перебилъ старикъ, махнувъ рукой.

— Не имѣю нужды угадывать, чей портретъ подлѣ портрета вашей супруги,—оригиналъ здѣсь на лицо,— сказалъ Сурминъ, желая отвести старика отъ разговора о національности, который, какъ онъ догадывался, могъ быть непріятенъ Лизѣ по фамильнымъ отношеніямъ, слегка высказаннымъ отцомъ и дочерью.— Я самъ немного живописецъ и хотѣлъ бы разобрать художнически, подробно, въ чемъ вѣрно выполненъ артистомъ—солнцемъ, въ чемъ не удался по милости фотографа, но боюсь, чтобы не почли меня льстецомъ. Вижу Лизавету Михайловну въ первый разъ и, не знаю почему, догадываюсь, что она не можетъ любить лести.

— Вы угадали. Скорѣе готова выслушать горькую даже непріятную истину, нежели лесть: я всегда подозрѣваю въ ней какое-то двоедушіе. Предупреждаю васъ, я люблю противорѣчіе, люблю и тѣхъ, кто со мною споритъ. Въ жизни, въ природѣ все споръ. Чтожъ за побѣда безъ борьбы!

— Послушать ее,—промолвилъ Ранѣевъ,—ужь такая спорщица, что Боже упаси!

«Охъ! это не дитя, — подумалъ Сурминъ, — не знаю еще, что ты въ самомъ дѣлѣ такое, знаю только, что искусительно-хороша и должна быть не глупа. Погоди, испытаю, крѣпки ли латы твоего самолюбія».

— Кстати, я и самъ большой спорщикъ; постараюсь при первомъ же случаѣ угодить вамъ, — сказалъ онъ. — Теперь позвольте спросить, кто этотъ юноша въ юнкерскомъ мундирѣ?

— Это сынъ мой,—отвѣчалъ Ранѣевъ.—Не правда ли, онъ похожъ на мать свою. Тотъ же прекрасный очеркъ лица, такой же блондинъ, съ такими же ясными, голубыми глазами.

— Какъ двѣ капли воды похожъ,—замѣтилъ молодой человѣкъ,—только у него въ глазахъ болѣе энергіи, болѣе мужественной силы, у нея болѣе душевной мягкости, удѣлъ слабаго пола. Правда, у большей части кровныхъ русскихъ женщинъ характеръ ярче выражается: какая-то апатичность, полное разслабленіе, сонливость души.

Старикъ, угадавъ желаніе Сурмина поспорить во что бы ни стало, лукаво улыбнулся и одобрительно кивнулъ ему, какъ будто подстрекая его на состязаніе съ дочерью.

— Апатичность? полное разслабленіе, сонливость души? бѣдная русская женщина,—съ жаромъ перебила Лиза, и брови ея гнѣвно сдвинулись, но она сейчасъ превозмогла себя и продолжала ровнымъ голосомъ. — Кто-жъ старался сдѣлать ее такою? Не вы-ли сами? Сначала вы нашихъ пробабушекъ держали въ заключеніи въ теремахъ, потомъ сняли съ насъ кокошники и сарафаны, напудрили насъ, одѣли въ роброны, выпустили какъ маріонетокъ въ асамблеи; выучили попугайствовать на французскомъ языкѣ. И теперь воспитываютъ насъ только для выставки. Но при всемъ этомъ Провидѣніе задаетъ русской женщинѣ высокую, благородную цѣль — неужели вы думаете, она не сумѣетъ самоотверженно выполнить эту задачу.

Энергическая выходка Лизы дала поводъ къ оживленному, горячему разговору о русскихъ женщинахъ. Сурминъ перебралъ ихъ по разрядамъ. Болѣе всѣхъ досталось отъ него московскимъ *барышнямъ*, которыхъ типъ будто бы принадлежитъ особенно Бѣлокаменной. Казалось, онъ, по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ, былъ ожесточенъ противъ нихъ.

— Вся жизнь ихъ,—говорилъ онъ,—проходитъ въ круженіи головы и сердца, въ стрекозливомъ пры-

ганіи. Весь разговоръ ихъ заключается въ какомъ-то щебетаньѣ, въ болтовнѣ о модныхъ тряпкахъ, о гуляньяхъ и балахъ. Живу я нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, живалъ въ ней и прежде, и долженъ признаться, нынѣ въ первый разъ слышу отъ русской свѣтской дѣвушки твердую, одушевленную, завлекающую рѣчь.

— Напомню вамъ наше условіе не льстить мнѣ,— оговорила Лиза.

— Простите, невольно сорвалось съ сердца и языка.

— Далѣе вашу филиппику.

— Онѣ считаютъ за стыдъ говорить на родномъ языкѣ. У какого народа кромѣ *россійскаго* это бываетъ?

— Зачѣмъ же сваливать этотъ грѣхъ на однѣхъ, такъ называемыхъ вами, московскихъ барышень? Кто примѣръ подаетъ? Не Петербургъ-ли? Не тамошнія-ли дѣвицы и дамы, особенно высшаго полета? Не забудьте, c'est du nord que nous vient la lumière.

— Съ этой lumière много и чаду разнеслось. Впрочемъ вы правы: попугайство, о которомъ говоримъ, принадлежитъ вообще русскимъ свѣтскимъ женщинамъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціи.

— Да развѣ и нашъ братъ не повиненъ въ этомъ грѣхѣ?—вмѣшалъ тутъ свою рѣчь Ранѣевъ,—я съ Лизой былъ на-дняхъ на одной художественной выставкѣ. Тутъ же былъ и русскій князь, окруженный подчиненными ему сателитами. Вообразите, во все время, какъ мы за нимъ слѣдили, онъ не проронилъ ни одного русскаго слова и даже, увлекаясь галломаніей, обращался по-французски къ одному художнику, который ни слова не понималъ на этомъ языкѣ. Продожайте же вашъ списокъ.

— Кстати включаю въ него и такихъ, которыя,

побывавъ на чужбинѣ; возвращаются изъ нея на родину, какъ на чужбину. Ѣздятъ въ чужіе края англичанки, кведки и tutti quanti, но вездѣ, гдѣ бы онѣ ни были, остаются англичанками, шведками и проч. и возвращаются такими въ свое отечество. Однѣ русскія дамы стыдятся быть русскими, развѣ захотятъ пощеголять передъ иностранцами своимъ широкимъ, безумнымъ мотовствомъ.

— Къ сожалѣнію, правда,—сказала Лиза.

— Куда жъ тутъ до подвиговъ!

— Кончили вы, злой человѣкъ?

— Можно бы продлить списокъ, да онъ и безъ того длиненъ. Вы видите, я положилъ на свои портреты черной краски, не жалѣя ихъ.

— Да, порядочно погуляли вы на счетъ русскихъ женщинъ. Позвольте, однако-жъ, вамъ сказать: вы судите объ нихъ верхоглядно. Проникните въ тайники семействъ и, конечно, найдете высокія, энергическія личности. Жалѣю очень, что вы ихъ не встрѣчали. Не партія же мы въ семьѣ народовъ.

— Желалъ бы очень встрѣтить такую личность.

— Изъ близкихъ мнѣ я могла бы указать вамъ на одну, еслибы она была въ Москвѣ. Ты догадаешься, папаша, о комъ я говорю.

— Конечно, о Зарницыной,—отозвался Ранѣевъ.— Немного съ экзальтаціей; да, признаться, это и нашъ фамильный грѣхъ.

— Дай Богъ намъ поболѣе благороднаго увлеченія, въ немъ то мы и нуждаемся,—замѣтилъ Сурминъ.

— Надо сказать, — продолжалъ старикъ,—Зарницына по силѣ характера, по патріотизму — феноменъ между женщинами. Да и то замѣчу: Господь одаривъ ее душевною энергіей, наградилъ ее и тѣлесной. Встаетъ она въ шесть часовъ утра, то она на конѣ, то пѣшая, въ лѣсу, въ слякоть, въ жаръ, вездѣ, гдѣ

ужны ея глаза, ея заботы. Ѣздитъ верхомъ, какъ амазонка, при мнѣ въ 30 шагахъ изъ пистолета пулей срѣзала воробья съ георгины. А какая безстрашная! Кажется пошла бы на медвѣдя, еслибы ей попался на глаза. Впрочемъ, эта необыкновенная женщина должна быть исключена изъ примѣра.

— Извините, я не поклонникъ такихъ спеціальныхъ женщинъ. Думаю, и чувства ея должны быть жестокія, суровыя.

— Напротивъ, — сказала Лиза, — я не знаю женщины, болѣе нѣжной въ своихъ привязанностяхъ. Какъ она ухаживаетъ за больными въ своемъ околодкѣ, помогаетъ бѣднымъ, горячо любитъ мужа любитъ дѣтей, хотя сама не имѣетъ ихъ.

— Лиза ничего не преувеличиваетъ, а могла бы быть пристрастна. Она осталась на восьмомъ году послѣ смерти матери и десяти перешла на попеченіе дамы, о которой говоримъ. Зарницына теперь далеко. Кончивъ свои занятія по сельскому хозяйству, она поѣхала къ мужу въ одну изъ бѣлорусскихъ губерній, гдѣ онъ командуетъ полкомъ. А не то я познакомилъ бы васъ съ нею.

— Желалъ бы увидать эту диковинную женщину. Впрочемъ, какъ вы сказали, она должна быть выключена изъ примѣра.

Разговоръ обратился на воспитаніе женщинъ, на русскую литературу. Лиза тутъ высказала много наблюдательнаго ума, много вѣрныхъ взглядовъ.

— Чтобы кончить нашъ споръ,—сказалъ Ранѣевъ,— какъ медіаторъ вашъ, позволю себѣ порѣшить его такъ: вы оба вложили въ него большую долю правды. Но чтобы толковать основательно о нашемъ обществѣ, о воспитаніи женщинъ, мало простого разговора, надо написать цѣлый томъ. Да и пишутъ объ нихъ цѣлые трактаты. Добрый знакъ. Покуда дѣла отъ нихъ

только коммуны да стриженные въ кружокъ волосы; Богъ дастъ примемся и за разумное воспитаніе, какъ его понимаетъ здоровая англосаксонская раса въ Европѣ и въ Америкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ я заболталась,—сказала Лиза.— Пожалуй, нашъ гость въ первый день нашего знакомства сочтетъ меня моралисткой, резонеркой, педанткой, чѣмъ-нибудь вродѣ синяго чулка. Жаль, что я на этотъ случай не надѣла папашиныхъ очковъ, были бы мнѣ кстати.

— Мы говорили о сынѣ,—началъ опять Ранѣевъ,— а я такъ полюбилъ Андрея Иваныча, что желалъ бы познакомить его со всѣми членами моего семейства. Этотъ юноша (Ранѣевъ показалъ на портретъ юнкера), который безвинно подалъ вамъ поводъ къ спору, только-что перешелъ было блистательно въ третій курсъ здѣшняго университета, но, услыхавъ о смутахъ въ Царствѣ Польскомъ, разгорѣлся желаніемъ поступить въ военную службу. Нечего было дѣлать, отпустилъ съ моимъ благословеніемъ. Теперь онъ юнкеромъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ около Варшавы. Володѣ только 20 лѣтъ... среди народа коварнаго, вышколеннаго іезуитами, враждебнаго намъ... Знаю я ихъ хорошо. Побывалъ порядкомъ въ ихъ рукалъ. Надо вамъ сказать, по несчастному случаю, въ революцію 30 года я попался къ нимъ въ плѣнъ. Чего не натерпѣлся! Купался я послѣ того и въ чернильномъ омутѣ, не знаю, что лучше. Какъ-нибудь раскажу вамъ о моихъ похожденіяхъ. Вотъ этотъ (Ранѣевъ указалъ на портретъ офицера въ мундирѣ семеновскаго полка) отецъ мой, палъ съ честью на Бородинскомъ полѣ. Благословенна буди его память.

Ранѣевъ благоговѣйно перекрестился.

— А этотъ (онъ указалъ на портретъ рыцаря въ

панцырѣ) — отецъ моей жены. Панцырный бояринъ. Вы, конечно, не знаете, что это за званіе?

— Въ первый разъ слышу.

— Надо вамъ сказать, во времена сивки-бурки, вѣщей каурки, это были пограничные стражники близъ рубежа Литвы съ Россіей. Они должны были охранять границы отъ нечаяннаго вторженія непріятеля, въ военное же время быть въ полной готовности къ походу. За то пользовались большими участками земли, не платили податей, освобождались отъ другихъ повинностей. Бывали ли они въ дѣлѣ, нюхали ли порохъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Позднѣе панцырные бояре составляли почетную стражу польскихъ крулей, когда они выѣзжали на границы своихъ коронныхъ земель. Встрѣтить и проводить найяснѣйшаго, вотъ въ чемъ состояла вся ихъ служба — не тяжелая и не опасная. За этотъ парадъ панъ-круль одѣлялъ свою почетную стражу дукатами, собранными съ жидовъ и голодныхъ крестьянъ, имѣвшихъ счастіе обитать на его коронныхъ земляхъ. Нѣкоторые панцырные бояре получали въ награду и шляхетство. Какъ не горевать о такой благодатной долѣ! Но эти времена давнымъ-давно прошли, сдѣлались миѳомъ. Теперь панцырные бояре только именемъ существуютъ еще кое-гдѣ въ западныхъ губерніяхъ. Они сошли со своей почетной сцены въ ряды государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ, и съ богатыхъ коней пересѣли на клячи. Рѣдкіе изъ нихъ удержали за собою шляхетство *). Но гоноръ ихъ еще не угасъ, въ сундукахъ у нѣко-

---

1) Въ Витебской губерніи въ 1852 году считалось, такъ сказать, привилегированныхъ панцырныхъ бояръ: въ Витебскомъ уѣздѣ 45 душъ обоего пола, въ Рѣжицкомъ 32 души, по вѣдомству же государственныхъ имуществъ, панцырныхъ бояръ, записанныхъ въ податное состояніе, въ имѣніяхъ:

торыхъ хранятся еще панцыри. Какъ евреи ожидаютъ своего Мессію, такъ и они ждутъ, что серебряная труба созоветъ ихъ на встрѣчу пану крулю, брошенному съ неба. Вотъ и этотъ изъ числа ихъ (Ранѣевъ гнѣвно взглянулъ на портретъ рыцаря въ панцырѣ). Я давно выкинулъ бы его изъ окна, еслибы не удерживала меня мысль, что оскорблю и прогнѣвлю тамъ, на небѣ, мою дорогую Агнесу. Суровый, жестокій старикъ. Онъ былъ передъ нею такъ виноватъ, а она все-таки его любила и, умирая, завѣщала мнѣ простить его и стараться помириться съ нимъ. Я было простилъ, искалъ мира, но...

Ранѣевъ угрюмо махнулъ рукой и задумался.

— Вы забыли сказать, какъ провожали Володю въ дальній путь,—проговорила нѣжнымъ, любящимъ голосомъ Лиза, желая отвлечь отца отъ непріятныхъ воспоминаній и пользуясь его разсѣянностью.

— Да, да, — сказалъ Ранѣевъ, вызванный изъ забытья этимъ голосомъ, — отправляя его на службу, я съѣздилъ съ нимъ въ Бородино. Вотъ изъ этого окна вы видите дорогу къ нему, за Даргомиловской заставой.

Старикъ привсталъ, указалъ изъ окна по направленію своей руки и прибавилъ съ особеннымъ одушевленіемъ:

— Бородино! это Пантеонъ народной славы, усыпальница героевъ, какой не имѣетъ ни одна держава кромѣ русской. Строй они тамъ себѣ аустерлицкіе мосты, сооружай севастопольскіе бульвары, а не бы-

---

Непоротовскомъ, Себежскаго уѣзда	муж.	2505	женск.	2509
Езерійскомъ	»	1117	»	1128
Семизскомъ, Городецкаго уѣзда	»	607	»	609
Гультяевскомъ, Невельскаго уѣзда	»	1179	»	1782
Всего	муж.	5408	женск.	6028

вать у нихъ нерукотвореннаго памятника, подобнаго Бородинскому полю. Провожая Володю на службу, я повезъ его туда. Солнце какъ нарочно сіяло во всемъ своемъ блескѣ на голубомъ небѣ. Мы обнажили головы и со слезами горячо молились. А молились мы, чтобы русское сердце всегда такъ билось любовью къ отечеству, какъ оно билось въ этотъ день у ста слишкомъ тысячъ нашихъ воиновъ. Укажите между ними хоть на одного измѣнника; даже этого имени не знали тогда у насъ. — А писемъ нѣтъ, какъ нѣтъ, Лиза?— сказалъ грустнымъ голосомъ Ранѣевъ немного погодя.

— Нѣтъ, папаша.

— Юноша писалъ ко мнѣ аккуратно каждую недѣлю, а нынѣ что-то измѣнилъ.

— Военный,—замѣтилъ Сурминъ,—все равно, что кочевникъ, сегодня разбиваетъ здѣсь свою палатку, если она у него есть, а дня черезъ два, глядишь, очутился за сто верстъ.

— Да и почты въ наше смутное время, особенно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ почтмейстеры поляки, измѣнническиненисправны. Но это еще не бѣда, лишь бы хранилъ Господь. А приходилъ къ намъ кто-нибудь, Лиза?

— Былъ кузенъ Владиславъ, — отвѣчала она нѣсколько дрожащимъ голосомъ, видимо смутившись, но стараясь скрыть свое смущеніе; — я увидала его изъ окна и велѣла нянѣ сказать ему, что никого нѣтъ дома.

— И хорошо сдѣлала, дружокъ. Вотъ видите,— продолжалъ Ранѣевъ, обратясь къ гостю,—это Стабровскій, дальній родственникъ моей покойницы. Неглупый молодой человѣкъ, добрый, благородный. Мы его очень любили. Казалось, такъ всегда преданъ Россіи. И было за что. Родился на русской землѣ, воспитывался на казенный счетъ въ русской гимназіи, кончилъ курсъ въ русскомъ университетѣ, состоитъ

на русской службѣ, идетъ по прекрасной дорогѣ... Но съ нѣкотораго времени прогнѣвался на Россію, сталъ частенько завираться о какой-то польской національности въ западныхъ губерніяхъ. Поспорилъ я съ нимъ едва не до ссоры. Думалъ, не придетъ болѣе,— онъ неймется. Но заикнись онъ со своими фанаберіями въ другой разъ, такъ мы навсегда съ нимъ простимся.

Лиза сидѣла въ это время, опустивъ длинныя рѣсницы на глаза, какъ будто желая скрыть, что у нея происходило въ душѣ, сожалѣніе ли къ родственнику, или участіе болѣе нѣжное.

— Ага!—подумалъ Сурминъ,—осѣклась наша героиня! Неужли она любитъ этого полячка? Жаль, личность интересная, надо бы оставить ее за русскими.

Ударили въ звонокъ. Лиза посмотрѣла въ окно, вскричала:

— Почтальонъ!—и опрометью бросилась въ сѣни.

— Дай Богъ, чтобы отъ Володи,—сказалъ старикъ, крестясь.

Лиза принесла письмо, оно дѣйствительно было отъ Володи. Отъ радости Ранѣевъ приказалъ дать почтальону гривенникъ.

Сурминъ спѣшилъ распроститься со своими новыми знакомыми, для которыхъ въ эти минуты гость не въ пору былъ хуже татарина.

— Вы, другъ мой, можете быть, спасли мнѣ нынче жизнь,—сказалъ старикъ, пожимая ему крѣпко руку, — оживили своею бесѣдою наше пустынное житье, да еще вдобавокъ будто съ собою принесли вѣсточку отъ сына. День этотъ записанъ у меня въ сердцѣ. Во всякое время вы нашъ дорогой гость.

Лиза дружески подала ему руку, промолвивъ задушевнымъ голосомъ:

— Если резонерка не наскучила вамъ своею болтовней, приходите опять поспорить съ нею.

Выходя изъ дому, Сурминъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Слишкомъ два часа просидѣлъ я у нихъ и не видалъ, какъ пролетѣли, — говорилъ онъ самъ съ собою.—Чудные бываютъ дни въ нашей жизни, — продолжалъ онъ свой монологъ, направляя шаги на извозчичью биржу подъ Новинскимъ. — Приходятъ ли они, какъ глупыя облака, нанесенныя надъ нашею головой такимъ же безсмысленнымъ направленіемъ воздуха, или посылаются рукою Провидѣнія, — знаетъ одинъ Богъ. Надо же было мнѣ выйти на Кузнецкій мостъ для покупки себѣ барометра и встрѣтить у оконъ Даціаро того страннаго, но прекраснаго, добродушнаго старика, которому семейство наше было нѣкогда такъ обязано. Надо было встрѣтиться ему при выходѣ отъ Швабе съ какимъ-то врагомъ, злодѣемъ, упасть и ушибиться, а мнѣ отвезти его домой и увидѣть его дочь. Чудный старикъ-дитя! Жизнь его такъ загадочна, несчастіе такое таинственное и ужасное!.. Мѣщанинъ, коллежскій совѣтникъ обокралъ казну, обокралъ его, убилъ жену... Старикъ откровененъ до простодушія, полюбилъ меня и когда-нибудь разскажетъ мнѣ свою грустную повѣсть. Превосходительство! Занималъ видное мѣсто, могъ нажить себѣ состояніе, какъ это многіе дѣлаютъ, и между тѣмъ бѣденъ, и дочь, какъ она сама мнѣ говорила, даетъ уроки по домамъ!.. Вотъ вамъ и честность!. Родятся же такіе чудаки!.. Одни называютъ ихъ уродами, другіе глупцами, я глубоко уважаю ихъ. Русское семейство именемъ и любовью къ отечеству, и какая смѣсь разнородныхъ стихій втекла въ него! Жена и отецъ ея, какой-то панцырный бояринъ, поляки, и этотъ кузенъ Владиславъ, при имени котораго она смутилась... Кажется, такая строгая на словахъ, съ энергическимъ характеромъ, жаждетъ подвиговъ... Да полно, такъ-ли велики эти

силы, какъ высказываетъ? Не миражъ-ли? Говоритъ благоразумно, одушевленно, а между тѣмъ заведись червякъ въ сердцѣ, такъ запоетъ другое... можетъ быть, и завелся. Странно, я узналъ ее только нынѣ, а она ужъ околдовала меня, я засидѣлся у нихъ, заслушался ее. Очаровательно хороша! Какой дивный профиль! какіе глаза! Умна и съ огонькомъ! Ужъ, конечно, не имѣю права ревновать ее, это безумно, между тѣмъ какъ будто инстинктомъ ревную къ этому Владиславу, котораго и въ глаза не видалъ. Чтобы ни было, узнаю ихъ покороче, узнаю его, и тогда что Богъ дастъ!.. По крайней мѣрѣ, какъ сказалъ старикъ, и у меня этотъ день записанъ въ сердцѣ.

Исторія прошедшей жизни Сурмина коротка и проста, не представляетъ особенно интересныхъ эпизодовъ, выходящихъ изъ ряда обыденной жизни. Родился онъ отъ прирѣченскаго зажиточнаго дворянина, человѣка образованнаго, хорошаго семьянина, хозяина-домосѣда. Онъ рѣдко и то на самое короткое время выѣзжалъ изъ своей деревни въ одну изъ столицъ, жилъ на широкую руку. До двѣнадцати лѣтъ Андрюша былъ одинъ сынъ у родителей, позднѣе Богъ далъ ему двухъ сестеръ-двойниковъ. До появленія же ихъ въ свѣтъ вся любовь матери и отца сосредоточивалась безраздѣльно на немъ одномъ. Мать его, дочь довольно извѣстнаго русскаго литератора двадцатыхъ годовъ, въ первые годы его дѣтства сама учила его всему, чему училась въ одномъ петербургскомъ институтѣ, изъ котораго вышла съ шифромъ, и, что всего важнѣе, умѣла внушить ему любовь къ добру, правдѣ и чести. Примѣромъ ему была жизнь отца и матери. Послѣ русскаго дядьки у мальчика не было гувернеровъ, гувернеромъ ему былъ самъ отецъ, оставшійся болѣе другомъ его, чѣмъ руководителемъ, до послѣднихъ дней своихъ. Дитя, потомъ юноша повѣрялъ ему и

матери своей всѣ свои проступки и даже увлеченія. По смерти отца эта дружеская довѣренность перешла нераздѣльно въ наслѣдство къ матери. Когда Андрюшѣ минуло 13 лѣтъ, его повезли въ Петербургъ. Съ того времени Сурмины оставались тамъ постоянно цѣлые годы кромѣ кратковременныхъ экскурсій въ деревню для повѣрки хозяйства. Въ Петербургѣ ходили къ мальчику дѣльные учителя. Въ пособіе къ этому преподаванію отецъ его, имѣвшій богатую библіотеку, познакомилъ его съ сокровищами новой литературы въ подлинникѣ и древней въ лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ переводахъ. Такимъ образомъ Андрюша, одаренный отъ природы хорошо устроенной головой и съ живою воспріимчивостью всего, что ему преподавали, приготовился къ поступленію въ высшее учебное заведеніе, именно въ лицей, такъ какъ предназначали его въ гражданскую службу. Однакожъ, вмѣсто лицея онъ попалъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ, по убѣжденію начальника школы, друга отца его, обѣщавшаго имѣть объ немъ попеченіе, какъ о собственномъ сынѣ. Во время пребыванія его тамъ онъ потерялъ отца и горько его оплакалъ. Кончивъ курсъ въ школѣ юнкеровъ, молодой человѣкъ поступилъ на службу въ кавалергардскій полкъ. Это сдѣлано было уже по настоянію и покровительству его крестной матери, дамы высшаго аристократическаго круга, увѣрявшей Сурмину, что, еще держа новорожденнаго у купели на рукахъ своихъ, она обрекла его въ кавалергарды. Мать согласилась, но объявила сыну, чтобы онъ не покидалъ своихъ любимыхъ занятій и готовился современемъ къ болѣе дѣловому служенію въ генеральномъ штабѣ. Когда Сурминъ въ первый разъ явился къ своей крестной матери въ полной формѣ кавалергарда, она не могла довольно налюбоваться имъ. Отъ нея онъ выѣхалъ на тысячномъ конѣ, ею подаренномъ.

Въ полку онъ строго исполнялъ свои служебныя обязанности и въ кругу офицерскомъ слылъ за прекраснаго, благороднаго товарища. Не позволялъ онъ себѣ задорныхъ рѣчей, въ дѣлѣ чести былъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ карты не игралъ, не любилъ буйныхъ оргій, но не отказывался въ своемъ кругу отъ лишняго бокала шампанскаго. Въ женскомъ кругу онъ имѣлъ нѣсколько счастливыхъ, хотя и мимолетныхъ, побѣдъ, безъ всякихъ серьезныхъ увлеченій; въ маскарадахъ красиваго, стройнаго кавалергарда любили интриговать и дамы высшаго полета, и актрисы, и знаменитыя камеліи. Съ однѣми онъ очень умно любезничалъ, другимъ позволялъ похитить себя на нѣсколько упоительныхъ часовъ, смѣясь въ бороду богатымъ старичкамъ, безразсчетно сыпавшимъ на своихъ любовницъ золотомъ, благо и неблагопріобрѣтеннымъ.

Мы видѣли, что онъ пріѣзжалъ съ матерью въ Порѣчье, когда по случаю семейныхъ обстоятельствъ и по милости опекуна, родного брата отца его, имѣніе ихъ едва не было продано съ молотка. Какъ оказались долги на имѣніи ихъ и какъ увлечены были Сурмины въ эти трудныя обстоятельства, мы, можетъ статься, будемъ имѣть случай говорить при встрѣчѣ этого братца на перепутьѣ нашего романа. Пробывъ на службѣ въ кавалергардахъ узаконненное число лѣтъ, онъ перешелъ въ генеральный штабъ. За нѣсколько времени до того умерла его крестная мать, завѣщавъ ему свой миніатюрный портретъ, писанный во время ея счастливой молодости. Въ генеральномъ штабѣ онъ оставался не болѣе пяти лѣтъ, призванный въ деревню любовнымъ голосомъ матери заняться хозяйственными дѣлами, съ которыми она, по слабости здоровья, не могла болѣе совладать.

Однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній ея было, чтобы сынъ ея женился, хотя бы выборъ его палъ

на бѣдную дѣвушку; но выборъ этотъ не представлялся.

Сурминъ, пріѣхавъ въ Москву по одному тяжебному дѣлу, затѣянному вновь его сутяжнымъ дядей, имѣлъ случай бывать въ разныхъ кружкахъ московскаго общества; здѣсь маменьки и дочки искусно и неискусно пускались на ловлю богатаго женишка, но онъ не поддался ихъ маневрамъ; сердце его оставалось свободнымъ. Не чувство нѣжное вынесъ онъ изъ этихъ кружковъ, а злую сатиру на нихъ, онъ же по природѣ былъ склоненъ къ ней.

III

Въ Москвѣ, также какъ и въ Петербургѣ, есть и роятся дома, которыхъ владѣльцы, желая избавиться отъ хлопотливыхъ сношеній со многими постояльцами, отдаютъ квартиры цѣлыми отдѣленіями одному наемщику, а этотъ, уже по своему усмотрѣнію и разсчетамъ, разбиваетъ ихъ на нѣсколько нумеровъ. Ставится въ нихъ разнокалиберная мебель, купленная на Сухаревскомъ или Смоленскомъ рынкахъ, и съ того времени они изъ рядовыхъ квартиръ возводятся въ чинъ меблированныхъ комнатъ и даже въ chambres garnies. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ можно бы приличнѣе назвать chambres dégarnies,—такъ выцвѣли и закоптѣли на нихъ обои, облупились подъ когтями времени двери, полы и окна, такъ бѣдны онѣ предметами сидѣнія, лежанія и храненія вещей, необходимыхъ жильцу. Правда, нѣкоторые, изъ этихъ жильцовъ могутъ сказать съ гордостью римлянина, что они все свое имущество носятъ съ собою. Случается, что по истеченіи контрактнаго срока хозяинъ дома, довольный наемщикомъ отдѣленія за аккуратный платежъ условныхъ денегъ и добропорядочнымъ поведеніемъ его постояльцевъ, рѣшается обновить отдѣленіе на прежнихъ или новыхъ условіяхъ. Для этой операціи пользуются благодатными лѣтними мѣсяцами, когда

жители Москвы, кто можетъ по средствамъ своимъ, спѣшатъ, какъ говорится въ витіеватомъ слогѣ, броситься изъ душной Бѣлокаменной въ объятія природы. Тогда отдѣленіе большею частью опустѣетъ, всѣ птенцы его повылетаютъ изъ постоянныхъ гнѣздъ своихъ и свиваютъ временныя по окрестностямъ. Дачи столько разъ и такъ эффектно описаны нашими фельетонистами-повѣствователями, что я избавляюсь отъ новаго описанія ихъ. При наступающемъ обновленіи меблированныхъ комнатъ развѣ не покидаетъ свою каморку какой-нибудь бѣднякъ студентъ, которому не выпалъ счастливый жребій ѣхать на вакаціонное время къ помѣщику — обучать всякой премудрости его дѣтище, и осталось переноситься однѣми грустными думами въ отдаленные родные края,

Гдѣ тыква и арбузъ на солнцѣ зрѣютъ.

Да и тутъ, если уголъ его понадобился для окраски и оклейки, его заставляютъ перекочевать въ другой, обновленный номеръ, гдѣ онъ имѣетъ удовольствіе не только считать галокъ на крышахъ сосѣднихъ домовъ и любоваться, смотря по погодѣ, голубыми или сѣрыми клочками неба, но и обонять до одурѣнія зловоніе свѣжей масляной краски.

Въ одномъ изъ домовъ на Арбатской улицѣ содержала подобное отдѣленіе, комнатъ въ двадцать, Гертруда Казиміровна Шустервагенъ, вдова, по происхожденію шляхтянка, по родинѣ полька, по замужеству нѣмка, лѣтъ 45. На линіяхъ уже отцвѣтшаго лица ея можно было выслѣдить, что она была нѣкогда очень недурна. Но въ настоящее время бывшая хорошенькая бабочка готова была завернуться въ оболочку куколки, которою могъ развѣ любоваться натуралистъ, занимающійся метаморфозами женскаго пола. Въ молодости своей, какъ знали самые интимные ея пріятели,

она была неравнодушна къ мужескому полу. Еще и теперь, когда бесѣдовалъ съ нею интересный молодой человѣкъ, въ сѣренькихъ глазкахъ ея мелькали искорки того огня, которымъ они прежде горѣли, голосъ ея, обыкновенно fortissime, переходилъ въ бемольный. Но увы! эти искры падали на собесѣдника, не оставляя по себѣ слѣда, этотъ бемольный голосъ не производилъ никакой тревоги въ сердцѣ слушателя. Исторію ея разсказываютъ слѣдующимъ образомъ: Восемнадцати лѣтъ похитилъ ее офицеръ изъ дома родительскаго, пожилъ съ нею нѣсколько мѣсяцевъ въ нигилистическомъ бракѣ и бросилъ ее на произволъ судьбы. Наградою за прекрасные дни, съ нею проведенные, были: двадцатипятирублевая кредитка съ оторваннымъ во время азартной игры номеромъ, самоваръ, довольно поворчавшій на своемъ вѣку, двѣ столовыя и одна чайная серебряныя ложки, потерявшія отъ долговременнаго употребленія свой первоначальный вѣсъ. Справедливость требуетъ прибавить въ придачу къ этому наслѣдству одну, разрозненную съ подругою, серебряную шпору, вальтрапъ съ померкшими звѣздами, разнаго сомнительнаго металла галуны, изъ выжиги которыхъ несомнѣнно можно было извлечь унціи двѣ мѣди. Да развѣ присовокупить къ этой росписи дюжины двѣ пустыхъ бутылокъ, въ которыхъ хранилась нѣкогда искрометная влага «благословеннаго Аи». Всѣ эти предметы могли только пробудить въ сердце нашей Аріадны драгоцѣнныя воспоминанія объ исчезнувшемъ Тезеѣ и исторгнуть изъ глазъ ея слезы при мысли, что на дняхъ у нея не будетъ насущнаго хлѣба. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи она рѣшилась было утопиться, но ее избавилъ отъ купанья и его горшихъ послѣдствій панъ экономъ господскаго фольварка, жадно заглядывавшійся на нее въ приходскомъ костелѣ, какъ на будущую лакомую добычу. Вслѣдъ за первымъ льсти-

вымъ предложеніемъ Гертруда, недолго думавши, поступила къ новому своему патрону. Но и этотъ, поживши съ нею въ натуральномъ бракѣ года съ два, потребованъ къ отчету не въ управленіи фольваркомъ, а въ умѣніи распорядиться жизнью, дарованною ему небесами. Отъ пана эконома досталось ей наслѣдство покрупнѣе и поцѣннѣе офицерскаго. Она поселилась въ Вильнѣ, гдѣ и ожидала, что взойдетъ надъ нею болѣе счастливая звѣзда. Такъ и случилось. Здѣсь приглянулась она каретнику Шустервагену. Онъ любилъ дѣлать все аккуратно и прочно, чему доказательствомъ служили его оси, не боявшіяся ударовъ многопудоваго молота, и шины, которыя выдерживали русскія шоссейныя дороги на тысячу верстъ, и потому предложилъ Гертрудѣ Казиміровнѣ свою руку и сердце. Этотъ союзъ, вдвойнѣ закрѣпленный у двухъ алтарей благословеніями ксендза и пастора, былъ долговѣчнѣе связей, не освященныхъ церковью. Супругъ ея скоро переселился въ Москву; разумѣется, и она за нимъ послѣдовала подъ сѣнь златоглаваго Ивана Великаго. По истеченіи безмятежнаго, хотя и бездѣтнаго, 20-тилѣтняго супружества она уже законно овдовѣла и осталась послѣ покойника законною обладательницей кругленькаго капитальца, ей аккуратно завѣщаннаго. Привыкнувъ къ добропорядочному хозяйству въ школахъ коханна эконома и своего lieber'а Карла Иваныча, Гертруда Казиміровна разсудила за благо, для сохраненія и даже пріумноженія этого капитала, завести меблированныя комнаты. Она повела свое дѣло такъ хорошо, что два, три года отдѣленіе ея прозвано было, хотя и неофиціально, польскою отелью, а иные, въ подражаніе знаменитой варшавской, возвели ее въ саксонскую. Постояльцы у госпожи Шустервагенъ были студенты, офицеры, пріѣзжіе со службы въ отпускъ и отставные, помѣщики, адвокаты, люди, ничего не

дѣлающіе или дѣлающіе очень много подъ маскою праздности,—большею частью ея компатріоты, поляки, или такъ называющіе себя уроженцы сѣверо и юго-западныхъ губерній. Можно бы раздѣлить ихъ по состоянію на нѣсколько разрядовъ. Иные могли назваться людьми достаточными. Эти занимали по два и даже по три комфортабельныхъ номера, которые Гертруда Казиміровна прозвала графскими, хотя ни одинъ графъ въ нихъ не останавливался. Другіе изъ постояльцевъ жили безъ нужды, третьи перебивались изъ мѣсяца въ мѣсяцъ на свое скудное жалованье, на стипендіи и уроки. Были и такіе, которые, вмѣсто обѣда или чая, въ черные дни питались табачнымъ дымомъ. Но и тутъ добрая хозяйка, замѣтивъ, что въ урочный часъ въ такой-то номеръ не требовали обѣда, и узнавъ, что постоялецъ дома и здоровъ, приказывала иногда подать къ нему обычныя порціи. За то и сиротствующіе студентики называли ее своей мамашей. Бывали даже и такіе добросовѣстные господа, которые, проживъ въ ея саксонской отелѣ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣлокъ, утекали тайкомъ ночью, оставивъ ей въ полную собственность пустой, ветхій чемоданъ. Выѣзжали нѣкоторые изъ такихъ господъ и днемъ, запечатлѣвъ при этомъ случаѣ поцѣлуемъ въ ручки сохранную росписку, по которой она могла отыскивать кредитора по всѣмъ концамъ размашистой Россіи или требовать уплаты на второмъ пришествіи.

— А якъ я добродзея спокоила и жаловала, и якъ онъ негжечно отплатилъ мнѣ за то вшистко, Панъ Бугъ съ нимъ!

Пробоина была сдѣлана порядочная въ кораблѣ г-жи Шустервагенъ, но случалось, однакожъ, что пасажиры на немъ спѣшили поправить несчастіе капитана въ юбкѣ, котораго они любили за доброту, за честное и точное исполненіе условныхъ обязанностей.

Они составляли складчину, покрывавшую долгъ бѣглеца. Такимъ образомъ въ этой польской колоніи вождь ея и колонисты обрѣтались въ ненарушимой пріязни.

Одинъ изъ такъ называемыхъ графскихъ номеровъ занималъ Владиславъ Стабровскій, хотя былъ въ незначительномъ чинѣ. Онъ по службѣ получалъ жалованья около тысячи рублей, да вдобавокъ мать его, бѣлорусская зажиточная помѣщица, любившая дѣлать все во славу своего имени, присылала ему ежегодно болѣе тысячи, что составляло порядочную сумму, на которую безсемейный можетъ жить комфортабельно. Его квартира состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ, служившихъ одна гостиной, а другая кабинетомъ; въ третьей съ полусвѣтомъ была его спальня. Прибавьте къ нимъ переднюю съ перегородкой, и вы согласитесь, что помѣщеніе это, наполненное приличной мебелью, могло удовлетворить житейскія потребности молодого человѣка, да еще холостого. Онъ держалъ слугу, имѣлъ порядочный столъ, за приготовленіемъ котораго особенно наблюдала Гертруда Казиміровна, не отказывалъ себѣ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, но и не сорилъ деньгами. Съ кандидатскимъ аттестатомъ, умомъ, дѣятельностью и покровительствомъ людей съ вѣсомъ, онъ, несмотря на свою молодость, занималъ мѣсто, служившее ему надежною ступенью къ видному повышенію. Не говорю о благородныхъ правилахъ, которыхъ онъ строго держался и которыя въ наше время полагаются иногда на вѣсы при оцѣнкѣ служебныхъ качествъ. Надо прибавить, что большую долю покровительства доставилъ ему Ранѣевъ, имѣвшій еще связи съ сильными міра сего.

Мы застаемъ Владислава Стабровскаго въ одни изъ самыхъ тревожныхъ, роковыхъ часовъ его жизни. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ

двадцати шести. Кто не зналъ бы его славянскаго происхожденія, сказалъ бы, что онъ итальянецъ. Типъ Авзоніи отпечатался на его нѣсколько смугломъ лицѣ, въ его черныхъ глазахъ, горящихъ томительнымъ огнемъ юга, въ его черныхъ, шелковистыхъ волосахъ, густо ниспадающихъ на шею. Ничего рѣзкаго, выдающагося, ни одной ломаной линіи въ тонкихъ чертахъ его лица; все было въ немъ полная гармонія.

Едвига Стабровская, вдова бѣлорусскаго помѣщика, имѣла двухъ сыновей,—старшаго Владислава и меньшого Ричарда [1]). Оставшись послѣ смерти мужа съ небольшимъ состояніемъ, она не могла воспитывать ихъ на свои средства. Но на помощь ей пришла матушка-Россія. Эта добродушная орлица одинаково принимаетъ подъ теплыя, широкія крылья свои всѣхъ птенцовъ, прибѣгающихъ и приползающихъ къ ней, не разбирая—изъ голубинойли они породы, или изъ ястребиной. За то, когда ястребки оперятся, вылетятъ изъ гнѣзда и почувствуютъ, что у нихъ есть острый клювъ, они нерѣдко, въ благодарность за попеченія воспитавшей ихъ матери, стараются заклевать ее. Съ этой помощью Едвига отдала на казенный счетъ сначала перваго сына въ русскую гимназію, а затѣмъ второго, который былъ моложе его четырьмя годами, въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Владилавъ, по окончаніи университетскаго курса, пошелъ по гражданской службѣ; Ричардъ вышедши изъ корпуса, — по военной и поступилъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ.

Только тогда, когда Владиславъ вышелъ изъ университета, мать его нежданно получила богатое на-

---

[1]) Не знаю, правильно-ли я пишу его имя; въ статьѣ «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи», напечатанной въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г., оно не означено.

слѣдство. Революціонные помыслы ея, нѣкогда смиряемые скромнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, не позволявшимъ ей успѣшно дѣйствовать, при благопріятномъ для нея поворотѣ колеса фортуны, развернулись во всей силѣ. Владиславъ, бывшій у нея въ отпуску за годъ до того времени, съ котораго мы начинаемъ нашъ разсказъ, слышалъ отъ нея, что въ Москвѣ живетъ ея родственникъ въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ, Ранѣевъ. Воспитанная и опекаемая ксендзами, она не любила ничего, что носило имя русское; но какъ родственникъ этотъ былъ превосходительный, то, слѣдуя правиламъ тайнаго польскаго катехизиса, задумала чрезъ его покровительство современемъ доставить сыну мѣсто, гдѣ онъ могъ быть полезенъ польской справѣ. Замыслы эти не были извѣстны Владиславу, хотя она съ малолѣтства его и впослѣдствіи, при кратковременныхъ свиданіяхъ съ нимъ, старалась напитывать его воспріимчивую, пылкую натуру любовью къ польской ойчизнѣ, которую, однакожъ, до поры до времени сливала съ русскимъ государствомъ подъ одною державой.

Владиславъ, возвратясь въ Москву изъ отпуска, отыскалъ Ранѣевыхъ, былъ ими ласково принятъ, какъ родной, и съ того времени считался членомъ ихъ семейства. До того родственны были ихъ отношенія, что молодые люди обращались другъ съ другомъ на ты. Лиза нѣсколько разъ заходила съ отцомъ къ нему на квартиру и хозяйничала у него за чайнымъ столомъ. Полюбивъ ихъ, онъ сталъ любить имя русское, русскую землю. Но позднѣе явились въ Москвѣ польскіе эмиссары и начали постепенно искушать его революціонными идеями. Мы уже узнали, изъ разсказа Ранѣева Сурмину, неосторожный отзывъ его о польской національности въ Бѣлорусскомъ краѣ, и какъ этотъ отзывъ нагналъ черную тучу на мирныя, дружескія

отношенія, доселѣ никогда съ обѣихъ сторонъ ненарушаемыя. Если что и удерживало доселѣ Владислава предаться вполнѣ коварнымъ внушеніямъ польской пропаганды, такъ это было чувство, это были надежды, охватившія вполнѣ его душу. Увѣнчайся эти надежды успѣхомъ, и онъ, можетъ быть, принадлежалъ-бы всѣмъ существомъ своимъ Россіи.

Красота Лизы не могла не сдѣлать сильнаго впечатлѣнія на сердце молодого человѣка. Подъ покровомъ родства они сблизились. Владиславъ полюбилъ ее страстно; она показывала, что любитъ его, какъ одного изъ лучшихъ, добрыхъ друзей своихъ. Слово любви никогда не было произнесено между ними. Ранѣева когда-то говорила своей интимной подругѣ:— «Если дѣвушка сказала мужчинѣ, что она его любитъ, такъ обручилась съ нимъ навсегда; еслижъ въ увлеченіи страсти поцѣловала его, она сочеталась съ нимъ союзомъ, надъ которымъ нѣтъ уже власти ни отца, ни матери, нѣтъ власти земной. Только смерть одного изъ нихъ можетъ его разорвать. Это два акта сердечнаго священнодѣйствія, ими шутить нельзя».—Можетъ быть, слова любви не смѣли они произнести, потому что надъ головами ихъ висѣлъ дамокловъ мечъ, который въ одинъ мигъ могъ разсѣчь ихъ тайныя надежды. Этимъ мечомъ было слово отца, хотя сказанное въ простомъ разговорѣ, но твердо намѣченное, что онъ никогда не дастъ своего благословенія союзу дочери съ польскимъ уроженцемъ.—«Мнѣ всегда будетъ чудиться,—говорилъ онъ, — что мой зять сдѣлается врагомъ Россіи».—Воля Ранѣева была далеко не тираническая, но въ этомъ случаѣ непреклонная; преступить эту волю значило убить его, а спокойствіе и здоровье отца было для Лизы дороже всего на свѣтѣ. Правда, Владиславъ со своей страстной натурой не могъ въ минуты интимныхъ бесѣдъ съ кузиной не обнаружить

хоть проблесками своихъ тайныхъ чувствъ; но Лиза спѣшила погасить ихъ или смѣхомъ, или строгимъ, холоднымъ словомъ, которому онъ волей-неволей покорялся, боясь потерять и ту долю любви, пріобрѣтенную, какъ онъ догадывался и безъ свидѣтельства словъ. Съ этой поры она держала его въ строгихъ границахъ родственной дружбы. Кто въ состояніи былъ бы заглянуть глубже въ тайникъ ея души; увидалъ бы, можетъ статься, что она совершаетъ тяжкій подвигъ. Она любила его, но не *должна* была любить, — натура страстная, но готовая на всѣ пытки, лишь бы исполнить долгъ свой. Въ такихъ отношеніяхъ оставались они до того времени, когда мы знакомимъ съ ними читателя.

Палевая полоса обозначалась уже на восточномъ небосклонѣ и все болѣе и болѣе разгаралась, а Владиславъ, заснувшій только съ часъ и разбуженный послѣ полуночи появленіемъ рокового для него вѣстника, все еще оставался въ томъ положеніи, въ которое онъ былъ повергнутъ послѣ проводовъ его. Этотъ вѣстникъ былъ капитанъ генеральнаго штаба Людвигъ Жвирждовскій. Онъ привезъ письмо отъ Едвиги Стабровской къ сыну и обѣщался придти на другой день за отвѣтомъ. Владиславъ то сидѣлъ въ глубокой задумчивости, облокотясь на столъ и утопивъ пальцы въ густые нечесанные волосы, то задремлетъ, одолѣваемый физическимъ утомленіемъ, то вдругъ встрепенется, какъ будто кто-нибудь толкнулъ его. И пойдетъ учащенными шагами ходить по комнатѣ. Глаза его были мутны отъ безсонницы и душевной тревоги. Повременамъ дѣлалъ онъ энергическія движенія рукой, вырывались у него отрывистыя слова, на которыя онъ самъ давалъ отвѣты:—«Освободить ойчизну? Безуміе!.. Сколько разъ эти попытки сопровождались еще бо̀льшими бѣдствіями для Польши! Все вздоръ!.. И какой я полко-

водецъ? Что сумѣю я сдѣлать въ сраженіи? Все то же, что рядовой жолнеръ. И тотъ по своимъ физическимъ силамъ будетъ полезнѣе меня. Одушевлять ихъ, когда я самъ палъ духомъ?.. Проститься навсегда съ Лизой, проститься съ лучшими надеждами своими! Пускай громъ Божій падетъ на голову тѣхъ, кто затѣялъ эту кутерьму!.. Но любитъ-ли она меня? Когда-жъ говорила она мнѣ это? Не обольщаюсь-ли я однѣми примѣтами?.. А такъ завѣтъ отца... я полякъ... ее не отдадутъ за меня... я долженъ, однакожъ, узнать... Испытаю, рѣшусь написать ей, спрошу, и тогда посмотрю, остаться ли мнѣ здѣсь и вопреки воли матери, или ей повиноваться. Не могу повиноваться. Не могу дальше вынести муки неизвѣстности».

Онъ опять сѣлъ, закрылъ рукою глаза, наполненные слезами; послѣ того, тряхнувъ головой, словно стряхалъ изъ нея мрачныя мысли, сталъ перечитывать письмо, лежавшее на столѣ. Вотъ что писала мать. Чтобы избавить читателя отъ затрудненія разбирать письма и разговоры на польскомъ языкѣ, буду передавать ихъ въ русскомъ переводѣ.

«Любезный сынъ!
«Панъ Іезусъ буди похваленый,
«Еще Польша не сгинѣла!»

«Податель этого письма мой искренній, задушевный другъ. Довѣрься ему во всемъ; онъ объяснитъ тебѣ изустно, чего я, женщина, не имѣю возможности передать тебѣ, особенно на бумагѣ. Могу только сказать: наступило роковое время для нашей дорогой Польши, при имени которой сердца сыновъ ея не переставали биться любовью и самоотверженіемъ, несмотря, что они сто лѣтъ придавлены были медвѣжьей лапой. Никогда еще обстоятельства не были такъ благопріятны, чтобы сбросить ее. Все готово для совершенія вели-

каго подвига. Воины за свободу, имя и честь нашей отчизны стекаются со всѣхъ сторонъ подъ крылья бѣлаго орла. Друзья наши не только на нашей родной землѣ, но и за-границей — многочисленны. Франція, Англія, Италія и Швеція скоро затопятъ Россію своими арміями и выгонятъ орды ея изъ Европы, гдѣ варварамъ и еретикамъ не должно быть мѣста. Туда ихъ, въ азіатскіе снѣга, гдѣ они могутъ обниматься со своими четвероногими, такими же мохнатыми братьями. Внутри Россіи готовится мятежъ. Наши занимаютъ надежныя мѣста и работаютъ разумно, ревностно. Быдло московское, которому задали дурману золотыми грамотами, готово поднять за рога все, что попадется ему на встрѣчу. Сами русскіе намъ помогаютъ. Передовые ихъ люди, литераторы и юношество, настроенное нашими учителями, — это стадо глупыхъ барановъ, бѣгутъ на зовъ интелигенціи. Братъ твой, бывшій прапорщикъ въ русской службѣ, утекъ изъ полка, и ужь пулковникъ жонда. Брось и ты свое подъячество. Замыслы мои о твоемъ будущемъ назначеніи теперь не годятся. Не съ перомъ, а съ мечомъ должны выступить сыны Польши въ ряды освободителей ея. А тамъ кончится война,—побѣда будетъ несомнѣнно на нашей правдивой сторонѣ, благословляемой святѣйшимъ отцомъ-папой, — ты можешь бросить мечъ въ сторону и занять важное мѣсто въ польскомъ крулевствѣ. Въ Россіи черепашьимъ класснымъ шагомъ недалеко уйдешь. Я слышала, не скажу отъ кого, что тебя обворожили въ семействѣ Ранѣева, что ты влюбленъ въ его дочку. Не смѣй и думать о союзѣ съ еретичкой. Развѣ перевелись на нашей землѣ красавицы, которыми она всегда славилась? Панъ Людвигъ назначенъ могилевскимъ воеводой. Онъ обѣщаетъ тебѣ также номинацію въ пулковники и начальство надъ витебскимъ отрядомъ близъ нашего имѣнія, на

границѣ Могилевской губерніи. Друзья мои ручаются мнѣ за двѣ тысячи молодцовъ, если ты будешь ихъ вождемъ; какъ рыцари креста шли на освобожденіе Гроба Господня отъ ига мусульманскаго, такъ ты долженъ спѣшить на освобожденіе ойчизны отъ ига еретиковъ и варваровъ. Пріѣзжай не мѣшкая, время не терпитъ. Объятія матери ожидаютъ тебя. Горжусь, что имѣю двухъ сыновей, готовыхъ умереть за великое дѣло, какъ умирали Горація. Крѣпко прижимаю тебя къ сердцу, пане пулковникъ, благословеніе мое надъ тобою, милый сынку.

«Нѣжно любящая тебя мать
«*Едвига Стабровская*».

«P. S. Сожги это письмо; не кротость агнца нужна намъ теперь, а мудрость змія. Панъ ксендзъ Антоній прочиталъ его и одобрилъ. Онъ посылаетъ тебѣ свое пастырское благословеніе. Въ этомъ письмѣ найдешь другое на твое имя. Пишу въ немъ, что отчаянно больна. Ты предъявишь его своему начальству, чтобы дали тебѣ скорѣе законный отпускъ. Изъ деревни, осмотрѣвшись и приготовивъ все, ты можешь для формы подать въ отставку или поступить, какъ братъ, то есть разомъ разрубить всѣ связи свои съ московской татаріей».

Когда Владиславъ прочелъ во второй разъ письмо, въ груди его подняли борьбу разнородныя чувства: повиновеніе и любовь къ матери, благо ойчизны, хотя и невѣрное, благодарность Россіи, его усыновившей, такъ много для него сдѣлавшей, и любовь къ Лизѣ. Это чувство пересилило остальныя, и онъ рѣшился писать къ ней:

«Милый, безцѣнный другъ Лиза! Воля твоя была никогда не говорить тебѣ о любви моей. Слишкомъ полгода исполнялъ я ее, какъ священный обѣтъ, дан-

ный Богу. Слово твое, твой взглядъ были для меня закономъ. Но теперь наступилъ для меня роковой часъ. Мнѣ предстоитъ одинъ выборъ: счастіе всей моей будущности, или моя гибель. Жребій мой въ твоихъ рукахъ. Я долженъ сломить печать, наложенную тобою на мои уста. Съ первой минуты какъ я увидалъ тебя, я полюбилъ тебя тою силою страсти, которая можетъ только погаснуть съ жизнью, полюбилъ тебя болѣе всего, что для меня дорого и свято въ мірѣ. Ты была для меня не только любимая женщина, была божество, которому я поклонялся. Не скажу тебѣ ничего болѣе потому, что нѣтъ словъ ни на какомъ земномъ языкѣ, чтобы выразить тебѣ, что чувствуетъ мое сердце.

«Вчера я получилъ письмо отъ матери; она зоветъ меня къ себѣ. Не скрою отъ тебя, что она дѣлаетъ меня орудіемъ политическихъ замысловъ. Но скажи мнѣ, что ты меня любишь, поклянись, что не отдашь сердца своего и руки никому кромѣ меня, и я преступлю волю матери, буду глухъ къ зову моего отечества, моихъ братій и останусь здѣсь, счастливый надеждой, что ты увѣнчаешь когда-нибудь мою любовь у алтаря Господня. Буду ждать мѣсяцы, годы. Не скажешь этого, и я уѣзжаю отсюда съ растерзаннымъ сердцемъ, покорный волѣ матери, на родину, гдѣ меня ожидаетъ смерть или на полѣ битвы, или въ петлѣ русской. Жизнь безъ тебя мнѣ болѣе не нужна. Съ послѣднимъ дыханіемъ моимъ, послѣднее слово мое будетъ дорогое твое имя.

«Твой *Вл. Стабр.*».

— Кириллъ!—закричалъ онъ,—запечатавъ письмо.

Слуга, храпѣвшій за перегородкою, встрепенулся, какъ ретивый конь на зовъ бранной трубы, вскочилъ со своего ложа и явился передъ лицо своего госпо-

дина. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, небольшого роста, неуклюжій, съ простоватой физіономіей, съ приплюснутымъ нѣсколько носомъ, съ глазами, ничего не говорящими. Онъ не успѣлъ второпяхъ обвязать шею платкомъ и застегнуть сюртукъ, мохнатая грудь его была открыта.

— Эхъ! пане, встали съ кочетами, — сказалъ онъ съ сердцемъ, перемѣшивая русскія слова съ польскими и бѣлорусскими; такъ какъ жизнь его прошла сквозь строй трехъ народностей и ни на одной не установилась, то и въ рѣчи его была подобная смѣсь.

— Сами не спали, да и мнѣ не дали порядкомъ отдохнуть послѣ того ахфицера, чтобъ ему стали діаблы на дроги. Ходитъ украдкой по ночамъ, якъ злодій.

— Ну, не сердись, сослужи мнѣ службу. Ты знаешь, гдѣ живетъ генералъ Ранѣевъ?

— На Прысни-прудѣ.

— Одѣнься, отнеси это письмо къ паненькѣ Елизбетѣ, передай ей осторожнѣе черезъ няньку, чтобы не видалъ отецъ. Если она не вставала, это узнаешь по гардинамъ, задернутымъ въ ея спальнѣ—первое окно отъ воротъ,—такъ покарауль на берегу пруда у ограды и дождись, когда гардины поднимутъ.

Кириллъ былъ изъ числа тѣхъ бѣлорусскихъ слугъ, соединяющихъ съ простоватой, нѣсколько грубой рѣчью безграничную преданность и вѣрность господамъ своимъ, если господа только мало-мальски обращаются съ ними по-человѣчески. Тѣмъ болѣе былъ онъ преданъ доброму, невзыскательному Владиславу. Для него Кириллъ готовъ былъ хоть на пытку. Еслибъ его пилили, чтобы онъ открылъ тайну своего господина, вѣрный слуга не проговорился бы. Онъ не зналъ, что такое праздность, и сидѣть безъ дѣла, скрестивъ руки, считалъ за великій грѣхъ. Когда ему нечего было дѣлать

по окончаніи обыденной барской службы, онъ то вязалъ чулокъ, то по доброй волѣ утюжилъ панскія рубахи, какъ самая искусная прачка, то шилъ себѣ сапоги. Нужно ли было угодить женской прислугѣ въ гостиницѣ, безъ всякихъ видовъ на вознагражденіе, даже сердечное, онъ шивалъ ей женскіе башмаки.

— На отдыхъ,—гововилъ онъ,—Панъ Бугъ далъ человѣку ночь. Задернетъ пологъ у неба—и все созданіе закрываетъ глаза, отдернетъ занавѣску небесную—и засвѣтитъ солнышко, человѣку треба работать въ потѣ лица. Не въ чередъ другимъ днямъ воскресенье: шесть дней дѣлай, седьмой Господу Богу.

И въ этотъ день читалъ онъ молитвы по засаленному молитвеннику: «Krótkie zebranie różnego nabożeństwa.» Повременамъ слышалось за перегородкой: «Boże, bądź miłościw mnie grzesznemu człowiekowi.» Чтеніе это сопровождалось повременамъ глубокими вздохами.

Кириллъ покачалъ головой и пробормоталъ что-то сквозь зубы, на что господиномъ его не было обращено вниманія, пошелъ увальнемъ за свою перегородку, надѣлъ чистую манишку, бѣлый галстукъ, бѣлый жилетъ и остальной костюмъ по праздничному, какъ бы шелъ въ костелъ.

— Заприте, баринъ, за мною дверь; я иду.

Въ ожиданіи его Владиславъ сталъ опять неистово ходить по комнатѣ, думая усиленными движеніями угомонить сердечную тревогу. Ожиданія вѣстника были мучительны, минуты казались ему часами. Наконецъ послышался звонокъ; онъ отперъ дверь; Кириллъ подалъ ему письмо отъ паненки Елизбеты.

Дрожащими руками распечаталъ его молодой человѣкъ. Холодомъ повѣяло на него при чтеніи первыхъ строкъ, далѣе и далѣе гнѣвъ и досада выступили на его лицѣ. Вотъ отвѣтъ Лизы:

«Любезный кузенъ! Я никогда не имѣла тайнъ отъ отца, но на этотъ разъ нарушаю свои правила. Чтеніе твоего письма, особенно послѣ твоихъ безразсудныхъ выходокъ о польской національности, письма наполненнаго страсными выраженіями, которыхъ ты мнѣ никогда не говорилъ, раздражило бы его и, можетъ быть, сократило бы его жизнь,—а ты знаешь, что онъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Въ другое время я не отвѣчала бы тебѣ. Но я вижу, что ты находишься въ какомъ-то болѣзненномъ, раздражительномъ состояніи, что письмо твоей матери тебя взволновало, и я рѣшилась отвѣчать.

«Тебя влекутъ на дѣло страшное, роковое, измѣнническое, какъ я догадываюсь. Не ставлю себя судьею въ этомъ дѣлѣ; не мнѣ, а твоему разуму, твоему честному, благородному сердцу рѣшить его. Моя обязанность покоряться отцу, котораго я обожаю, а воля его тебѣ извѣстна. Безразсудный! Зная все это, чего ты отъ меня требуешь? Чтобы я сказала тебѣ слово, послѣ котораго нѣтъ уже никакой родительской, никакой земной власти! И какое время выбралъ ты для этого? Когда разгорается польская революція, когда въ Варшавѣ стрѣляютъ въ царскихъ намѣстниковъ. Можетъ быть, родной братъ твой въ этотъ мигъ заноситъ мечъ надъ головой моего брата! Я не могу скрыть отъ тебя, вчера отецъ мой получилъ извѣстіе, что Ричаръ Стабровскій бѣжалъ изъ П. полка. И въ это-ль самое время я поклянусь носить когда-нибудь опозоренное теперь имя?... Чтожъ могу я послѣ этого сказать тебѣ? Только одно: я любила и люблю тебя, какъ брата, какъ одного изъ лучшихъ друзей моихъ, останусь любящею сестрой твоей, другомъ, пока ты самъ не послѣдуешь измѣнническому примѣру Ричарда. Ты воленъ располагать своею судьбою, какъ тебѣ угодно; я не вяжу ни тебя, ни себя никакимъ

обѣтомъ, никакимъ словомъ. У тебя есть мать, которой ты долженъ покоряться, какъ я покорна отцу моему. Но знай, что врагъ Россіи есть его и мой врагъ. Уѣдешь, буду сильно грустить, что потеряла друга, и молить Бога, чтобы Онъ возвратилъ тебя на путь истинный Только на этомъ пути найдешь опять

«любящую тебя сестру
«*Лизу*».

Тяжко дышалъ Владиславъ, читая это письмо. Онъ перечиталъ его снова, взвѣсилъ каждое выраженіе и нашелъ его слишкомъ разумнымъ, слишкомъ холоднымъ.

— Нѣтъ, она меня не любитъ, такъ не пишутъ любящія женщины! Участь моя рѣшена!—сказалъ онъ и судорожно скомкалъ письмо въ рукѣ.

— Ты видѣлъ ее самое? — спросилъ онъ Кирилла.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—мамка вынесла, да мувила: «Понапрасну баринъ твой только безпокоитъ себя и нашу барышню своими письмами. Онъ знаетъ, что ей не бывать за полякомъ, вражьимъ сыномъ. Да у нея есть ужь женишекъ, словно писанный, такой бравый, кровный русскій дворянинъ, побогаче да почище твоего шляхтича. Не велика птица! У насъ въ Витебскѣ кухарка и кучеръ были изъ шляхты».

— Ты не знаешь, какъ зовутъ этого женишка?

— Говорила, кажись, Сурминъ.—Да еще беззубая проворчала: «генералъ въ немъ души не чаетъ и барышнѣ больно полюбился; почти кажинный день бываетъ у насъ».

Эти слова подняли со дна все, что накопилось въ душѣ Владислава.

— Счастливо оставаться! — сказалъ онъ, махнувъ рукой.

— Кириллъ!—крикнулъ онъ такимъ голосомъ, отъ котораго вздрогнулъ бы другой на мѣстѣ бѣлорусца.

Слуга стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ, а онъ отуманенными глазами не видѣлъ его.

— Я здѣсь, пане.

— Мы послѣзавтра ѣдемъ.

Кириллъ покачалъ головой и спокойно сказалъ:

— Ладно, за нами дѣло не станетъ.

Въ комнатѣ былъ каминъ. Владиславъ шелковиной связалъ вмѣстѣ письмо матери и письмо Лизы, зажегъ ихъ и бросилъ въ каминъ, да, пока они горѣли, съ какимъ-то злорадствомъ терзалъ коробившіеся отъ огня листочки каминными щипцами.

Утромъ, часамъ къ одиннадцати, пріѣхалъ Жвирждовскій; Владиславъ встрѣтилъ его словами: «я вашъ на жизнь и на смерть» и крѣпко пожалъ ему руку. Хозяинъ и роковой посѣтитель немного говорили; все было сказано въ этихъ словахъ, въ этомъ пожатіи. Людвигъ спѣшилъ въ разныя мѣста для вербовки другихъ соумышленниковъ. Сговорились завтра съ задушевными друзьями пріѣхать къ Владиславу завтракать, между тѣмъ изложить планъ будущихъ дѣйствій и дать отчетъ въ томъ, что уже приготовлено. Хозяину предоставлялось пригласить и своихъ друзей, на которыхъ онъ могъ положиться.

Владиславъ началъ приготовляться къ отъѣзду; онъ поѣхалъ къ своему начальнику, показалъ ему письмо матери, въ которомъ она писала, что отчаянно больна и желаетъ его скорѣе видѣть и благословить. Причина для отпуска была уважительна; онъ получилъ его на два мѣсяца съ дозволеніемъ проживать въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, сдѣлалъ нужныя покупки и, возвратившись домой, утомленный безсонницей, душевно измученный всѣмъ, что выстрадалъ въ этотъ день, бросился въ постель. Сонъ его былъ крѣпокъ,

какъ это бываетъ у иного преступника передъ днемъ казни.

Въ самую полночь зазвенѣлъ колоколчикъ; онъ не слыхалъ этого звона. Кто-то сталъ сильно будить его; онъ потеръ себѣ глаза, — передъ нимъ стоялъ Кириллъ.

— Братецъ вашъ пріѣхалъ,—сказалъ слуга.

— Братецъ Ричардъ? Зачѣмъ нелегкая его принесла? Что ему надо? Что такое случилось? Еще новая бѣда!

Владиславъ только это проговорилъ, какъ у постели его появился Ричардъ, бросился ему на грудь и крѣпко обнялъ его. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 22, прапорщикъ гвардейскаго П. полка. Еслибъ снять съ его лица усики и слегка означившіяся бакенбарды, его можно было бы принять за хорошенькую дѣвушку, костюмированную въ военный мундиръ. И на этомъ-то птенцѣ поляки сооружали колосальные планы! [1])

— Безумный! Зачѣмъ ты сюда?—сказалъ съ сердцемъ Владиславъ.—Ты бѣжалъ изъ полка, тебя вѣрно ищутъ, тебя найдутъ у меня, мы пропали.

— Я хотѣлъ только тебя видѣть и обнять; я остановлюсь у Волка; онъ укроетъ меня, завтра же уѣзжаю. Мнѣ нужно только увидѣть Жвирждовскаго.

Владиславъ одумался, всталъ, накинулъ на себя шлафрокъ и со слезами на глазахъ бросился съ жаромъ цѣловать брата.

— Что бы ни было, оставайся у меня и прости мнѣ, что я спросонья такъ холодно тебя принялъ. Только однѣ сутки можешь оставаться здѣсь, съ пер-

---

[1]) Смотри статью: «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи», напечатанную въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 года.

выми поисками бросятся ко мнѣ, и наше дѣло пропало... Мы не только братья по крови, но и братья...

Онъ не договорилъ, позвалъ Кирилла и наказалъ ему, чтобы въ домѣ и помину не было о пріѣздѣ Ричарда.

— Добрже, пане, и безъ васъ знаемъ,—отвѣчалъ съ сердцемъ слуга.

Это «добрже» въ устахъ его значило, что тайна барина умретъ въ его груди.

— Что мать?—спросилъ брата Владиславъ.

— Это героиня, какую только Польша можетъ въ наши времена производить. Еслибъ у нея было десять сыновей, она всѣхъ бы ихъ пожертвовала ойчизнѣ. Она ждетъ тебя. Ты получилъ ужь номинацію?

— Нѣтъ еще, но завтра все порѣшится.

Братья, передавъ другъ другу все, что каждому знать слѣдовало, легли спать,—Ричардъ въ спальнѣ, Владиславъ въ кабинетѣ. Первый, боясь своимъ присутствіемъ у брата подвегнуть его какимъ-нибудь непріятностямъ и общее ихъ дѣло опасности, всталъ съ утренней зарей и простился съ нимъ. Кириллъ, неся за бѣглецомъ чемоданчикъ, выпроводилъ его изъ номера и изъ дому. На площадкѣ наружной лѣстницы спалъ дворникъ, завернувшись въ дырявый полушубокъ и уткнувъ въ него носъ, издававшій свою однообразную музыку. Они перешагнули черезъ него и дошли благополучно до квартиры Волка, жившаго недалеко.

IV

Къ 10-ти часамъ утра собрались заговорщики въ квартирѣ Владислава. Хозяинъ пригласилъ ихъ въ свой кабинетъ, какъ мѣсто, болѣе другихъ комнатъ огражденное отъ любопытства постороннихъ слушателей. Кабинетъ отдѣлялся отъ коридора каменною стѣною и не имѣлъ въ него дверей.

Между заговорщиками были три офицера, два студента, адвокатъ, учитель, два бѣлорусскихъ помѣщика и другихъ званій личности; былъ и миловидный, румяный ксендзъ, съ приходомъ котораго комната окурилась косметическими благовоніями. Одинъ изъ нихъ, помѣщикъ Суздиловичъ, съ отпятившимся впередъ брюшкомъ и съ татарскимъ обликомъ, на которомъ судорожно шевелились черные усики, какъ у таракана, — пересчиталъ число своихъ товарищей и замѣтилъ одному изъ нихъ, что оно роковое—тринадцать. Въ душѣ своей онъ не вѣрилъ этому мистическому числу, но ему нужна была приманка для спора. Этотъ господинъ любилъ вносить смуту во всѣ собранія, гдѣбы онъ ни появлялся. Тотъ, кому онъ это сообщилъ, просилъ не разглашать своего замѣчанія другимъ, чтобы не встревожить суевѣрныхъ. Но Суздиловичъ не выдержалъ, и скоро всѣ были посвящены въ тайну великаго открытія. Кто отвѣчалъ ему сердитой гри-

масой, кто усмѣшкой или пожатіемъ плечъ. Встревожился болѣе всѣхъ панъ солидныхъ лѣтъ въ колтунѣ [1]), какъ въ войлочной шапочкѣ.

Одинъ изъ студентовъ объявилъ, что если слѣдуетъ исключить кого-либо изъ общества, такъ скорѣе всего вѣщуна. Начался споръ, крикъ; одинъ голосъ пересиливалъ другой. Еслибъ при заговорщикахъ было оружіе, оно заблистало бы непремѣнно. Но Владиславъ вскорѣ утишилъ войну, объявивъ, что лучше всѣмъ разойтись, чѣмъ въ началѣ засѣданія изъ бабьяго предразсудка возбуждать раздоръ.

Миръ былъ водворенъ, и всѣ усѣлись по мѣстамъ вокругъ большого круглаго стола.

На президентскомъ мѣстѣ, отличенномъ отъ прочихъ нарядными креслами, сѣлъ офицеръ среднихъ лѣтъ, съ русыми волосами, зачесанными на одну сторону, живой вертлявый, въ мундирѣ генеральнаго штаба, на которомъ красовались капитанскіе погоны. Онъ началъ свою рѣчь ровнымъ, размѣреннымъ голосомъ:

— Какъ одинъ главныхъ двигателей великаго дѣла, я долженъ взять съ васъ, панове, слово не увлекаться горячностью, даже патріотическою, и не считать для себя оскорбленіемъ, если кто изъ вашихъ братій будетъ противнаго съ вами мнѣнія. Я первый даю слово подчиниться этому уговору. Только большинство голосовъ рѣшаетъ мнѣніе или предложеніе, и этому рѣшенію покоряются всѣ безусловно.

— Позвольте прибавить, панъ Жвирждовскій, — сказалъ молодой человѣкъ пріятной, благородной наружности, съ небольшимъ, едва замѣтнымъ шрамомъ на лбу, оттѣненномъ бѣлокурыми, вьющимися воло-

---

[1]) Не только у крестьянъ бѣлорусскихъ случается это болѣзненное состояніе, но и у пановъ тамошнихъ.

сами, — что тотъ, кто не согласится съ рѣшеніемъ большинства, не подвергается не только преслѣдованію, но и осужденію.

Говорившій это былъ Пржшедиловскій, бывшій студентъ дерптскаго университета, вынесшій изъ него съ основательными знаніями и боевой знакъ. Во время школьной своей жизни задорный дуэлистъ, онъ впослѣдствіи остепенился и сдѣлался примѣрнымъ членомъ общества, умнымъ, честнымъ и дѣльнымъ чиновникомъ, нѣжно-любящимъ семьяниномъ.

— Разумѣется, давъ слово не выдавать тайны нынѣшняго собранія и того, что будетъ въ немъ говориться,—отвѣчалъ Жвирждовскій.

— Оговорка эта лишняя, панъ, въ обществѣ людей съ истиннымъ гоноромъ,—отозвался съ замѣтнымъ неудовольствіемъ Пржшедиловскій. — Кто приглашенъ сюда, конечно, неспособенъ на роль низкаго предателя; онъ можетъ не соглашаться и не принимать на себя никакихъ обязательствъ, противныхъ его убѣжденіямъ; но тайну, ему ввѣренную, не продастъ цѣною своей чести.

— Прошу у пана извиненія,—спѣшилъ оговориться Жвирждовскій, наклонивъ немного голову. — Въ знакъ мира вашу руку.

Оба подали другъ другу руку, послѣ чего панъ Людвигъ обратился къ собранію съ вопросомъ: согласно-ли оно на предложенное условіе?

— Что-то слишкомъ рано панъ Пржшедиловскій забѣгаетъ со своими оговорками,—замѣтилъ пузатенькій господинъ, шевеля тараканьими усиками.—Кто не намѣренъ принимать на себя никакой патріотической обязанности, тотъ напрасно пришелъ сюда.

— Я пригласилъ сюда моего друга, — перебилъ съ твердостью Владиславъ Стабровскій, — и никто не имѣетъ права дѣлать заключеніе, что онъ здѣсь лиш-

пій. Кто находитъ это заключеніе справедливымъ, исключаетъ и меня изъ вашего общества. Часто совѣтъ, даже критика умнаго и благороднаго человѣка—важнѣе хвастливыхъ, пустозвонныхъ рѣчей иного господина.

Пронесся было по собранію глухой ропотъ; но онъ тотчасъ замолкъ, когда панъ Людвигъ Жвирждовскій попросилъ слова.

— Собрались здѣсь мы покуда люди свободные отъ всякаго обязательства, кромѣ того, которое приноситъ съ собою во всякое общество человѣкъ съ гонором: хранить тайну, ему ввѣренную. Никто не имѣетъ права налагать на кого-либо изъ членовъ нашихъ другихъ обязательствъ, пока онъ самъ добровольно, по своимъ средствамъ и обстоятельствамъ, не наложитъ ихъ на себя. Но, давъ однажды установленную жондомъ клятву, онъ уже не свободенъ отступиться; онъ уже невольникъ своей присяги.—Рѣшено-ли?

— Рѣшено,—отвѣчали всѣ.

— Отступника отъ обязательства, на себя добровольно принятаго, — продолжалъ Жвирждовскій, — да покараютъ люди и Богъ. Пускай отъ него отступятся, какъ отъ прокаженнаго, отецъ, мать, братья, сестры, все кровное, церковь и ойчизна проклянутъ его, живой не найдетъ крова на землѣ, мертвый лишится чеснаго погребенія и дикіе звѣри разнесутъ по трущобамъ его поганый трупъ.

— Да будетъ такъ; прекрасно, сильно сказано,— пронеслись по собранію горячіе голоса.

— Amen, братья о Христѣ и святѣйшемъ отцѣ нашемъ, папѣ, — послышался медоточивый голосъ ксендза Б.

— Нѣтъ, этого мало, — заревѣлъ хриплымъ голосомъ Волкъ, вскочивъ со своего мѣста и проведя широкой пятерней своей дорожку по щетинистымъ, чернымъ какъ смоль волосамъ.

Дикообразная физіономія его съ выдавшеюся впередъ челюстью такъ и смахивала на рыло соименнаго ему звѣря, глаза его горѣли бѣшенымъ изступленіемъ и, казалось, просили крови. Таковъ долженъ былъ быть видъ Каина, когда онъ заносилъ на брата свою палицу.

— Этого мало,—повторилъ онъ и бросился къ стѣнѣ, на которой висѣлъ кинжалъ. Онъ схватилъ его, вынулъ изъ ноженъ и, засучивъ рукавъ своего сюртука до локтя, какъ исполнитель des hautes oeuvres передъ совершеніемъ казни, мощною рукой воткнулъ оружіе въ столъ. Гибкая сталь задрожала и жалобно завыла. — Пой, пой такъ свою заупокойную пѣснь, когда вонжу тебя въ грудь измѣнника,—приговаривалъ Волкъ, сверкая пылающими глазами.

— Клянитесь паномъ Іезусомъ и Маткой Божьей на рукояти кинжала, расположенной крестомъ.

Ксендзъ пропустилъ мимо ушей этотъ святотатственный призывъ и только улыбнулся.

— Подождите произносить клятву, паны добродзеи, не зная еще, какія обязательства на себя принимаете,—сказалъ Жвирждовскій.

— Такъ, такъ,—провозгласили почти всѣ единодушно.

— Гмъ!—крякнулъ только пузатенькій господинъ, тревожно шевелясь на своемъ стулѣ, на который онъ сѣлъ верхомъ.

Жвирждовскій сурово взглянулъ на него начальническимъ взглядомъ, отъ котораго тотъ перемѣстилъ свою позицію.

— Окончивъ эти прелиминарныя статьи,—произнесъ опять размѣренно панъ Людвигъ, — я долженъ сдѣлать оговорку. Хотя мнѣ большею частію извѣстны планы и средства нашего высшаго трибунала, я обязанъ до времени ограничиться представленіемъ вамъ

моего плана въ кругу моихъ дѣйствій, какъ воеводы могилевскаго. Опять повторяю, каждый можетъ подвергнуть его критикѣ, и я подчинюсь ей, если собраніе найдетъ ваши замѣчанія полезными для блага ойчизны. Никто изъ васъ не отвергнетъ, что если въ начинаніи патріотическаго дѣла нужно страстное увлеченіе, то и не менѣе глубокая обдуманность нужна въ начертаніи плана дѣйствій.

— Вы душой горячій патріотъ, по ремеслу воинъ, по наукѣ великій стратегикъ—нашъ будущій Наполеонъ!—молвилъ кто-то изъ собранія.

— Ого-го! Какъ вы заставляете меня широко шагать,—отозвался могилевскій воевода съ самодовольной улыбкой.

— Все, что вы начертали въ своей геніальной головѣ и потомъ изложили на бумагѣ, должны мы принять безъ разсужденій. На то вы воевода, а мы слуги, орудіе вашей воли, — послышалась чья-то угодливая рѣчь.

— Мы покуда здѣсь всѣ равные члены,—отвѣчалъ Жвирждовскій,—дѣло другое на полѣ битвы. Умъ хорошъ, а два лучше, какъ говорятъ москали.

— А я не мужикъ-москаль, — образованный панъ, замѣчу: Du choc dus opinions jaillit la vérité,—сказалъ съ выдавшимся брюшкомъ господинъ.

— Панъ очень любитъ эти безвредные *шоки*, — замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, — посмотримъ, такъ ли онъ будетъ дѣйствовать, когда раздадутся les chocs des armes.

Стабровскій пожалъ плечами.

— Нечего пожимать плечами,—вмѣшался неугомонный спорщикъ.

— Поневолѣ пожмешь, когда у насъ время проходитъ въ пустословіи: дайте же говорить дѣло пану воеводѣ; этакъ мы никогда не покончимъ.

Суздиловичъ открылъ было ротъ, чтобы опять спорить; но сидѣвшій подлѣ него шепнулъ ему, что онъ воротится домой голодный, если будетъ продолжать споръ, и тотъ замкнулъ уста.

— Соединимся же братски въ патріотическомъ національномъ гимнѣ: «Боже цось Польске!» — воскликнулъ съ одушевленіемъ Жвирждовскій.

— «Боже цось Польске»,—подхватилъ хоръ.

Когда хоръ замолкъ, ораторъ продолжалъ:

— При этомъ торжественномъ кликѣ, раздающемся отъ Вислы до Днѣпра, отъ Балтійскаго моря до Карпатскихъ вершинъ, Польша, гремя цѣпями своими на весь міръ, облеклась въ глубокій трауръ. Схвативъ въ одну руку мечъ, въ другую крестъ, она не надѣнетъ цвѣтнаго платья, пока этими орудіями не поборетъ своихъ притѣснителей. И мечъ и крестъ сдѣлаютъ свое дѣло.

— Сдѣлаютъ, сдѣлаютъ, —повторили многіе голоса.

— Со всѣхъ мѣстъ, гдѣ было ея исконное господство, сзываетъ она около себя вѣрныхъ сыновъ своихъ. Поспѣшайте, друзья мои, на этотъ призывъ. Вы, можетъ быть, спросите меня, почему мы не воспользовались гибельнымъ положеніемъ Россіи во время крымской кампаніи? На это я скажу: мы и обстоятельства не были тогда готовы. Французы, англичане, итальянцы, наши вѣрные союзники, занимались своимъ дѣломъ: имъ было не до насъ. Теперь иное время. Благопріятныя обстоятельства для насъ созрѣли. Въ Россіи совершилась эмансипація; она не удовлетворила хлоповъ и раздражила землевладѣльцевъ. Золотыя граматы загуляютъ по Волгѣ, въ мѣстахъ, гдѣ были бунты Стеньки Разина и Пугачева. Все движется по направленію, данному нашими агентами. Наша интелигенція занимаетъ всѣ надежные посты, изъ-за которыхъ бросаетъ свои разрушительные снаряды. Въ противномъ

лагерѣ дремлютъ или мечтаютъ; мы работаемъ, намъ помогаютъ. Видите, время удобное.

— Берегитесь пробужденія, оно будетъ ужасно,— сказалъ Пржшедиловскій, — по моему разумѣнію — эмансипація крестьянъ, напротивъ, отвратила отъ Россіи многія бѣдствія. Думаю, эта же эмансипація въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ нагонитъ черныя тучи на дѣло польское и станетъ твердымъ оплотомъ тѣхъ, отъ кого они ее получили. Вина поляковъ въ томъ, что паны до сихъ поръ помышляли только о себѣ, а хлопы считались у нихъ быдломъ. Силенъ и торжествуетъ только тотъ народъ, гдѣ человѣчество получило свои законныя права.

— Вотъ вамъ и тринадцатый вѣщій воронъ, — гнѣвно подсказалъ Суздиловичъ.

— Мы дадимъ народу еще болѣе широкія права,— отозвался Жвирждовскій

— Пока все это обѣщанія, исполненіе уже опоздало; надо было думать объ этомъ прежде, — возразилъ Пржшедиловскій.—Правда, польскіе уроженцы заняли надежныя мѣста по всѣмъ вѣдомствамъ и дѣйствуютъ искусно, чтобы вездѣ на русской землѣ возбудить смуты; ученіе польскихъ наставниковъ, козни польскихъ эмиссаровъ, вліяніе польскихъ администраторовъ — посѣяли гибельныя сѣмена; кровавая жатва всходитъ...

— Нечего жалѣть кровь еретиковъ,—воскликнулъ ксендзъ Б.

— Пора перестать намъ, подавно служителямъ алтаря Господня, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ вѣру христіанскую, какова бы она ни была, называть еретическою потому, что она не наша.

— Наконецъ это дерзко. Видано ли, чтобы овца учила своего пастыря! Не думаете-ли вы, панъ-философъ Пржшедиловскій, перейти въ эту восточную

схизму, проклятую нашимъ святѣйшимъ отцомъ? Ваша супруга и дѣти погрязли уже въ ней.

— Моя жена русская и русскаго исповѣданія; по закону и дѣти мои должны быть такими. Что же касается до меня, то вы лучше другихъ знаете, панъ ксендзъ, какому исповѣданію я принадлежу, потому что бываю у васъ ежегодно на духу. Не для святѣйшаго отца я это дѣлаю, а потому, что родился, выросъ и воспитывался въ вѣрѣ моихъ отцовъ. Въ этомъ исповѣданіи и умру. Но мы отступили отъ главнаго предмета нашихъ разсужденій и потому позволю себѣ спросить васъ, панъ Жвирждовскій, какое войско выставитъ Польша, какихъ вождей она дастъ ему, гдѣ возьметъ оружіе?

— Время родитъ вождей, — отвѣчалъ воевода. — Наше войско многочисленно и одушевлено патріотизмомъ, но до времени притаилось по домамъ. Оно выступитъ изъ земли, когда мы кликнемъ ему кличъ, и удивитъ міръ своимъ появленіемъ. Покуда оно худо вооружено, худо обмундировано; но если нужно будетъ, косари наши, въ бѣлыхъ сермягахъ, также сумѣютъ рѣзать головы москалей, какъ они привыкли косить траву. Мы видѣли, что во время французской революціи нестройные сброды санкюлотовъ, босоногихъ воиновъ, побѣждали регулярныя арміи.

— Босоножекъ этихъ водили генералъ Бонапартъ и полководцы, какихъ нынѣ уже нѣтъ.

— Нашъ главный вождь, Мѣрославскій, хотя и не такой великій геній, но умный, храбрый воинъ, испытанный стратегикъ. Онъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Война, какъ я сказалъ, родитъ и другихъ вождей. Что до моего воеводства, то я имѣю уже полковниковъ изъ поляковъ, служившихъ въ русскихъ полкахъ, надежныхъ по своему патріотизму, уму, знанію военнаго дѣла. Ожидаю въ большомъ числѣ и другихъ изъ

военныхъ академій. Не стану исчислять вамъ имена тѣхъ, которые должны командовать отдѣльными отрядами. Для примѣра, однакожъ, укажу вамъ на Ричарда Стабровскаго, брата нашего хозяина.

— О! на этого мы возлагаемъ большія надежды,— сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Этотъ далеко пойдетъ,—подхватили другіе.

— Въ случаѣ, если я буду раненъ или убитъ, онъ замѣнитъ меня,—сказалъ Жвирждовскій.

— Онъ замѣнитъ и Мѣрославскаго,—кричали изступленные поклонники прапорщика Ричарда Стабровскаго.

— Могу представить вамъ еще одного надежнаго пулковника,—здѣшняго хозяина. Ему поручается очень важный постъ. Когда на всѣхъ пунктахъ возстанія въ Могилевской губерніи отряды сдѣлаютъ свое дѣло, панъ Владиславъ, пользуясь чрезвычайно лѣсистою и болотистою мѣстностью, гдѣ будетъ до поры до времени скрываться, при появленіи непріятеля вдругъ выступитъ изъ этихъ лѣсовъ и болотъ и ударитъ во флангъ его. Этотъ ударъ будетъ рѣшительный. Мать пана, истинная патріотка, и друзья ея ручаются ему за двѣ тысячи повстанцевъ, хорошо вооруженныхъ, только на условіи, чтобы старшій сынъ ея командовалъ ими. Вы, конечно, догадываетесь, что нынѣшнюю революціонную войну будемъ мы вести иначе, нежели предшествовавшія. Я назову ее войной партизанской, гверильясовъ. Мы станемъ дѣйствовать отдѣльными отрядами въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ, какъ будто нарочно сбереженныхъ для подобнаго рода дѣйствій. Здѣсь каждому начальнику отряда предоставлена полная свобода, и потому намъ генералы Бонапарты не нужны.

Заговорщики привѣтствовали хозяина съ важнымъ назначеніемъ. Владиславъ холодно принялъ поздравленія.

— Кажется, русскіе начали рубить лѣса вдоль желѣзныхъ дорогъ, а другіе, вѣковые, заказные и прежде двинулись изъ Литвы въ Балтійское море,—насмѣшливо замѣтилъ кто-то.

— Еще будетъ съ насъ. Сражаясь на родной землѣ, дома, мы имѣемъ на своей сторонѣ важныя преимущества. Каждая тропинка, каждый кустъ, овражекъ намъ знакомы. Нынѣ ночуемъ на-сторожѣ въ непроходимомъ лѣсу, завтра пируемъ у брата нашего гостепріимнаго пана. Нырнемъ здѣсь, вынырнемъ за десять миль. Лазутчики, проводники, ксендзы, шляхта, пани и паненки—все помогаетъ намъ. Мы разрушаемъ желѣзныя дороги, перехватываемъ транспорты, баттареи съ ненадежнымъ конвоемъ, опустошаемъ русскія кассы, палимъ жатвы, амбары еретиковъ, нападаемъ на сонныхъ солдатъ, сжигаемъ вмѣстѣ съ хатами, рѣжемъ ихъ. *Оружіе доставляютъ намъ Чарторижскіе и Замойскіе; монастыри мужскіе и женскіе будутъ тайными складами этого оружія; отъ польскихъ комитетовъ въ Парижѣ и Лондонѣ* получаемъ деньги.

— И отъ патріотовъ, живущихъ въ Россіи,—спѣшилъ словомъ своимъ дать перевести духъ витіи одинъ изъ собранія, среднихъ лѣтъ, довольно пріятной наружности, мощно сложенный.

Это былъ Людвиковичъ. Засунувъ руку въ боковой карманъ фрака, онъ вынулъ оттуда пакетъ, раздувшійся отъ начинки его.

— На первый разъ, панъ воевода, кладу на алтарь ойчизны двѣ тысячи рублей, и если они будутъ благосклонно приняты...

— Еще бы! — радостно перебилъ Жвирждовскій, принимая пакетъ и кладя его въ боковой карманъ своего русскаго мундира.

— Завтра представлю вамъ еще десять тысячъ и каждые четыре мѣсяца столько же.

— Благодарю отъ лица всѣхъ нашихъ братій и матки нашей, Польши,—молвилъ съ чувствомъ воевода, пожавъ въ нѣсколько пріемовъ руку щедраго дателя.

— Виватъ, панъ! молодецъ, панъ! — загремѣло въ собраніи.

— Немудрено, что панъ такъ щедръ, — ввернулъ тутъ свое замѣчаніе пузатенькій господинъ, — онъ родился подъ счастливыми созвѣздіями Венеры и Меркурія: эмблемы понятны—любовь и торгъ. Онъ нашелъ неистощимый кладъ въ сердцѣ одной вдовы-купчихи, которой мужъ оставилъ огромное денежное состояніе. Старушка отъ него безъ ума; что ни визитъ, то, думаю, тысяча.

— Всѣ средства хороши, лишь бы достигали своей цѣли,—замѣтилъ ксендзъ,—кто рветъ цвѣты въ молодомъ цвѣтникѣ, кто плоды въ старомъ вертоградѣ.

— Наши офяры по списку, который я держу, простираются уже до значительной суммы, — сказалъ одинъ изъ членовъ собранія.

— Будьте осторожны съ письменами, — внушилъ ему Жвирждовскій.

— О! на этотъ счетъ можете быть покойны; я пишу ихъ разными гіероглифами.

— Хорошо бы было, еслибъ вы доставили мнѣ завтрашній же день всѣ собранныя деньги. Спѣшу въ Петербургъ для набора рекрутъ-офицеровъ, да особенно нужно мнѣ переговорить съ Огризкой. Вотъ этотъ такъ геній по своей профессіи, самого діабла обманетъ, лишь бы не наткнулся на одного человѣчка. Идетъ шибко въ гору... Да найдите вѣрную персону, которая лично будетъ доставлять мнѣ приношенія.

— Я беру на себя эту обязанность,—сказалъ одинъ изъ собранія, — кстати у меня есть дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ Могилевской губерніи.

Воевода благодарилъ.

— Виватъ наша интеллигенція! Она ручается намъ за вѣрную побѣду на всѣхъ путяхъ нашихъ. Вотъ наши скромныя средства вести войну, панъ Пржшедиловскій,—прибавилъ иронически воевода, обратясь къ тому, въ комъ онъ видѣлъ своего антагониста.

Пржшедиловскій молчалъ.

— Досадно больно, однакожъ, — сказалъ Людвиковичъ, положившій важный кушъ на алтарь ойчизны,— что наши же братья-поляки, узнавши мою тайну, обнаруживаютъ ее нескромными рѣчами и разстроиваютъ мои виды на богатую вдову. Ужь и въ Петербургѣ объ ней узнали и возбудили нѣкоторыя, хотя и не опасныя подозрѣнія въ такомъ мѣстѣ, куда бы они не должны проникнуть. А я такъ было все хорошо устроилъ въ домѣ Маврушкиной. Я у нея врачемъ, адвокатъ полякъ, гувернеръ, учителя — тоже поляки. Недавно ввелъ я къ ней досточтимаго пана ксендза Б. И вдовушка и дѣти безъ ума отъ его вкрадчивыхъ рѣчей. Еще долженъ прибавить, что нескромность моихъ компатріотовъ вызвала нашихъ эмиссаровъ къ безпрерывнымъ требованіямъ отъ меня денегъ. Одни пишутъ прислать имъ столько-то, другіе столько. Вотъ и вчера получилъ я письмо изъ Петербурга о присылкѣ 25 паръ сѣренькихъ перчатокъ.

— Чтожъ изъ этого? Перчатки не Богъ знаетъ что стоятъ.

— Какъ будто нельзя найти сѣрыхъ перчатокъ въ Петербургѣ! Могли бы распечатать письмо; ловкій комментаторъ смекнетъ, что не перчатки требуются, а 25 паръ пятидесятирублевыхъ сѣрыхъ кредитокъ. Слава Богу, письмо осталось въ дѣвственной оболочкѣ, потому что было адресовано на имя одной русской паненки.

— Которая, не такъ какъ вдовушка, довольствуется покуда одною платоническою любовью. Панъ уже два

года ведетъ ее къ алтарю и не доводитъ до сихъ поръ,—подхватилъ пузатенькій господинъ.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся воевода. — Съ одной стороны деньги, съ другой важныя услуги. Браво!

Насмѣявшись вдоволь со своими собесѣдниками этой продѣлкѣ, онъ продолжалъ прерванную рѣчь.

— И такъ, мы будемъ вести въ началѣ кампаніи войну гверильясовъ. Мое воеводство доставитъ до 30 тысячъ повстанцевъ; расчислите по этой мѣркѣ, что дадутъ всѣ губерніи отъ Нѣмана до Днѣпра, по крайней мѣрѣ 200. Присовокупите къ нимъ войска Франціи, Англіи, Италіи и Швеціи. Я получилъ изъ Парижа извѣстіе, что Макъ-Магону велѣно поставить четвертую колонну на военную ногу. На берегъ Курляндіи высадится десантъ изъ Швеціи съ оружіемъ и войскомъ, предводимымъ русскими знаменитыми эмигрантами.

— Измѣнники своему отечеству не могутъ быть надежными союзниками, — замѣтилъ Пржшедиловскій.

— Мы должны пользоваться всѣми средствами, какія предлагаютъ намъ обстоятельства, — возразилъ Жвирждовскій. — Когда подаютъ утопающему руку спасенія, онъ не разбираетъ, чиста ли она или замарана. Хороши ваши правила во времена идиллій, а не революцій. Я говорилъ вамъ до сихъ поръ, многоуважаемые паны, о нашихъ средствахъ, теперь изложу вамъ ходъ нашихъ дѣйствій. Первыми застрѣльщиками въ передовой нашей цѣпи выйдутъ ученики Горыгорѣцкаго земледѣльческаго института, основаннаго недогадливыми москалями на свою голову въ сердцѣ Бѣлоруссіи. Студентъ Висковскій, наименованный мною начальникомъ мѣста, и фигурусъ Дымкевичъ не дремлютъ; гнѣздо заговорщиковъ тамъ надежно свито. Они ждутъ только моего пароля.

— Какъ бы эти фигурусъ и студенты не остались на однѣхъ фигурахъ!—сказалъ Пржшедиловскій.

— Они выкинутъ такія, отъ которыхъ задрожитъ земля русская.

— Жаль мнѣ бѣдныхъ дѣтей, отторгнутыхъ отъ науки, отторгнутыхъ отъ семействъ, чтобы положить неразумную свою голову въ первомъ неравномъ бою; жаль мнѣ бѣдныхъ матерей, которымъ придется оплакивать ихъ раннюю утрату.

— Оплакивайте ихъ сами, панъ Пржшедиловскій, если у васъ слезы вода,—сказалъ ксензъ. — Наши матери вѣдь польки; онѣ сами съ благословеніемъ посылаютъ дѣтей своихъ на бой съ врагами ойчизны и, если сыновья ихъ падутъ за дѣло ея свободы, поютъ гимны благодарности Пресвятой Дѣвѣ.

— Прошу вниманія, паны добродзеи, — произнесъ особенно торжественно Жвирждовскій.—Панъ ксендзъ, котораго имѣемъ счастіе видѣть между нами, самоотверженно покидаетъ свою богатую паству въ Москвѣ и переселяется въ лѣсную глушь Рогачевскаго уѣзда, въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ костеловъ губерніи. Тамъ его вліяніе будетъ полезнѣе, нежели здѣсь. Онъ стоитъ цѣлаго корпуса повстанцевъ. Его умъ, его образованность, его увлекательное краснорѣчіе привлекутъ къ нему все наше шляхетство и народъ. Паны и паненки уже безъ ума отъ одной вѣсти, что онъ къ нимъ прибудетъ, и заранѣе готовятся усыпать путь его цвѣтами и приношеніями.

— Благодаримъ, благодаримъ, — закричали голоса.

— Великій миссіонеръ нашей свободы!

— Да будетъ похваленъ панъ ксендзъ въ семъ мірѣ и въ другомъ.

— Да возсядетъ на бискупскую каѳедру въ польскомъ королевствѣ!

Ксендзъ всталъ, приложилъ руку къ сердцу и, поклонившись собранію, произнесъ съ чувствомъ:

— Сдѣлаю все, сыны мои, что повелѣваетъ мнѣ ойчизна и церковь наша.

— Теперь,—сказалъ Жвирждовскій, — приступимъ къ плану нашихъ дѣйствій въ обширныхъ размѣрахъ. Нынѣшняя осень и будущая зима пройдутъ въ приготовленіяхъ къ организаціи нашихъ войскъ. Лучше тише, да вѣрнѣе. Съ первымъ весеннимъ лучемъ иноземная помощь прибываетъ съ двухъ сторонъ—съ одной чрезъ Галицію, съ другой, какъ я сказалъ, десантомъ отъ береговъ Балтійскаго моря. Русскія войска достаточно подготовлены пропагандой и деморализованы, чтобы съ прибытіемъ союзниковъ не желать долго упорствовать въ удержаніи поголовно возставшей Польши. Въ это время Литва, въ полномъ возстаніи, очищается отъ русскихъ. Гвардіи опасаться нечего: въ рядахъ ея имѣются друзья [1]).

— Не ошибитесь,—перебилъ оратора Пржшедиловскій,—два, три офицера изъ поляковъ не составляютъ еще цѣлаго корпуса. Гвардія русская всегда отличалась преданностью своему государю и отечеству.

— Смѣшно! Сидя въ своемъ темномъ уголку надъ канцелярскими бумагами, вы, кажется, хотите знать, что дѣлается въ политическомъ мірѣ, лучше меня. Не даромъ вращаюсь я въ тайныхъ и открытыхъ высшихъ сферахъ.

— Кажется, панъ Пржшедиловскій est plus moscovite que les moscovites eux-mêmes,—замѣтилъ, сардонически усмѣхаясь, ксендзъ Б.

— Замолчите же, ревностный пасынокъ Россіи,— закричали голоса.

---

[1]) Смотри статью: „Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи“.

Пржшедиловскій презрительно посмотрѣлъ на своихъ антагонистовъ.

— Я обстрѣленъ пулями и ядрами, — сказалъ воевода, — такъ мнѣ ли смущаться огнемъ холостыхъ выстрѣловъ! Кончаю. Отряды Сѣраковскаго со всѣхъ сторонъ подступаютъ и берутъ Вильно. Относительно моего могилевскаго воеводства: должно сперва временно отбросить — говорю: временно — мало-надежные уѣзды: гомельскій, климовскій и мстиславскій, гдѣ, кажется, родился панъ, мой оппонентъ.

— Точно такъ, — отозвался Пржшедиловскій,—вы знали хорошо моего отца и мать.

— Они оказали мнѣ нѣкоторыя услуги во время моего сиротства,—сказалъ покраснѣвъ Жвирждовскій,— и еслибы я ихъ забылъ, то давно не позволилъ бы вамъ говорить такъ самонадѣянно.

Пржшедиловскій взглянулъ вопросительно на хозяина.

— Позволить и не позволить никто здѣсь не имѣетъ права,—гнѣвно возвысилъ голосъ Стабровскій,—у меня въ домѣ нѣтъ пока особеннаго начальства; всѣ мои гости равные и свободные отъ всякой диктатуры. Говорить и возражать имѣетъ право всякій, кого имѣю честь видѣть у себя. Вы сами это давича объявили, панъ Жвирждовскій.

Стабровскій, по отношеніямъ Жвирждовскаго къ брату, къ матери и своему твердому характеру, не былъ такое лицо, которое можно было безнаказанно возстановлять противъ себя, и потому будущій воевода, проглотивъ горькую пилюлю, просилъ у него извиненія за слова, сказанныя въ патріотическомъ увлеченіи. Наконецъ онъ приступилъ къ финалу своей заученной рѣчи, сначала нѣсколько тревожнымъ голосомъ, потомъ все болѣе и болѣе воодушевляясь:

— «Прочіе уѣзды поднимаются съ помощью быстро

сформированныхъ жондовъ на берегахъ Днѣпра. Тогда, подчинивъ рѣшительно своей власти все воеводство, устремляемся въ рославскій уѣздъ смоленской губерніи. При общемъ настроеніи умовъ въ Россіи, обработанныхъ польскою пропагандой въ учебныхъ заведеніяхъ, тайною, зажигательною литературой и прочее и прочее, съ появленіемъ повстанцевъ на Днѣпрѣ мы несомнѣнно тотчасъ присоединяемъ губерніи: смоленскую, московскую и тверскую и безпрепятственно доходимъ до Волги. Тамъ, на правомъ берегу, водружаемъ наше польское знамя. Въ этомъ я ручаюсь вамъ гоноромъ своимъ и головой. Разумѣется, мы будемъ только авангардомъ великой арміи союзниковъ. Такимъ образомъ, явясь въ началѣ апрѣля на берегу Днѣпра, мы избѣгнемъ ошибки Наполеона, погубившей его въ двѣнадцатомъ году. Онъ привелъ только къ осени въ Москву войско, утомленное сраженіями и походами. Ему лишь стоило остановиться на зимнихъ квартирахъ въ западныхъ губерніяхъ и, подобно намъ, двинуться уже слѣдующей весной во внутренность Россіи.

— Умно, геніально задуманное дѣло,—закричали офицеры.—Виватъ, панъ Жвирждовскій!

— Ваше имя не умретъ въ потомствѣ, панъ воевода,—прибавилъ кто-то.

Пржшедиловскій молчалъ, потому что на такую заносчивую, шарлатанскую рѣчь нечего было возражать.

— Выгоднѣе было бы спуститься по Днѣпру въ Кіевъ,—сказалъ панъ Суздиловичъ, шевеля усиками,—и тамъ подписать приговоръ Россіи.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричали нѣкоторые изъ заговорщиковъ.

— Позвольте объяснить,—просилъ Суздиловичъ задыхаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричали еще громче несогласные съ его мнѣніемъ.

— Позвольте.

— Не позволяемъ.

Шумъ возрасталъ, такъ что панъ въ колтунѣ, продремавшій большую часть засѣданія, проснулся и со страхомъ озирался.

— На голоса, паны,—сказалъ Стабровскій.

Согласились.

Голоса всѣ были въ сторонѣ воеводы.

— Остается намъ узнать отъ васъ, панове,—спросилъ Жвирждовскій,—какія обязательства вы на себя принимаете?

— Я не могу отлучиться отъ своей должности, ни отъ особы, которая такъ щедро доставляетъ мнѣ средства поддерживать польское дѣло,—сказалъ опекатель богатой вдовушки.

— Добрже, панъ.

— Я также собираю здѣсь офяры и обязанъ доставлять вамъ ихъ лично, какъ мы условились,—отозвался другой.

— Согласенъ.

— Я учитель, — сказалъ третій, — и мое дѣло обработывать здѣшнее юношество.

— И то очень, очень полезно для насъ.

— Вы, панъ?—громко спросилъ воевода помѣщика въ колтунѣ, опять задремавшаго.

Тотъ протеръ себѣ глаза и отвѣчалъ:

— Я ужь вамъ сказалъ, что снаряжаю сто повстанцевъ, одѣваю и содержу на свой счетъ.

— Прекрасно!

Офицеры вызвались явиться по первому призыву въ отрядъ Владислава Стабровскаго, которому, какъ военные, могутъ быть полезны въ организаціи повстанцевъ.

Студенты объявили то же.

Одобрено.

— Я жертвую на первый разъ пять тысячъ... успѣлъ только произнести пузатенькій господинъ.

— Рублей серебромъ,—подхватилъ одинъ изъ студентовъ.

— Злотыхъ, — сердито договорилъ Суздиловичъ.— Еслибъ вы не перебили меня, я сказалъ бы рублей.

— Вы богаты, панъ,—замѣтилъ Жвирждовскій,— могли бы больше...

— Обязываюсь вносить ежегодно столько же въ кассу жонда, пока продолжится война.

— Панъ надѣется на троянскую войну,—замѣтилъ студентъ.

И всѣ засмѣялись.

Задѣтый этимъ смѣхомъ за живое, Суздиловичъ самоотверженно объявилъ, что онъ обязывается сверхъ того проливать кровь свою за ойчизну въ отрядѣ Владислава Стабровскаго.

— Въ нѣкоторомъ родѣ, — прибавилъ Пржшедиловскій, хорошо знакомый съ русской литературой.

— Я буду работать этимъ кинжаломъ въ отрядѣ пана Владислава, если онъ пожертвуетъ его мнѣ,— зыкнулъ Волкъ,—и не положу охулки на руку.

— Вамъ давно нравится этотъ кинжалъ,—сказалъ Стабровскій, — хотя это подарокъ матери, онъ не можетъ перейти въ лучшія руки, какъ въ ваши.

Волкъ обнялъ Владислава. Лишь только бросился онъ къ кинжалу и шатнулъ этимъ движеніемъ столъ, гибкая сталь еще жалобнѣе прежняго заныла. Вынувъ мускулистой рукой глубоко засѣвшій клинокъ, онъ поцѣловалъ его.

— А вы, панъ Пржшедиловскій? — спросилъ воевода.

— Безразсудно было бы мнѣ покинуть на произ-

волъ судьбы жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей; не могу жертвовать и деньгами, потому что я бѣденъ и только своими трудами содержу семейство свое.

— Но вы можете быть полезны, распространяя въ обществахъ и между своими сослуживцами вѣсти, благопріятныя для польскаго дѣла, подслушивая, что говорятъ между ними опаснаго для этого дѣла, и насъ увѣдомляя.

— Развѣ для того панъ приметъ эту обязанность, чтобы вредить намъ,—отозвался кто-то.

— Вотъ видите,—сказалъ Пржшедиловскій,—и я на низкую роль шпіона не гожусь, а потому здѣсь лишній и удаляюсь.

— Лучше искренній врагъ, чѣмъ двусмысленный другъ,—проворчалъ воевода.

— Ни тотъ, ни другой,—холодно отозвался Пржшедиловскій.

Онъ успѣлъ только проговорить, какъ вбѣжалъ въ кабинетъ Кириллъ и доложилъ своему господину, что къ хозяйкѣ приходилъ квартальный и спрашивалъ ее, почему у пана такое большое сборище поляковъ.

При этомъ извѣстіи у многихъ вытянулись лица; Суздиловичъ собирался ужь утечь въ спальню хозяина.

— Не тревожьтесь,—сказалъ Владиславъ спокойнымъ голосомъ,—я ужь научилъ панну Шустервагенъ объявить любопытнымъ, что мы провожаемъ русскихъ офицеровъ въ Петербургъ. Впрочемъ хозяйка умѣетъ ладить со здѣшними аргусами.

Всѣ успокоились.

Пржшедиловскій взялъ шляпу и, отведя Владислава въ сторону, тихо сказалъ ему:

— Прощай, другъ; я не останусь у тебя завтракать. Боюсь, чтобы гости твои, упоенные добрымъ виномъ и торжествомъ будущихъ своихъ побѣдъ не вздумали оскорблять меня за то, что я несогласенъ съ

ихъ шарлатанствомъ. Меня дома ждутъ жена и дѣти, и я въ кругу ихъ отдохну отъ всего, что здѣсь слышалъ и видѣлъ.

Владиславъ не настаивалъ, но вызвался проводить друга своего въ коридоръ.

Здѣсь они остановились. Пржшедиловскій крѣпко пожалъ ему руку и, видимо тронутый, сказалъ, покачавъ головой:

— Et toi, Brutus? И въ этомъ сумасбродномъ обществѣ?...

— Развѣ я не вижу, что они безумствуютъ, что всѣ ихъ планы не болѣе, какъ миражъ? Но я рѣшился покончить такъ или сякъ съ своей судьбой. Для меня все равно, погибнуть ли въ обществѣ разсудительныхъ людей или безумцевъ.

— А Елизавета? Я надѣялся, что ты будешь съ нею счастливъ по моему.

— Не мнѣ суждено это счастіе. Она отвергла мою любовь; у нея есть женихъ. Я золъ на нее, золъ на отца ея, на всѣхъ русскихъ. Польское имя здѣсь въ презрѣніи.

— Безразсудный!

— Все кончено. Прощай, другъ; мы, можетъ быть, болѣе не увидимся.

Слезы навернулись на глазахъ обоихъ. Они горячо обнялись,—и разстались.

— Слава Богу, тринадцатый выбылъ изъ нашего общества,—сказалъ Суздиловичъ,—за столомъ этого рокового числа не будетъ.

— Ну его къ діабламъ!—сердито прибавилъ Жвирждовскій.

Клятва, установленная высшимъ трибуналомъ жонда, была произнесена членами общества, принявшими на себя, каждый по средствамъ своимъ, обязанности служить дѣлу ойчизны.

— Теперь, панове, мы сыты по горло духовными требами; примемся за утоленіе голодныхъ тѣлесъ нашихъ,—провозгласилъ хозяинъ.

Суздиловичъ, любившій хорошо покушать, отъ радости то потиралъ себѣ руки, то похлопывалъ себя по пустому брюшку.

Спѣшили завтракомъ. Къ тремъ часамъ столъ былъ сервированъ, блюда подавались избранныя, вино лилось въ изобиліи; Кириллъ и три хорошенькія дѣвушки прислуживали за столомъ не хуже татаръ Дюссо. Было много тостовъ на французскомъ языкѣ, непонятномъ прислугѣ. Пили дружно за свободу ойчизны, великихъ союзниковъ, за Чарторижскаго, Мѣрославскаго, Сѣраковскаго, воеводу могилевскаго, хозяина, отсутствующихъ пулковниковъ, былъ тостъ въ честь польскаго знамени, водруженнаго на правомъ берегу Волги. Особенно воевода и ксендзъ соперничали другъ передъ другомъ въ осушеніи бокаловъ. Владиславъ повременамъ задумывался, но старался залить виномъ огонь, его пожиравшій.

Всѣ гости встали уже изъ-за стола; отяжелѣвшіе отъ изобилія винъ и яствъ, они посѣли и полегли въ разныхъ позахъ на диванахъ, кушеткахъ и креслахъ, кто дремля, кто болтая всякій вздоръ, кто закуривъ сигару.

Исчезли слѣды завтрака; женская прислуга была отпущена, оставался одинъ Кириллъ за своей перегородкой, отправлявшій въ свой желудокъ остатки кушаньевъ.

Послышался звонокъ, и вслѣдъ за его дребезжащимъ звономъ влетѣла въ кабинетъ, шурша своимъ длиннымъ шелковымъ шлейфомъ, молодая дама, блистая красотой, парою обворожительныхъ глазъ и алмазами, сверкавшими на ея груди и въ ушахъ. Она была въ траурѣ, скрашенномъ нѣкоторыми туалет-

ными принадлежностями національнаго цвѣта. При появленіи ея всѣ спѣшили оправиться и встать со своихъ мѣстъ.

— Виватъ, панна N. N!—громогласно раздалось по комнатѣ.

— Штъ,—прошептала она, положивъ палецъ на свои розовыя, соблазнительныя губки, потомъ прибавила очаровательнымъ голосомъ:—Я знала отъ пана Жвирждовскаго, что вы собираетесь здѣсь для великаго дѣла Польши. Простите великодушно, что не могла быть съ вами во-время, занята была по этому же дѣлу. Увѣрена, что всѣ вы исполнили свой долгъ. Я пріѣхала къ вамъ на нѣсколько минутъ, чтобы положить и мою офяру на алтарь ойчизны.

Она развернула большой свертокъ, который держала въ рукѣ. Это было знамя съ богатыми золотыми украшеніями и изображеніемъ на немъ одноглаваго бѣлаго орла, держащаго въ своихъ когтяхъ чернаго двуглаваго. Сверху была надпись: „Za niepodległość ojczyzny", а надъ ней Пресвятая Дѣва въ сопровожденіи папы, благословляющіе колѣнопреклоненныхъ передъ ними воиновъ въ старо-польскомъ вооруженіи.

— Я приношу это знамя легіону могилевскаго воеводы Топора (пана Жвирждовскаго), — сказала красавица,—вы знаете, что я по смерти мужа до сихъ поръ отказывала въ рукѣ моей всѣмъ искателямъ ея. Тотъ, кто водрузитъ это знамя на куполѣ смоленскаго собора, хоть бы онъ былъ не лучше чорта, получитъ съ этой рукой мое богатство и сердце. Клянусь въ томъ всѣми небесными и адскими силами.

— Виватъ, панна N. N!—закричали восторженные голоса.

— Насъ принесутъ къ ногамъ вашимъ мертвыхъ на этомъ знамени,—сказалъ Жвирждовскій,—или съ этимъ знаменемъ въ рукѣ, но только съ прибавкой на

немъ новой надписи: «развѣвался на главѣ Ивана Великаго».

— Клянемся, клянемся!—подхватили другіе.

— Теперь, панъ Стабровскій, бокалъ мнѣ шампанскаго за успѣхъ нашего общаго дѣла и за здоровье присутствующихъ и отсутствующихъ освободителей Польши.

На поверхности бокала, стремительно налитаго усердною рукой, образовалась пѣнистая коронка, метавшая отъ себя искорки. Жвирждовскій подалъ ей на маленькомъ серебряномъ подносѣ, преклонивъ передъ ней, какъ рыцарь передъ дамой своего сердца, одно колѣно. Обведя бокаломъ все собраніе, она молодцовато осушила его.

— Теперь за здоровье панны, передъ которой вся Польша должна преклонить колѣни; только не изъ бокала, а изъ башмачка ея! — воскликнулъ Жвирждовскій.

Красавица ловко скинула башмакъ съ крошечной своей ножки и передала его воеводѣ. Шампанское было въ него налито, и пошла круговая ходить при оглушительныхъ виватахъ.

Когда панна надѣвала башмакъ на ногу, кто-то замѣтилъ, что она можетъ простудиться.

— Женщины, въ которыхъ течетъ польская кровь, не простуживаются, когда сердце ихъ согрѣто патріотизмомъ друзей, — отвѣчала панна, и распростилась со своими восторженными поклонниками. — Не могу дольше оставаться съ вами, — прибавила она, — дала слово быть въ этотъ часъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ должна поневолѣ кружить головы москалямъ.

«Я знаю одну подобную ножку у русской красавицы»,—подумалъ Владиславъ, настроенный виномъ и прошедшей сценой къ чувственнымъ впечатлѣ-

ніямъ:—«о! эту ножку я обсушилъ бы своими поцѣлуями!»

Къ шести часамъ вечера заговорщики разошлись всѣ по домамъ, иные спѣша уѣхать къ своему назначенію, другіе желая поспѣть къ отъѣзду Жвирждовскаго со своими услугами.

V

Сурминъ, посѣщая повременамъ Ранѣевыхъ, выигрывалъ все болѣе и болѣе въ сердцѣ старика. Михайло Аполлонычъ угадывалъ, что Лиза сдѣлала на него сильное впечатлѣніе, и почелъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ назвать его членомъ своего семейства. Лиза находила удовольствіе въ его обществѣ, въ его бесѣдахъ, нерѣдко спорила съ нимъ, радовалась, когда успѣвала надъ нимъ торжествовать, находила его добрымъ, умнымъ, любезнымъ, достойнымъ составить счастіе дѣвушки, съ которой соединилъ бы онъ свою судьбу. Но, къ отчаянію своему, влюбленный молодой человѣкъ въ рѣчахъ ея и обращеніи съ нимъ не находилъ до сихъ поръ того, что можно было бы признать за чувство, котораго добивался. Кокетства, желанія завлечь его сильнѣе въ свои сѣти онъ также не находилъ даже малѣйшихъ слѣдовъ.

У Ранѣевыхъ онъ познакомился съ новою интересною личностью, Антониной Павловной Лориной. Это была сестра хозяина дома, въ которомъ они квартировали, и самая задушевная подруга Лизы. Тони передавала она свои радости и печали, свои тайны, кромѣ одной, которую повѣрила только Богу. Чтобы короче познакомить читателя съ этимъ новымъ лицомъ, я долженъ отступить отъ начатаго разсказа.

Павелъ Иванычъ Лоринъ, выйдя изъ военной службы гвардейскимъ капитаномъ, былъ избранъ въ губерніи, гдѣ имѣлъ прежнее помѣстье, совѣстнымъ судьею и въ этой должности пріобрѣлъ себѣ доброе имя. Пробывъ въ ней два трехлѣтія, онъ распростился съ нею и губерніей и переселился въ Москву, гдѣ жена его по случаю купила на свои деньги и имя небольшой домъ на Прѣснѣ. По пріѣздѣ сюда у нихъ были три сына и три дочери, отъ четырехъ до пятнадцати лѣтъ. Здѣсь поручили старшихъ воспитанію русской гувернантки, дѣвицы Фундукиной, вышедшей изъ казеннаго заведенія кандидаткой 1-го разряда. И не даромъ досталась ей пальма первенства. Она отлично знала языки французскій и нѣмецкій, была непогрѣшима и противъ грамматическаго кодекса русскаго; помимо этихъ знаній владѣла нѣкоторыми искусствами: хорошо рисовала, изучила музыкальную школу и была истинною художницей въ каллиграфіи. Все, что знала, она умѣла и передать своимъ ученикамъ и ученицамъ. Прибавьте къ этимъ достоинствамъ доброе обращеніе съ ними, заботы о здоровьѣ матери и дѣтей, и вы согласитесь, что такая воспитательница была истинный кладъ для Лориныхъ. За то и платили они ей полнымъ довѣріемъ, теплою благодарностью и любовью.

Скоро, по болѣзни Лориной, Фрундукина приняла въ свои руки и бразды домашняго хозяйства. И тутъ у нея все спорилось; удивлялись только, какъ ея доставало на такія разнородныя занятія. Благодѣтельное господство ея, которое она старалась скрасить вкрадчивыми услугами четѣ и добрымъ обращеніемъ съ прислугой, простиралось на все, ее окружавшее. Пользуясь привязанностью къ ней госпожи Лориной и нѣкоторыми признаками минутнаго увлеченія мужа, она стала забрасывать въ его душу разныя зажигательныя вещества, на которыя кокетки такъ изобрѣтательны.

Назвать ее хорошенькой нельзя было, но съ одной стороны молодость (ей было съ небольшимъ двадцать лѣтъ), свѣжесть, румяныя щечки, изъ которыхъ кровь, казалось, готова была брызнуть, дѣвственныя формы, искусная работа сѣренькихъ глазъ, то бросающихъ мимоходомъ на свою жертву мѣткія стрѣлы, то покоющихся на ней въ забытьи сладострастной нѣги; съ другой стороны жена, давно больная отъ испуга послѣ родовъ во время пожара,—все это приготовило капитана къ паденію. Лорина, ослѣпленная новыми, усиленными заботами объ ней Фундукиной, ничего не подозрѣвала. Не скрылась эта связь отъ прислуги, даже дѣти смутно понимали ее. Нашелся, однакожъ, усердный членъ двороваго штата женскаго пола, который потрудился открыть глаза своей госпожѣ. Ударъ былъ силенъ, но несчастная женщина ни однимъ словомъ, ни однимъ знакомъ не обнаружила мужу и гувернанткѣ, что знаетъ роковую тайну. Между тѣмъ она съ каждымъ днемъ гасла все болѣе и болѣе, и наконецъ, совсѣмъ угасла, какъ огонь въ лампадѣ, который пересталъ питать поддерживающій его елей. Дѣти оплакали ее горячими слезами, плакалъ мужъ, но кто видѣлъ, какъ онъ въ эти горячія минуты охорашивался въ зеркалѣ, какъ будто говоря: «хоть куда еще молодецъ!»—могъ догадаться, что онѣ не текли изъ глубины души. Поплакала притворно и гувернантка, мысленно предвидя пріятную развязку этой драмы. Развязка эта не заставила себя долго ждать. Черезъ три, четыре мѣсяца Лоринъ повелъ свою бывшую тайную подругу къ вѣнцу. Скоро новая madame Лорина, какъ артистка, искусно разыгравшая свою роль и сошедшая со сценическихъ подмостковъ, явилась передъ семействомъ мужа и домочадцами въ безъискусственномъ видѣ. Здѣсь она не имѣла болѣе нужды скрывать свои природныя качества. Все вокругъ нея по

чувствовало, что жезлъ, которымъ она прежде такъ легко и благотворно правила, вдругъ чувствительно отяжелѣлъ. Если онъ обвивался иногда цвѣточною вязью, такъ только для Павла Иваныча, и то въ часы, когда нужно было выманить у него подарокъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. У него, какъ мы уже сказали, было хорошенькое помѣстье въ губерніи, гдѣ онъ прежде служилъ. Боясь, чтобы оно по смерти настоящаго владѣльца не перешло къ его законнымъ наслѣдникамъ по частямъ, а ей пришлась бы только ничтожная доля, она сочла за благо воспользоваться имъ безъ раздѣла и потому уговорила мужа продать его. Полученныя за имѣніе деньги перешли на ея имя билетами опекунскаго совѣта. Прочее движимое имущество завѣщано ей законнымъ актомъ. Корыстолюбіе ея не знало границъ и проявилось даже въ мелочахъ. Съ годами пошли у нея свои дѣти; тѣхъ же, которыя были отъ первой жены, держала она въ загонѣ. Ихъ помѣстили отдѣльно въ небольшія комнаты мезонина, худо отапливаемыя, иногда черезъ день, черезъ два, такъ какъ Лорина находила, что все тепло снизу уходитъ къ нимъ наверхъ. Обращеніе съ ними было не только холодное, но и суровое. Если они и удостоивались ея лицезрѣнія, такъ для того только, чтобы привѣтствовать отца и мачиху съ добрымъ утромъ и пожелать имъ на сонъ грядущій покойной ночи, да приложиться къ ихъ ручкѣ. Не обходилось, однакожъ, при этихъ торжественныхъ пріемахъ, чтобъ она не разбранила кого-нибудь изъ пасынковъ или падчерицъ. Болѣе всѣхъ доставалось Тони, которую она особенно не любила за то, что обидчивая дѣвочка не всегда подчинялась ея деспотизму.

— Ce petit lutin me fouette toujours le sang,—говорила она мужу и постороннимъ.

Дѣти отъ перваго брака не обѣдали съ нею и отцомъ

за общимъ столомъ; кушанья, и тѣ въ-обрѣзъ, подавали въ ихъ отдѣленіе, какъ подачку со стола господъ. Сама чета съ новымъ выводкомъ комфортабельно жила въ бель-этажѣ. Но и между дѣтьми своими, которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ насчитывала также до шести, г-жа Лорина имѣла двухъ любимцевъ-баловней — старшую дочь и старшаго сына, остальныхъ она не жаловала. Особенно не терпѣла одного, Петю, *послѣдыша*, какъ говорятъ у насъ въ народѣ, обыкновенно болѣе другихъ любимаго отцомъ и матерью, бабушкой и дѣдушкой. Этого худенькаго, слабаго ребенка преслѣдовала она безпрестанно своими гнѣвными придирками, бранью и даже побоями. Сталъ не такъ, взглянулъ не такъ,—и тяжелая рука ея падала на худыя щечки, на голову малютки. Это была какая-то непонятная ненависть къ нему, не смягчаемая ни его покорностью, ни видомъ болѣзненнаго состоянія. Бѣдное, загнанное, забитое дитя дрожало отъ одного ея появленія, отъ одного взгляда. Только въ защитѣ отца, вспыхивавшей въ рѣдкія минуты самостоятельности, въ горячихъ ласкахъ, украдкой расточаемыхъ, на груди его находилъ Петя кой-какія жизненныя силы. Такъ хрупкая былинка, едва держась въ землѣ изсыхающимъ корешкомъ сохраняется еще нѣжными заботами садовника.

Между тѣмъ проходили годы, время облетало подлунную или подсолнечную, какъ хотите, и вычеркивало милліоны изъ списка живущихъ на ней, отъ царя до поденщика, великихъ и малыхъ. Въ числѣ послѣднихъ пришла очередь и Павлу Иванычу. Пожилъ довольно на свѣтѣ, исполнилъ вѣрно завѣтъ, данный Предвѣчнымъ начинателю рода человѣческаго, народилъ двѣнадцать дѣтей, не считая умершихъ,—чего-же больше? Не велика потеря для міра, не велика и для семьи, кромѣ одного бѣднаго мальчика Пети, безъ него осиротѣвшаго. Похороны были скромно спра-

влены, съ однимъ священникомъ и его причтомъ, безъ балдахина съ рыцарскимъ плюмажемъ, безъ коней, въ черныхъ попонахъ, безъ факеловъ, которыхъ зловѣщій, красноватый огонь среди бѣлаго дня, съ ихъ смолистымъ куревомъ, такъ жутко бросается въ глаза прохожихъ. Да изъ чего было дѣлать эту дорогую процессію неутѣшной вдовѣ, оставшейся съ многочисленнымъ семействомъ, по слухамъ, ею распущеннымъ, совершенно неимущей? Шествіе къ кладбищу было поразительно-грустно. За гробомъ, въ совершенномъ изнеможеніи, шла она, поддерживаемая подъ обѣ руки своими родными. Вслѣдъ за нею плелись двѣнадцать человѣкъ дѣтей отъ двухъ многоплодныхъ браковъ, разныхъ возрастовъ. Старшая дочь отъ перваго брачнаго союза удушливо кашляла; злая чахотка отъ простуды въ сырой, холодной спальнѣ, не облегченная въ своемъ началѣ никакими врачебными пособіями, пустила глубокіе корни въ ея груди. Она это знала и давно безропотно покорилась волѣ Божіей, утѣшая себя только тѣмъ, что жизнь ея недолго продлится; Петю несъ на рукахъ своихъ дворникъ Лориныхъ отставной семидесятилѣтній солдатъ, какъ лунь бѣлый, но еще крѣпкій старикъ, въ порыжѣломъ мундирѣ, украшенномъ медалями 12-го года и за взятіе Парижа и анненскимъ солдатскимъ крестомъ. Черные глазки малютки, горѣвшіе болѣзненнымъ огнемъ, выскакивали изъ шафраннаго личика и приковались къ трупу покойника. Онъ тянулъ свои исхудалыя ручки къ гробу и жалобно причиталъ: «возьми меня, папаша, съ собою». Священникъ и причтъ, привыкшіе къ похороннымъ сценамъ, смотря на этого бѣднаго ребенка, слыша его стенанія, не могли удержать слезъ своихъ. Долго еще послѣ того разсказывали они своимъ прихожанамъ, какое грустное чувство оставили въ нихъ похороны Лорина.

Прошло шесть недѣль, и многочисленное семейство его стало рѣдѣть въ домѣ на Прѣснѣ, какъ стая голубей, распуганная налетомъ коршуна. Сама Лорина со старшимъ сыномъ и старшею дочерью выѣхала изъ дому, который по наслѣдству принадлежалъ дѣтямъ отъ первой жены, и переѣхала въ наемную квартиру. При этомъ переѣздѣ она захватила съ собою изъ движимости все, что могло имѣть какую-нибудь цѣну, отъ серебряной ложки до глиняной плошки и обручей со старыхъ боченковъ. На новомъ мѣстѣ, отслуживъ молебенъ, она стала поживать въ полномъ довольствѣ. Старшую падчерицу снесли скоро на кладбище, гдѣ безмятежно почивалъ прахъ отца ея. Петю снесъ въ воспитательный домъ тотъ же семидесятилѣтній дворникъ. Сестры и братья его, отъ которыхъ онъ былъ такъ безжалостно отторгнутъ родною его матерью, простились съ нимъ со слезами, иные съ рыданіями. Когда его вынесли изъ воротъ, инвалидъ велѣлъ ему перекреститься. Исполнивъ это, онъ долго еще оборачивался на гнѣздо свое и родныхъ, стоявшихъ у воротъ и благословлявшихъ его. Когда жъ потерялъ ихъ изъ виду, «вздохнулъ, такъ тяжко вздохнулъ», говорилъ послѣ инвалидъ, «словно кто меня въ грудь ножомъ пырнулъ».

Недолго промаялся Петя въ своемъ новомъ пріютѣ, гдѣ увидалъ незнакомыя лица, можетъ быть непривѣтливыя, напоминавшія ему суровую мать. Тоска по роднымъ и болѣзнь свалили его. Онъ отдалъ Богу душу и послѣднее свое прощальное слово старшему брату и Тони, пріѣхавшимъ навѣстить его и усладить, чѣмъ могли, его участь

Четырнадцатилѣтнюю Тони взяла къ себѣ старушка, аристократка, узнавшая о бѣдномъ положеніи многочисленнаго семейства Лориныхъ, и увезла ее съ собою въ Петербургъ. Она дала слово замѣнить ей

мать и тѣмъ охотнѣе исполнила это слово, что скоро полюбила свою названную дочь за ея прекрасныя душевныя качества.

Одну изъ собственныхъ дочерей, пятилѣтнюю, Лорина помѣстила въ малолѣтнее отдѣленіе воспитательнаго дома, что на Гороховомъ полѣ, другую, постарше, въ Николаевскій институтъ, собственнаго сына отдала въ гимназію на казенный счетъ, другой, отъ перваго брака, поступилъ юнкеромъ въ пѣхотный полкъ. Оставались въ домѣ матери трое изъ дѣтей отъ перваго брака. Одинъ, старшій, Иванъ, по окончаніи курса въ университетѣ, служилъ столоначальникомъ въ какомъ-то судебномъ мѣстѣ и адвокатствовалъ по дѣламъ, которыя не производились въ мѣстѣ его служенія. Объ немъ скажемъ только, что онъ былъ неглупъ, точенъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и во всѣхъ своихъ дѣлахъ, добрый братъ. Другой, нѣсколько моложе его, Павелъ, кончившій курсъ въ гимназіи, служилъ помощникомъ столоначальника въ томъ же судѣ; здѣсь не могли нахвалиться его дѣятельностью. Знакомлю съ нимъ читателя только на шапочный поклонъ. При нихъ оставалась сестра, лѣтъ пятнадцати, Даша. Года черезъ два по освобожденіи своемъ отъ ига мачихи она сдѣлалась помощницей своихъ братьевъ по служебнымъ обязанностямъ. По маленькому росту ея, Тони прозвала ее *Крошкою Доритъ* (главное лицо въ романѣ этого названія Дикенса). Такъ размѣстились всѣ члены многочисленнаго семейства волею Провидѣнія и дипломатическими заботами г-жи Лориной. И заслужила же она себѣ въ свѣтѣ славу хорошей матери и примѣрной мачихи. Прибавить надо, лучшею, существенною ей наградой, какъ искусной актрисѣ на мірской сценѣ, былъ порядочный капиталецъ, оставленный ей мужемъ и обезпечившій ее на всю жизнь. Присоедините къ этому небольшую

сумму, завѣщанную ея любимой дочери богатымъ старичкомъ, державшимъ у купели на рукахъ своихъ эту дочку и къ которому она умѣла поддѣлаться, развлекая его по цѣлымъ часамъ игрою въ *дурачки*. Возвратимся къ Дашѣ или Крошкѣ Доритъ, какъ называла ее сестра. Характеристику ея нужно мнѣ дополнить по особенной симпатіи къ ней. Даша была маленькое, крошечное созданьеце. Какого роста сложилась она въ 14 лѣтъ, такою и осталась навсегда. Между тѣмъ во всѣхъ частяхъ ея фигурки и въ цѣломъ не было ничего уродливаго; все въ ней гармонировало одно съ другимъ. Миловидное, умное личико, съ правильными по величинѣ ея чертами, съ глазками блестящими какъ два черные граната, обведенными черными бровками, было особенно привлекательно добродушіемъ, на немъ выступавшимъ. Смотря на нее, вы сказали бы, что это — доброе дитя, неспособное никогда сердиться. И въ самомъ дѣлѣ никто въ домѣ не слыхалъ, не видалъ ея гнѣва. Только услугами своими, ласками, утѣшеніями давала она знать о себѣ въ своемъ семействѣ. Когда въ этихъ услугахъ и утѣшеніяхъ не нуждались, ея не слышно было, какъ будто она и не существовала въ домѣ. Бывали, однакожъ, у нея вспышки необыкновенной настойчивости, вслѣдствіе какихъ-нибудь твердыхъ убѣжденій, и тогда ничто не могло сбить ее съ этихъ убѣжденій. Оставшись жить съ двумя братьями, Даша видѣла, что эти бѣдные труженики приносили съ собой изъ суда цѣлыя кипы бумагъ и, заснувши часокъ послѣ обѣда, принимались писать и писать цѣлыя ночи напролетъ. Ей стало жаль ихъ. Фундукина передала ей вполнѣ, какъ ни одной изъ сестеръ, свой каллиграфическій талантъ; Даша задумала воспользоваться имъ, чтобы помочь братьямъ въ ихъ трудахъ. Задумано и исполнено: она стала переписывать не только канцелярскія дѣловыя бумаги, но и прошенія, даже

на высочайшее имя, такимъ мастерскимъ, четкимъ почеркомъ, что надо было любоваться, какъ она своею маленькою ручкой проворно низала строки, будто нити крупнаго жемчуга. Вдобавокъ самъ Гречъ не могъ бы найдти въ этихъ строкахъ грамматической ошибки— достоинство, которое рѣдко встрѣчается и у хорошихъ канцелярскихъ писцовъ. Слава Даши Лориной, какъ отличнаго калиграфа, росла понемногу. Къ ней чаще и чаще стали обращаться просители, труды ея вознаграждались гонораріемъ, достававшимъ не только на ея скромный туалетъ, но и на нѣкоторыя домашнія нужды ея маленькаго семейства. Богатые, особенно купцы, за переписку прошеній на высочайшее имя щедро платили ей. Завоевавъ себѣ славу хорошаго переписчика, Даша, подстрекаемая самолюбіемъ, захотѣла сочинять дѣловыя бумаги. Съ навыкомъ къ нимъ, природнымъ умомъ и смышленностью, пріученная братомъ отыскивать въ разныхъ уложеніяхъ приличные къ дѣлу законы, она вышла изъ этой школы маленькимъ чудомъ-адвокатомъ. Первые опыты были одобрены братомъ, вторые оказались еще удачнѣе и такъ далѣе и далѣе. Разумѣется, просители въ этой крошкѣ-дѣвочкѣ не подозрѣвали своего настоящаго адвоката, скрытаго за именемъ брата, но большею частью изъявляли желаніе, какъ непремѣнное условіе, чтобы бумаги ихъ были переписаны *легкою*, золотою ручкой барышни, потому что ручка эта, какъ гласила молва, приносила счастіе. И все это дѣлала Даша безъ всякаго ученія объ эмансипаціи женщинъ, комунистическихъ и соціалистическихъ доктринъ, о которыхъ она не имѣла и понятія.

Русская Крошка Доритъ была особенно дружна съ меньшимъ изъ двухъ братьевъ своихъ, съ которыми жила. По привязанности ихъ другъ къ другу, по одинакимъ склонностямъ, смиренію и добротѣ души, они,

казалось, родились двойниками. Съ малолѣтства предались они глубокому религіозному направленію. Духовная ли натура ихъ была такъ создана, настроили ли ее бесѣды старой, набожной няни о великихъ христіанскихъ сподвижникахъ и разсказы о страданіяхъ матери ихъ, которая, какъ святая, несла свой крестъ, чтеніе ли духовныхъ книгъ и церковное служеніе укрѣпили ихъ въ этомъ благочестивомъ направленіи,—такъ или иначе, Даша и Павелъ съ годами почувствовали, что теплая молитва къ Богу — высшая отрада человѣка. Они не пропускали ни одной ранней обѣдни. Къ поздней, особенно въ праздники, они не любили ходить, избѣгая многолюдства, которое пугало и смущало ихъ робкія души. За то въ эти дни они усердно молились дома, оградивъ себя отъ постороннихъ глазъ въ комнатѣ, менѣе другихъ посѣщаемой. При этомъ они произносили или пѣли молитвы, установленныя церковнымъ богослуженіемъ. И какъ стройно, умилительно пѣли они—братъ своимъ чистымъ баритономъ, сестра своимъ сладкимъ голоскомъ. Въ праздное отъ занятій время они читали духовныя книги и бесѣдовали о томъ, что прочли. Случалось, что, прекративъ чтеніе, сидя рядомъ въ широкомъ отцовскомъ креслѣ, они, обнявшись, засыпали. Смотря на нихъ улыбающіяся во снѣ лица, можно было догадаться, что имъ видятся свѣтлыя видѣнія. Въ ихъ религіозномъ настроеніи не было, однакожъ, никакого ханжества. Ни про кого во всю жизнь свою не сказали они злого слова, никого не осудили, что считали большимъ грѣхомъ, тѣмъ болѣе береглись даже намекнуть что-нибудь въ осужденіе мачихи. Напротивъ того, отзывались объ ней съ благодарностью за то, что, давши имъ воспитаніе, она дала и средства доставать себѣ насущный хлѣбъ.

Павелъ былъ нехорошъ собою, но его наружные

недостатки скрашивали какое-то благодушіе, какая-то дѣвственная чистота, разливавшаяся на его лицѣ. Онъ избѣгалъ общества, особенно молодыхъ людей, прельщавшихъ его разными соблазнами; при встрѣчѣ съ красивою женщиной всегда потуплялъ глаза и краснѣлъ, когда она съ нимъ заговаривала. Канцелярія и церковь были единственныя мѣста, имъ посѣщаемыя. И поплыли они, сплетясь руками и душой, на утломъ челнѣ своемъ по мятежнымъ водамъ жизни къ пристани, гдѣ нѣтъ болѣзни и печали.

Черезъ четыре года присоединилась къ нимъ и Тони. Эти годы, проведенные ею въ Петербургѣ, у ея благодѣтельницы, г-жи Z, мелькнули передъ ней, какъ прекрасное, волшебное видѣніе. Изъ маленькихъ, сѣрыхъ, съ оборванными обоями комнатъ, гдѣ ее радовалъ бѣдный кустикъ фуксій и будила кукушка, высовывая свою плѣшивую головку изъ облупленной часовой будки, она перенесена въ палаты. Здѣсь все сіяетъ, и стѣны подъ мраморъ, и бронза въ изобиліи, и паркеты, и зеркала, отражающія ея хорошенькую фигурку; здѣсь она гуляетъ, какъ въ тропическомъ саду, и часы съ миѳологическими каріатидами играютъ ей мелодическіе куранты. Вмѣсто сурового лица мачихи, ея крикливаго голоса, она видитъ добродушное, пріятное лицо старушки, своей благодѣтельницы, слышитъ ея ласковую, тихую рѣчь, которая такъ отрадно вѣетъ на душу. Повременамъ подслѣповатые глаза устремлены на нее съ любовью, морщинистая рука заглаживаетъ ея густые, пепельнаго цвѣта волосы, разметавшіеся отъ бѣганья, треплетъ ея разгорѣвшіяся щечки. Бѣдные клавикорды, которыхъ непокорные, помертвѣвшіе клавиши мучили ее до слезъ, заступилъ Эрарoвъ рояль, издающій подъ ея пальчиками послушные имъ гармоническіе звуки. Старушка, угадавъ въ ней музыкальный талантъ, для усовершенствованія въ

немъ, пригласила лучшихъ учителей давать ей уроки музыки и пѣнія. У госпожи Z была избранная библіотека. По назначенію ея являлись къ нимъ знаменитости русской и иностранной литературъ. Русской? — спросите вы, мой недовѣрчивый читатель. Да, русской, потому что она не походила на другихъ аристократокъ, которымъ имя отечественнаго писателя такъ же чуждо, какъ бы имя арабскаго, которыя, къ стыду ихъ, не умѣютъ не только правильно писать, но и говорить на своемъ родномъ языкѣ. Воспитаніе ея было направлено отцомъ ея, однимъ изъ генераловъ 12-го года, горячимъ патріотомъ; она была знакома съ Жуковскимъ, когда служила фрейлиной при дворѣ и чтицей одной изъ высокихъ особъ, и потому успѣла полюбить и отечественную литературу, и отечественную славу, въ какомъ бы родѣ онѣ не проявлялись. Чтеніе съ госпожею Z смѣнялось иногда и бесѣдами. Старушка любила разсказывать о лучшихъ временахъ своей жизни, о характеристическихъ чертахъ славныхъ полководцевъ царствованія Александра I-го и скромной жизни царственной четы. Не знавъ еще, какая высокая участь ожидала сельцо Ильинское [1]), госпожа Z разсказывала своей любимицѣ о посѣщеніи Ильинскаго государыней Елизаветой Алексѣевной помнится мнѣ—еще до 20 года.

«Съ полудня», — говорила словоохотливая старушка,—«встала пыльная полоса отъ Москвы къ селу. Разнородные экипажи, нанятые во множествѣ тогдашнимъ владѣльцемъ имѣнія, графомъ Александромъ Ива-

---

[1]) Оно принадлежало сперва канцлеру графу Андрею Ивановичу Остерману, сподвижнику мудрой Екатерины, потомъ перешло по наслѣдству къ графу Остерману-Толстому, герою кульмскому, а отъ него къ князю Леон. М. Голицыну, отъ вдовы котораго куплено государемъ императоромъ.

новичемъ, и собственные гостей то и дѣло слѣдовали одинъ за другимъ и обгоняли одинъ другого. Тутъ была отчасти знать московская и отчасти петербургская, пріѣхавшая въ императорской свитѣ, всѣ очень просто одѣтые. На обширномъ лугу, противъ господскаго дома, разставлены были качели разнаго устройства, палатки съ деревенскими лакомствами, балаганы съ народными увеселеніями, стояли бочки съ виномъ, пивомъ и медомъ. Въ разныхъ мѣстахъ гремѣли хоры музыки и пѣсенниковъ, полковыхъ и цыганскихъ. Красивыя лодки съ разноцвѣтными флагами, также съ пѣснями и музыкой, разгуливали по Москвѣ-рѣкѣ. На возвышеніи просѣки, въ сосновой рощѣ, за лугомъ, противъ дома, была построена красивая бесѣдка вродѣ греческаго храма. Лугъ просто залитъ былъ народомъ. Хороводы крестьянокъ въ нарядныхъ платьяхъ, большею частью любимыхъ яркихъ цвѣтовъ, казались цвѣтниками изъ разноцвѣтнаго мака. Зрѣлище было истинно-живописное, тѣмъ болѣе, что и красивая мѣстность была въ гармоніи съ нимъ. Съ утра день былъ прекрасный, но по пріѣздѣ императрицы сталъ накрапывать дождикъ и вскорѣ, къ досадѣ хозяина и хозяйки, засѣялъ чаще, такъ что песчаныя дорожки отсырѣли. Государыня нѣсколько минутъ полюбовалась съ террасы на оживленную пеструю картину и послала рукою поцѣлуй народу, который громкими, восторженными криками привѣтствовалъ ее. Дождь утихъ, и она изъявила желаніе прогуляться по саду. Ей такъ много расхвалили его. Въ сопровожденіи графа и графини, ею особенно любимой, она спустилась съ боковой террасы въ главную аллею сада. Свита хлынула за нею. Прошлась она легко, быстро по всѣмъ дорожкамъ, любовалась особенно тою, которая проведена по овражку, посѣтила гротъ, взошла на небольшую высоту, гдѣ стояла бесѣдка изъ необдѣланныхъ березъ,

осмотрѣла домъ, гдѣ провели свой медовой мѣсяцъ *молодые* А—ины. Надо замѣтить тебѣ, флигель-адъютантъ Вл—ъ Ст—ъ А—инъ женился незадолго до того на графинѣ С—ѣ П—ѣ Т—ой, племянницѣ графа по женѣ. И что это за красавица была! Не одного искателя ея руки свела съ ума.

«Самъ дядя, графъ Александръ Иванычъ, нечего грѣха таить, былъ суроваго, не совсѣмъ любезнаго характера, но большой поклонникъ красоты. Въ великолѣпномъ домѣ его, что на Англійской набережной, нынѣ графини Брогліо, былъ портретъ С—и П—вны во весь ростъ, писанный знаменитымъ художникомъ. Случилось мнѣ однажды видѣть, какъ онъ при всѣхъ насъ, пріѣхавшихъ къ нему, сталъ передъ нимъ на колѣни въ какой-то позѣ обожанія. Мы этому тогда очень смѣялись. Но я отбилась отъ своего разсказа. Какъ заговоришь о старинѣ, такъ и занесешься далеко. Словно почтовый голубь, посланный съ письмомъ, увидавъ свою родную сторону, закружился надъ ней и забылъ о своемъ назначеніи. Воротимся же въ садъ. Ничего особенно художественнаго, богатаго въ немъ не было. Но всѣмъ восхищалась императрица, все радовало въ этомъ садикѣ владѣтельницу Царскаго Села. Такъ-то, душа моя, и цари любятъ укрываться отъ блеска, великолѣпія и этикета, ихъ безпрестанно осаждающихъ, и хоть на нѣсколько часовъ спускаться въ тихую, скромную долю простого смертнаго, которая не была имъ предназначена. Когда государыня возвратилась въ домъ, она почувствовала, что немного промочила ноги. Для переодѣванія ей приготовлена была туалетная, прекрасно, съ большимъ вкусомъ устроенная. Здѣсь горничная графиня скинула съ нея отсырѣвшую обувь и хотѣла надѣть другую, заранѣе приготовленную и согрѣтую, но императрица сказала:

«— Благодарю, милая, я сама надѣну,—и сама надѣла, потомъ ласково потрепала хорошенькую горничную ручкой своей по розовымъ щечкамъ.

«Это былъ настоящій ангелъ»,—прибавила старушка, вздохнувъ и перекрестясь».

Тони припоминала, какъ она выѣзжала со старушкою въ свѣтъ, пока та еще была въ силахъ дѣлать выѣзды, какъ избранный кружокъ, собиравшійся у нея въ домѣ, обращался съ бѣдною воспитанницей, словно съ родной дочерью аристократической барыни. Засыпая у себя дома, ей чудилось, что сухая рука ея, исписанная синими жилками, благословляла ее на сонъ грядущій, и она вѣрила, что благословеніе это принесетъ ей счастье. Помнила Тони, какъ заболѣла тяжко старушка, перемогалась недолго и просила ее передъ смертью закрыть ей глаза.

— Непремѣнно ты, чистая душа, закрой мнѣ,—говорила она.

И закрыла Тони глаза своей благодѣтельницы, успокоившіеся на ней въ послѣдній разъ вѣчнымъ сномъ. Госпожа Z хотѣла и за гробомъ продолжить свои благодѣянія Тони и завѣщала ей 15 тысячъ рублей, которыми могла законно располагать, не обижая своихъ дальнихъ родственниковъ (близкихъ она не имѣла). Библіотека и Эрарь, съ которыми Тони сроднилась, перешли къ ней также по сердечному наслѣдству. Прошелъ сорокоустъ послѣ смерти г-жи Z, и Тони возвратилась въ свое семейство, принеся въ него ту же простоту нрава, доброту души и любовь къ роднымъ, которыя изъ него нѣкогда вынесла и которыхъ не могли извратить годы, проведенные въ роскоши аристократическаго дома и въ большомъ свѣтѣ. Капиталецъ свой передала она старшему брату, чтобы онъ сдѣлалъ изъ него употребленіе, какое найдетъ полезнымъ для общихъ нуждъ ихъ. Только оставила

въ своей шкатулкѣ сотню завѣтныхъ екатерининскихъ и елизаветинскихъ имперіаловъ, подаренныхъ ей въ годовые праздники и въ дни рожденія и ангела. Эти приберегала она на черный день. Братъ, взявъ порученную ему сестрою сумму, отдалъ ее въ банкъ для приращенія на ея имя. Чтобы не быть своимъ въ тягость, она опредѣлила: проценты вносить въ общую семейную кассу. Водворясь въ родномъ домѣ, Тони не только не разстроила гармоніи въ мирной жизни двухъ братьевъ и своей Крошки-Доритъ, но внесла еще въ эту гармонію новые, живые звуки, которыхъ въ ней недоставало. Разница въ нынѣшней Тони съ прежнею была единственно та, что 14-лѣтняя дѣвочка пышно расцвѣла и развилась въ очаровательную 18-лѣтнюю дѣвушку. Жизнь въ мезонинѣ потекла, никакими невзгодами не нарушаемая. Только самый мезонинъ, по желанію новой жилицы, обновился и принялъ болѣе комфортабельный видъ, только повременамъ оглашался на весь кварталъ чудными звуками, извлекаемыми изъ богатаго рояля, и звуками контральто изъ грудного инструмента, какими природа ее щедро наградила. Скоро Тони, приноровясь къ религіозному настроенію младшаго брата и сестры, составила изъ своего и ихъ голосовъ, съ аккомпанементомъ рояля, маленькій хоръ, очень стройно и отъ души исполнявшій духовные гимны.

Въ это время, съ водвореніемъ ея въ родномъ домѣ, бельэтажъ въ немъ, остававшійся нѣсколько мѣсяцевъ пустымъ, заселился жильцами. Одно отдѣленіе, окнами на нижній Прѣсненскій прудъ, наняли Ранѣевы, другое, поменьше, окнами на дворъ, вдова коллежскаго совѣтника (котораго она повременамъ величала статскимъ, а иногда, въ жару хлестаковщины, производила въ дѣйствительные), лѣтъ сорока пяти, Левкоева. Пенсіонъ ея послѣ мужа, не такъ давно

умершаго, былъ невеликъ, но она жила безбѣдно, на какія средства—это оставалось ея тайной.

У Лориныхъ былъ при домѣ садикъ саженъ въ 15 длины и столько же въ ширину. Лиза встрѣтила Тони въ этомъ саду. Разговорились. Обѣ потеряли въ дѣтствѣ свою мать, обѣ съ дѣтства перешли на чужое, но благодѣтельное попеченіе. Оказалось также изъ разговора ихъ, что братья ихъ служили въ одномъ полку, расположенномъ въ Радомскомъ округѣ — Владиміръ Ранѣевъ юнкеромъ, Иванъ Лоринъ прапорщикомъ. Эти случаи сблизили ихъ. Несмотря, что натура одной была серьезная, энергическая, замкнутая, другой — веселая, мягкая, открытая, онѣ скоро сошлись на перепутьѣ жизни и полюбили другъ дружку.

Мало-по-малу невольно Тони подчинилась первенству Лизы и съ удовольствіемъ склонялась передъ нимъ, счастливая, гордая, что такое дивное, несравненное существо избрало ее, помимо многихъ другихъ, въ свои друзья. Просто она была влюблена въ нее, а влюбленные, какъ извѣстно, не видятъ и малѣйшаго недостатка въ предметѣ своей любви.

Тони слышала отъ своей подруги, что она не такъ давно познакомилась съ интереснымъ молодымъ человѣкомъ, Андреемъ Ивановичемъ Сурминымъ, очень неглупымъ и очень любезнымъ, и разсказывала при этомъ странную встрѣчу его съ отцомъ. Въ этомъ разсказѣ не могло быть эпизода встрѣчи Ранѣева съ какимъ-то давнимъ врагомъ—эпизода, который былъ скрытъ и отъ самой Лизы. Но *диспутъ* о русскихъ женщинахъ и особенно московкахъ не остался въ забвеніи. Похвалы Сурмину до того подстрекнули любопытство Тони, что она просила своего друга дать знать ей, когда онъ у нихъ будетъ. Случай этотъ скоро представился; Лиза поспѣшила исполнить ея желаніе и отрекомендовать обоихъ другъ другу.

— Это мой лучшій другъ, мое второе *я*, —сказала она Сурмину.

— И мой задушевный другъ, моя вторая дочка,— присоединилъ къ этому отзыву и свой старикъ Ранѣевъ.

Тони, окинувъ проницательнымъ взглядомъ молодого человѣка, присѣла передъ нимъ длиннымъ, церемоніальнымъ присѣданіемъ и съ хитрой усмѣшкой сказала:

— А я рекомендую себя, какъ *московская барышня*.

Сурминъ тоже окинулъ мимолетнымъ взглядомъ особу, рекомендуемую ему такимъ перекрестнымъ огнемъ дружескихъ изъясненій, отвѣсилъ ей глубокій поклонъ и сказалъ, обратясь къ Лизѣ:

— Вижу, Лизавета Михайловна, что вы меня выдали головой Антонинѣ Павловнѣ и хотите живыми доказательствами заставить меня горько раскаиваться въ грѣшномъ отзывѣ моемъ о московскихъ жительницахъ. Я такъ непростительно, такъ несправедливо судилъ. Узнавъ васъ, мнѣ и теперь передъ вашимъ вторымъ *вы* ничего не остается, какъ повторить то-же.

Первое впечатлѣніе, произведенное другъ на друга новыми знакомыми, было въ пользу того и другого. Послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Тони у Ранѣевыхъ, Сурминъ сдѣлалъ объ ней слѣдующее заключеніе:

— Ей до Лизы, какъ до звѣзды небесной, далеко, но въ ея лицѣ, болѣе чѣмъ хорошенькомъ, въ голубыхъ глазахъ свѣтятся такъ ярко чистая, безмятежная душа и умъ, въ ея живомъ, лукаво-наивномъ разговорѣ, простотѣ ея манеръ есть какой-то завлекающій интересъ. Сколько могу судить по недавнему знакомству, той удѣлъ воспламенять, увлекать, волновать душу, этой—понемногу притягивать ее къ себѣ, успо-

кавать, согрѣвать, нѣжить. Я сравнилъ бы Лизу съ романомъ Жоржъ-Занда, другую съ романомъ Диккенса.

Лиза между прочимъ отозвалась ему, что ея подруга немного фаталистка.

Этотъ отзывъ повелъ къ длинному разговору, изъ котораго выбираю лишь сущность его.

— Да,—сказала Тони,—я по этой части большая чудачка. Напримѣръ, я вѣрю, что счастіе и несчастіе посылаются намъ по предназначенію свыше. Конечно, если встрѣчусь съ невзгодами жизни, я не останусь пассивной страдалицей, не опущу по-турецки руки. О! тогда, вооружась всѣми силами моей души, всѣми средствами моего умишка, я пойду противъ этихъ невзгодъ. Но если онѣ одолѣютъ, я не предамся отчаянію, а безропотно скажу: онѣ не отъ меня, такъ мнѣ предназначено, такъ Богу угодно, — и мнѣ будетъ легче.

Лиза стояла за силу воли и разума, побѣждающихъ обстоятельства.

— Не всегда,—говорила Тони.—Правда, мы сами часто виновники нашихъ обстоятельствъ, но есть и такія, которыя совершенно отъ насъ не зависятъ. Случается, что разумъ и воля ведутъ тебя по пути, который ими начертанъ, а тутъ вдругъ, Богъ знаетъ какъ, откуда, преградили тебѣ этотъ путь. И пойдешь ты по новой дорогѣ, вправо или влѣво, и очутишься далеко отъ прежней, въ краю, гдѣ ты и не думала быть. И пошла твоя жизнь совсѣмъ иначе, нежели ты предположила и начертала. Чтожъ это, какъ не воля Провидѣнія, какъ не рука невидимая, которая привела тебя въ этотъ край? Разумъ и воля тутъ ничего не подѣлаютъ.

Сурминъ подумалъ, какъ его, счастливаго, со свободнымъ сердцемъ кампаньяра, пріѣхавшаго въ Москву

по тяжебному дѣлу, которое искусный адвокатъ двигалъ къ счастливому концу и слѣдственно не могло его сильно заботить, какъ судьба повела его на Кузнецкій мостъ для бездѣльной покупки барометра и вдругъ столкнула со старикомъ Ранѣевымъ и его дочерью. И кто-жъ знаетъ, что изъ этого будетъ, куда поведетъ его эта ничтожная покупка! Сведя все это въ умѣ своемъ, онъ не могъ отчасти не подчиниться убѣжденіямъ Тони. Не надо забывать, что разговоръ о фатализмѣ происходилъ до полученія Лизой рокового письма отъ Владислава Стабровскаго и до встрѣчи ея съ разными тяжкими обстоятельствами, съ которыми должна была бороться. И боролась она энергически со своимъ сердцемъ, съ судьбой своей: то изнемогала подъ ударами ея, то брала надъ нею верхъ. Но выйдетъ ли она изъ этой борьбы побѣдительницей или судьба ее одолѣетъ, ее или Тони оправдаетъ жизнь,— мы увидимъ впослѣдствіи.

Новое знакомство съ Тони повѣяло, однакожъ, на сердце Сурмина освѣжающимъ, отраднымъ чувствомъ.

Какъ-то по выходѣ его отъ Ранѣевыхъ, обѣ подруги, оставшись однѣ въ Лизиной комнатѣ, долго еще говорили объ немъ.

— Какой онъ душка,—сказала Тони.—Вотъ бы завидная парочка была ты съ нимъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Лиза,—я не могла бы сдѣлать его счастіе.

— Почему-жъ такъ?

— Мой характеръ слишкомъ восторженный, — какъ бы тебѣ еще сказать,—слишкомъ порывистый, мечтательный, а это для полной гармоніи въ жизни мужа и жены, для счастія ихъ не годится. Вотъ ты бы дѣло другое, вы какъ будто созданы одинъ для другого.

— Пожалуй бы созданы—какъ двѣ половинки одной

груши!... Близки другъ къ другу, да не сходимся. Кабы можно было объ этомъ справиться въ книгѣ судебъ. Шутки въ сторону, поставь меня съ тобою рядомъ передъ нимъ, какъ мы теперь стоимъ, да посравни онъ твою олимпійскую красоту...

— Ужь олимпійскую!

— Пожалуйста, не очень скромничай. Да какъ онъ сравнитъ ее съ моимъ личикомъ chiffonné, такъ меня сейчасъ изъ ряду корифеекъ въ задніе ряды кордебалета.

— Въ тебѣ есть что-то, чего во мнѣ недостаетъ— живость, игра безмятежной, чистой души, нѣга въ глазахъ. На тебя любоваться можно, какъ на прекрасный цвѣтокъ, только-что распустившійся, еще не тронутый іюльскимъ зноемъ, не помятый бурею.

Тони взглянула въ зеркало, смѣшно взбила свои кудри, томно повела глазами и захохотала своимъ звонкимъ, дѣтскимъ хохотомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, миленькая,—сказала она,— хоть сейчасъ за конторку въ магазинъ модъ. А твою красоту, чай, изсушилъ сердечный зной, старушка!

— Хоть не старушка, но мнѣ все-таки не надо выходить замужъ.

— Оставаться дѣвой, да еще презрѣлой, должно быть очень обидно, очень грустно—ужь если не Орлеанской, на которую ты что-то трогательно смотришь, такъ московской.

Въ самомъ дѣлѣ, Лиза смотрѣла съ какимъ-то особеннымъ участіемъ на картину, висѣвшую на стѣнѣ, съ изображеніемъ Дѣвы Орлеанской въ ту самую минуту, когда она со знаменемъ въ рукѣ, торжествуя побѣду надъ врагами Франціи, опускаетъ свои взоры съ небесной выси на землю и встрѣчается ими съ глазами молодого рыцаря, простирающаго къ ней съ любовью руки.

— Завидная участь!—сказала Лиза, указывая на картинку.

— И она была несчастна, и надъ нею надругался народъ, котораго цѣпи она разбила. И король, обязанный ей сохраненіемъ своей короны, какъ отплатилъ ей!

— Чтожъ, что была несчастна! Она совершила великій подвигъ, и въ ту минуту, когда узнала, что исполнила данный Пресвятой Дѣвѣ обѣтъ, когда сердце ея трепетало въ восторгѣ побѣды, минута эта была для нея цѣлою жизнью высочайшаго блаженства.

— А были и минуты, когда въ сердцѣ ея зажглась искра земной любви, и героиня, святая, стала обыкновенной женщиной.

— И пала она, и оставили ее небесныя силы!

— Мы живемъ не въ томъ вѣкѣ, когда могли родиться Жанны д'Аркъ, а во времена болѣе положительныя. Удѣлъ нашъ не геройствовать, какъ она, не гоняться за подвигами, а быть доброю дочерью, женою, матерью: это лучшее назначеніе наше. Доброю, примѣрною дочерью ты и теперь; я увѣрена, что сдѣлаешь счастіе человѣка, котораго полюбишь, будешь и прекрасною матерью.

— То-то и есть, что мнѣ трудно полюбить кого по своему идеалу.

Тони погрозила ей пальцемъ, прищурясь однимъ глазомъ.

— Берегись, скрытная душа!

«Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
«Но спустись въ него—ужасный
«Крокодилъ на днѣ лежитъ».

Стихи эти она сказала съ патетической интонаціей и мимикой.

— Смотри, я подозрѣваю, что ты неравнодушна къ своему кузену Владиславу.

— Какіе вздоры! На этотъ счетъ можешь быть покойна; я ограждена отъ этихъ крокодиловъ оружіями, которыя заколдованы не хуже Жанны д'Аркъ.

— Помоги тебѣ Богъ! Съ искусительной красотой лермонтовскаго демона, онъ мнѣ кажется опаснѣе нильскаго амфибія. Мнѣ чудится, женщина, которая его полюбитъ, будетъ несчастна.

— Пожалѣю ее,—сказала Лиза довольно равнодушно и попросила Тони сыграть ей какой-нибудь nocturne на угольникѣ, стоявшемъ близъ нея.

Сыграла Тони одну пьесу, сыграла другую, сдѣлалось темно въ комнатѣ, и не видала она, какъ плакала Лиза, закрывъ глаза рукою.

VI

Было 5-е сентября, именно тотъ день, когда заговорщики собирались въ квартирѣ Владислава Стабровскаго. Всѣ они, какъ мы уже сказали, разошлись къ шестому часу вечера по домамъ. Онъ вспомнилъ, что нынѣ день ангела Лизы, и еще подъ вліяніемъ выпитаго въ изобиліи вина и разнородныхъ чувствъ, бушевавшихъ въ его груди, вздумалъ идти къ Ранѣевымъ съ поздравленіемъ и кстати проститься съ ними навсегда.

«*Онъ* будетъ вѣрно тамъ, увижу его, спугну веселье жениха и невѣсты, побѣшу ее, побѣшу старика. Кстати есть богатая тема — Польша. Брошу имъ въ глаза накипѣвшую въ груди желчь, потѣшусь хотя этимъ мщеніемъ. Завтра раздѣлятъ насъ сотни верстъ, а тамъ цѣлая вѣчность!»

Приведя немного въ порядокъ свой туалетъ, онъ направилъ шаги къ завѣтному дому на Прѣснѣ, гдѣ нѣкогда считалъ себя такимъ счастливымъ.

Пока онъ идетъ къ этому дому, мы будемъ имѣть время заглянуть въ небольшой кружокъ, человѣкъ изъ семи, считая и семейныхъ, собравшійся у Ранѣевыхъ въ саду около большого круглаго стола.

Здѣсь были Сурминъ: Тони, вдова Левкоева, сосѣдка по квартирѣ Ранѣевыхъ, сынокъ ея, только-что на дняхъ испеченный корнетъ, и маленькій, худенькій студентъ—юристъ Лидинъ, котораго привела съ собою Тони. Онъ хаживалъ къ Крошкѣ-Доритъ то посовѣтоваться съ ней, то посовѣтовать ей по какому-нибудь запутанному дѣлу, то позаимствовать у нея «томикъ» свода законовъ. Двухъ братьевъ Лориныхъ и Даши тутъ не было, потому что они избѣгали всякаго свѣтскаго общества. Остальныхъ членовъ семейства Ранѣевы не знали даже въ лицо.

День былъ прекрасный, какими рѣдко балуетъ насъ въ это время наша скупая природа. Лиза, во всемъ сіяніи своей красоты, безъ всякихъ украшеній, кромѣ одинокаго цвѣтка на головѣ и другого у груди, сидѣла подъ древнимъ кленомъ близъ незатѣйливой бесѣдки, которую Тони и студентъ убрали гирляндами и разноцвѣтными фонариками. Осень успѣла уже порядочно общипать листья съ деревъ, да и тѣ, которые держались еще на вѣткахъ своими больными стеблями, уступали слабой струѣ вѣтерка и, кружась, падали на землю. За то, на зло ей, въ клумбахъ красовались въ полнотѣ жизни пышные букеты левкоевъ и кусты далій.

Подлѣ Лизы съ одной стороны сидѣла Левкоева, полная дама, раскраснѣвшаяся отъ избытка здоровья и жаркаго многоглаголанія. Движенія ея были энергическія, рѣчь бойкая, иногда рѣзкая. Повременамъ пересыпала она ее остроумными анекдотами, отъ которыхъ вспыхивалъ всеобщій смѣхъ, или цитатою стиховъ любимыхъ русскихъ поэтовъ. Память у нея была неизсякаемый родникъ. Читала она стихи мастерски, соединяя съ простотою чтенія, гдѣ нужно было, и умѣнье модулировать свой голосъ и выставлять въ яркомъ свѣтѣ красоты поэтическаго произведенія. Чего и кого не знала она въ Москвѣ! Это былъ хроникеръ

самыхъ интересныхъ вѣстей и портретистъ, правда, въ карикатурномъ жанрѣ, но этотъ жанръ и нравится людямъ, которые любятъ погулять насчетъ ближняго. А много-ли такихъ, которые этого не любятъ? И дали ей по качествамъ кличку: «*бой-баба, душа компаніи*». Эта пчелка несла кому медъ, кому ядъ, но и въ послѣднемъ случаѣ пріятно пожужжавъ около особы, которую хотѣла укусить. Завистлива она была до того, что завидовала иногда лишнему блюду на скромномъ столѣ Ранѣевыхъ; она, кажется, посмотрѣла бы съ завистью на серебряную монету подлѣ мѣднаго гроша въ рукѣ нищаго. Михайла Аполлонычъ сначала полюбилъ ее, какъ пріятную собесѣдницу, но скоро, прозрѣвъ, что сквозь всѣ поры ея душонки выступали нечистыя страстишки, сказалъ дочери:

— Эта бой-баба *не по мнѣ*.

Отдѣлаться, однакожъ, отъ нея было нелегко: играя переливами своей золотистой кожи, смотря на васъ своими мягкими глазками, эта змѣйка тихо, вкрадчиво приползала къ груди вашей и согрѣвала себѣ на ней теплое мѣстечко.

Стали говорить о Польшѣ, о полякахъ—тогдашній обильный кладезь для бесѣдъ, да и нынѣ, кажется, неистощенный, потому что новые подземные ключи безпрестанно его питаютъ и выбиваются наружу.

Полетѣла стрѣлка за стрѣлкой изъ колчана злословія Левкоевой, всегда туго ими набитаго, полетѣла одна по какому-то особо тонкому или злому расчету и «въ женоподобнаго» Адониса, Владислава Стабровскаго, который не налюбуется своею красотой. «Этотъ не пойдетъ въ жондъ не изъ преданности къ Россіи, а изъ боязни, чтобы сабля не изуродовала его хорошенькаго личика».

Ранѣевъ поморщился, но не сказалъ ни слова. Ему непріятно было слышать отзывъ о родственникѣ, тѣмъ

болѣе, что находился не въ мирныхъ съ нимъ отношеніяхъ.

Тони, сидѣвшая возлѣ Левкоевой, неожиданно взялась защищать отсутствующаго

— Неправда, — гнѣвно сказала она, — сколько знаю Стабровскаго, я никогда не замѣчала, чтобъ онъ былъ занятъ собой. Что-жъ до его красоты, то никто, конечно, кромѣ васъ не найдетъ въ ней ничего женоподобнаго. Скорѣе къ его энергической, одушевленной физіономіи шли бы латы, каска съ конскимъ хвостомъ, чѣмъ одежда мирнаго гражданина. Воображаю, какъ онъ хорошъ бы былъ на конѣ, съ палашомъ въ рукѣ, впереди эскадрона латниковъ, когда они несутся на непріятеля, когда отъ топота лошадей ходитъ земля и стонетъ воздухъ отъ звука оружій.

Тони говорила съ особеннымъ одушевленіемъ.

— Ужъ не затронулъ ли онъ...—начала было Левкоева.

— Моего сердца,—спѣшила твердымъ голосомъ перебить ее Тони,—ошибаетесь! нѣтъ, но затронула меня ваша несправедливая рѣчь.

— Браво, браво! — закричалъ Ранѣевъ, хлопая въ ладоши, потомъ схватилъ руку ея и поцѣловалъ.

Сурминъ съ изумленіемъ и невольнымъ восторгомъ посмотрѣлъ на Тони, которую онъ не видалъ никогда такъ поэтически увлекательной. Лиза улыбнулась,—ея подруга говорила краснорѣчіемъ ея сердца, говорила то, что бы она сказала, если бы только *могла*.

— Молодецъ - барышня, — воскликнула Левкоева, бросаясь цѣловать свою побѣдительницу.—Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser.

— Да гдѣ-жъ она набралась такого батальнаго духа, словно жила между военными, — не пропустила кольнуть ее бой-баба.

— На красносельскихъ маневрахъ,—спокойно отвѣчала Тони.

— Полноте, кумушка, Аграѳена Ѳедотовна,—сказалъ Ранѣевъ, — чесать язычекъ насчетъ ближняго. Вѣдь это все равно, что звуки бубенчиковъ, которые давно шумятъ у меня въ ушахъ; много звону, да непріятно слушать. Извините, вѣдь мы большіе пріятели, да и родня по кумовству, а друзьямъ можно говорить и рѣзкую правду.

— Давно и я говорю: ангельская душа Михайла Аполлонычъ одною ногою держится на землѣ, а другую занесъ прямо въ рай. Правда, многоуважаемый другъ, языкъ мой — врагъ мой. Повѣрьте, грѣхи мои отъ него, а не отъ сердца. Я сама *добрая душа*, какъ Богъ святъ.

Тутъ Левкоева вздохнула, поведя глазами къ небу.

— Ссылаюсь на васъ, mesdames.

Лиза и Тони кивнули ей въ знакъ согласія.

— Петруша, вели-ка отъѣхать своему экипажу подальше, а то въ самомъ дѣлѣ глухари прожужжали намъ уши.

Петруша, къ которому обращалась рѣчь Левкоевой, былъ сынокъ ея, недавно выпущенный въ офицеры. Онъ стоялъ недалеко на дорожкѣ, пощипывая усики, только-что пробившіеся, и не тронулся съ мѣста, занятый горячимъ разговоромъ съ маленькимъ студентомъ, — не слыхалъ ли словъ матери, или слышалъ, но пропустилъ мимо ушей.

— О! онъ у меня большой философъ, — сказала озадаченная Левкоева, — заговоритъ о какомъ-нибудь современномъ вопросѣ, глухъ ко всему постороннему; для философіи и литературы пренебрегъ въ училищѣ и математикой.

— Философія нынѣшняго времени, — замѣтилъ Ранѣевъ,—увлекаясь своимъ критическимъ настроеніемъ,

учитъ, конечно, вашего сына не уважать голоса матери. Да позвольте васъ спросить, изъ какого богатства онъ такъ кутитъ, нанимаетъ четверки въ лихой упряжи. Кажется, у васъ самихъ средства не очень крупныя, какъ вы сами говорите.

— Я ни копѣйки не дала ему на эту блажную потѣху; князь Поддубравскій захотѣлъ побаловать моего офицера и нанялъ ему на нынѣшній день четверку отъ Ечкина. Кто молодъ не бывалъ!

Она лгала.

— Кстати, — продолжала Левкоева, желая замять разговоръ о сынѣ,—я заѣхала съ нимъ по порученію одной графини узнать положеніе семейства вдовы бѣднаго чиновника—недавно умеръ чахоткой отъ усиленной канцелярской работы. Вообразите, нахожу больную женщину, еще молодую, съ шестерыми дѣтьми (двухъ или трехъ она для большаго эффекта прибавила). И гдѣ-жъ? На пустырѣ, заросшемъ по грудь крапивой и репейникомъ. Вблизи прудъ, подернутый зеленоватою корой, отъ котораго несетъ нестерпимою гнилью. Жилище ихъ—шалашъ, кое-какъ сколоченный изъ досчонокъ, постель—гнилая солома, которую мочитъ дождь сквозь щели бивуачной крыши и паритъ полуденный зной. Въ этой конурѣ, на этой постели лежали не собаченки, а творенія съ образомъ Божіимъ. Изсохшую грудь матери, изнуренной болѣзнью, горемъ, лишеніями всякаго рода, теребилъ, кусалъ младенецъ, чтобы выжать изъ нея хотъ каплю молока. Кругомъ другія дѣти кричали: хлѣба, хлѣба, жадная мама! И глаза ихъ изступленно блуждали по угламъ шалаша, какъ-будто шарили ими, не найдется ли гдѣ кусокъ хлѣба.

Въ голосѣ Левкоевой были слезы, мимика ея была артистическая.

— Сердце поворотилось у меня въ груди, — про

должала она,—недолго думая, ѣду къ графинѣ, описываю ей эту ужасную картину. Божественная женщина! Она дала пятьдесятъ рублей и къ завтрашнему дню обѣщала еще сто отъ своихъ пріятельницъ.

Тутъ она не лгала: графиня, о которой она говорила, была ангелъ во плоти. Желая, чтобы одна рука не знала, что подаетъ другая, она черезъ свою повѣренную дѣлала много добра.

Дѣйствительно, Левкоева своимъ бойкимъ язычкомъ, вкрадчивостью и искусствомъ скоро угадывать натуры и подлаживаться къ нимъ, пріобрѣла расположеніе нѣкоторыхъ благотворительныхъ аристократическихъ дамъ и мужчинъ. Одной, очень религіозной, писала письма, исполненныя глубокаго піэтизма, другой разсказывала легкія скандалезныя исторійки; даже успѣла втереться въ знакомство красавицы-польки, подарившей могилевскому легіону знамя. Съ однимъ либеральничала, съ другимъ была пламенная патріотка, готовая выцарапать глаза тому, кто въ ея присутствіи осмѣлился бы отозваться дурно о ея дорогомъ отечествѣ. Когда-жь находилась между двухъ противныхъ сторонъ, старалась осторожно пройти между Сциллой и Харибдой, или пристать къ той, которая вѣсила болѣе на вѣсахъ ея своимъ богатствомъ и значеніемъ въ свѣтѣ. При всѣхъ этихъ случаяхъ Левкоева не забывала французской пословицы: «La bienfaisance bien entendue commence par soi-même». Изъ разныхъ щедрыхъ рукъ сыпались на бѣдную вдову, живущую однимъ пенсіономъ, то на обмундировку сына, то ему на фронтовую лошадь, то на экипировку ея самой или домашнія нужду. Злые язычки говорили,—но я не даю имъ вѣры, — будто она отдѣляла себѣ порядочную долю отъ тѣхъ благотвореній, которыя шли черезъ ея руки. Это была просто клевета. Въ противномъ случаѣ бѣдные, получавшіе черезъ нее помощь, не

называли бы ее *доброю душой*, благодѣтельницей, матерью своей.

— Помогите и вы, messieurs et mesdames, добрымъ дѣломъ отпраздновать день ангела нашей хозяйки, у которой душа такъ же прекрасна, какъ и ея наружность,—сказала Левкоева.

Ранѣевъ далъ рублевую кредитку. Сурминъ сунулъ осторожно Левкоевой двѣ двадцати-пяти рублевыя (которыя, однако, къ неудовольствію его, она разложила и тщательно расправила на столѣ). Тони сказала, что для дня Елизаветы даетъ елизаветинскій имперіалъ, и обѣщала изъ своего гардероба платья для матери несчастнаго семейства; Лиза вызвалась одѣть дѣтей изъ гимназическаго и студенческаго гардероба брата, который ему теперь не нуженъ; студентъ пошарилъ, пошарилъ въ своемъ жилетномъ кармашкѣ, вынулъ со дна его четвертакъ и отдалъ съ нимъ день своего существованія.

— А вы, разъѣзжающіе на четверкахъ?—спросилъ онъ.

— Довольно, что мать моя хлопочетъ объ этихъ несчастныхъ,—отвѣчалъ тотъ;—да, надо признаться, сердобольная душа, по обыкновенію, немного прилыгаетъ. Ужъ ничего безъ краснаго словца.

Такъ какъ никто не расточалъ особенныхъ знаковъ вниманія воину-философу, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ долгъ гостепріимства и свѣтской вѣжливости, и не старался занять его своею бесѣдой о новѣйшихъ вопросахъ, онъ отвелъ своего оппонента на прежнее мѣсто, съ котораго свело студента приглашеніе къ пожертвованіямъ. Попрежнему онъ пощипывалъ свои усики, только-что намѣченные, постукивалъ шпорами и гремѣлъ саблей, забывъ, что это не принято, не *современно*. Можетъ быть, онъ думалъ этимъ стукомъ придать болѣе энергіи своей рѣчи или озадачить бѣд-

наго студентика, котораго удостоилъ своего благорасположенія. Жаль, что некому было разсказать ему, какъ громомъ шпоръ можно было въ давно-прошедшее время сдѣлать себѣ карьеру. Ты думаете, мой читатель, что я шучу. Нимало; я дѣйствительно знаю, какъ одинъ юнкеръ или корнетъ изъ малороссовъ, явясь къ графу Аракчееву на ординарцы, пошелъ въ гору отъ того, что сорвалъ улыбку съ его угрюмаго лица молодецкимъ пристукомъ шпоръ, такъ что полъ задрожалъ и звукъ ихъ раздался на всю пріемную.

— Молодецъ! — сказалъ своимъ гнусливымъ голосомъ всесильный вельможа и приказалъ имѣть его *на виду*.

Корнетъ нашъ говорилъ рѣшительно, самонадѣянно, безъ аппеляціи, все болѣе и болѣе горячился, до пѣны во рту. Да и слова его были только пѣна, снятая съ разныхъ теорій, тогда предпочтительно любимыхъ юношами, и особенно съ теорій одного моднаго сочиненія, дѣлавшаго между ними фуроръ. — Авторъ его, говорилъ воинъ-философъ, геній, какого Россія еще не производила, съ него начинается эра нашего умственнаго развитія. Далѣе и далѣе перебралъ онъ ученіе объ эмансипаціи женщинъ, великое учрежденіе комунъ, уравненіе состояній, говорилъ съ жаромъ о *трудѣ*.— «Трудъ, трудъ»,—провозглашалъ онъ, ударяя себя въ грудь,—вотъ нашъ лозунгъ.

Брызги летѣли изо рта его, одна изъ нихъ упала на скромное платье студентика. Этотъ поморщился, вытеръ ее носовымъ платкомъ и продолжалъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ возражать ему.

— Вы напитались ретроградным духомъ Москвы, немудрено, что вы такъ говорите, — продолжалъ корнетъ. — Здѣсь, въ этой Бухаріи, цивилизованному, европейскому человѣку дышать тяжело. Здѣсь все носитъ печать отсталости, все, отъ грязи на улицахъ,

въ которой утонуть можно, до беззубой московской литературы и младенческой науки. Не очаровываютъ ли вашу патріотическую душу оглушительные гимны вашихъ сорока сороковъ съ басомъ profondo ихъ дѣдушки — Ивана Великаго? Не поклоненія-ли?... Мнѣ просто отъ всего здѣсь тошно.

— Не договаривайте: я васъ понимаю. Разговоръ о московской литературѣ и наукѣ въ сравненіи съ петербургскою повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Помяните меня, ваши начала съ шикомъ любимыхъ вашихъ авторитетовъ доведутъ васъ къ худому концу. Чтожъ до чувствъ, на которыя вы намекаете...

— Поставимъ точки.

— Спрошу васъ только: неужели—извините — изъ спячки вашего животнаго матеріализма не пробуждалась въ васъ никогда духовная натура человѣка? Если-жь въ душѣ вашей нѣтъ искры того божественнаго огня, который отличаетъ человѣка отъ другихъ животныхъ, такъ не прикасайтесь, по крайней мѣрѣ, нечистыми руками къ религіозному чувству народа. Всѣхъ философами по своему не передѣлаете.

— Однакожъ все-таки...

— Къ слову разскажу вамъ случай изъ жизни одного новѣйшаго мудреца, котораго иные изъ нашей молодежи чествуютъ. Мнѣ этотъ случай переданъ помѣщикомъ, недавно умершимъ. Во время путешествія своего по Швейцаріи съ извѣстнымъ нашимъ врачемъ Ин..... они заѣхали въ Цюрихъ. Тогда Штраусъ читалъ тамъ съ каѳедры свои лекціи. Только-что наши путешественники успѣли въ гостиницѣ разобрать свои чемоданы, какъ послышались на улицѣ крики и ружейные выстрѣлы. Взглянули въ окно—толпы народа залили улицы и хлынули къ ратушѣ. Перепугались русскіе, думали, что затѣялась въ городѣ революція. Кёльнеръ спѣшилъ ихъ успокоить, сказавъ, что это

скоро кончится и они могутъ оставаться безопасно на своемъ мѣстѣ. — «Хотятъ запретить Штраусу читать свои лекціи,—прибавилъ кёльнеръ,—и выгнать его изъ города. Онъ развращаетъ сыновей нашихъ своимъ безумнымъ ученіемъ, хочетъ лишить насъ лучшаго утѣшенія въ жизни, лучшей надежды за гробомъ».—И въ самомъ дѣлѣ, вспыхнувшій мятежъ скоро угасъ, власти были вынуждены уступить религіозному чувству народа, Штраусъ былъ изгнанъ изъ города.

— Невѣжество, такіе же глупые, какъ и стада, которыя они пасутъ.

— Эти глупые пастухи имѣли, однакожъ, Телля и много ученыхъ знаменитостей, этотъ маленькій народецъ пастуховъ стоитъ вѣка цѣлъ и могучъ среди другихъ народовъ, въ тысячу разъ его могучѣе своими войсками и богатствомъ. Ни одна политическая буря въ сосѣднихъ странахъ не поколебала его. Отчего? отъ того, что нравственныя силы этого народца велики. Желалъ бы очень встрѣтить васъ года черезъ четыре, пять, и увѣренъ, что вы, познакомясь съ опытами жизни,—если не пропадете, — заговорите другое.

— Моихъ убѣжденій не перемѣню, хотя-бъ мнѣ пришлось прожить Маѳусаиловъ вѣкъ

— Жаль. Я самъ нѣкогда въ какомъ-то опьянѣніи отъ чаду, которымъ былъ окуренъ, разсуждалъ, какъ вы. Здѣсь я отрезвился и узналъ всю тщету и безразсудство идеекъ, которымъ прежде поклонялся. Здѣсь стремлюсь къ одной цѣли: быть полезнымъ моему отечеству, себѣ, старушкѣ-матери и сестрѣ. Себѣ, сказалъ я, потому что самоотверженіе нахожу нужнымъ только тогда, когда отечество дѣйствительно требуетъ его для своего благосостоянія и чести. Я увѣренъ, что, исполняя свой долгъ на мѣстѣ, которое самъ себѣ выбралъ, буду для него полезнѣе, чѣмъ пускать изо рта

дымныя колечки разныхъ модныхъ теорій. Вотъ мои убѣжденія. Могу только покончить нашу бесѣду однимъ вопросомъ. Получивъ на него отвѣтъ, поставлю точку молчанія.

— Ожидаю вопроса.

— Мать ваша говорила мнѣ, что дядя вашъ, еще зравствующій, духовнымъ актомъ завѣщалъ вамъ двадцать тысячъ рублей. Вы ихъ не пріобрѣтали собственнымъ трудомъ, не правда-ли?

Студентикъ, задавъ этотъ вопросъ, лукаво улыбнулся, точно поставилъ ловушку, въ которую долженъ былъ попасть глупый звѣрекъ.

Корнетъ съ убѣжденіями помялся было отвѣчать, однакожъ отвѣчалъ:

— Хоть не 20, а почти столько.

— Вы съ жаромъ говорили мнѣ о трудѣ, объ уравненіи состояній и проч. Когда получите эти деньги, отдадите ли ихъ бѣднымъ или распредѣлите на комуны?

— Это дѣло другое,—невольно вырвалось у коммуниста.

Покраснѣвъ отъ своей опрометчивости, отъ сталъ пощипывать усики и отдѣлываться отъ заданнаго ему вопроса какими-то двусмысленными словами, въ которыхъ нельзя было добраться ни до какого заключенія.

Студентъ сжалъ руку въ кулачекъ, махнулъ имъ энергически, какъ будто вколачивая гвоздь молчанія вмѣсто того, чтобы ставить точку въ концѣ своей рѣчи, и, не сказавъ ни слова, отошелъ къ кружку, сидѣвшему за столомъ, на которомъ шипѣлъ ужь самоваръ.

Въ это время задребезжалъ колокольчикъ у входа квартиры.

— Не почтальонъ ли? — сказалъ Михайло Аполлонычъ,—Марѳа, Марѳуша! Да, гдѣ-жь она?

Служанка, стоявшая за нѣсколько минутъ недалеко въ ожиданіи приказаній господъ, на этотъ разъ отлучилась.

— Петруша, — только что проговорила Левкоева, но студентъ, догадываясь, что Петруша не двинется со своего мѣста, поспѣшилъ туда, откуда слышался звонокъ.

У входныхъ дверей стоялъ Владиславъ. Онъ съ усмѣшкой глядѣлъ на четверку въ наборной, тяжелой сбруѣ съ цвѣтными бантами въ гривахъ и холкахъ и бубенчиками. «Ужь не женихова ли?» подумалъ онъ: «долженъ быть какой-нибудь фатъ!»

Дверь отворилась, передъ нимъ предсталъ студентикъ съ вопросомъ, кого ему нужно.

— Ранѣевыхъ.

— Они въ саду, пожалуйте, я провожу васъ.

— Знаю я этотъ садъ,—угрюма процѣдилъ сквозь зубы Владиславъ и широкими, спѣшными шагами опередилъ своего спутника

VII

Когда онъ явился передъ маленькимъ обществомъ въ саду, въ глазахъ его былъ какой-то демоническій блескъ, на губахъ демоническая усмѣшка.

Лиза при видѣ его измѣнилась въ лицѣ; рука, державшая чайникъ, изъ котораго она наливала чай, задрожала. Это замѣтили Левкоева и Тони.

Стабровскій и Сурминъ встрѣтились мимолетными взглядами и угадали, кто они таковы.

Сурминъ мысленно признался, что «сердце рѣдкой женщины можетъ устоять противъ обаянія его красивой наружности, въ которой не было ничего женоподобнаго», какъ говорила бой-баба. Владиславъ подумалъ: «это долженъ быть женихъ ея, не этотъ же военный молокососъ и не этотъ цыпленокъ-студентъ. Ничего, мужчина хоть куда, можетъ понравиться иной женщинѣ».

Старикъ Ранѣевъ по близорукости прищурился, приложилъ ладонь надъ глазами и, узнавъ Стабровскаго, насупилъ брови. Левкоева лукаво улыбнулась, на лицѣ Тони изобразилось удивленіе: она давно не видала Владислава у Ранѣевыхъ.

— Я пришелъ поздравить *васъ* со днемъ вашего ангела, Елизавета Михайловна, — сказалъ Владиславъ, подойдя съ глубокимъ поклономъ къ Лизѣ, — и пожелать вамъ всего, чего вы сами себѣ желаете. Это поздравленіе банально — извините, я не приберу теперь лучшаго. По крайней мѣрѣ вѣрьте, оно отъ искренняго, преданнаго вамъ сердца.

— Благодарю,—могла только отвѣтить Лиза.

Подойдя къ Ранѣеву, онъ сказалъ:

— Я пришелъ проститься съ вами, Михаилъ Аполлонычъ.

— Куда это, батюшка, собрался? — спросилъ Ранѣевъ.

— Въ отпускъ, къ матери, пишетъ, очень больна, желаетъ меня благословить...

— Не въ жондъ-ли, какъ и братца Ричарда? Знаемъ мы ее, патріотка отъ пятокъ до конца волосъ!

— Патріотизмъ, вы согласитесь, былъ всегда привилегіей не низкихъ душъ.

— Низкихъ, когда онъ дѣйствуетъ въ потьмахъ, измѣннически, коварно, по-іезуитски.

— Не мое дѣло разбирать поступки моей матери,— я ихъ и не вѣдаю; не знаю и того, что думаетъ она дѣлать изъ меня, знаю только, что долгъ дѣтей свято повиноваться волѣ родителей. Кромѣ закона природы, это повелѣваетъ намъ и заповѣдь Божія.

Посылка эта была принята Лизой по назначенію.

— Хоть бы она приказала вамъ измѣннически поднять оружіе на Россію, которая васъ вскормила, воспитала, устроила вашу судьбу, которой вы присягали?

— Это до меня не касается, вѣроятно, до брата моего; гдѣ онъ, что съ нимъ, вы, должно быть, лучше меня знаете. Это можетъ касаться до многихъ поляковъ, поднявшихъ оружіе противъ Россіи.

— Чай, представляютъ важные резоны къ своему оправданію; пожалуй, Россія у нихъ виновата! Съ больной головы да на здоровую.

— Они говорятъ, что благодарность забывается народомъ, когда онъ стонетъ подъ желѣзнымъ игомъ, когда польское имя здѣсь въ униженіи, въ презрѣніи, религія ихъ гонима, когда изъ поляковъ хотятъ сдѣлать рабовъ, а не преданныхъ подданныхъ.

Ранѣевъ готовъ былъ выдти изъ себя, колѣни его дрожали. Лиза, боясь, чтобы этотъ горячій разговоръ не повредилъ здоровью отца, взглянула умоляющими глазами на Владислава, но тотъ, замѣтивъ этотъ взглядъ, остался все-таки неумолимъ.

Пожалъ старикъ руку Сурмину и сказалъ, немного успокоившись, указывая на Владислава:

— Этотъ молодой человѣкъ—Стабровскій. Онъ мнѣ родственникъ, хотя и дальній, но я любилъ его, какъ самаго близкаго. Уполномочиваю васъ,—онъ, конечно, позволитъ,—поговорить съ нимъ за меня. Не то боюсь по родству оскорбить его жесткимъ словомъ. Къ тому жъ онъ теперь мой гость и на проводахъ. Можетъ быть, мы съ нимъ растанемся до свиданія *тамъ*.

Ранѣевъ указалъ на небо, потомъ, обращаясь къ Владиславу, прибавилъ:

— Это мой лучшій другъ, Андрей Иванычъ Сурминъ. Не откажись поднять перчатку, которую онъ, жалѣючи старика, броситъ тебѣ за меня. Онъ человѣкъ безпристрастный, хотя хорошій патріотъ, и лучше меня владѣетъ оружіемъ слова.

Молодые люди слегка другъ другу поклонились.

— Бывало, — сказалъ Сурминъ, добродушно улыбаясь, — благородные рыцари, выходя на поединокъ, подавали другъ другу руку. Вотъ вамъ моя рука, вѣрьте, на ней нѣтъ пятна.

Стабровскій немного смутился отъ неожиданнаго вызова, но невольно отвѣчалъ:—«Съ удовольствіемъ»,— и подалъ ему руку.

Ему предстояло защищать дѣло темное, революціонное, которое онъ самъ въ душѣ осуждалъ; но онъ продалъ душу свою этому дѣлу, какъ сатанѣ, и долженъ былъ стоять за него, лишь бы удары падали больнѣе на сердце отца и дочери. Онъ видѣлъ передъ собою, какъ полагалъ, счастливаго соперника, ему казалось, что онъ униженъ, презрѣнъ, и, ослѣпленный своею страстью, сдѣлался золъ и мстителенъ.

Студентъ и корнетъ подошли ближе къ мѣсту поединка; Левкоева коварно улыбалась, мысленно представляла себѣ этотъ поединокъ въ смѣшномъ видѣ, вродѣ боя пѣтуховъ, спущенныхъ одинъ на другого. Она заранѣе радовалась, какъ завтра будетъ потѣшать своихъ покровительницъ разсказомъ объ этой уморительной сценѣ. Можно догадаться, что чувствовали въ это время Лиза и ея подруга.

— Вы, конечно,—началъ Сурминъ,—живя въ Россіи, находясь на русской службѣ, не отъ себя, а отъ лица поляковъ высказали тѣ нареканія, которыя привыкли они пускать на вѣтеръ.

— Да, я говорилъ отъ лица поляковъ, только, кажется, не на вѣтеръ, а прямо въ цѣль.

— Положимъ такъ, то есть вы дѣлаетесь адвокатомъ польскаго дѣла, а я русскаго.

— Я только передаю, что отъ нихъ слышалъ, и умываю себѣ руки какъ въ ихъ убѣжденіяхъ, такъ и дѣйствіяхъ.

— Вы сказали, что польскій народъ стонетъ подъ игомъ русскимъ. Гдѣ-жъ этотъ народъ?

— На всемъ пространствѣ изъ-за Вислы до Днѣпра.

— Вы не хуже меня знаете, что народъ слагается

изъ разныхъ классовъ, которые держатся одинъ за другого, какъ звенья одной цѣпи.

— Точно такъ.

— На томъ пространствѣ, которое вамъ угодно было отмежевать Польшѣ, вижу я только съ двухъ концовъ цѣпи два далеко разрозненныя звена — два класса: одинъ высшій, панскій, другой — низшій, крестьянскій. Съ одной стороны власть неограниченная, богатство, образованіе, сила, съ другой—безмолвное униженіе, бѣдность, невѣжество, рабство, какого у насъ въ Россіи не бывало. — Вы, Михайло Аполлонычъ, долго пожили въ бѣлорусскомъ краѣ, вы знаете лучше меня бытъ тамошняго крестьянина.

— Да, слишкомъ хорошо,—ввернулъ Ранѣевъ свое слово въ рѣчь противниковъ. — Только вспомнишь объ немъ, такъ морозъ по кожѣ подираетъ. Стоитъ только поставить рядомъ русскаго крестьянина и бѣлорусца. Что ѣстъ этотъ несчастный, въ чемъ одѣтъ, подъ какою кровлей живетъ? И свѣтъ-то Божій проходитъ у него со двора черезъ крошечныя отверстія вмѣсто окошекъ, а не съ улицы. Какой-то сочинитель писалъ: «что и собаки, увидавъ панскую бричку, съ испуга бросаются въ подворотни».

— Вотъ тутъ-то стонъ—не народа, а одного класса отъ угнетенія другимъ,—продолжалъ Сурминъ. — Неужели вы думаете, что въ нынѣшнюю революцію этотъ классъ пристанетъ къ своимъ притѣснителямъ?

— Обѣщай ему земное Эльдорадо, и онъ пойдетъ, куда угодно.

— Не пойдетъ, потому что были уже филантропическія обѣщанія, да жаль было панамъ разстаться со своею властью надъ рабочей силой. Пока вы обѣщаете, а русское правительство даетъ. Теперь укажите мнѣ у себя средній классъ, который служилъ бы связью

двухъ, о которыхъ мы говорили. Нѣтъ его, а безъ него нѣтъ и народа.

— Не было, но поляки говорятъ, что его создали.

— Такъ, вдругъ, въ два-три мѣсяца, по панскому хотѣнію, по щучьему велѣнію! Для такого рода фокусовъ не родился еще новый Пинетти. Позвольте же спросить: изъ какого-же элемента онъ созданъ? Не изъ еврейскаго-ли?

— Нѣтъ, изъ польскихъ ремесленниковъ, фабричныхъ, экономовъ, офиціалистовъ, бывшей шляхты, у которой отняты русскими ихъ исконныя права.

— То есть изъ подонковъ народа. Это прекурьезная новость, учрежденіе небывалое. Извините, какъ я не считалъ польскую интеллигенцію легкомысленной, любящей строить зданія на воздухѣ, но не полагалъ, что она дойдетъ до такого... (безразсудства, хотѣлъ онъ сказать, но не сказалъ) до такой крайности. Средній классъ, какъ вы знаете, составляется изъ осѣдлыхъ, имущественныхъ гражданъ, а не изъ сброда всякой бездомной, наемной вольницы, готовой идти драться за того, кто пріютитъ ее, получше накормитъ и, пуще всего, получше напоитъ горѣлкой. Это, конечно, будетъ или есть что-нибудь вродѣ шляхетской дворни, какую нѣкогда магнаты возили на сеймы и сеймики голосить, буйствовать и драться за нихъ. Неужели это классъ народа? Спрашиваю васъ, гдѣ-жъ послѣ того польскій народъ?

— Какъ хотите, а этотъ сбродъ—сила, съ которой до сихъ поръ не могутъ сладить ни ваша администрація, ни ваше регулярное войско со своими пушками. Посмотрите, какое единодушіе патріотизма въ называемомъ вами разрозненномъ народѣ. Сила эта растетъ не по днямъ, а по часамъ, эта сила нравственная, а передъ нею ничто матеріальная.

— Правда, насъ заставали врасплохъ по милости русскаго простодушія, русской обломовщины, самоуниженія. Правда и то, что хитрость, коварство, измѣна искусно проводили, гдѣ только могли, пороховыя мины подъ русскую землю. Давно уже приготовляли взрывъ ксендзы своими проповѣдями, пани и паненки чарами своей красоты, магнаты своимъ золотомъ, зависть иностранныхъ державъ къ возрастающей силѣ Россіи. Но, слава Богу, Россія почуяла, что не вѣчно же ей играть въ жмурки со врагами своими, скидаетъ повязку съ глазъ, приложила руку къ сердцу— бьется попрежнему патріотизмомъ двухъ двѣнадцатыхъ годовъ. Кликнетъ кличъ, и встанетъ народъ русскій, вотъ тутъ-то я скажу: народъ—встанетъ какъ одинъ человѣкъ. Тогда мы увидимъ, на чьей сторонѣ истинная сила.

— Увидимъ.

— Вы отмѣрили для польской національности земли изъ-за Вислы до Днѣпра и забыли, конечно, что въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, на Волыни, въ Кіевѣ живутъ милліоны русскихъ, православныхъ — какая-жъ тутъ польская національность?

— Кіевъ не долженъ, не можетъ принадлежать полякамъ.

— Слава Богу,—сказалъ Ранѣевъ, скидая шляпу,— хоть купель нашего христіанства намъ отдаютъ. Благодарите, господа и госпожи, отъ лица всѣхъ русскихъ.

— Въ этомъ случаѣ вы говорите, вѣроятно, отъ себя,—продолжалъ Сурминъ,—поляки и Кіевъ считаютъ своимъ законнымъ достояніемъ. Посмотрите, какъ они тамъ работаютъ. Ужь если рука протянулась, такъ брать все, что глазами воображенія можно взять до Чернаго моря. Я повторяю свой вопросъ: гдѣ-жъ въ православномъ, русскомъ по числу населенія краѣ

польская національность? Одни паны не составляютъ еще ее, какъ мы сказали.

— Крестьяне, что дѣти, выучатся тому языку, которому заставляютъ ихъ учиться, тѣмъ молитвамъ, тому знаменію креста, которыми велятъ имъ молиться, и сдѣлаются католиками, поляками.

— Зачѣмъ-же имъ переучиваться? Изъ какого добра дѣлаться имъ поляками, когда они русскіе, православные? Дѣти эти дорожатъ крестомъ, которымъ крестились ихъ отцы и дѣды, твердо помнятъ, что они русскіе по вѣрѣ и языку, дорожатъ этимъ заповѣданнымъ наслѣдствомъ, несмотря на всѣ происки и обольщенія іезуитовъ и тиранію пановъ. Вы говорили о гоненіи вашей вѣры, о притязаніяхъ на вашу совѣсть.

— Говорилъ.

— И это клевета, сударь, безстыдная клевета, выдуманная тѣми же іезуитами, тою же панской интелигенціей, тѣми и другими для своихъ корыстныхъ цѣлей. Россія извѣстна своею терпимостью ко всѣмъ вѣрамъ, которыя исповѣдываютъ ея подданные. Это истина, которую не хотятъ признать одни ея враги. Господствующая вѣра есть въ каждомъ государствѣ. Не посягайте только на законныя права ея, не дѣлайте изъ католической вѣры какую-то польскую, не дѣлайте ея орудіемъ для революціи. А какъ ваша вѣра унижена въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи? У дяди моего есть имѣніе въ Витебской губерніи. Онъ разсказывалъ мнѣ о величественной архитектурѣ вашихъ каменныхъ костеловъ, о довольствѣ и комфортной жизни вашихъ безсемейныхъ ксендзовъ. А наши церкви?.. тѣсны, ветхи, на крышахъ поросли деревья, скудна церковная утварь, истлѣли одежды служителей алтаря. Только такія были въ первые вѣка христіанства, когда воздвигали на него гоненія. А какъ живутъ со своими семействами наши пастыри духовные? Въ бѣдныхъ ха-

тахъ ихъ дождь льетъ сквозь крышу, нужды ихъ одолѣваютъ. Гдѣ-жъ гоненія на вашу вѣру, на чьей сторонѣ униженіе?

— Правда, но и это доказываетъ, что польская національность выше вашей въ этомъ краѣ, что она умѣетъ достойно поддерживать и храмы свои, и своихъ пастырей.

— Опять польская національность! Я долженъ паки и паки повторить вамъ прежнее наше заключеніе, что тамъ нѣтъ польской національности, гдѣ нѣтъ польскаго народа. А ваша замѣтка доказываетъ, что преобладающій, высшій и богатый классъ поляковъ заботится только о поддержкѣ своей вѣры и униженіи русской, которая есть вѣра ихъ бѣдныхъ, угнетенныхъ крестьянъ.

Ранѣевъ не выдержалъ и къ рѣчи Сурмина прибавилъ иронически:

— А какими обольщеніями не пытаютъ этихъ несчастныхъ! «Образумься, дескать, сынку, — говорятъ имъ ксендзы,—полно тебѣ мотать ноги, ходить за десятки верстъ молиться въ бѣдныя русскія церкви, которыя того и гляди обрушатся на твою голову. Полно хоронить на дальнихъ кладбищахъ, въ глуши лѣсной, своихъ братьевъ и отцовъ. Не лучше-ль бы было тебѣ молиться и исполнять свои требы въ нашихъ богатыхъ костелахъ, бокъ-о-бокъ съ вашими домами, слушать божественную музыку нашихъ органовъ и трогательную, горячую проповѣдь нашу Пусть бы почивали тогда въ мирѣ кости твоихъ отцовъ и братій у подножія нашихъ храмовъ». Но не слушаютъ бѣдные русскіе крестьяне этихъ обольстительныхъ рѣчей и попрежнему ходятъ они за десятки верстъ въ свои ветхіе, разрушающіеся храмы и хоронятъ прахъ своихъ кровныхъ въ глуши лѣсовъ.

— Теперь остается намъ очистить одинъ изъ самыхъ важныхъ нареканій вашихъ на Россію,—сказалъ

Сурминъ, — если мы не наскучили своимъ длиннымъ споромъ и особенно я своимъ ораторствомъ нашимъ слушателямъ и слушательницамъ...

— Сдѣлайте одолженіе, продолжайте, — сказали Тони и Ранѣевъ въ одинъ голосъ.

— А вы какъ, Лизавета Михайловна? Вы, кажется, любите споры. Помню ваши слова, нѣкогда мнѣ сказанныя: «въ природѣ, въ жизни, все споръ; чтожъ за побѣда безъ борьбы!»

— Я и теперь то же повторю и буду слушать васъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ вашихъ словахъ столько патріотическаго чувства и нѣтъ никакого хвастовства.

И эта посылка была принята по назначенію.

— Вы сказали, — продолжалъ торжествующій адвокатъ русскаго дѣла, обращаясь къ Стабровскому, — что польское имя здѣсь унижено, въ презрѣніи.

— Говорилъ.

— Не слова, а факты доказываютъ противное. Дѣти такъ-называемыхъ вами поляковъ, изъ какой бы губерніи они ни были, принимаются въ наши учебныя заведенія, гражданскія и военныя, на счетъ правительства наравнѣ съ русскими, безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ.

— Ничего не имѣю противъ этого сказать.

— Въ войскѣ русскомъ, въ судахъ, въ мѣстахъ финансовыхъ, административныхъ, вы вездѣ стоите съ нами рядомъ. Взгляните въ адресъ-календарь и вы удостовѣритесь собственными глазами, сколько польскихъ именъ занимаютъ видныя, почетныя и выгодныя мѣста въ государствѣ.

— Все такъ, но эти услажденія, такъ сказать, по усамъ, не вознаградятъ поляковъ за потерю свободы, самостоятельности ихъ отечества.

— Вы пользовались широкой свободой во времена вашихъ польскихъ и саксонскихъ королей, и чтожъ вы изъ нея сдѣлали? Довели до раздѣла Польши. Великодушный, высоко-гуманный государь далъ вамъ конституцію и какъ вы ею воспользовались?

— Конституція эта была нарушена разными неправдами.

— Извините, вы ее нарушили революціонными тенденціями, стремленіемъ къ анархіи. Вы и тутъ доказали, что законная свобода не по натурѣ вашей, что вы неспособны пользоваться ею.

— Если смотрѣть съ вашей стороны, многое изъ вашихъ словъ, можетъ быть, *резонно*; могу только отъ лица моихъ компатріотовъ, безъ всякихъ паки, сказать въ заключеніе: «Польша до тѣхъ поръ не успокоится, пока не будетъ Польшей, или погибнетъ».

— И погибнетъ, если не сольется съ Россіей, — возвысилъ свой голосъ старикъ-Ранѣевъ, потрясая рукой,—двумъ рѣкамъ нельзя отдѣльно течь въ одномъ руслѣ.

— Спрошу васъ еще, всѣ-ли польскіе уроженцы, какъ вы называете и бѣлорусцевъ, говорятъ то же, что вы сказали?—спросилъ Сурминъ.

— Ужь конечно, всѣ единодушно; между ними я не знаю отступниковъ.

— Я найду вамъ живыя противорѣчія; для примѣра укажу вамъ на одного, мстиславца.

— Я желалъ бы знать имя этого презрѣннаго человѣка.

— Напротивъ того, это честнѣйшій, благороднѣйшій изъ людей; имя ему Пржшедиловскій.

— Это имя ошеломило Владислава, куда дѣвались всѣ доводы его въ пользу дѣла, за которое онъ такъ горячо ратовалъ!

— Пржшедиловскій?—онъ мой другъ.

— А мой адвокатъ по весьма важнымъ, интереснымъ дѣламъ и человѣкъ, за котораго отдалъ бы я съ удовольствіемъ сестру свою, еслибы онъ не былъ женатъ и полюбилъ ее.

— Ваши отзывы о немъ не преувеличены. Пржшедиловскій, конечно, не скажетъ о польскомъ дѣлѣ того, что я говорилъ, потому что онъ счастливъ здѣсь. Русская дѣвушка, которую онъ страстно полюбилъ, отдала ему свое сердце и руку, отецъ ея не погнушался принять поляка въ свое семейство. Мудрено ли, что онъ приросъ сердцемъ къ русской землѣ!

— Отецъ его жены, конечно, не погнушался отдать дочь свою за бѣлорусца, — отозвался Ранѣевъ съ какою-то горечью въ голосѣ, — потому что увѣренъ былъ въ твердости и честности его характера, увѣренъ былъ, что ни братъ его, если онъ у него есть, ни онъ самъ не измѣнитъ своему долгу и чести, хотя бы сулили ему номинацію не только въ пулковники, но и въ воеводы.

Какъ растопленный свинецъ, мѣтко падали капля за каплей эти слова на сердце Стабровскаго.

Лиза шепнула своей подругѣ, чтобы не зажигали фонариковъ; ей было не до иллюминаціи; праздникъ былъ разстроенъ.

— Судьею въ этомъ спорѣ, — сказалъ Ранѣевъ,— я не желаю быть и самъ себя отвожу по личнымъ моимъ отношеніямъ къ обѣимъ сторонамъ. Пусть Антонина Павловна и дочь моя рѣшатъ его и подадутъ, одна или другая, руку побѣдителю.

Глаза Лизы горѣли лихорадочнымъ огнемъ, она порывисто встала со своихъ креселъ и спѣшила подать руку Сурмину, на эту руку наложила свою и Тони, какъ бы въ знакъ тройственнаго союза.

— Какъ же, — замѣтила Левкоева, коварно улыбаясь, — вы Антонина Павловна, недавно такъ горячо

защищая пана Стабровскаго, желали ему воинственной карьеры?

На это злое и неприличное замѣчаніе, сначала немного было смутившись, потомъ съ твердостью отвѣчала Тони:

— Когда взводили вы на него напраслину, я была за него, а теперь противъ него правда и сердце русской женщины.

Ранѣевъ грустно покачалъ головой.

— Эхъ, Владиславъ,—дружески произнесъ онъ,— жаль, очень жаль мнѣ тебя, ты не таковъ былъ, когда мы тебя впервые узнали. Тебя совратили безумцы съ истиннаго пути. Образумься, не то, помяни меня, они тебя погубятъ.

— Я долженъ былъ говорить, что сказалъ, я не могъ иначе говорить,—отвѣчалъ Владиславъ.

Голосъ его замеръ, слезы выступили на глаза, и онъ, закрывъ ихъ рукою, не простившись ни съ кѣмъ, быстро направилъ свои шаги къ садовой калиткѣ.

Всѣ, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, молчали, смотря другъ на друга, какъ бы спрашивая другъ друга разгадки этого быстраго исчезновенія, этихъ слезъ.

Только одна хорошо понимала ихъ.

Между тѣмъ корнетъ-философъ, желая полиберальничать, догналъ Стабровскаго у калитки и закричалъ ему.

— Позвольте!

— Что вамъ угодно отъ меня? — рѣзко спросилъ тотъ.

— Вы правы.

И понесъ было философъ разную дичь о сепаратизмѣ и федерализмѣ вродѣ «центральнаго движенія, воздушнаго давленія».

Владиславъ спѣшилъ обрѣзать его на первыхъ словахъ.

— На это я буду имѣть честь доложить вамъ вотъ что,—отвѣчалъ онъ сердито и громко, такъ что могли слышать его оставшіеся въ саду. — Я понимаю еще стремленіе поляковъ къ самостоятельности Польши, можетъ быть, безразсудное, несбыточное, горячо сочувствую движенію итальянцевъ, какъ и нѣмцевъ, къ объединенію Италіи и Германіи. Въ немъ они видятъ благо своего отечества. Но не понимаю, чего желаютъ подобные вамъ русскіе въ разъединеніи Россіи, въ ея обезсиленіи. Я называю это просто безуміемъ, низостью—и потому такихъ людей презираю.

Юноша-философъ погрозилъ ему кулакомъ въ спину. Проглотивъ оскорбленіе, онъ возвратился въ садъ, будто опущенный въ холодную воду, но тутъ встрѣтила его мать грознымъ приказаніемъ сейчасъ уѣхать въ свою гостиницу и не смѣть показываться ей на глаза, пока сама не вызоветъ его.

Собесѣдники разстались, унося съ собою разныя впечатлѣнія, оставленныя въ сердцѣ ихъ *Елизаветинымъ днемъ*.

Когда Ранѣевы возвратились на свою квартиру, съ мезонина послышалась трогательная молитва, прекрасно исполненная тремя голосами съ акомпанементомъ рояля.

И помолились усердно отецъ и дочь, чтобы Владиславъ обратился на путь истинный.

VIII

На другой день около десяти часовъ утра шла Лиза, углубленная въ мрачныя мысли о вчерашнемъ днѣ, по набережной Прѣсненскаго пруда, въ домъ, гдѣ она давала уроки. Все, на небѣ и вокругъ нея, согласовалось съ печальнымъ настроеніемъ ея души. День былъ пасмурный, желтые листья устилали землю; отъ пруда, подернутаго будто свинцомъ, вѣяло пронзительнымъ холодомъ; осеннія птички жалобно чиликали въ обнаженныхъ кустахъ. Казалось Лизѣ, что она со вчерашняго дня отдѣлилась отъ всего, что радовало ее еще въ людяхъ и въ природѣ. Ни души не было въ саду, но еслибы кто ей попался на встрѣчу или обгонялъ ее, онъ мелькнулъ бы передъ нею, какъ тѣнь.

Вдругъ слышитъ, кто-то назвалъ ее по имени. Голосъ знакомый, голосъ Владислава, но не тотъ смѣлый, звучный, который нѣкогда ласкалъ ея сердце, а робкій, грустный, словно замогильный.

Она вздрогнула; передъ ней стоялъ Владиславъ.

Лиза испугалась было, но скоро оправилась и, надвинувъ брови на глаза, спросила:

— Что вамъ угодно?

— Вчера, убитый горемъ и униженіемъ своимъ, я не простился съ вами... я узналъ, что вы въ этотъ день, въ этотъ часъ проходите здѣсь, и пришелъ...

— Кто-жъ довелъ васъ до этого униженія? — спѣшила перебить его Лиза, — не вы-ли сами? И теперь не вздумали-ли стать на моей дорогѣ, чтобы оскорбить меня какими-нибудь новыми безумными рѣчами? Довольно и того, что вы вчера, въ день моего ангела, при многихъ постороннихъ свидѣтеляхъ, пришли разстроить мой праздникъ, внести смуту въ наше маленькое мирное общество, огорчить моего больного старика и будто ножемъ порыться въ груди моей.

— Я нынѣ хотѣлъ васъ видѣть только для того, чтобы испросить у ногъ вашихъ прощеніе за мои безумныя рѣчи, за все, чѣмъ могъ вчера огорчить отца вашего и васъ. Хоть не проклинайте меня.

— Гдѣ-жъ былъ вашъ разсудокъ, ваша такъ названная высокая любовь ко мнѣ?

— Я потерялъ совсѣмъ голову, потому что потерялъ все, что мнѣ дорого было въ жизни. Признаюсь вамъ, вчера раздосадованный, огорченный вашимъ отвѣтомъ, послѣ пирушки на проводахъ моихъ друзей, отуманенный виномъ, я пришелъ прямо къ вамъ...

— Вы ужь и до этого дошли.

— Отчаяніе до всего доводитъ, до убійства тѣла и души. Вѣсть, что у васъ есть женихъ, что вы скоро выходите замужъ...

— За кого, позвольте васъ спросить?

— За Сурмина, этого вчерашняго краснорѣчиваго оратора.

— Краснорѣчиваго, согласна, потому что онъ говорилъ отъ души, какъ русскій патріотъ. Однакожъ, откуда почерпнули вы эти свѣдѣнія?

— Ваша бывшая няня сказала это моему слугѣ, когда я посылалъ вамъ роковое письмо.

— Большіе же успѣхи дѣлаете вы на разныхъ благородныхъ путяхъ! Я не знала еще до сихъ поръ у васъ достоинства подбирать соръ на заднихъ крыльцахъ. Не имѣю нужды отдавать вамъ отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ и чувствахъ, но такъ какъ слухъ, до васъ дошедшій, чистая ложь, бабья сплетня, то по старой дружбѣ и должна вамъ сказать: Сурминъ ни явно, ни тайно не былъ никогда моимъ женихомъ. Люблю его, какъ добраго, благороднаго друга моего отца, какъ пріятнаго, умнаго собесѣдника—ничего болѣе. Уважаю его и за то, что онъ никогда не посягнетъ на семейное спокойствіе кого бы то ни было. Въ томъ, что я сказала вамъ, свидѣтель Тотъ, Кто читаетъ въ душѣ нашей. Осталась-ли еще у васъ искра благородства и разсудка, чтобы повѣрить женщинѣ, которую вы нѣкогда называли своимъ другомъ?

— Вѣрю, вѣрю я, сто разъ безумный, сто разъ несчастный! Теперь поймешь, что происходило въ моей душѣ, когда я пришелъ къ вамъ. Холодный отвѣтъ твой на мое письмо...

— Ты вчера говорилъ, что обязанъ повиноваться волѣ матери, что не можешь и не долженъ сказать ничего кромѣ того, что говорилъ. И я тоже не могла написать тебѣ ничего кромѣ того, что писала (Лиза говорила это болѣе задушевнымъ, любящимъ голосомъ). Повѣрь мнѣ, Владиславъ, бываетъ въ жизни человѣка стеченіе роковыхъ обстоятельствъ — ты самъ ихъ понимаешь, ты самъ и братъ твой накликали ихъ... Передъ этими обстоятельствами падаютъ слабыя души, болѣе сильныя торжествуютъ надъ ними. Ты увлеченъ ими, пойди противъ нихъ.... не уѣзжай... она схватила его руку и сжала въ своей), *останься*...

Въ голосѣ, произносившемъ слова: «не уѣзжай, останься», было столько любви, столько надеждъ.

— Я послушался бы тебя, еслибъ ты мнѣ сказала эти слова, только одни эти слова, дня за два тому назадъ, теперь уже *поздно*. Лиза, другъ мой, позволь мнѣ еще разъ, конечно послѣдній, назвать тебя этимъ сладкимъ именемъ и унести его съ собою въ мою мрачную будущность. Своимъ безразудствомъ я обрекъ себя на погибель, воротиться не могу и долженъ погибнуть. Осталось мнѣ молить Бога, чтобы ты была счастлива, просить тебя сохранить сердечную память о человѣкѣ, который любилъ тебя, какъ никто на свѣтѣ не можетъ тебя любить. Прощай. Попроси за меня отца простить мнѣ безумныя мои рѣчи. Благодарю тебя за тѣ прекрасныя минуты, которыми ты меня подарила, за то счастіе, которое теперь испытываю; прощай еще разъ.

Рука Лизы была еще въ его рукѣ, онъ съ жаромъ поцѣловалъ ее, уронивъ на нее не одну горячую слезу.

— Прощай,—сказала Лиза и судорожно сжала его руку.

Грудь ея готова была разорваться, но она превозмогла себя, махнула ему платкомъ, и пошли они оба въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы, можетъ быть, никогда не свидѣться. Никто изъ нихъ не замѣтилъ, что за ними наблюдалъ зоркій глазъ соглядатая.

Такъ же спокойно, такъ же внимательно, какъ и всегда, дала она урокъ своимъ ученицамъ; ни въ голосѣ ея, ни на лицѣ незамѣтно было никакой перемѣны.

Пришедши домой, Лиза разсказала отцу о встрѣчѣ съ Владиславомъ и какъ онъ глубоко раскаявался въ

своихъ вчерашнихъ безумныхъ рѣчахъ и какъ просилъ у него прощенія.

Отецъ прижалъ ее къ своей груди, поцѣловалъ въ лобъ и перекрестилъ. Ни одного слова не произнесъ онъ при этомъ

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

I

Купчиха вдова Варвара Тимоѳеевна Маврушкина занимала богато убранный домъ. При ней жили трое малолѣтнихъ дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ. Гувернеръ у нихъ былъ полякъ, учителя, ходившіе давать имъ уроки — большею частью поляки, которыхъ выборъ и назначеніе зависѣли отъ *друга дома*, Людвиковича, уже знакомаго намъ. Мужъ Маврушкиной завѣщалъ ей на условіяхъ богатое денежное состояніе помимо наслѣдства, оставленнаго дѣтямъ. Сверхъ того на воспитаніе и содержаніе ихъ отпускалась ей ежегодно значительная сумма. Заглянемъ сначала въ отдѣленіе дѣтское. Въ классной комнатѣ за столомъ, на которомъ разложена карта, сидятъ трое мальчиковъ, внимательно слушая урокъ, задаваемый имъ учителемъ исторіи и географіи. Между словесными объясненіями онъ оттушевывалъ на картѣ карандашемъ своевольныя границы Польши и, такимъ образомъ, нѣсколькими штрихами

графита завоевывалъ для нея у Россіи не только Царство Польское, но и всѣ губерніи, отошедшія къ намъ съ 1772 года.

— Помните, милыя дѣти,—говорилъ онъ съ нѣсколько польскимъ акцентомъ,—Королевство Польское тянется съ запада отъ границъ Пруссіи и Австріи до Днѣпра въ разрѣзъ города Смоленска, съ сѣвера на югъ отъ Балтійскаго моря до Карпатскихъ горъ и съ юго-запада отъ границъ нѣмецкой Австріи до Кіевской губерніи включительно.

— Какъ же,—спросилъ старшій изъ учениковъ,—на картѣ означены другія границы? А ваши, карандашныя, можно разомъ стереть резинкой.

— Это старая, негодная, неправильная карта. Она копирована съ той, которая была составлена по приказанію императрицы Екатерины II. Я вамъ надняхъ принесу новую. Надо вамъ сказать, это была властолюбивая женщина. Разскажу объ ней, когда дойдемъ до нея въ исторіи Россіи. Такъ изволите видѣть, она всякой неправдой забирала чужія земли, а на полякахъ хотѣла отмстить за то, что они были нѣкогда господами русскаго государства, да и въ цари былъ выбранъ самими русскими польскій королевичъ Владиславъ. Воспользовалась она нашими домашними смутами, подкупила измѣнниковъ, какихъ вездѣ бываетъ, задарила ихъ золотомъ, соединилась съ австріаками и пруссаками, да и раздѣлила съ ними Польшу на три части. Несправедливость, вопіющая къ Богу! Но отольются волкамъ слезы агнцевъ. Это все равно, какъ еслибъ я подкупилъ слугъ вашей мамаши и съ ними въ одну ночь обобралъ ее. Не правда-ли?

Маленькіе слушатели въ знакъ согласія кивнули головой.

— Русскій императоръ Александръ Благословенный возстановилъ Польское Королевство и хотѣлъ

было по чувству правосудія и законности возвратить ему тѣ границы, которыя я вамъ начертилъ на картѣ, но преемники его пошли по стопамъ бабушки. Жаль имъ сдѣлалось прекрасныхъ, богатыхъ земель нашихъ. Лѣтъ за тридцать тому назадъ поляки пытались было потягаться за свои законныя, Богомъ данныя границы, да тогда было еще не время — сила одолѣла. Вотъ нынѣ дѣло другое. Польша возстала, вся Европа идетъ къ ней на помощь, и вы увидите, много черезъ полгода она войдетъ въ прежніе свои предѣлы. Тогда мы будемъ владѣть своимъ, а вы своимъ, и станемъ жить какъ добрые братья, дѣти одной славянской семьи. Вы завоюете всю Азію, тутъ же и Китай, заберете въ свои руки всю чайную торговлю, разбогатѣете и будете просвѣщать тамошніе народы, а мы васъ. Надо вамъ сказать, друзья мои,—поляки народъ рыцарскій, благородный, умный, образованный, не то что ваши русскіе, мужики грубые, неотесанные, отъ которыхъ несетъ лукомъ... Сравните хоть пана Людвиковича съ вашимъ дядей, что кладетъ только крестъ на ротъ, когда...

Учитель, для вящшаго убѣжденія своихъ слушателей въ необразованности русскихъ отцовъ, попытался подражать нѣкіимъ неприличнымъ гортаннымъ звукамъ.

Дѣти смѣялись.

— Но вотъ вы теперь учитесь, позаймитесь отъ насъ всего добраго, умнаго и полезнаго и, Богъ дастъ, сравняетесь съ нами.—А наши пани и паненки... посмотрѣли бы на нихъ... Что за красавицы! Какія плечики, грудь, какая ножка! А какъ подхватятъ васъ на мазурку, да взглянутъ на васъ своимъ жгучимъ взглядомъ, словно золотомъ дарятъ, поневолѣ растаешь. Не то, что ваши лапотницы.

Глазки старшаго слушателя необыкновенно закс-

крились. И продолжалъ педагогъ-искуситель свою лекцію въ томъ же родѣ.

Маврушкина была женщина лѣтъ слишкомъ сорока, худощавая, перегорѣлая въ огнѣ чувственной любви. Сказывала же она себѣ тридцать съ небольшимъ, между тѣмъ какъ у нея были дочери замужемъ и имѣли сами дѣтей. И потому *бабушка* запрещала такъ называть ее при постороннихъ людяхъ; въ случаѣ же, если внучки посѣщали сыновей ея, да къ ней въ это время пріѣзжалъ Людвиковичъ, такъ ихъ опрометью выпроваживали въ заднія комнаты. Когда-жъ выѣзжала на гулянье, брала съ собою меньшого изъ своихъ дѣтей, чтобы казаться молодою матерью. *Другъ дома* зналъ всѣ эти маневры, но притворялся, что не вѣдаетъ ихъ и боготворимую имъ женщину считаетъ молодою и въ высшей степени привлекательною. «Цѣль оправдываетъ средства», этому лозунгу служилъ онъ вѣрно, презирая мнѣнія русскаго общества, счастливый, что можетъ изъ богатой сокровищницы купчихи черпать полными руками и пользоваться возможными земными благами, пока эта сокровищница не изсякнетъ. Маврушкина, съ ограниченнымъ умомъ, со слабымъ характеромъ и сильнымъ аппетитомъ любви, предалась совершенно своему обожателю, видѣла только его глазами, дѣйствовала только по его направленію. Апатичная къ роднымъ и дѣтямъ, она со всѣмъ жаромъ, какой сохранился еще въ ея крови, предалась своему кумиру. Всегда богато одѣтая по послѣдней модѣ, искусно гримированная съ помощью самыхъ утонченныхъ косметическихъ снадобій, о которыхъ ежедневно вычитывала изъ газетъ, надушенная,—она готова была во всякое время принять своего обожателя.

Нынѣ богатые купцы стараются соперничать съ дворянами въ свѣтскомъ образованіи своихъ дѣтей; не

только воспитательницы француженки, но и англичанки появляются въ ихъ семействахъ, не только сыновья ихъ, но и дочери стали дѣлать экскурсіи въ чужіе края. Но Варвара Тимоѳеевна родилась почти за полвѣка назадъ, когда купцы учили своихъ дѣтей только читать и писать, да развѣ первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. И въ томъ, чему учили Маврушкину, сдѣлала она слабые успѣхи. Писала она какими-то каракульками и безграмотно. Людвиковичъ, получая ея посланія, смѣялся про себя надъ ними, но увѣрялъ ее, что читаетъ ихъ съ величайшимъ наслажденіемъ.—«У всѣхъ порядочныхъ людей есть кабинетъ, какъ же не имѣть его такой богатой дамѣ, какъ Варвара Тимоѳеевна»,—говорилъ ея чичисбей и устроилъ ей кабинетъ на барскую ногу, со всѣми модными письменными принадлежностями, купленными имъ за баснословную цѣну въ лучшихъ магазинахъ. Не забыта была и библіотека, въ которой книги красовались своими великолѣпными переплетами, никогда не раскрываемыми, и потому оставались элевзинскими таинствами для обладательницы ихъ. На стѣнахъ какъ-то дико смотрѣли, какъ будто изумленные своимъ появленіемъ въ жилищѣ Маврушкиной, великіе мужи разныхъ народовъ, которыхъ имена коверкала она по своему. Надъ этими продѣлками смѣялись родные и знакомые. Человѣкъ, который истинно любитъ, постарается отстранить отъ насмѣшекъ предметъ своей любви, но Людвиковичъ торговалъ собою, и ему ни по чемъ было униженіе женщины, купившей его особу, лишь бы извлечь изъ нея какъ можно болѣе выгодъ для себя.

Варвара Тимоѳеевна въ ожиданіи домашнаго друга, вся въ шелку, блондахъ, изукрашенная на рукахъ, въ ушахъ и на груди бриллiантами, приправленная разными косметическими соусами, одѣтая по послѣдней

модѣ, какъ будто манекенъ на выставкѣ, сидѣла въ своемъ кабинетѣ и гадала въ карты. Другого занятія она не знала.

— Такъ и есть,—говорила она сама съ собою,— эта бѣлобрысая не отходитъ отъ него, я у него въ ногахъ. Тузъ пикъ и семерка трефъ—ударъ и слезы. Разлучница, пожалуй, отобьетъ его у меня. Нѣтъ, этому не бывать. Не пожалѣю ничего, чтобы разстроить ихъ свадьбу. Горячѣй меня никто не можетъ его любить; буду сыпать тысячами, а его никому не отдамъ; онъ поклялся мнѣ своимъ Богомъ... Однакожъ, не былъ два дня. Сказалъ будетъ провожать друзей въ Петербургъ, все-таки могъ бы заѣхать. Развѣ сердится, что просрочила... Говорилъ, крайне нужно, землицу дешево продаютъ, тамъ у нихъ, въ какой-то польской губерніи, хочетъ купить бѣдному отцу и матери. Все проклятые попечители задержали. Хоть бы поскорѣе выдали мнѣ всю завѣщанную сумму. Пріѣзжай скорѣе, мой *анжъ*—кажется такъ выговариваю, благо Вася выучилъ. Успокой меня. Вотъ онѣ десять тысячъ, тутъ у сердца, но не дамъ прямо, пускай поиграетъ въ отгадку.

Бѣлобрысая соперница, такъ сильно растравлявшая ея сердце, была та самая молодая особа, которую Людвиковичъ велъ нѣсколько лѣтъ къ вѣнцу и до сихъ поръ не доводилъ. Маврушкина знала, что между ними, какъ она говорила по-своему, нѣтъ ничего *худого*, потому что щедро платила прислугѣ Леденцовой (такъ называли нареченную), чтобы ей доносили, когда онъ бываетъ у ея соперницы и что между ними дѣлается. Не все-таки ревнивую женщину, замѣчавшую утрату своихъ наружныхъ чаръ, не могли эти мысли успокоить. Она принялась опять за карточную хиромантію. Бубновая дама опять неотвязчиво ложилась подлѣ сердечнаго короля. Ее взяли горе и досада, и

она принялась было писать къ нему нѣжное письмо съ упреками, что ее, больную, забылъ, что ей стало хуже, что ей непремѣнно нужно видѣть его для дѣла, которое его самого сильно интересуетъ. Выраженія были большею частью выбраны изъ пѣсенника. Только что кончила она посланіе, какъ послышался звонокъ. Звукъ его, дважды повторенный, одинъ за другимъ, означалъ приходъ друга дома. Маврушкина спѣшила спрятать письмо подъ сукно стола.

Людвиковичъ вошелъ безъ доклада и, горячо поцѣловавъ въ два пріема ея ручку или, вѣрнѣе сказать, ея перстни, спросилъ о здоровьѣ.

— Здорова-то, здорова, — отвѣчала она, сдѣлавъ грустную мину, — только съ тоски пропала по тебѣ. Жестокій! легко-ли, два дня не былъ.

— Я тебѣ сказалъ, что буду провожать друзей, да и больныхъ на рукахъ много, нельзя же ихъ бросить.

— Не больна-ли ужь твоя нареченная? Чай, не преминулъ двадцать разъ навѣстить.

— Опять все та же исторія! Развѣ не клялся я тебѣ Маткой Божьей и всѣми святыми, что люблю тебя одну. Если ѣзжу къ Леденцовой, такъ для того, чтобы меня считали ея женихомъ. Она служитъ намъ ширмами, за которыми прячемъ нашу связь. Поймешь ли ты, я берегу твое имя, твою честь. Кто мѣшалъ бы мнѣ жениться на ней, еслибы я хотѣлъ.

— Кто? — спросила со сверкающими глазами Маврушкина и выпрямилась, какъ разъяренная Медея.— Кто?—повторила она,—я! Я заколю тебя и ее во время вѣнчанія и объявлю всѣмъ, на весь народъ, что я твоя любовница.

— Ну полно бѣсноваться, душка, ты остаешься для меня навсегда, мой милый, безцѣнный другъ, которую не промѣняю ни на какихъ барышень, которую

буду любить до гроба. Перестань хмуриться, улыбнись, моя краса. Повѣрь, что ты не можешь имѣть друга болѣе тебѣ преданнаго, готоваго пожертвовать тебѣ своею жизнью. Если послѣ этого ты будешь ревновать меня, такъ лучше разстанемся.

— Скорѣе утоплюсь или удавлюсь.

— Ты говорила, что всякую минуту обо мнѣ думала, а вспомнила-ли свое обѣщаніе?

— Нѣтъ, забыла, неблагодарный! Поцѣлуй меня хорошенько, выручу.

— Хоть сто разъ.

И поцѣловалъ ее Юстиніанъ Павловичъ страстнымъ поцѣлуемъ, захвативъ немного розовой помады съ губъ ея.

Въ упоеніи своей любви Варвара Тимоѳеевна недолго помучила его въ отгадку, а пакетъ съ 10 тысячами отъ сердца ея перешелъ къ его сердцу, въ боковой карманъ фрака.

— О! какъ будутъ радоваться мои родители, что я ихъ успокою на старости, какъ будутъ молить Бога за тебя!

Распростились они—Людвиковичъ, довольный, что получилъ значительный кушъ, который можетъ посвятить ойчизнѣ, — Маврушкина, счастливая увѣренностью, что онъ безгранично одну ее любитъ и карты солгали. Вышедши въ сѣни, онъ плюнулъ и платкомъ обтеръ себѣ губы.

Надо было передать этотъ кушъ Жвирждовскому. Онъ поѣхалъ къ нему, но не засталъ дома; слуга доложилъ, что капитанъ возвратится не прежде двухъ часовъ, не будетъ обѣдать у себя, вечеромъ поѣдетъ въ театръ и на другой день уѣдетъ въ Петербургъ.

— Какъ быть? — подумалъ Людвиковичъ,—въ 2 часа мнѣ непремѣнно нужно по службѣ на совѣщаніе, потомъ у богатой родильницы, гдѣ меня, вѣроятно,

задержать. Всего лучше доставлю ему деньги черезъ Аннету Леденцову, она для меня готова въ огонь и въ воду. Милое, преданное мнѣ созданіе.

Разсудивши такимъ образомъ, онъ поѣхалъ къ весталкѣ, столько лѣтъ неусыпно сожигающей огонь своего сердца на алтарѣ платонической любви, въ надеждѣ, что онъ скоро поведетъ ее къ брачному алтарю.

Аннета жила съ матерью своей, старушкой, слабой здоровьемъ и характеромъ. Людвиковичъ слылъ у нихъ въ домѣ и у интимныхъ ихъ знакомыхъ женихомъ дочки, хотя это не было объявлено формально, потому что онъ время отъ времени откладывалъ свадьбу за разными препятствіями и не такъ еще давно по причинѣ, будто не совсѣмъ приличенъ бракъ съ полякомъ въ самый разгаръ польской революціи. Блаженъ, кто вѣруетъ, блаженны были мать и дочка Леденцовы, одна по простодушію своему, другая, ослѣпленная любовью. Надо сказать, что Аннета сначала ихъ знакомства очень нравилась ему своимъ смазливымъ личикомъ, живостью характера и бойкимъ умомъ, нравилась и придачей 15 тысячъ, которыя мать давала за нее чистоганомъ. Но случилось, что между колебаніями его, броситься ли ему въ брачный омутъ или наслаждаться свободною, холостою жизнью, онъ сталъ лѣчить Маврушкину отъ разныхъ истерическихъ припадковъ, вылѣчилъ ее и сдѣлался другомъ ея дома и сердца. Это обстоятельство, брошенное судьбою на вѣсы его вмѣстѣ съ пачкою депозитокъ, положенныхъ на одну изъ чашечекъ, перетянуло на сторону вдовушки и ту небольшую привязанность, которую онъ начиналъ чувствовать къ Леденцовой. Искушеніе было сильное, но мимолетное. Онъ продолжалъ, однакожъ, питать въ сердцѣ Аннеты надежду, что скоро увѣнчаетъ ихъ любовь законнымъ союзомъ.

Отважная, рѣшительная, къ тому-жъ зараженная модными теоріями объ эмансипаціи женщинъ, хотя и отвергающая гражданскій бракъ, но любя искренно Людвиковича, Аннета готова была исполнить все, что онъ потребуетъ для блага, пользы и спокойствія своего.

Аннета обрадовалась, какъ и всегда, его посѣщенію и протянула ему свою руку, которую онъ нѣсколько разъ съ жаромъ поцѣловалъ. Мать ея была нездорова, и потому они могли наединѣ повѣрять другъ другу свои тайны.

Скоро передана ей была та, для которой онъ къ ней пріѣхалъ.

— Вы знаете, милый Юстиніанъ Павловичъ, что я всегда счастлива, когда могу сдѣлать для васъ пріятное, — сказала она. — По адресу, который вы мнѣ даете, я вижу, что онъ живетъ недалеко, полчаса ходьбы не болѣе; да еслибъ мнѣ пришлось для васъ на край Москвы, я сдѣлаю это съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Смотрите, одѣньтесь потеплѣе, погода суровая, а для меня ваше здоровье такъ дорого. Вы пойдете, конечно, подъ вуалемъ?

— Нѣтъ, съ открытымъ лицомъ. Если встрѣтятся знакомые, je m'en fiche. Все это предразсудки, на которые я плюю.

— Я совѣтовалъ бы вамъ быть осторожнѣе: вы идете въ гостиницу, васъ узнаютъ, могутъ прослѣдить, распустятъ глупые слухи, а меня это очень бы огорчило. Помните, поручаю вамъ дѣло секретное. Человѣкъ, къ которому васъ адресую, не долженъ быть компрометированъ.

— Будетъ по вашему, мой милый повелитель.

— Знаю, что вы не потеряете пакета, и потому не имѣю нужды напоминать вамъ объ этомъ.

— Вашъ пакетъ съ деньгами? Потеряю его развѣ съ жизнью моей.

— Прощайте, мой ангелъ, еще вашу ручку, спѣшу къ важной больной.

— Не держу васъ. Мнѣ также нужно по туалетной практикѣ; хочу явиться передъ вашимъ другомъ хорошенькой, чтобы онъ нашелъ меня достойной васъ.

— Вы всегда моя прекрасная, божественная Аннета,—сказалъ Людвиковичъ, цѣлуя опять съ упоеніемъ ея руку.—О! когда бы могъ назвать эту ручку своею. Смотрите, однакожъ, не заслушивайтесь льстивыхъ словъ, которыя вамъ будутъ расточать. Вы не знаете, я ревнивъ.

Она кокетливо погрозила ему пальчикомъ, онъ пошелъ было къ двери, но воротился, прибавивъ:

— Не забудьте взять отъ него визитную карточку и попросите его написать на ней только одно слово: «получилъ».

— Все будетъ исполнено, какъ по воинскому артикулу.

Аннета проводила его поцѣлуемъ рукою на воздухъ.

Въ сѣняхъ онъ не обтеръ губъ своихъ и не плюнулъ, а только сказалъ про себя: — «Чортъ побери, нынѣ она особенно интересна; кабы не чучело, набитое золотомъ, можно бы рискнуть».

Ровно къ двумъ часамъ пополудни явилась она въ гостиницу, гдѣ стоялъ Жвирждовскій, и сказала швейцару, чтобъ онъ передалъ нумерному такого-то нумера, что капитана желаетъ видѣть дама по порученію доктора Л.

Швейцаръ позвалъ нумерного, стоявшаго на площадкѣ лѣстницы, и передалъ ему, что говорила дама въ вуалѣ.

— Ваша фамилія? — спросилъ нумерной.

— Аннета Чертоплясова.

— Вы смѣетесь, сударыня.

— Хоть бы и такъ. Вотъ тебѣ цѣлковый на водку, раздѣли съ швейцаромъ и дѣлай, что тебѣ велятъ.

Нумерной съ цѣлковымъ въ рукахъ пошелъ исполнять ея приказаніе и, дорогой повторяя имя Чертоплясовой, чуть не прыснулъ отъ смѣха. Черезъ три минуты онъ воротился къ дамѣ подъ вуалемъ съ докладомъ, что капитанъ велѣлъ ее просить. Капитанъ догадался о мистификаціи. Провожаемая слугой, она у двери нумера объявила ему, что онъ далѣе не нуженъ, и, войдя въ нумеръ, затворила за собою дверь.

— Заприте дверь на ключъ, — сказала она Жвирждовскому.

Онъ исполнилъ волю таинственной незнакомки и попросилъ ее присѣсть на диванъ и сказать ему, кого онъ имѣетъ честь принимать у себя.

— Мое настоящее имя вамъ не нужно знать, — отвѣчала она, садясь на диванъ и поднявъ вуаль. — Я имѣю порученіе отъ доктора Людвиковича передать этотъ пакетъ. Сочтите деньги (она подала ему пакетъ). Дайте мнѣ вашу карточку, приложите на ней печать и подпишите слово: «получилъ». Болѣе ничего не нужно. Прошу поскорѣе...

Жвирждовскій раскрылъ пакетъ, прочелъ записку, въ него вложенную, взялъ со стола карточку, зажегъ свѣчу, приложилъ печать и, написавъ, гдѣ нужно было, слово, которое отъ него требовали, вручилъ карточку Леденцовой.

— Считать я не стану, — сказалъ онъ, положивъ пакетъ въ ящикъ письменнаго стола, — такому прекрасному повѣренному, какъ вы, съ такими ангельскими глазами, можно повѣрить милліоны. По запискѣ моего друга я знаю, кто вы. Счастливъ онъ, что имѣетъ такую достойную невѣсту, еще счастливѣе будетъ,

когда назоветъ васъ своею супругой. Мнѣ остается у ногъ вашихъ благодарить васъ за ваше одолженіе и за счастіе, которое вы мнѣ доставили своимъ посѣщеніемъ. Поблагодарите за все и моего друга. Дай Богъ вамъ скорѣе исполненія вашихъ общихъ желаній. Вѣрьте, обворожительныя черты ваши никогда не изгладятся изъ моего признательнаго сердца.

Миссія Леденцовой была исполнена, она встала и, опустивъ вуаль, простилась съ капитаномъ. Онъ проводилъ ее до параднаго крыльца и при прощаніи отвѣсилъ ей глубокій поклонъ, чему были зрители нумерной и швейцаръ.

Эти знаки уваженія госпожѣ Чертоплясовой въ придачу къ цѣлковому на водку подвигли и трактирную прислугу къ особенно почтительному провожанію таинственной дамы, пробывшей не болѣе пяти минутъ въ нумерѣ и потому не возбудившей никакого нескромнаго подозрѣнія.

Аннета Леденцова была на верху блаженства, она исполнила, какъ нельзя лучше, порученіе своего милаго жениха, слышала отъ его друга, капитана, столько лестнаго для себя, въ его словахъ заключалось столько надеждъ.

Скорѣй, скорѣй на квартиру Людвиковича. У подъѣзда гостиницы она взяла щегольскія пролетки, вспорхнула на нихъ, не торгуясь, закричала извозчику:

— Къ Малиновымъ воротамъ! — и полетѣла къ своему сердечному довѣрителю.

Доктора не было дома. Здѣсь она, по согласію со слугою его или человѣкомъ, — какъ называютъ еще нашихъ слугъ и какъ, по словамъ Тьерри, называли Норманы своихъ невольниковъ—положила въ кабинетѣ карточку, служившую квитанціей въ полученіи денегъ, не безъ наказа, чтобы она хранилась какъ зеница ока

и была тотчасъ указана господину по возвращеніи его домой.

Въ этотъ день Сурминъ былъ въ большомъ театрѣ, гдѣ давали «Жизнь за царя». Онъ сидѣлъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ и замѣтилъ, что въ другомъ горячо аплодировалъ патріотическимъ мѣстамъ піесы офицеръ генеральнаго штаба. Всмотрѣвшись въ него въ антрактѣ, онъ увидалъ, что это знакомый его по прежнему мѣсту служенія, капитанъ Жвирждовскій. Зная, что онъ находится нынѣ на службѣ въ Вильно при главномъ начальникѣ края, Сурминъ, изъ желанія вывѣдать, что дѣлается въ этомъ краю, подошелъ къ нему. Они другъ другу обрадовались, по крайней мѣрѣ, наружно. Одинъ притворился, что вѣренъ прежнимъ связямъ товарищества, другой имѣлъ затаенную мысль, что не надо слишкомъ довѣрять поляку, но все-таки никакъ не подозрѣвая въ немъ измѣнника Россіи. Когда бъ онъ зналъ, да вѣдалъ, вмѣстѣ съ публикой, что въ театрѣ подлѣ него сидитъ самъ воевода могилевскій!.. Помѣнявшись мѣстами съ его сосѣдомъ, Сурминъ занялъ кресло подлѣ Жвирждовскаго. Слово за слово, большею частью голосомъ, настроеннымъ на сурдинку, обрывками, сосѣдъ разсказалъ ему о смутахъ въ Царствѣ Польскомъ не только что было уже извѣстно по газетамъ, но отчасти и то, что не было по нимъ извѣстно, не компрометируя себя ни въ отношеніи къ польскому дѣлу, которому тайно служилъ, ни въ отношеніи къ Россіи, которой служилъ по наружности. Казалось, онъ былъ такъ откровененъ, такой горячій русскій патріотъ. Въ разговорѣ о состояніи умовъ въ западныхъ губерніяхъ онъ завѣрялъ, что кромѣ безразсудныхъ гимновъ и революціонныхъ знаковъ въ одеждѣ все обстоитъ благополучно и что русскимъ правительствомъ приняты рѣшительныя и строгія мѣры къ погашенію революціи, еслибъ она,

паче чаянія, вспыхнула въ этомъ краѣ. Такъ умѣлъ капитанъ искусно пройти между двухъ перекрестныхъ огней. Но не желая, какъ онъ замѣтилъ, чтобы сосѣди слышали то, что онъ имѣетъ передать Сурмину по секрету, онъ пригласилъ его къ себѣ для болѣе свободной бесѣды на слѣдующій день въ 2 часа по полудни, не ранѣе и не позже, и вручилъ ему карточку со своимъ адресомъ. Этотъ далъ слово быть у него въ назначенный часъ. Во все продолженіе піесы, воевода могилевскій не измѣнилъ своей роли вѣрноподданнаго и даже во время польскихъ танцевъ, простившись съ сосѣдомъ въ ожиданіи пріятнаго свиданія, вышелъ изъ театра, чтобы, какъ онъ замѣтилъ Сурмину, не смотрѣть на веселье поляковъ въ такое смутное для нихъ время.

На другой день въ назначенный часъ Сурминъ былъ въ гостиницѣ, гдѣ стоялъ Жвирждовскій. Проходя длиннымъ корридоромъ къ номеру его, онъ встрѣтилъ какого-то купца съ тощею, посѣдѣлою бородкой, въ кафтанѣ со сборами, выходившаго изъ этого номера. Шафранное лицо его, сѣрожелтые, косые глаза казались ему знакомы.

— Ба! да это тотъ самый, котораго я видѣлъ на Кузнецкомъ мосту, когда Ранѣевъ боролся съ нимъ, и который отъ него вырвался, — подумалъ Сурминъ. — Но не ошибаюсь ли? Дай-ка, попробую, назову его по имени.

— Здравствуй, Киноваровъ, пріятель Ранѣева! — сказалъ онъ громко, обратившись къ купцу.

Купецъ вздрогнулъ, отъ нечаяннаго ли къ нему обращенія, или отъ другой причины, посмотрѣлъ на Сурмина или на другой предметъ въ корридорѣ, что опредѣлить нельзя было по косинѣ его глазъ, и отвѣсилъ ему глубокій поклонъ.

— Вы вѣрно обмишулились, — сказалъ онъ спо-

койно,—я купецъ Жучокъ изъ Динабурга, живу то въ Бѣлоруссіи, то въ Литвѣ и не имѣю чести знать Ранѣева.

Тутъ ужь смутился Сурминъ. Что было дѣлать ему въ этомъ случаѣ? Онъ дѣйствительно могъ ошибиться, Киноварова видѣлъ онъ только мелькомъ. Правда, черты злодѣя врѣзались въ его памяти, но развѣ не встрѣчалъ онъ иногда на улицѣ или въ обществѣ человѣка, ему совершенно незнакомаго, и не принималъ его за своего давнишняго пріятеля? Игра природы, не болѣе! Развѣ она, лѣпя милліоны разнообразныхъ личностей, не могла вылѣпить двѣ по одной и той же формѣ? Да еслибъ и не ошибался, что можетъ онъ предпринять? Задержать купца, произвести тревогу въ гостиницѣ? Къ чему бы это повело? Къ слѣдствію, къ суду, на которое онъ не былъ уполномоченъ Ранѣевымъ; скорѣе къ хлопотамъ, въ которыхъ онъ безвыходно запутался бы, а, можетъ быть, и пострадалъ бы. Онъ довольствовался только сказать: я тебя отыщу хоть на днѣ моря.

— Зачѣмъ нырять такъ глубоко, сударь, для такого мелкаго человѣка, я стою въ Зарядьѣ на подворьѣ № 56, гдѣ на досугѣ можете меня найти. Очень радъ познакомиться съ вами, можетъ статься, мы и дѣльце съ вами коммерческое затѣемъ. Позвольте имя вашей милости.

— Мое имя Сурминъ, не забудь его.

— Сурминъ?—сказалъ купецъ, приложивъ руку ко лбу, какъ бы стараясь что-то вспомнить.—Въ Витебской губерніи есть помѣстье одного русскаго барина, Петра Сергѣича Сурмина. Самъ не живетъ въ немъ, болѣе пребываніе имѣетъ въ Прирѣченскомъ имѣніи, а только наѣзжаетъ повременамъ въ Бѣлоруссію.

— Это мой дядя,—отвѣчалъ Сурминъ, ошеломленный показаніями того, кого принималъ за Киновара.

— Какъ же, батюшка, ведемъ мы и съ нимъ коммерческія дѣла, покупаемъ у него хлѣбецъ для винокуренныхъ заводовъ. Прошлаго года построилъ ему поташный заводъ. Валежника у него въ лѣсу, что и звѣрю не пролѣзть. Говорю ему: что-жъ у васъ, сударь, лѣсъ-то даромъ гніетъ, давайте-ка гнать поташъ. И послушался. Теперь доходецъ славный получаетъ. Какъ же, баринъ умный, хоть, не въ осужденіе будь сказано, характерный, любитъ поприжать нашего брата. Да и то сказать, не всѣ люди Богомъ подъ одну масть подобраны. Давнишній благопріятель. Прошу и племянника любить меня и жаловать.

Купецъ подалъ Сурмину руку; тотъ, побѣжденный простотой обращенія его и естественностью его разговора, протянулъ ему два пальца своей руки.

— Такъ спокойно, натурально не можетъ говорить подозрѣваемый въ преступленіи, — подумалъ молодой человѣкъ и, извинясь въ своей ошибкѣ, взялъ за ручку двери, которая вела въ нумеръ Жвирждовскаго.

Купецъ, отошедшій было отъ него нѣсколько шаговъ, воротился.

— Вы вѣрно къ капитану,—сказалъ онъ, — спросите у него, честный ли человѣкъ купецъ Жучокъ, или какой бездѣльникъ. Да при случаѣ спросите у дядюшки, у Петра-то Сергѣича.

Отвѣсивъ Сурмину глубокій поклонъ, онъ пошелъ тихими шагами по корридору; тотъ вошелъ въ нумеръ, качая головой и усмѣхаясь отъ удовольствія, что избавился отъ хлопотъ, за которыя могъ бы дорого поплатиться.

— Надѣлалъ бы я дѣло, — думалъ онъ, — еслибы погорячился, остался бы въ дуракахъ, да еще въ какихъ!

— Знаете ли, капитанъ, какую было я штуку выкинулъ у васъ въ корридорѣ, принялъ купца Жучка,

что отъ васъ выходилъ, за мошенника, котораго отыскиваю.

— Жучка? ха, ха, ха!

И разразился хохотомъ Жвирждовскій, подавая руку Сурмину.

— Жучка? Да это честнѣйшій человѣкъ, какого я знаю. Онъ доставляетъ мнѣ и нашему штабу кяхтинскій чай и другіе товары прямо съ нижегородской ярмарки. Настоящій кяхтинскій! А то у насъ продаютъ все кантонскій, контрабандный и то съ негодною примѣсью. Мерзость такая! (Жвирждовскій плюнулъ). Вы знаете, мы, русскіе офицеры, прихотливы, привыкли къ своему, хорошему. Вотъ онъ только-что съ Макарія. Купилъ я у него для себя, своей братьи и отцовъ-командировъ нѣсколько цибиковъ. Приходилъ за разсчетомъ. Мошенникъ, что вы! Ну что, какъ поживаете? Все у себя въ деревнѣ?

— Да, сдѣлался пахаремъ, тружусь въ потѣ лица по завѣту Господню.

— Все это хорошо, да труды-то помѣщичьи нынѣ плохо вознаграждаются. Эмансипація отняла у насъ рабочія руки, но скоро замѣнимъ ихъ наемными. На это надо деньги, а достать негдѣ, всѣ обнищали.

— Богъ дастъ, поправимся. Великое, славное дѣло сдѣлано, жертвы неминуемы. Благоразумные дворяне это хорошо понимаютъ, и безропотно покоряются, ради блага отечества.

— Ну, а крестьяне какъ?

— Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, настроенные злонамѣренными людьми, пошумѣли было, да, благодаря мѣрамъ правительства, совершенно успокоились; они поняли, что все это сдѣлано для ихъ же блага.

— Славу Богу, слава Богу.

— А у васъ какъ тамъ?

— Вчера въ театрѣ неосторожно было бы гово-

рить вслухъ о томъ, что въ нашихъ краяхъ творится. Теперь мы одни съ вами, никто насъ не слышитъ. Могу сказать вамъ откровенно, какъ давнишнему товарищу—вы знаете, какъ я привыкъ уважать васъ за твердость и благородство вашего характера, — на Западѣ плохо. Безмозглые поляки,—говорю это съ стѣсненнымъ сердцемъ—все-таки братья мнѣ по родинѣ,— заварили кашу, какую не расхлебать скоро, затѣяли революцію, какой не бывало. На верху, снаружи это игрушки. Кунтуши тамъ да гимны мальчишекъ и паненокъ, трауръ и прочее... вздоръ. Сильна подземная работа не только въ Западномъ краѣ, но и здѣсь въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Кіевѣ. Тутъ же подулъ для революціонеровъ вѣтеръ съ дальняго запада... вотъ что грозитъ бѣдами... вы меня понимаете. Слова нѣтъ, Россія сильна, мы угомонимъ поляковъ. Но боюсь, чтобы обстоятельства не сложились и не потребовали чрезвычайныхъ жертвъ отъ правительства. Много, много будетъ пролито крови, помяните меня.

— Это старая исторія, которая по-прежнему и кончится.

— Дай Богъ. Могу сказать вамъ по секрету: насъ извѣстили, что здѣсь живутъ польскіе эмисары, совращаютъ здѣшнихъ поляковъ; мнѣ тайно поручено.. Признаюсь, порученіе непріятное, тяжелое, фискальное... Сами разсудите, все-таки компатріоты... Я долженъ слѣдить нити заговора въ разныхъ губерніяхъ и здѣсь. Впрочемъ, моей миссіи никто здѣсь не знаетъ, числюсь въ отпуску, бываю на обѣдахъ, на вечерахъ у гостепріимныхъ москалей, танцую до упаду.

— Лихой мазуристъ.

— Вывертываю на нихъ исправно ногами, а дѣла своего не забываю.

— Неужели и въ Москвѣ есть заговорщики?

— Да, батюшка, вы и здѣсь ходите на вулканѣ,

который того и гляди готовъ вспыхнуть. Будьте осторожны. Стараюсь молодыхъ людей образумить, говорю имъ о могуществѣ Россіи, о долгѣ присяги... Живя въ Москвѣ, вы посѣщаете разные кружки, не знаете ли какихъ неблагонадежныхъ поляковъ?

— Неблагонадежныхъ, нѣтъ. Знакомъ хорошо съ однимъ, который не продастъ Россіи ни за какія деньги, ни за мечту возстановленія Польши.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ у меня пріятель, адвокатъ мой Пржшедиловскій, за этого ручаюсь, какъ за самого себя.

— Не кладите ему пальца въ ротъ. Иной такой тихій, воды не замутитъ, честный, благородный, преданъ на словахъ Россіи, а онъ-то и есть величайшій врагъ ея. Къ прискорбію долженъ сказать опять про своихъ компатріотовъ: поляки ужь не тотъ рыцарскій народъ, какимъ знавали мы ихъ прежде, все іезуиты развратили. Повѣрьте, надо съ нынѣшнимъ полякомъ пудъ соли съѣсть, чтобъ его узнать. Впрочемъ, сколько знаю Пржшедиловскаго, онъ мстиславецъ, какъ и я. Нельзя подозрѣвать его въ измѣнѣ, женатъ на русской, имѣетъ дѣтей, наживаетъ здѣсь хорошія деньги; куда ему до революціонныхъ замысловъ! Еще кого не знаете ли?

— Третьяго дня познакомился въ домѣ друга моего, Ранѣева, съ Владиславомъ Стабровскимъ, братомъ того гвардейскаго офицера, что бѣжалъ изъ II. полка.

— Ричардъ безразсудный мальчишка, самъ голову свою кладетъ въ петлю. Не знаю, правда ли, говорятъ, его ужь и поймали. Ну и братецъ хорошъ, чай, заносился выше облаковъ. Горячаго темперамента!

— Онъ говоритъ, что ѣдетъ къ матери въ Бѣлоруссію. Кажется, не глупый, благородный молодой человѣкъ, жаль—une tête un peu montée.

— Не мало, а много. Такія личности все равно, что лошадь съ колеромъ, сейчасъ налетитъ на рогатку. Немудрено, по породѣ. И мать его горячая патріотка. Поѣдетъ къ ней, еще болѣе свихнется. Но у насъ и тамъ есть лазутчики, въ случаѣ революціонной попытки, накроемъ разомъ медвѣдицу и медвѣжатъ въ берлогѣ. Ксендза Б. не знаете?

— Нѣтъ.

— Вотъ этого опаснаго, хитраго эмисара по моему настоянію выпроводили изъ здѣшняго богатаго прихода въ бѣднѣйшій сельскій приходъ Могилевской губерніи, въ глушь лѣсовъ. Это все равно, что въ Сибирь. Паршивую овцу изъ стада вонъ. А Людвиковича не знаете?

— Слыхалъ объ немъ, какъ о человѣкѣ, искусномъ по своей профессіи, въ лицо не знаю.

— Много говорили объ немъ подозрительнаго, но я вывѣдалъ отъ своихъ ищейныхъ, что эти слухи распускали изъ зависти враги. Нынѣ я пригласилъ его къ себѣ и исповѣдывалъ не хуже ксендза. Вздоръ! Дай Богъ, чтобъ всѣ поляки были такъ преданы Россіи! Къ тому-жъ онъ имѣетъ здѣсь дружескія отношенія съ одной богатой купчихой, наслаждается не только привольной, но роскошной жизнью: куда ему до опасныхъ замысловъ! Покончивъ здѣсь свои дѣла, какъ сумѣлъ, ѣду завтра въ Петербургъ. Пожалуйста, въ разговорѣ о нынѣшней революціи успокойте вашихъ компатріотовъ, скажите, что правительство приняло энергическія мѣры къ потушенію пожара, если онъ сильно вспыхнетъ. Вы женаты или нѣтъ?

— Нѣтъ еще, а пора бы завестись хозяйкой.

— Не заводите въ такое смутное, печальное время. Я зналъ васъ всегда горячимъ патріотомъ: чтобы вамъ опять подъ знакомыя вамъ знамена? Можетъ быть, пришлось бы служить вмѣстѣ, мы бы объ этомъ постарались. Вмѣстѣ опасности и лавры.

— У меня на рукахъ старушка-мать и двѣ сестры, безъ меня имъ будетъ плохо; куда-жъ тутъ до лавровъ! Если-жъ обстоятельства потребуютъ, о! конечно, не задумаюсь тогда ни надъ какими жертвами.

Простились.

Не было Сурмину причины не довѣрять словамъ своего прежняго товарища по генеральному штабу; Жвирждовскій казался такъ всегда преданъ Россіи. Въ этотъ день два мошенника искусно провели его.

При первомъ свиданіи съ Ранѣевымъ, онъ смѣясь разсказалъ ему о встрѣчѣ съ купцомъ Жучкомъ, котораго принялъ было за Киноварова.

— Можетъ быть, это и былъ Киноваровъ, — сказалъ Михайло Аполлонычъ. — Если онъ умѣлъ выпутаться отъ подозрѣнія вашего, такъ на это мастерства у ловкаго и умнаго плута достанетъ. Это актеръ, какого мы еще на сценѣ не видали. Впрочемъ, вы хорошо сдѣлали, что отъ него отступились. Впутались бы въ слѣдствіе, которое могло бы продлиться годы и ни къ чему бы доброму для меня не привело. Какъ я вамъ говорилъ, это дѣло рѣшенное, положено въ архивъ до суда на томъ свѣтѣ. Несчастіе совершено, его уже ничѣмъ не поправишь, имущество мое все-таки не возвратятъ мнѣ, жену не воскресятъ.

— Вы не разъ обѣщали мнѣ разсказать эту печальную исторію.

— Я и не забылъ своего обѣщанія, любезный другъ. Но чтобъ не затруднить ни васъ, ни себя длиннымъ разсказомъ, собираю разрозненные аргументы, написанные на многихъ клочкахъ, привожу ихъ въ порядокъ и отдамъ переписать вѣрному человѣчку. Дней черезъ десять — можетъ быть, немного болѣе, вы получите полную исторію моей жизни, — даю вамъ слово. Этотъ знакъ моей довѣренности послужитъ вамъ доказательствомъ, какъ я васъ люблю.

II

Вы видали, конечно, какъ смышленный попугайчикъ, наклонивъ голову на сторону, внимательно слушаетъ урокъ, задаваемый ему его учителемъ. Такъ слушала Крошка Доритъ, боясь проронить слово, что говорилъ ей Ранѣевъ. Она сидѣла въ его комнатѣ, съ глазу на глазъ съ нимъ, утонувъ въ большихъ креслахъ, на которыя онъ ее усадилъ, и спустивъ съ нихъ ножки, не достававшія до полу Михайло Аполлонычъ расположился противъ нея, держа въ рукѣ тетрадь.

— Милая Дарья Павловна,—говорилъ онъ, — я позвалъ васъ въ отсутствіе моей дочери по секретному дѣлу. То, о чемъ я буду васъ просить, должно оставаться между мною и вами, какъ-будто въ неизвѣстномъ для другихъ мірѣ. Ни ваши братья, ни сестра, ни даже Лиза моя не должны объ этомъ знать. Дадите ли мнѣ слово сохранить эту тайну?

— Все, что могу, сдѣлаю для васъ, — отвѣчала Даша, нѣсколько смущенная таинственностью предложенія, — если вы удостоиваете меня довѣрія, такъ я, конечно, не употреблю его во зло. Я привыкла хранить секреты по дѣламъ, которыя на рукахъ у брата моего, а я переписываю; да, считаю за очень дурной поступокъ передавать другимъ то, что мнѣ не принадлежитъ.

— Вотъ видите, въ чемъ дѣло. Мы сказывали, что вы мастерски разбираете трудные почерки, пишете правильно и четко. Одолжите мнѣ на время вашу золотую ручку и вашу смышленную головку.

— Пишу недурно, разбирала также до сихъ поръ худые почерки. Вы, вѣроятно, хотите дать мнѣ переписать какой-нибудь чернякъ тяжебнаго дѣла?

— Долго, долго жизнь моя была тяжбою съ судьбою. Въ этой тетради исторія ея.

Ранѣевъ развернулъ тетрадь и представилъ Дашѣ нѣсколько листовъ на разсмотрѣніе.

— Рукопись, какъ видите, написана мною очень неразборчиво. Немудрено: по должности моей я дѣлалъ до 30 тысячъ подписей въ годъ, чѣмъ мы въ годовыхъ отчетахъ своихъ хвастались въ доказательство нашей дѣятельности Были же такія времена! А сколько черняковъ нацарапалъ я моею рукой. За то въ мѣстѣ моего служенія былъ только одинъ мудрецъ, разбиравшій ее. Здѣсь испугаютъ васъ и безчисленныя помарки, и поправки, то между строкъ, то на поляхъ листовъ. Настоящіе іероглифы!

Даша взяла тетрадь, пробѣжала нѣсколько листовъ, прочла нѣсколько трудныхъ мѣстъ, хоть и съ запинкой, и сказала потомъ съ увѣренностью:

— О! я и не такія разбирала. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, грамотно, даже литературно написано. А были у меня и такія, что до смысла добраться, какъ до минотавра... Вотъ хотѣла было похвастаться передъ вами своимъ краснорѣчіемъ, — прибавила она, немного покраснѣвъ — да не впопадъ, Тезеемъ не могу вѣдь быть, а вы...

— А я подавно Аріадной.

Старикъ засмѣялся своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Все-таки путеводную ниточку вамъ подамъ.

— Разумѣется, чего не пойму, такъ сейчасъ по-

прошу васъ объяснить мнѣ. Мы живемъ вѣдь руку другъ другу подать.

— Лизѣ я не могъ поручить этотъ трудъ, она и безъ того обременена уроками, надо же ей часъ отдыха. Да, признаться вамъ, тутъ есть описанія нашихъ семейныхъ несчастій, смерти матери ея... не хотѣлось бы возобновить въ ней грустныя воспоминанія; это разстроило бы ея здоровье.

— Извольте, я приведу въ порядокъ вашу рукопись и перепишу ее, только...

Даша посмотрѣла на Ранѣева съ маленькимъ лукавствомъ (на большое она не была способна) и остановилась, какъ будто хотѣла потомить его недосказаннымъ условіемъ.

— Что жь только?

— Откровенно вамъ скажу, я даромъ ничего не дѣлаю.

Это условіе, такъ черство высказанное, озадачило старика, оно было неожиданно. И отъ кого жь, отъ Даши, отъ Крошки Доритъ, дитяти наружностью и душой, сестры Тони, которую онъ считалъ членомъ своего семейства?... Онъ готовъ былъ условиться въ платѣ за труды съ какимъ-нибудь обыкновеннымъ писцомъ, но ей не смѣлъ бы предложить деньги. Развѣ постарался бы отдарить ее какою-нибудь хорошенькою вещицей, хоть бы вродѣ вазочки vieux Saxe съ шалунами-ребятишками на ней. Даша, взглянувъ на нихъ, улыбнулась бы и вспомнила бы объ немъ, когда его не будетъ. Такъ было у него въ мысляхъ.

— Сколько же вамъ нужно?—спросилъ онъ доволно сухо.

— Не *сколько*, а *только*, Михайло Аполлонычъ.

И не давъ ему разрѣшить трудную задачу, да считая за грѣхъ томить долѣе почтеннаго старика, она не выдержала своей роли, ей несродной, и прибавила:

— Подарите мнѣ на память карточку съ вашимъ портретомъ; это будетъ лучшая награда за мои труды... Еслижъ вы предложите мнѣ что-нибудь другое, я съ вами навѣки разсорюсь, и тогда ищите себѣ другого переписчика. Я маленькое твореньеце Божье, но вы меня не знаете. Разъ что-нибудь сказала, такъ тому и быть.

Она говорила энергическимъ голосомъ, поднявъ гордо головку и стукнувъ кулачкомъ по локотнику креселъ, будто маленькая фея своею багетой.

Отъ сердца Ранѣева отлегло; онъ былъ тронутъ, несмотря на комическую позу Даши, превратившейся изъ кроткаго, покорнаго существа въ строгаго повелителя; онъ былъ счастливъ, что на это чистое созданіе не пало пятно.

— Доброе, милое дитя мое, — сказалъ онъ, — и я могъ...

Онъ не договорилъ.

— Съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ да не знаю, есть ли еще у меня карточка... Кажется, была одна, единственная... Дай Богъ, чтобы нашлась...

Онъ засуетился, сталъ шарить въ ящикѣ письменнаго стола и, наконецъ, на днѣ его нашелъ завѣтную карточку.

— Есть, есть, какъ я счастливъ!—васъ ждала.

Даша перенесла свои умные глазки съ портрета на оригиналъ и обратно и спрятала на груди.

— Знаете ли, Михайло Аполлонычъ, я въ васъ давно влюблена, а вы и не подозрѣвали (она покачала головкой въ видѣ упрека). Съ какимъ удовольствіемъ слушала похвалы вамъ отъ Тони, какъ засматривалась на васъ, подбирала ваши слова, когда вы удостоили меня пригласить къ себѣ.

Даша принялась опять за тетрадь, пробѣжала ее, познакомилась съ указательными знаками, спросила

объясненія нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстъ, потомъ быстро спустилась съ креселъ, сказавъ: «до свиданья, съ Богомъ!» и унесла рукопись съ собою. Закипѣла у нея работа, не безъ того, однакожъ, чтобы не сбѣгать повременамъ къ жильцу въ тѣ часы, когда Лиза не была дома. Сколько разъ при списываніи патетическихъ мѣстъ слезы выступали у нея изъ глазъ! Она съ живымъ участіемъ слѣдила за ходомъ исторіи Ранѣева, какъ за приключеніями интереснаго романическаго лица, сердцемъ желала ему счастливаго конца, но конца не было... Какъ бы она хотѣла въ это время быть Провидѣніемъ, чтобы довершить развязку по своему! Черезъ двѣ недѣли трудъ ея былъ готовъ и на славу. Красивыя буквы стояли въ строкахъ, какъ въ линейномъ строю солдаты, всѣ въ одинъ ранжиръ, готовясь предстать къ инспекторскому смотру. О, тѣнь Востокова и цѣлый ареопагъ грамматиковъ, возложите на голову Даши вѣнокъ имортелей за то — въ тетради, ею написанной, не нарушила она ни на одну іоту вашихъ уставовъ

И ты, богиня молчанія, со свитою дипломатовъ, выдай ей похвальный листъ за то, что умѣла она сохранить ввѣренную ей тайну, едва-ли не лучше ихъ. А то читаешь нерѣдко въ газетахъ, что изъ такой-то канцеляріи такого-то посольства обнаружили государственное дѣло, хранимое за семью печатями. Правда, для сохраненія тайны не нужно ей было принимать трудныя и хитрыя средства. Тони никогда не интересовалась вмѣшиваться въ бумажныя дѣла братьевъ и сестры, братьямъ маленькій скрибъ въ корсетѣ рѣшительно объявилъ, чтобы они не смѣли спрашивать, какимъ дѣломъ она занимается. Такимъ образомъ рукопись, исправленная, четко и грамматически написанная, щегольски переплетенная золотою ручкой, была вручена законному владѣльцу ея. При этомъ торже-

ственномъ случаѣ не было краснорѣчивыхъ рѣчей, но были съ одной стороны слезы радости, что умѣла угодить доброму Михайлу Аполлонычу, съ другой— слезы благодарности. Онъ опять думалъ было подарить вазочку своему скрибу, но не смѣлъ, боясь навлечь на себя гнѣвъ его.

Нечего говорить, съ какою благодарностью Андрей Иванычъ принялъ рукопись.

Вотъ что онъ прочелъ въ ней.

III

«Я родился въ Тульской губерніи, гдѣ *Красивая Мечь* опрометью бѣжитъ между крутыми, живописными берегами и шумомъ своихъ безчисленныхъ мельницъ оглашаетъ окрестность. Нѣтъ въ этой мѣстности ни высокихъ горъ, на которыхъ любятъ кочевать караваны облаковъ, ни величественныхъ рѣкъ, ни лѣсовъ дремучихъ, то поющихъ вамъ, какъ таинственный хоръ духовъ, свою скорбную, долгую пѣснь, то разрывающихся ревомъ и трескомъ урагана. Я сравнилъ бы тамошнюю природу со свѣжимъ, миловиднымъ типомъ русской дѣвушки, которой удѣлъ плѣнять и нѣжить, а не восторгать душу, я сравнилъ бы ее съ моей дорогой Тони. Въ этихъ мѣстахъ была колыбель того, кто долженъ былъ современемъ придать имъ блескъ своего имени. Пріѣхавъ однажды въ отпускъ изъ артиллерійскаго училища на вакаціонное время, я увидалъ въ приходской церкви небольшого мальчика съ интересною, выразительною наружностью. На вопросъ мой, кто это такой, бабушка сказала мнѣ, «что это Тургеневъ, сынъ нашего сосѣда». Ужь, конечно, не подозрѣвалъ я тогда въ немъ будущаго поэта-обличителя проходившихъ передъ нимъ поколѣній. Недалеко и Ясная Поляна, гдѣ другой высокоталантливый писатель завелъ образцовое училище для крестьянскихъ дѣтей и пишетъ свои прекрасные разсказы.

«Мнѣ былъ годъ, когда мать моя, только-что откормившая меня грудью своей, умерла. Грустно мнѣ и теперь подумать, что я не могъ помнить ни лица ея, ни ласкъ. Лицо отца, ласки его я помню, но не видалъ надъ собою благословенія умиравшаго далеко отъ меня на Бородинскомъ побоищѣ. Шести лѣтъ остался я круглымъ сиротой и перешелъ подъ теплое крыло бабушки, матери моего отца, жившей съ нами и съ малолѣтства моего замѣнявшей мнѣ родную мать. Это была женщина стараго вѣка, съ предразсудками, которые, однакожъ, никому не вредили, религіозно-гуманная, но не понимавшая этого слова, любящая и между тѣмъ скопидомка, даже до мелочи. Только эта слабость происходила не изъ врожденной скупости, а для того, чтобы сберечь въ цѣлости дорогому внуку родовое имѣніе, оставшееся послѣ отца моего. Управленіе за восьмидесятью душами было самое патріархальное. Ни бухгалтеріи, ни письменныхъ приказаній и донесеній за нумерами она не вѣдала. Отчетность велась мѣлкомъ на стѣнахъ анбара рукою безграмотнаго старосты, приказанія отдавались ему каждый вечеръ на словахъ, рапорты отъ него были тоже словесные. А все какъ-то спорилось по хозяйству подъ Божіимъ благословеніемъ, которое бабушка часто призывала къ себѣ на помощь. Крестьяне наши знали свои три рабочіе дня и самыя легкія натуральныя повинности, за то пользовались привольными угодьями, да еще во время лѣтней страды по уборкѣ хлѣба и въ день моего ангела угощались до пресыщенія, и потому миръ между ними и доброй госпожей никогда не нарушался. Къ ней приходили за совѣтами и особенно за снадобьями не только свои крестьяне, но и со всего околодка, — такъ славилась она авторитетомъ своего ума и честности и искуснымъ лѣченіемъ. Бабушка знала тайны заговаривать кровь, обжоги и лихоманку,

лѣчить раны живою водой изъ заячьей капустки, и все это съ крестомъ и молитвой. Не вѣдала она гомеопатическихъ разложеній, за то какихъ травъ не готовила. Побывши съ нею нѣсколько минутъ въ ея аптечкѣ, уносишь бывало съ собою на цѣлый день ароматъ мяты, душицы, укропа, липоваго цвѣта и другихъ пахучихъ растеній. А какъ хороша была, какъ ласково глядѣла на насъ тамошняя мѣстность! Березовыя и дубовыя рощицы, будто саженыя художникомъ-садоводомъ, оазисы цвѣтущихъ, природныхъ кустовъ и деревъ, играющая въ своихъ берегахъ рѣчка, раскинутые по широкимъ полямъ ковры гречи розово-молочнаго цвѣта, перемежающіеся волнами ржи и пшеницы, едва видныя соломенныя крышки деревеньки, потонувшей въ конопляхъ своихъ огородовъ, все такъ нѣжило взоры и душу. И какіе дивные концерты задавали намъ по вечерамъ соловьи. Казалось, пѣло каждое дерево, пѣлъ каждый кустъ. И что это за восторженный до самозабвенія пѣвецъ соловей! Случалось, гуляешь по саду и видишь, да, видишь, не только что слышишь, какъ на липкѣ, аршина въ три вышиной, поетъ онъ съ закрытыми глазами, замирая въ сладострастной нѣгѣ своей пѣсни. Я стоялъ отъ него въ двухъ шагахъ, а онъ меня не замѣчалъ. Еслибъ я былъ немного побольше, могъ бы схватить его руками, по-крайней мѣрѣ мнѣ такъ думалось. Воспоминанія изъ дѣтства трудно изглаживаются и въ старости, даже и такія, которыя не оставляютъ по себѣ рѣзкихъ слѣдовъ на будущность нашу. Извините, другъ мой, если я говорю вамъ объ этихъ пустякахъ. Они могутъ вамъ наскучить; но дайте мнѣ насладиться вдоволь у конца моего земного странствованія разсказомъ о томъ времени, когда мы еще незнакомы ни съ заботами, ни съ опытами и страстями. Деревня, это былъ райскій садъ мой, изъ котораго пламенный мечъ гнѣвнаго послан-

ника Божьяго не выгонялъ еще меня за ограду его. Можетъ быть, эти пустяки навѣютъ и на вашу душу сладкія воспоминанія о вашемъ дѣтствѣ. Бабушка, когда выѣзжала къ сосѣдямъ или по дѣламъ въ уѣздный городъ, всегда брала меня съ собою, пока у меня не было гувернера. Изъ этихъ экскурсій выбираю только событія, рѣзче другихъ запечатлѣнныя въ моей памяти.

«Разъ ѣхали мы съ нею къ одному дальнему сосѣду. При выѣздѣ изъ нашей деревни погода была намъ благопріятна. Не успѣли мы отъѣхать отъ себя не болѣе десяти верстъ, какъ бабушка сказала мнѣ:— «Не во-время собрались мы съ тобою въ путь, Миша; рука у меня сильно заныла, быть грозѣ». И дѣйствительно, черезъ полчаса съ небольшимъ начали слетаться съ разныхъ сторонъ тучи, все чернѣе и чернѣе одна другой, сталъ погремыхивать громъ, молнія разрѣжетъ ихъ то тамъ, то тутъ, далѣе удары зачастили и усилились. Мы только-что въѣзжали въ околицу какой-то деревушки, какъ сильная гроза разыгралась со всѣми своими ужасами. Надо было пріютиться подъ какимъ-нибудь кровомъ; добираться до порядочной избы некогда было. Бабушка приказала кучеру свернуть лошадей къ первой избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая попалась намъ на глаза. Видно было, что нашему возничему это не понравилось: онъ помоталъ въ знакъ неудовольствія головой и почесалъ кнутовищемъ за ухомъ. Но дѣлать было нечего, надо было повиноваться барскому приказу. Какъ я узналъ послѣ, онъ хотѣлъ лучше стоять на улицѣ подъ ударами грозы, чѣмъ остановиться у избушки, которой хозяйка, бобылка, слыла въ околодкѣ колдуньей. Лошади стали головами подъ дырявымъ, соломеннымъ навѣсомъ у покосившихся воротъ, мы съ бабушкой поспѣшно выбрались изъ коляски, кучеръ забрался въ нее. Длин-

ный слуга нашъ Вавила дотронулся до щеколды, дверь сама собою потянулась въ убогое жилище бобылки. Мы бросились въ него — нашъ Ричардъ не безъ того, чтобы не согнуться въ три погибели. Въ это время ослѣпительная молнія ворвалась за нами не только въ двери, но и въ окна и, казалось, сквозила во всѣ пазы избушки. Со временемъ представлялась она въ моемъ воображеніи клѣткой, охваченной со всѣхъ сторонъ огнемъ. Сухой, раздирающій ударъ грома потрясъ ее до основанія. Я прижался къ бабушкѣ; она остановилась, какъ вкопанная, на одномъ мѣстѣ, но, оправившись отъ испуга, стала благоговѣйно креститься и читать псаломъ «Живый въ помощи Вышняго», да и мнѣ велѣла читать его за собою. Мы осмотрѣлись. Нищета, ужасная нищета охватила насъ со всѣхъ сторонъ. Не только почернѣвшія отъ дыма, но и обугленныя стѣны, вѣроятно построенныя изъ бревенъ оставшихся послѣ пожара, покачнувшаяся печь, наклонившіяся скамьи, закопченныя и облупленныя тараканами, недостатокъ домашней утвари, —все это бросилось намъ въ глаза. На одной изъ скамеекъ сидѣла безобразная старуха. Лицо ея было изрыто оспой, одинъ глазъ подернутъ бѣльмомъ, другой, свѣтлосѣрый, смотрѣлъ какимъ-то кошачьимъ взглядомъ; сѣдые волосы торчали прядями изъ-подъ головного, замасленнаго платка. Большимъ деревяннымъ гребнемъ, какимъ чешутъ ленъ, она искала въ головѣ женщины, растянувшейся на той же скамьѣ. Лица этой женщины не было видно, потому что оно закрывалось густымъ покрываломъ темнорусыхъ волосъ, упадавшихъ по полу. Въ минуту удара грома и одновременнаго появленія нашего, старушка вздрогнула и опустила гребень. Одинокій зрячій глазъ ея засверкалъ фосфорнымъ блескомъ и остановился на насъ. Вдругъ закричала она какимъ-то дикимъ голосомъ: «Чуръ, чуръ насъ!» Вѣроятно, увидавъ нашего

длиннаго лакея, который насъ немного опередилъ и заслонялъ собою, она подумала, что это нечистый духъ, упавшій къ ней въ избушку съ громовой стрѣлой. Женщина, лежавшая головой на ея колѣнахъ, вскочила и во всѣ испуганные глаза свои смотрѣла на насъ. Мы тутъ увидѣли, что это была очень молодая, пригожая дѣвушка. Она своимъ свѣжимъ, хорошенькимъ личикомъ рѣзко выступала изъ общаго разрушенія, ее окружавшаго.

«— Господь съ вами,—сказала бабушка, выдвинувшись изъ-за слуги нашего,—позволь старушка, укрыться на время отъ грозы въ твоей избѣ.

«— А ты отколь? — спросила безобразная старушка.

«Бабушка назвала деревню нашу и нашу фамилію.

«Одинокій глазъ вѣдьмы еще сильнѣе засверкалъ какимъ-то зловѣщимъ огнемъ.

«— Шабры, какъ же, вѣдаемъ. Вѣстимо, ты и есть та барыня-знахарка, что лѣчитъ нашихъ крестьянъ, знаешься съ нечистою силой. Отбила у меня хлѣбецъ! Пусто бы вамъ было, вонъ изъ моей избы, окаянные, чтобъ и духу вашего здѣсь не пахло.

«Въ груди ея слышалось какое-то клокотанье.

«— Что ты, что ты, неразумная,—сказала своимъ тихимъ, добрымъ голосомъ бабушка.—Господь прости тебѣ грѣшныя слова твои.

«Длинный нашъ Вавила выдвинулся опять впередъ, показалъ старушкѣ свой огромный кулакъ, и къ этой многозначащей мимикѣ присоединилъ словесную угрозу.

«— Смѣй еще сказать хоть одно супротивное слово моей барынѣ, такъ я тебя, поганая колдунья, разомъ пришибу этимъ цѣпомъ.

«Только-что онъ успѣлъ это проговорить, какъ на улицѣ послышались крикъ и гамъ, кто-то постучался въ окно избы и послышались слова: «Эй, баба, пожаръ!

выноси поскорѣе крюкъ» — и вслѣдъ затѣмъ раздался хохотъ.

«— Чтобъ тебя самого скрючило! — проговорила хозяйка.

«— Не бранись, бабушка, и за-подлинно пожаръ,— сказала дѣвушка, успѣвшая подобрать волосы и затѣмъ заглянуть въ окно:—овинъ сусѣдній горитъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, огненный столбъ поднимался противъ окошекъ, народъ бѣжалъ на пожарище. Но огнегасительная помощь оказалась уже ненужною: крупный градъ забарабанилъ по крышѣ, вслѣдъ затѣмъ полилъ дождь какъ изъ ушата, такъ что, думалось мнѣ, готовъ былъ затопить насъ; онъ и залилъ огонь. Гроза стала утихать, громъ ослабѣвалъ, только повременамъ слышалось еще ворчанье его. Казалось, разгнѣванный громовержецъ былъ удовлетворенъ проявленіемъ своего могущества.

«Злая хозяйка, угомонившись, молчала и всматривалась въ меня, будто пронизывала меня насквозь своимъ одинокимъ глазомъ, потомъ обратясь къ бабушкѣ, спросила:

«— Это внучекъ твой?

«— Внучекъ, Михаилъ.

«— Испугался, чай, грома? — спросила она меня болѣе ласковымъ голосомъ.

«— Испугался, — отвѣчалъ я, боясь смотрѣть на нее.

«— Баютъ, Илья-пророкъ ѣздитъ по тучамъ на своей колесницѣ. — Пустое, это желѣзные шары катаютъ по небу нечистые духи.

«Опять стала она всматриваться въ меня.

«— Грозы ты не бойся, малый, прибавила она.— Много ты на своемъ вѣку увидишь грозъ, много услышить грома, да вынесешь свою голову цѣлъ и невредимъ; не гроза небесная пришибетъ тебя, а лихіе люди.

«Слушалъ я ее со страхомъ, потупляя повременамъ глаза. И что жь! сбылось ея предсказаніе: ужасные громы варшавской битвы перекатывались надо мною, гроза свирѣпствовала вокругъ меня, но я вышелъ изъ нея цѣлъ и невредимъ. А лихіе люди все-таки меня пришибли.

«Бабушка, какъ я уже говорилъ, была не безъ предразсудковъ. Она видимо смутилась отъ вѣщихъ словъ колдуньи, подвинула меня къ себѣ и перекрестила, читая про себя молитву, потомъ ласковою, задобривающей рѣчью старалась подкупить ея благосклонность: пожалуй, испортитъ или *обойдетъ* меня. То заговаривала голубка моя о ея бѣдности, о ветхости избушки, обѣщалась прислать лѣску на перемѣну ветхихъ бревенъ, плотниковъ, мучки, крупъ; пригожей внучкѣ ея подарила четвертакъ на ленту въ косу, и наказала приходить къ намъ.

«Дѣвушка въ восторгѣ показала своей бабкѣ серебряную монету и потомъ поцѣловала у моей бабушки руку.

«— Дай и мнѣ копѣечку,—сказала хозяйка.

«Расщедрилась моя бабушка, и дала ей тоже четвертакъ.

«Когда мы садились въ коляску, передъ нами за деревней поднялась конусомъ гора и на ней деревянная церковь. Обвивъ ее кругомъ, ходили еще клубами тучи, но въ одномъ мѣстѣ сквозь облако прорвалась свѣтлая точка и первый лучъ ея заигралъ на крестѣ колокольни.

«О! и теперь этотъ золотой лучъ играетъ на немъ въ глазахъ моихъ.

«— Какъ зовутъ это мѣсто?—спросилъ я бабушку.

«— *Судбище*, дружокъ, Судбище. Здѣсь, говорятъ,—правда или нѣтъ, — сходился встарину народъ судиться.

«Многіе годы впослѣдствіи думалъ я, какъ бы добраться до сути этого преданія, но мнѣ не удалось.

«Случилось мнѣ въ зимній Николинъ день ѣхать съ бабушкой къ обѣднѣ въ нашу приходскую церковь, версты за двѣ отъ насъ. Былъ прекрасный день, солнышко играло на небѣ, воздухъ съ прохладью умѣреннаго морозца румянилъ только щеки, но не щипалъ ихъ. Мы ѣхали въ одиночку въ пошевняхъ; бабушка сидѣла на грядкѣ, съ задка которой спускался до земли персидскій разноцвѣтный коверъ. Я помѣщался на сидѣньѣ рядомъ съ кучеромъ и правилъ бойкой лошадкой, метавшей мнѣ въ лицо изъ-подъ ногъ снѣжную пыль. Подрѣзи потѣшно сипѣли, поля искрились, все кругомъ глядѣло такъ весело; я былъ счастливъ, какъ не бываютъ счастливы великіе міра сего, правя народами. Въ это время плелся, оступаясь, по снѣжной дорогѣ старенькій мужичекъ, одѣтый въ новый длинный тулупъ, но безъ шахматныхъ вставокъ въ немъ, мотавшійся по ногамъ. На голову нахлобучена была бархатная малиновая шапка, довольно выцвѣвшая и пострадавшая отъ времени. Когда мы были уже отъ него близко и онъ еще не успѣлъ посторониться съ дороги, я крикнулъ на него грознымъ голосомъ: «пади, пади!» Но бабушка велѣла кучеру остановить лошадь. Эта помѣха моему удальству была мнѣ досадна. Мужичекъ, поровнявшись съ нами, остановился, скинулъ шапку обѣими руками и отвѣсилъ глубокій поклонъ, отчего обнажилась его голова, едва окаймленная тонкимъ вѣнчикомъ бѣлыхъ волосъ.

«— Здорово, Калинычъ,—сказала ласковымъ голосомъ бабушка.

«— Здорово, Миколавна,—проговорилъ старикъ,— къ обѣднѣ, матушка? Пошли тебѣ Господь милости свои.

«— Надѣнь, надѣнь шапку-то.

«— Чай, голова не отвалится отъ мороза.

«— Снѣжно, — замѣтила бабушка, — трудно ужь плестись въ твои годы. Садись-ка со мной, вотъ рядкомъ.

«Говоря это, она подвинулась на грядкѣ къ одной сторонѣ.

«— Полно, Миколавна, пригодно ли мнѣ, воронѣ, затесаться въ барскія хоромы; дотащусь кое-какъ на своихъ на кривыхъ.

«— Нѣтъ, нѣтъ, садись, а то не поспѣешь къ началу; безъ того не тронусь съ мѣста.

«— Коли на то воля твоя, неча съ тобою дѣлать.

«Надѣлъ онъ шапку и сѣлъ бочкомъ около барыни, положивъ одну ногу въ сани, а другую свѣсивъ на отводъ и держась рукою за прясла; тулупъ его мелъ снѣгъ по дорогѣ.

«— По-добру ли по здорову живешь, Миша?— сказалъ онъ, когда усѣлся.

«Я обидѣлся, что онъ назвалъ меня Мишей, и молчалъ.

«— Почтенный человѣкъ съ тобою здоровается, а ты, поросенокъ, и руки къ шапкѣ не приложишь,— сказала съ сердцемъ бабушка.

«— А сколько тебѣ лѣтъ, Калинычъ?—спросила она своего спутника.

«— Да девятый десятокъ давно пошелъ, коли не обмишулился, память становится плохонька.

«— А сколько служилъ у дѣдушки и батюшки?— продолжала спрашивать бабушка.

«— Десятка три, чай, будетъ, правилъ вашей палестиной. Еще молодого взялъ меня дѣдушка. Были и старше, и умнѣе меня, да знать на взглядъ полюбился.

«— И не ошибся покойникъ, честно и усердно служилъ ты, за то и почетъ тебѣ слѣдуетъ. Вотъ ка-

ковъ этотъ человѣкъ, Миша, а ты не удостоилъ его и отвѣтомъ. Кабы не къ обѣднѣ ѣхала, такъ побранила бы тебя не такъ, да и возжи велѣла бы кучеру отобрать отъ тебя. Почитай стариковъ, — прибавила она болѣе мягкимъ голосомъ,—да помни, что крестьяне кормильцы наши.

«Куда дѣвалось мое счастье! Возжи падали изъ рукъ, въ глазахъ у меня помутилось, на душѣ не было свѣтлѣе. Я стоялъ въ церкви, какъ убитый.

«Во всю жизнь мою не могъ я забыть этого урока!

«Чтобы не наскучить вамъ дальнѣйшими разсказами о моемъ дѣтствѣ, не стану подробно описывать вамъ, какъ я началъ свое ученіе у одного отставного учителя народнаго училища, котораго бабушка наняла для меня, какъ онъ повременамъ зашибался и между тѣмъ понятливо преподавалъ мнѣ русскій языкъ и ариѳметику, какъ онъ успѣлъ привить мнѣ любовь къ литературѣ. Восьми лѣтъ я уже съ жаромъ декламировалъ тираду изъ Дмитрія Донского:

«Любезные сыны, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы»,

и читалъ хорошо наизусть оду: «Богъ» Державина, басни Хемницера и другія произведенія тогдашнихъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. За русскимъ учителемъ послѣдовалъ французъ-гувернеръ, сынъ эмигранта, довольно образованный. Характеръ его былъ мягкій, онъ умѣлъ пріятно и полезно занимать меня въ часы, свободные отъ ученія, и познакомить съ благостью и премудростью Творца въ Его твореніяхъ на землѣ и на небѣ. Не только не охладилъ онъ во мнѣ любви къ поэзіи, которой искру бросилъ въ душу мою русскій поклонникъ Музъ и Вакха, но еще болѣе раздулъ ее знакомствомъ съ Расиномъ, Корнелемъ и другими французскими знаменитостями. Изъ прозаиче-

скихъ произведеній онъ особенно любилъ Эмиля Руссо и «Contemplations de la nature» аббата де-С.-Пьера. И я къ нимъ, какъ говорятъ, во вкусъ вошелъ.

«Четырнадцати лѣтъ, по настояніи дяди моего, артиллерійскаго полковника, отвезли меня въ Петербургъ въ артиллерійское училище. Сколькими благословеніями провожала меня бабушка, сколько слезъ пролили мы съ нею при разставаніи, какую дань заплатилъ я ими моему доброму гувернеру за его попеченія о моемъ образованіи и воспитаніи! Обойду первые годы училищной жизни. На бытъ корпусовъ новѣйшими писателями и безъ меня пролито много свѣта, накинуто въ то же время и много грязи, можетъ быть, не безъ пользы. Скажу только, что я долго скучалъ своимъ сиротствомъ, долго представлялъ себя изгнанникомъ изъ свободнаго, свѣтлаго, прекраснаго міра. Я принялся горячо за ученіе, но не могу не признаться, что тогдашнее образованіе въ училищѣ стояло не на высокой степени. Повѣрите ли, выпускали оттуда въ офицеры молодыхъ людей, которые не умѣли правильно, грамматично написать записки на родномъ языкѣ. По спеціальнымъ же ихъ математическимъ наукамъ, они, служа уже въ батареяхъ, должны были переучиваться у учителей гимназій, приглашаемыхъ давать имъ уроки, когда они стояли въ губернскихъ городахъ. Правда выходили изъ училища ученики и съ отличными познаніями, но это были рѣдкія исключенія, обязанныя своимъ образованіемъ необыкновеннымъ природнымъ способностямъ и горячей любви къ наукѣ. На этой богатой почвѣ и тощія сѣмена возрастали сторицей и помимо воздѣлывателей ея.

«Учитель русской словесности изъ малороссійскихъ бурсаковъ . . . . . чъ былъ олицетворенное невѣжество. Задавая параграфы изъ реторики, онъ приба-

влялъ, чтобы ихъ выдалбливали на память, и, если на экзаменѣ ученикъ замѣнялъ печатное слово своимъ, хоть и равнозначащимъ, строго взыскивалъ съ него. Спеціальныя математическія науки, къ которымъ предпочтительно должны мы были готовиться, преподавались также посредственно. Но изъ среды бездарныхъ наставниковъ выступали двѣ личности, которыхъ имена должны сохраниться въ лѣтописяхъ училища. Одинъ былъ К. Н. Арсеньевъ, учитель исторіи, сдѣлавшій бы честь наукѣ въ любомъ университетѣ. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ слова и умѣлъ не только говорить уму юношей, но и сердцу ихъ, то воспламеняя ихъ примѣрами высокихъ подвиговъ, то возбуждая ихъ негодованіе противъ неправды, слабодушія и низкихъ дѣлъ. Онъ извѣстенъ и гоненіями, воздвигнутыми на него за его статистику во времена Магницкаго. Другой служитель правды и добра былъ законоучитель нашъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ былъ кумиромъ воспитанниковъ. Кажется, самъ Божественный Учитель возложилъ на голову его руку свою, чтобы онъ училъ насъ по Его примѣру. Его уроки были христіанскія бесѣды съ нами, не для заучиванія на память, но для воспріятія сердцемъ. Онъ умѣлъ обольщать насъ прелестью добра, представляя его во всѣхъ видахъ и страдающимъ, и торжествующимъ. Не въ стѣнахъ училища, не на экзаменахъ должны мы были дать отчетъ въ нашемъ ученіи, а за порогомъ его, на пути служебной и общественной жизни, дѣлами нашими. Еще и теперь, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, эта прекрасная личность представляется мнѣ во всемъ обаяніи истинно-пастырскаго служенія. Да будетъ благословенна память его! При мнѣ поступилъ въ училище инспекторомъ Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, авторъ «Дома сумасшедшихъ»; переводчикъ «Садовъ» Делиля и бывшій профессоръ русской словесности въ

дерптскомъ университетѣ. И тамъ, и здѣсь служилъ онъ, такъ сказать, спустя рукава. Какъ теперь вижу его узенькіе, калмыцкіе глазки, его ужимки. Не могу забыть и странной привычки его здороваться, подавая руку, завернутую въ полу фрака или сюртука, какъ это дѣлаютъ кучера при передачѣ и пріемѣ проданной лошади. Для чего онъ это дѣлалъ, не понимаю—боялся ли прикосновенія чужой, нечистой руки, свою ли почиталъ нечистою. Высшимъ начальникомъ училища былъ тогда его основатель, великій князь Михаилъ Павловичъ. Говорятъ, онъ былъ строгъ, но кто зналъ его душу, его дѣла, не всѣмъ извѣстныя, скажетъ навѣрное, что это былъ добрѣйшій изъ людей. Онъ былъ строгъ—и первый запретилъ тѣлесныя наказанія въ училищѣ; онъ былъ строгъ — и когда директоръ заведенія предложилъ ему исключить одного ученика за значительную шалость изъ заведенія и сослать его юнкеромъ на Аландскіе острова, онъ помиловалъ виновнаго и по этому случаю сказалъ директору незабвенныя слова, которыя осчастливился я слышать изъ другой комнаты: «Повѣрь, Александръ Дмитріевичъ, каждаго изъ этихъ ребятъ легко погубить, но сдѣлать ихъ счастливыми не въ нашей власти. Помни притомъ: мы взяли ихъ отъ отцовъ и матерей для того, чтобы образовать и воспитать, въ чемъ должны отдать отчетъ Богу». Говорили, онъ былъ ригористъ, а въ комплектъ 120 воспитанниковъ велѣлъ принять 121-го изъ солдатской роты. А сколько помогалъ онъ бѣднымъ офицерамъ изъ своего кошелька, знаютъ только они и Всевидящій! Спустимся ниже къ Воейкову и моимъ отношеніямъ съ нимъ. Александръ Ѳедоровичъ, узнавъ отъ кого-то, что я могу прочитать на память нѣсколько лучшихъ мѣстъ изъ Делиля, любимаго его поэта, велѣлъ мнѣ прочесть ихъ, что я и исполнилъ со славой. Съ этого времени онъ обратилъ

на меня особенное вниманіе и покровительство и сталъ задавать мнѣ, помимо учителя, сочиненія на разныя темы. Оставшись доволенъ исполненіемъ ихъ, онъ поощрилъ меня къ дальнѣйшимъ литературнымъ трудамъ и сталъ поручать мнѣ составлять разныя статейки для «Славянина», который онъ тогда издавалъ. Какъ журналъ этотъ, такъ и статейки мои потонули въ Летѣ. Онѣ послужили мнѣ, однакожъ, въ пользу, потому что, упражняясь въ литературной гимнастикѣ, наблюдая и соображая законы русскаго языка, я изучилъ ихъ лучше, чѣмъ по всѣмъ грамматическимъ курсамъ, которые зазубрилъ. Произведенный въ офицеры, я сдѣланъ былъ репетиторомъ и позднѣе помощникомъ профессора русской словесности, но, не поладивъ со своимъ премьеромъ въ методѣ преподаванія, перешелъ на службу сначала въ гвардейскую, а потомъ въ армейскую батарею. Здѣсь прослужилъ я недолго. Разразилась гроза польской революціи 30 года, и я, возгорѣвъ чувствомъ патріотизма, пожелалъ служить въ дѣйствующей арміи. Отъ бабушки, акуратно писавшей ко мнѣ каждыя двѣ недѣли, пересталъ я получать письма. Причину этого молчанія разрѣшило мнѣ донесеніе старосты, что бабушка отошла въ жизнь вѣчную, пославъ мнѣ на смертномъ одрѣ благословеніе. Можно судить, какъ утрата моей второй матери сильно огорчила меня. До сихъ поръ храню въ сердцѣ горячую память объ этой превосходной женщинѣ. По аккуратнымъ отчетамъ ея, имѣніе мое было въ порядкѣ, и я, отъѣзжая въ армію, поручилъ его тому же старостѣ, который уже столько лѣтъ правилъ рулемъ моего хозяйства; только велѣлъ ему, въ случаѣ важныхъ дѣлъ, относиться къ дядѣ, получившему отъ меня на этотъ предметъ законную довѣренность.

IV.

«Наступилъ 31-й годъ. Я полетѣлъ въ мѣста, гдѣ бились мои братья за дѣло, которое стоило отечеству нашему съ пераго 12-го года столько крови и золота. Не скрою, что меня окрыляла и мечта славы, вкравшаяся въ мою молодую голову. Спалъ и видѣлъ я, что ужь полководецъ, ознаменовалъ себя великими подвигами, обвѣшанъ знаками отличія. И мало ли какихъ грезъ не приходило въ нее! Переѣздъ нѣсколькихъ сотъ верстъ не могъ растрясти ихъ. Я пріѣхалъ въ Вильно въ то время, когда генералъ, завѣдывавшій тамъ распредѣленіемъ по корпусамъ офицеровъ, прибывавшихъ туда съ разныхъ мѣстъ, затруднялся, кого послать въ Поневѣжъ. Тамъ предположено было устроить госпиталь на 2,000 кроватей и провіантскій магазинъ на 80,000 человѣкъ для резервной арміи графа Толстого. Чтобы оградить этотъ важный пунктъ отъ нападенія непріятеля, надо было привести его въ возможно-оборонительное положеніе. Не было подъ рукою у генерала способнаго инженера; благо на глаза попался артиллеристъ, и на меня возложили это порученіе. Я воображалъ себя и строителемъ укрѣпленій, и героемъ-защитникомъ ихъ. Порученіе это вскружило мнѣ еще

болѣе голову. Мысленно прохожу курсъ фортификаціи, укрѣпляю слабыя мѣста, одушевляю солдатъ патріотическими рѣчами, ожидаю осады, дѣлаю вылазки. Геройски отразить непріятеля, или, въ случаѣ, если сила одолѣетъ, взорвать укрѣпленіе и себя вмѣстѣ съ моими храбрыми сподвижниками — вотъ святой обѣтъ, который я далъ себѣ. Горя желаніемъ скорѣе явить міру свои подвиги, мчался я на почтовыхъ и обывательскихъ къ мѣсту моего назначенія. У каждаго изъ солдатъ перваго Наполеона въ патронной сумѣ лежалъ маршальскій жезлъ; почему-жъ мнѣ, русскому офицеру, воспитанному въ артиллерійскомъ училищѣ, проходившему курсы всѣхъ возможныхъ военныхъ наукъ и способному, какъ я воображалъ, произносить воспламеняющія воинственный духъ рѣчи (у меня въ головѣ слагались уже подобныя рѣчи), почему-жъ мнѣ не мечтать хоть не о маршальскомъ жезлѣ, а о чемъ-нибудь подобномъ? Дорогой, даже въ облакахъ, надо мною носившихся, видѣлъ я однѣ картины битвъ. Мнѣ предстояло создать твердыню, если нужно будетъ, защищать ее всѣми силами своего ума, науки и мужества или, какъ я мечталъ въ разгарѣ своей храбрости, похоронить себя подъ ея развалинами.—Въ послѣднемъ случаѣ, думалъ я, мнѣ поставятъ тамъ памятникъ съ надписью. «Здѣсь палъ молодой герой Ранѣевъ: онъ рѣшился лучше погибнуть съ честью, взорвавъ на воздухъ созданныя имъ укрѣпленія, чѣмъ, отдать ихъ непріятелю» Какъ видите, надпись довольно длинная; могутъ ее сократить, по крайней мѣрѣ, смыслъ останется тотъ же, имя мое не умретъ въ потомствѣ.

«Не успѣлъ я еще отъѣхать сотни верстъ, какъ неожиданный случай окатилъ всѣ мои горячія мечты будто ушатомъ холодной воды. Въ мѣстечкѣ, гдѣ мнѣ нужно было перемѣнить лошадей, не оказалось ямщиковъ, а вслѣдствіе того и станціоннаго смотрителя.

Первый засаленный еврей, попавшійся мнѣ на площади, ломанымъ нѣмецкимъ жаргономъ объявилъ мнѣ, что они утекли прошедшею ночью, но что на мызѣ за четверть мили отъ мѣстечка стоитъ отрядъ русскихъ гусаръ. Нечего было дѣлать, я велѣлъ везти меня на мызу. Вы знаете, конечно, разсказъ польскаго простодушнаго крестьянина, какъ до такого-то мѣста было прежде три мили, «да панъ взмиловался, сдѣлалъ изъ нихъ только одну». Такъ и мнѣ пришлось четверть мили проѣхать спѣшною ѣздою слишкомъ полчаса. Оказалось, что мыза была пуста, но въ полуверстѣ отъ нея замѣтилъ я высокое каменное зданіе вродѣ аббатства и около него шевелился солдатъ.

«— Туда, скорѣй, во всѣ лопатки, — кричалъ я ямщику,—гони въ хвостъ и въ гриву.

«Вотъ мы и у воротъ аббатства. На вопросъ мой часового, кто здѣсь отрядный командиръ, онъ сказалъ мнѣ его фамилію и чинъ и указалъ мнѣ, гдѣ его найдти. Я вошелъ въ большой дворъ защищеннаго католическаго монастыря, огражденный высокою каменною стѣной, и увидѣлъ нѣсколько десятковъ лошадей, взнузданныхъ и осѣдланныхъ, готовыхъ въ походъ. Около нихъ суетились гусары или закусывали на ходу. Это не предвѣщало мнѣ ничего добраго, сердце упало у меня въ груди. По каменной лѣстницѣ, довольно изрытой ногами нѣсколькихъ поколѣній отшельниковъ, я взобрался въ верхній этажъ и черезъ длинный коридоръ въ первую келью, откуда слышались голоса. Когда я вошелъ въ нее, три офицера усердно работали ножами, вилками и ртомъ надъ жаренымъ гусемъ и запивали водкой пропущенные въ желудокъ куски. Видно было, что все это дѣлалось на-лету.

«— Трошка, — говорилъ одинъ изъ нихъ солдату, который прислуживалъ имъ,—выпей для куражу шка-

ликъ да закуси жаренымъ, не оставлять же добро полякамъ, да живо!

«Замѣтивъ меня, всѣ выпучили глаза, какъ на чудище, выступившее изъ полу. Обращавшійся къ солдату офицеръ, высокій, осанистый, съ воинственнымъ, загорѣлымъ лицомъ и огромными усами, разметавшимися въ стороны (это и былъ начальникъ отряда) спросилъ меня—не съ приказаніемъ ли я отъ начальства.

«Я объявилъ ему причину моего появленія.

«— Не въ пору же тронулись вы въ путь, батюшка, — сказалъ онъ, разразясь добродушнымъ смѣхомъ.—Вамъ до мѣста вашего назначенія, какъ до сѣвернаго полюса. Всѣ мѣста до него заняты непріятелемъ, того и гляди нагрянетъ сюда. Я получилъ сейчасъ приказаніе сняться съ моего поста и ретироваться. Закусите-ка на скорую руку, чѣмъ Богъ послалъ, и маршъ съ нами, если не хотите попасться въ плѣнъ. Да на чемъ вы сюда?

«— На почтовыхъ,—отвѣчалъ я.

«—Трошка, — закричалъ громовымъ голосомъ ротмистръ, — мигомъ гужи и прочее изъ тройки его благородія перерѣзать, выбрать изъ нея лучшую лошадь, какой-нибудь войлочекъ, смекаешь (тутъ онъ хлопнулъ ладошами), если сѣдла запаснаго нѣтъ.

«Потомъ прибавилъ, обратясь ко мнѣ:—Намъ приходится утекать, сударь, а въ такомъ случаѣ не до комфортабельной осѣдлости, взлѣзешь и на чорта, лишь бы дался. Если придется поработать, пафъ, пафъ, прошу слушать моей команды. Есть у васъ какое оружіе кромѣ кортика?

«— Есть пара заряженныхъ пистолетовъ.

«— Прекрасно, въ дѣло ихъ. Прошу, господа, на коней.

«Я только-что успѣлъ глоткомъ живительной влаги

и кускомъ хлѣба заморить чувство, которое скребло мнѣ сердце, какъ вбѣжалъ вахмистръ, со словомъ: «поляки!»

«— Гдѣ?—спросилъ озадаченный ротмистръ, сдѣлавъ гримасу.

«— Скачутъ сюда, человѣкъ слишкомъ сто будетъ.

«Мы всѣ бросились на дворъ, солдаты были уже на коняхъ, я нашелъ и своего почтоваго фрунтовика, покрытаго войлочкомъ, съ веревочною подпругой и стременами изъ такого же пеньковаго вещества. Выхватить пистолеты изъ телѣги, вцѣпиться въ загривокъ своего буцефала и вскочить на него — было дѣломъ одной минуты. Откуда взялось у меня волтижерное искусство! Въ это самое время бурнымъ потокомъ хлынули польскіе уланы въ ворота. Блеснули сабли, зашатались и преклонились копья съ значками, мнѣ бросились въ глаза звѣрскія лица, лошадиныя морды, клубы дыма; воздухъ огласился дикими криками, пальбой; русскіе гусары и польскіе уланы смѣшались вмѣстѣ. Лошадь, кажется, создана для военнаго дѣла, она откликается веселымъ ржаньемъ на звукъ трубы, вовремя сраженія одушевляется какимъ-то необычнымъ пыломъ, не знаетъ усталости. И моя измученная лошаденка пріободрилась и ринулась со мною въ сѣчу. Я разрядилъ свои пистолеты не даромъ, пули, вылетѣвшія изъ нихъ, попали мѣтко въ непріятелей, и не мудрено, я стрѣлялъ въ упоръ. Дуломъ ударилъ я было сгоряча наотмашь одного по зубамъ, но въ это самое время почувствовалъ, что загорѣлась у меня икра правой ноги, и я вслѣдъ затѣмъ свалился съ падавшей подо мною лошади, убитой тѣмъ же ударомъ, который меня ранилъ. Благородное животное, издыхая, жалостно посмотрѣло на меня. Бой продолжался нѣсколько минутъ, сила одолѣла. Насъ было съ небольшимъ тридцать человѣкъ, непріятеля едва ли не вня-

теро больше. Съ десятокъ нашихъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, проложили себѣ дорогу сквозь сражающихся и успѣли ускакать черезъ ворота, такъ что погоня за ними была напрасна. Начальникъ нашъ истекалъ кровью отъ раны въ рукѣ.

«Такъ кончились мои геройскіе подвиги, и маршальскій жезлъ выпалъ изъ рукъ! Сколько мечты вознесли меня, столько дѣйствительность унизила. Я былъ въ плѣну; эта мысль невыносима для военнаго. Рана моя не представляла опасности, пуля только сорвала кусочекъ мяса съ икры; ротмистръ былъ раненъ тяжеле, но за жизнь его ручался лѣкарь-полякъ, который (надо отдать справедливость, его человѣколюбію), управясь со своими, принялся и за нашихъ. Убитымъ, своимъ и чужимъ, вырыли отдѣльныя ямы, чтобы и по смерти отлучить католиковъ отъ еретиковъ, и, какъ водится, насыпали на нихъ по бугорку земли. Всѣхъ насъ, живыхъ, враговъ и невраговъ, помѣстили въ зданіи монастыря. Провели мы въ немъ нѣсколько дней, но раненые не успѣли еще совершенно оправиться, какъ дошли до начальника польскаго отряда какіе-то тревожные слухи, и мы тронулись въ путь. Меня гнали съ моими товарищами, какъ овцу на закланіе, ругали, били; я куска хлѣба не видалъ двое сутокъ и умеръ бы съ голоду, еслибъ не сжалился еврей. Цѣлую недѣлю въ проливной дождь мѣсилъ я грязь и глину по щиколку подъ грозою сабли, которая пришпоривала меня, когда я изнемогалъ отъ усталости. Повѣрите ли, горстями снималъ съ себя разную тлю. Скажу еще болѣе: проѣзжая въ какомъ-то жидовскомъ мѣстечкѣ черезъ базаръ, я укралъ съ крестьянской телѣги конецъ сѣраго грубаго сукна аршина въ три и окуталъ себѣ имъ шею и грудь. Да, сударь, укралъ!.. Не въ мочь уже было мнѣ выносить потоки холоднаго дождя, который заливалъ меня. Правда, польскій ге-

нералъ Дембинскій, увидавъ насъ въ этомъ положеніи, очень сердился на отряднаго начальника, выдалъ ему деньги и велѣлъ насъ одѣть и накормить получше. Но приказаніе это не было исполнено. Вскорѣ отрядъ уланъ отдѣлился отъ насъ, остались нѣсколько конвойныхъ, да и тѣ, провѣдавъ отъ евреевъ, что на пути нашемъ находятся русскія войска, бросили насъ на произволъ судьбы и сами утекли до лѣса. Не стану также описывать вамъ похожденія наши до прибытія въ русскую главную квартиру. Здѣсь потребовали насъ къ главнокомандующему, фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому; онъ стоялъ въ какомъ-то фольваркѣ. Насъ ввели въ довольно большую комнату. Вдоль ея ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ генералъ маленькаго роста, довольно плотный, въ сюртукѣ, видавшемъ виды, съ потусклыми генеральскими эполетами и аксельбантомъ. Ходя и останавливаясь повременамъ, онъ диктовалъ адъютанту приказъ. Русская рѣчь его была не совсѣмъ правильна, съ нѣмецкими оборотами. (Вѣроятно, адъютантъ, записывая ее, поправлялъ ошибки противъ языка и переводилъ по-русски нѣмецкія слова, повременамъ вырывавшіяся у него, когда онъ затруднялся прибрать приличное русское слово). Молніей вылетали его слова, скоры были движенія. Мы стояли передъ фельдмаршаломъ Дибичемъ. Кончивъ диктовку, онъ быстро взглянулъ на насъ своими мутными, покраснѣвшими отъ безсонницы глазами, покачалъ головой, конечно, отъ впечатлѣнія, сдѣланнаго на него видомъ нашей оборванной и грязной обмундировки, и обратился къ моему товарищу, ротмистру.

«— Когда вы получили приказаніе сняться съ своего поста?—спросилъ онъ довольно сурово.

«— За четверть часа до появленія непріятеля, — отвѣчалъ ротмистръ.

«— Чтожъ вы мѣшкали?

«— Я далъ своей командѣ закусить и приготовиться къ походу.

«— Закусить! Вы могли бы это сдѣлать на походѣ. На войнѣ минуты дороги. Виноватъ, однакожъ, тотъ, кто далъ вамъ поздно ордеръ. Впрочемъ, видно, вы храбрый офицеръ, не утекли отъ непріятеля, какъ другіе изъ вашей команды. Я взыскалъ съ нихъ. На рукѣ вашей по перевязи вижу, что вы кровью своей искупили вашу вину.

«Дѣйствительно, на лицѣ моего товарища не было кровинки, онъ былъ не краше мертвеца, да и представлялъ изъ себя печальную фигуру. Тутъ графъ обратился ко мнѣ, спросилъ, какъ я, артиллеристъ, попалъ въ отрядъ гусаръ, и, когда я разсказалъ ему, куда и за какимъ дѣломъ я былъ посланъ, пожалъ плечами, такъ что густые эполеты запрыгали на плечахъ; на лицѣ его изобразилось неудовольствіе.

«— Вамъ дадутъ ордеръ, въ какую команду явиться, и деньги на обмундировку. До свиданья, господа; на боевомъ полѣ,—сказалъ онъ, кивнувъ головой.

«Намъ не суждено было свидѣться съ нимъ на боевомъ полѣ,—онъ вскорѣ умеръ отъ холеры.

«Немного времени спустя я видѣлъ другого главнокомандующаго, гр. Паскевича-Эриванскаго, у моей батареи, во время осады Варшавы. Голубые глаза его такъ привѣтливо смотрѣли, лицо сіяло удовольствіемъ, улыбка возвышала духъ войска и заранѣе сулила ему побѣду.

«Таковъ онъ былъ всегда во время разгара битвы.

«Не мнѣ, субалтернъ-офицеру, заключенному въ тѣсномъ кругу своихъ обязанностей, — такъ сказать, прикованному къ своимъ орудіямъ, описывать ходъ и перепитіи войны, да и предметъ моихъ записокъ не она, а моя маленькая личность.

«Во время кампаніи я свято исполнилъ долгъ свой,— могу это сказать безъ хвастовства,—и щедро награжденъ за свои заслуги, которыя угодно было начальству замѣтить. Горячечныя мечты мои остыли, я ихъ уже самъ стыдился. Когда Царство Польское и Литва успокоились до-поры до-времени, мнѣ дали батарею. Съ нею ходилъ я нѣсколько лѣтъ по разнымъ грязнымъ мѣстечкамъ и городамъ Литвы и Бѣлоруссіи, имѣлъ дѣла съ панами, экономами, крестьянами и евреями и узналъ *досконально* ихъ бытъ и нравы. Влюблялся я въ ловкихъ и очаровательныхъ полекъ, но, влюбляясь, не поддался чарамъ этихъ сиренъ и не полюбилъ ни одной. Въ 42 году пришелъ я квартировать въ губернскій городъ В.

«Что за грустная сторона Бѣлоруссія! То хвойные, мрачные, завывающіе лѣса, мѣстами непроходимые отъ гніющаго валежника, населенные стаями волковъ, то плѣшивые пригорки съ рѣдкими порослями, которыя и черезъ двадцать лѣтъ будутъ такими же уродцами, какими видѣли мы ихъ нынѣ. Тощая земля, тощіе обитатели! Кажется, и солнце свѣтитъ здѣсь, какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, попадаются и живописныя мѣстности, но все это покрыто печальною пеленой — такъ душевное настроеніе облекаетъ всѣ предметы свои красками. Печально и положеніе здѣшнихъ крестьянъ, забитыхъ, загнанныхъ. Между тѣмъ бросьте въ сердце этого добраго, простодушнаго народа благотворную искру, заставьте его на часокъ забыть панскій и жидовскій плѣнъ, и вы увидите, какъ этотъ мертвый народъ оживляется будто гальваническимъ токомъ. Тогда появляются въ деревенскомъ кружкѣ музыканты съ волынкой и скрипкой, дивчаты пускаются въ плясъ, довольно легкій и граціозный, распѣваютъ тонкими голосами веселыя пѣсни. Но все это вспугнетъ вдругъ бричка, хоть-бы пана эконома, или появленіе неумо-

лимаго, вѣчнаго кредитора — еврея. Вездѣ копошатся рои этого израильскаго рода, размножающагося какъ рои комаровъ отъ луча солнечнаго, или бѣгутъ въ одиночку на рысяхъ, раскинувъ по вѣтру свои пейсики. Польскіе евреи носятъ съ собою свой собственный запахъ, какъ слуга Чичикова. Войдите въ ихъ жилище, и минуты черезъ двѣ нестерпимое зловоніе выгонитъ васъ на вольный воздухъ, хотя бы это было въ жестокіе морозы. Дворы ихъ—вмѣстилище всякихъ нечистотъ, настоящія клоаки. Воображаю, сколько жертвъ уноситъ эта нечистота во время эпидемій. И никто не подумаетъ объ этомъ.

«На лѣто команда моя размѣщалась въ уѣздѣ, я повременамъ посѣщалъ ее. Верстъ за десять отъ города жилъ панцырный бояринъ Яскулка (по-русски Ласточка), у котораго стоялъ офицеръ моей батареи. Я увидалъ тамъ 19-ти-лѣтнюю дочь его Агнесу и скоро полюбилъ ее. Не стану описывать вамъ ея красоту, портретъ ея вамъ знакомъ. Скажу только, что эта красота была отраженіемъ ея души. Она получила воспитаніе въ панскомъ семействѣ, родственномъ ей по матери. Яскулка былъ вдовъ. Жена его происходила изъ дворянскаго рода Стабровскихъ, и потому онъ имѣлъ шляхетское родство, да и самъ вѣтвью своего рода, хотя и слабою, держался къ шляхетскому дереву. На прикрѣпленіе къ нему онъ имѣлъ притязанія. Права были затеряны, но это не останавливало его хлопотать о возстановленіи ихъ. Гордый, не зная почему, своимъ панцырнымъ боярствомъ и развѣ тѣмъ, что предокъ его держалъ стремя у одного изъ польскихъ королей и удостоился привѣтливыхъ словъ найяснѣйшаго, онъ стремился дорыться, во что бы ни стало, въ архивныхъ мусорахъ до утраченной дворянской короны. Хорошо устроенный фольваркъ, большое количество угодьевъ, большое стадо, доходная

мельница, множество рабочихъ, которыхъ онъ держалъ въ дисциплинѣ, доказывали его достаточное состояніе. Онъ жилъ на шляхетскую ногу, хотя и не широко, но по-своему комфортабельно. Мнѣ и въ голову не приходило получить съ рукою Агнесы его богатство, для меня она, одна, своимъ лицомъ, была сокровище дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Притягиваемый неодолимой силой, я сталъ часто ѣздить къ Яскулкѣ и въ каждый разъ свиданія съ его дочерью находилъ въ ней новыя, прекрасныя достоинства. Мы полюбили другъ друга тою чистою, высокою любовью, которая должна была освятиться бракомъ или сдѣлать насъ несчастными. Я просилъ у Агнесы руки ея и вмѣстѣ позволенія обратиться за тѣмъ же къ отцу ея. Не въ силахъ долѣе скрывать свои чувства, она со слезами на глазахъ бросилась мнѣ на шею и запечатлѣла поцѣлуемъ обѣтъ принадлежать мнѣ или никому. Отецъ давно замѣчалъ наши сердечныя отношенія другъ къ другу и, казалось, одобрялъ. Я обратился къ нему съ просьбою осчастливить меня рукою Агнесы. Родство съ русскимъ полковникомъ, можетъ статься, будущимъ генераломъ, должно было льстить сердцу честолюбиваго панцырнаго боярина.

«— Ваше предложеніе, — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, — дѣлаетъ мнѣ высокую честь, почту себя счастливымъ имѣть такого достойнаго зятя, какъ вы. Давно привыкъ я уважать васъ и любить. Но знаете ли, что я еще не утвержденъ въ правахъ своихъ на шляхетство, что я еще мужикъ и потому дочь моя мужичка.

«— Для меня это все равно, — отвѣчалъ я, — вы дорожите этими правами и, конечно, справедливо. Сколько я слышалъ отъ васъ объ этомъ предметѣ, можно ручаться за успѣхъ вашего домогательства. По своимъ связямъ (дернуло меня сказать) и я помогу

вамъ въ этомъ дѣлѣ, даю вамъ свое честное слово. Но теперь отдайте мнѣ вашу дочь, какъ она есть, дочь панцырнаго боярина. Никакой родовой, ни денежной придачи къ ней мнѣ не нужно. Мы любимъ другъ друга, благословите нашу любовь.

«— Помните ваше слово,—сказалъ онъ, горячо обнимая меня,—и берите мою дочь.

«Онъ былъ не нѣжнаго характера, но тутъ прослезился.

«— Агнеса, — крикнулъ онъ, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату,—поди сюда.

«— Любишь-ли ты пана пулковника? — спросилъ онъ ее, когда она вошла къ намъ.

«— Всѣми силами своей души, — промолвила она.

«— Ну такъ поцѣлуй своего жениха.

«Я принялъ ее въ свои объятія, прижималъ къ сердцу, цѣловалъ безъ счета.

«Вскорѣ мы были обручены и помолвлены.

«Въ городѣ надѣлала много шуму вѣсть о будущемъ нашемъ бракѣ, много толковали объ немъ; иные пожимали плечами, говоря, что это ужасная mésalliance. Я пренебрегъ этими толками и пересудами и гордился моею невѣстой, предпочитая ее всѣмъ сіятельнымъ. Красота ея, прекрасный нравъ, образованіе, любовь ко мнѣ—были для меня выше всѣхъ родовыхъ отличій.

«Отецъ ея былъ католикъ; дочь захотѣла принять православіе.

«— Мой будущій мужъ православный, дѣти мои станутъ исповѣдывать его вѣру, они пойдутъ молиться въ одну церковь, а я должна пойти въ католическую, если она еще случится въ мѣстѣ, гдѣ намъ придется жить. Вотъ уже рознь въ семействѣ... не хочу ея.

«Русскій священникъ, приготовивъ ее къ переходу въ новое исповѣданіе, совершилъ надъ нею тайну мѵропомазанія. Католики подняли гвалтъ и готовы были,

еслибъ могли, закидать ее каменьями, но ограничились въ кругу своихъ единовѣрныхъ однѣми насмѣшками и проклятіями... Никто изъ католической родни ея матери не пріѣхакъ на нашу свадьбу, за то въ русскомъ соборѣ, гдѣ мы вѣнчались, было избранное русское общество.

«Какъ хороша была моя Агнеса подъ вѣнцомъ!

«Я былъ счастливъ, отъ нея вѣяло какимъ-то неземнымъ блаженствомъ. Отецъ ея былъ веселъ, гордясь, что имѣетъ зятемъ своимъ полковника, украшеннаго знаками отличія; я старался всячески изъявлять ему мое уваженіе, особенно при значительныхъ лицахъ города; офицеры моей батереи, любя меня, оказывали ему свое вниманіе. Мнѣ случилось при немъ говорить по дѣлу объ отысканіи имъ потеряннаго шляхетства съ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Они обѣщали содѣйствовать, сколько отъ нихъ зависѣло, успѣшному ходу этого дѣла, когда всѣ доказательства будутъ собраны и представлены. Мой тесть собиралъ ихъ, рылся со своимъ адвокатомъ въ архивахъ и, несмотря на свою скупость, не жалѣлъ денегъ.

«Медовый мѣсяцъ нашъ не прошелъ, однакожъ, безъ непріятностей. Однажды, когда меня не было дома, горничная моей жены пала къ ногамъ Агнесы, ломала себѣ руки и призналась ей, что хотѣла ее отравить по наущенію ксендза, бывшаго духовника ея матери, за то, что она перешла въ русскую вѣру. Горничная не исполнила этого, измученная угрызеніями совѣсти и страхомъ послѣдствій. Жена моя любила ее, знала такою преданной и была поражена этимъ признаніемъ, но мнѣ разсказала все полушутя, какъ глупую исторію, которую стыдно бы пускать въ ходъ. Я рѣшился исполнить ея совѣтъ и предоставить все суду Божьему. Мы щедро наградили горничную съ тѣмъ, чтобы

она молчала, если не хочетъ себя погубить, и отпустили ее.

«Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Агнеса почувствовала, что носитъ подъ сердцемъ залогъ нашей любви.

«Разъ въ мучительномъ ожиданіи разрѣшенія ея, сидѣлъ я за перегородкой ея спальни. Вдругъ слышу крикъ ребенка. Это былъ крикъ свободы пришельца въ здѣшній міръ изъ девятимѣсячнаго тюремнаго заключенія, привѣтъ братьямъ человѣка, вступающаго въ ихъ общество. Съ чѣмъ можно сравнить чувство отца, услыхавшаго этотъ крикъ! Я палъ на колѣни и со слезами на глазахъ благодарилъ Творца за ниспосланнаго мнѣ первенца. Лиза родилась въ эту минуту. Надо было видѣть тихую радость моей жены, когда поднесли къ ней хорошенькое дитя, и она рукой указала мнѣ на него. Черезъ два года послѣ того родился у меня сынъ Володя. Дѣти наши росли пригожія. Немудрено, ихъ кормила сама мать. Часто и теперь представляется она мнѣ въ ореолѣ свой наружной и душевной красоты, съ ребенкомъ у полуобнаженной груди. Оттого-то, когда я встрѣтился съ вами въ первый разъ у оконъ Даціаро, я съ такимъ жаромъ говорилъ вамъ о картинкѣ, на которой изображена была мать, кормившая дитя своею грудью. Оттого-то, когда я не нашелъ въ магазинѣ этой картинки, вырвались у меня слова: «ея ужъ нѣтъ!» Ея ужъ нѣтъ, и съ того времени не прошло дня въ жизни моей, чтобъ я не оплакивалъ эту божественную женщину. Возвращаюсь къ тому времени, когда она *была*.

«Не желая, какъ военный человѣкъ, котораго жизнь похожа на кочевую, таскаться съ женою и дѣтьми съ мѣста на мѣсто, я рѣшился искать другой, болѣе осѣдлой службы. Съ этою цѣлью поѣхалъ я въ Петербургъ. Здѣсь предложили мнѣ довольно значительное мѣсто въ Прирѣчьѣ. Протекція была у меня силь-

ная, и я, уволенный изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, назначенъ на предложенное мнѣ мѣсто. Я шелъ столько лѣтъ по одному пути, и вдругъ разсчеты моего разума и сердца толкнули меня на другой, совершенно новый для меня. Владѣя перомъ, ознакомясь съ формами дѣлопроизводства при пособіи моего пріятеля, посвященнаго въ эту премудрость, и со всѣми постановленіями, касающимися до моей должности, я былъ убѣжденъ, что въ состояніи добросовѣстно сладить съ предстоящими мнѣ обязанностями. Природная логика должна была довершить то, чего недоставало моей неопытности; этой логики не замѣнятъ никакія знанія и долговременная служба, чему я видѣлъ много примѣровъ.

«Возвратясь въ В. за женою и дѣтьми и для сдачи батареи назначенному на мое мѣсто лицу, я съ удовольствіемъ узналъ отъ моего тестя, что дѣло его въ ходу и всѣ данныя обѣщали ему успѣхъ. Одно, что мнѣ не нравилось по этому дѣлу, былъ выборъ адвоката-поляка, хотя и умнаго дѣльца, но, какъ мнѣ сказали, слишкомъ смѣлаго, готоваго иногда, очертя голову, и на нечистые извороты. Яскулка, которому я передалъ мои опасенія на счетъ этого господина, совершенно ввѣрился ему и не хотѣлъ передавать дѣло, начатое съ такими большими трудами и, по словамъ его, такъ успѣшно веденное, другому адвокату. Я просилъ еще в—скія вліятельныя лица помочь моему тестю въ окончаніи этого дѣла, и мы разстались совершенными друзьями.

«Въ Прирѣчьѣ, при первомъ представленіи моему начальнику (буду называть его Анонимомъ), я замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ доволенъ опредѣленіемъ меня въ товарищи къ нему. Немудрено, онъ хлопоталъ о другомъ на мѣсто, которое я занялъ, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Взглядъ его былъ су-

ровый, рѣчь сухая, манеры жесткія. Онъ мнѣ съ перваго раза не понравился, но на службѣ нельзя поддаваться сердечному влеченію или отвращенію, а остается только думать объ исполненіи своего долга, несмотря, пріятна или непріятна личность, съ которою долженъ служить. Впрочемъ, мы скоро съ нимъ поладили. Я увидѣлъ въ немъ, хоть и строгаго формалиста, но дѣятельнаго и, сколько я могъ судить по его рѣчамъ и открытымъ дѣйствіямъ, честнаго человѣка. Одно обстоятельство доставило мнѣ въ первомъ году моего служенія въ Прирѣчьѣ случай оказать ему услугу. Онъ былъ въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и въ интимной бесѣдѣ со мною откровенно признался въ нихъ, прибавивъ, что не знаетъ, гдѣ найти денегъ, что лица, предлагавшія ихъ, имѣютъ дѣла въ его вѣдомствѣ, слѣдственно неблаговидно занимать у нихъ. Я только-что продалъ свое 80-душное имѣніе, которое по смерти моего умнаго и честнаго старосты и всѣдъ затѣмъ моего дяди оставалось безъ надлежащаго призрѣнія и стало давать мнѣ скудные доходы. Мнѣ же управлять имъ за нѣсколько сотъ верстъ было несподручно. Свободныя деньги отъ этой продажи лежали у меня въ шкатулкѣ. По простодушной природѣ моей, увлеченный желаніемъ оказать помощь вѣрному человѣку въ нуждѣ, я намекнулъ Анониму, что у меня есть такая-то сумма. На этотъ разъ онъ обошелъ неблаговидность займа у человѣка, служившаго подъ его начальствомъ. Онъ просилъ у меня эту сумму на годъ подъ заемное письмо, предлагая и проценты, какіе назначу. Разумѣется, я взялъ *узаконенные* и получилъ слѣдующее мнѣ обязательство. Онъ не зналъ, какъ благодарить меня за выручку его изъ критическаго положенія, и въ изліяніи своихъ чувствъ обнималъ, цѣловалъ меня такъ, что покололъ мнѣ щеки колючками своей, небритой по случаю не-

здоровья, бороды. Это одолженіе, извѣстное только намъ двумъ и маклеру, не измѣнило моихъ служебныхъ отношеній къ начальнику, что старался я доказать, продолжая дѣятельно заниматься моими должностными обязанностями.

«Жена моя была принята въ Прирѣчьѣ съ тѣмъ вниманіемъ, какое она заслуживала по своему уму, душевнымъ качествамъ и ровнымъ обращеніемъ со всѣми, съ кѣмъ вынуждена была знакомиться. Пошептались между собою о ея плебействѣ провинціальныя аристократки, до которыхъ дошло свѣдѣніе, что она дочь какого-то шляхтича, непризнаннаго еще въ дворянскомъ достоинствѣ, но, побѣжденныя ея привлекательною любезностью, признались, что она достойна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ихъ обществѣ.

«Годовой срокъ заемному письму, данному мнѣ Анонимомъ въ занятыхъ у меня деньгахъ, миновалъ. Я покупалъ имѣньеце верстахъ въ десяти отъ Прирѣчья. Съѣздивъ его обозрѣть, я нашелъ его не только выгоднымъ по угодьямъ, но и чрезвычайно живописнымъ, а это для эстетическаго наслажденія моего и жены моей было необходимо. Небольшая рѣчка, гремящая по камнямъ, которыми дно ея было усыпано, въ прихотливыхъ извилинахъ своихъ весело пробиралась между холмами, увѣнчанными разнородными рощицами. На одномъ берегу, вдавшемся мысомъ въ континентъ, росли купы молодыхъ, но уже тѣнистыхъ липъ и тополей; перерѣзавъ его, можно было образовать островокъ. Съ небольшой горы открывались прекрасные виды сквозь просѣку дальняго лѣса на церковь села Холмецъ, напоминавшую мнѣ Судбищенскую, на мельницу и курганы, гдѣ, по преданію, были похоронены рыцари исчезнувшаго съ лица земли народа. Это гора, какъ нарочно, предлагала мѣсто для постройки господскаго дома. Скоро сладилъ я съ про-

давщицей къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Издержавъ довольно денегъ на путешествіе изъ В. въ Петербургъ, обратно и въ Прирѣчье, такъ же какъ и на приличную здѣсь по мѣсту моему обстановку, я не имѣлъ другихъ денегъ на покупку и устройство этого имѣньица кромѣ тѣхъ, которыя долженъ мнѣ былъ Анонимъ, и потому я обратился къ нему съ просьбою возвратить ихъ. Онъ поморщился и сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ, что увѣренъ былъ въ отсрочкѣ займа еще года на два, на три, что приготовилъ уже и проценты на слѣдующій годъ, что требованіе мое ставитъ его въ отчаянное положеніе.

«— Вы совершенно снимаете съ меня голову,— прибавилъ онъ.

«За нѣсколько дней до этой перемолвки одинъ добрый пріятель мой, узнавъ, что я покупаю имѣніе, предлагалъ мнѣ ровно ту сумму, какая была дана мною Анониму, и потому я обѣщалъ должнику моему выхлопотать ее для него подъ заемное письмо за тѣ же узаконенные проценты, которые я бралъ съ него. Анонимъ помялся было, но дѣлать было нечего—согласился на мое посредничество. Дѣло благополучно уладилось и тѣмъ успѣшнѣе, что моему пріятелю нужно было устроить своего сына въ штатъ канцеляріи его превосходительства. Я получилъ свои деньги, и мы съ Анонимомъ остались, можетъ быть, наружно, въ тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, какія существовали прежде между нами.

«Купивъ имѣніе, я сталъ устраивать его по плану, заранѣе начертанному въ моемъ живомъ воображеніи, возвелъ двухэтажный деревянный домикъ съ балконами и террасами, весело глядѣвшій на всѣ четыре стороны и при освѣщеніи казавшійся волшебнымъ фонаремъ. Затѣмъ вырылъ я проточный прудъ съ помощью безчисленныхъ ключей, питавшихъ его. Отъ него съ

рѣчкой по другую сторону образовался островокъ. Сажалъ я деревья, выводилъ цвѣтники. Всѣмъ этимъ пріятнымъ заботамъ посвящались мною праздничные дни и лѣтніе вакаціонные мѣсяцы; онѣ радовали меня и еще болѣе жену мою. Посѣтивъ со мною наше имѣньеце, она была въ восторгѣ отъ него, да и сосѣди мои говорили, что я пустынное мѣстечко, какимъ оно прежде было, магическимъ жезломъ превратилъ въ очаровательную виллу.

«Въ Прирѣчьѣ родился у меня сынъ Аполлонъ. Агнеса еще кормила его; ему было только десять мѣсяцевъ, а мать наложила на себя обѣтъ не отнимать дѣтей отъ груди прежде года—видѣла ли она въ этомъ продолжительномъ кормленіи залогъ ихъ здоровья или ей жаль было оторвать отъ себя дитя, которое питала своею жизнью, съ которымъ она составляла какъ бы одно существо. Разстаться со сладкими заботами кормилицы-матери, знать, что эта разлука принесетъ ему много горя и неминуемое разстройство здоровья, было для нея мучительно. Вы найдете это чувство даже въ матеряхъ-крестьянкахъ, обремененныхъ тяжкими работами. По выздоровленіи ея мы съ нею и дѣтьми повременамъ, въ свободное отъ службы время, продолжали ѣздить въ свой обѣтованный сельскій уголокъ, улучшать и украшать его.

«Къ домашнимъ моимъ радостямъ присоединилось отрадное чувство, что и моя служебная жизнь не нарушалась никакими важными непріятностями. Правда, съ нѣкотораго времени случались у меня съ Анонимомъ столкновенія, доходившія до высшаго начальства, изъ которыхъ я выходилъ, однакожъ, съ торжествомъ; правда, были колючки съ его стороны, не улегшіяся въ его ежовой душенькѣ за неудавшійся заемъ, но онѣ скользили только по моему сердцу, не оставляя въ

немъ глубокихъ слѣдовъ. Сочтемся бывало, и остаемся въ прежнихъ мирныхъ отношеніяхъ.

«Господи! Ты читаешь всевидящимъ окомъ въ душѣ моей, Тебѣ извѣстно, что ни одного чернаго дѣла не сдѣлалъ я въ продолженіи моей жизни, что я не измѣнялъ никогда долгу и чести ни въ отношеніи къ своимъ ближнимъ, ни въ отношеніи къ своему отечеству и государю. Это скажу и тогда, когда предстану предъ высочайшій судъ Твой.

«Не воображалъ я тогда, что невидимая злодѣйская рука подкопалась уже подъ мое благополучіе.

V

«Въ тѣ годы, о которыхъ говорю, въ Россіи была какая-то эпидемія на расхищеніе общественныхъ и казенныхъ суммъ. Кто не слыхалъ о растратѣ инвалидныхъ управляющимъ кассою ихъ? Онъ задавалъ обѣды и пиры на весь городъ, ставилъ по десяти тысячъ на карту. Знатные, высокопоставленные господа члены, обязанные повѣрять кассу, должны были сильно поплатиться. Но въ этомъ несчастіи для нихъ нашелся одинъ богачъ, пожертвовавшій огромную сумму на пополненіе растраченныхъ денегъ, и члены были освобождены отъ взысканія. Не всегда случаются такіе благодѣтельные и щедрые люди, особенно когда подвергается подобному несчастію такая мелочь, какъ наша братья.

«Въ одинъ изъ этихъ годовъ открылась утайка или, лучше сказать, похищеніе тысячной суммы въ губернскомъ общественномъ банкѣ города Прирѣчья. Деньги, полученныя изъ одного судебнаго мѣста, не были записаны на приходъ болѣе полутора года и переползли въ карманъ управляющаго банкомъ. Виновный былъ коллежскій совѣтникъ Киноваровъ, служившій прежде чиновникомъ особыхъ порученій при предмѣстникѣ Анонима и считавшійся доселѣ честнымъ и дѣятель-

нымъ чиновникомъ; Анонимъ особенно благоволилъ къ нему. Но честность его была только маска, которую онъ на себя надѣвалъ, пока не имѣлъ еще возможности распоряжаться важными суммами. Страсть его къ карточной игрѣ обнаружила, на какія черныя дѣла онъ былъ способенъ, и погубила его. Игралъ онъ съ кѣмъ ни попало, съ жителями Прирѣчья, съ пріѣзжими иностранными артистами и волтижерами, съ честными людьми и шуллерами. Проигрывая большіе куши, онъ, какъ водится, хотѣлъ отыгрываться и, наконецъ, зарвался до того, что сталъ полною рукою черпать изъ общественнаго сундука. Все это, однакожъ, было извѣстно его интимнымъ друзьямъ и скрыто отъ начальства. Анонимъ, поймавъ и улучивъ его въ похищеніи тысячной суммы, въ первый взрывъ негодованія велѣлъ подать ему въ отставку, но, неизвѣстно по какой снисходительной причинѣ, похититель остался на своемъ мѣстѣ и представленъ за разныя заслуги къ знаку отличія. Анонимъ не замѣчалъ, что онъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ похищалъ изъ кассы губернскаго общественнаго банка важныя суммы.

«Мое сердце не лежало къ Киноварову по какому-то инстинктивному чувству, да и физіономія его съ сѣрокошачьими стекляными глазами, въ которыхъ нельзя было читать ни одного движенія души, отталкивала отъ него. Впрочемъ, не смѣя судить о человѣкѣ, иначе какъ по дѣламъ его, я не показывалъ ему своего нерасположенія, но не принималъ его въ свое семейство, а только имѣлъ съ нимъ сношенія по службѣ. Жена моя при первой встрѣчѣ съ нимъ въ обществѣ призналась мнѣ, что онъ возбуждаетъ въ ней какое-то отвращеніе, словно кошки, которыхъ она не терпѣла и въ домѣ не держала. Преступникъ не могъ воровать безъ сообщниковъ. Вся канцелярія губернскаго банка была подобрана имъ въ одну шайку

изъ людей, готовыхъ на всякія черныя дѣла. Тутъ были, какъ оказалось впослѣдствіи, составители фальшивыхъ кассовыхъ билетовъ, геніальный калиграфъ, подписывавшій подъ чужія руки такъ искусно, что тотъ, подъ руку котораго онъ подписывался, долженъ былъ признать ее за свою. Были тутъ и другіе художники подобнаго рода изъ канцелярскихъ чиновниковъ, закупленныхъ Киноваровымъ, въ томъ числѣ и секретарь, главный товарищъ атамана шайки. А кабы видѣли, какіе это были святоши по наружности, какъ они усердно ставили свѣчи передъ образами, и клали земные поклоны! Самъ Киноваровъ, стоя въ церкви у клироса, присоединялъ всегда свой голосъ къ голосамъ причта, возносившимъ молитвы къ престолу Бога. Лицедѣйство было доведено ими до совершенства. Разъ искусившись въ злодѣяніи, они должны были молчать о продѣлкахъ своего ближайшаго начальника изъ своего интереса и изъ боязни поплестись въ Сибирь. Слѣпая же довѣренность и необыкновенная благосклонность къ нему Анонима поощряли ихъ къ постоянному дальнѣйшему участію въ подвигахъ главнаго преступника, тѣмъ болѣе, что члены, присутствовавшіе въ губернскомъ общественномъ банкѣ и ближайшіе блюстители банковыхъ суммъ, ничего изъ этихъ подвиговъ не видѣли. Члены эти были: одинъ отъ дворянства, хворый умомъ и тѣломъ, упивавшійся, въ чаяніи движенія воды, покуда хлѣбнымъ опіумомъ, подписывавшій журналъ у себя на дому, другой—отъ купечества, едва умѣвшій выводить каракульками свое званіе и фамилію, и третій отъ крестьянъ, мѣщанинъ, лакейски исполнявшій то, что прикажетъ ему секретарь, не только-что Киноваровъ. Онъ подавалъ въ отсутствіе сторожа теплую одежду и калоши приходившимъ въ банкъ чиновнымъ посѣтителямъ. Мало-по-малу стали открываться, одна за другою, разныя утайки значи-

тельныхъ суммъ, продолжавшіяся,—какъ я сказалъ,—нѣсколько лѣтъ. Ихъ нельзя уже было скрыть. Анонимъ, обязанный ревизовать ежемѣсячно суммы банка, былъ въ ужасной тревогѣ, но старался всячески спастись отъ крушенія, которому онъ самъ, испытанный кормчій, подвергнулъ общественный корабль, и потому напрягъ всѣ силы своего ума и душенки, чтобы выпутаться изъ бѣды. На первый разъ онъ двусмысленно донесъ высшему начальству объ утратѣ нѣкоторыхъ суммъ, оговоривъ, что нельзя опредѣлить, похищены ли онѣ или поздно записаны на приходъ, и потому, писалъ онъ, невозможно еще судить о степени виновности Киноварова. Впрочемъ, приказалъ сдѣлать сначала секретное, и затѣмъ формальное слѣдствіе. Между тѣмъ онъ не дремалъ. Родные и друзья Киноварова окольными путями начали вносить деньги на покрытіе недостающихъ въ банкѣ. Родному брату своему онъ незадолго помогъ на украденныя деньги жениться на богатой невѣстѣ, обставилъ его щегольскимъ экипажемъ, богато-меблированною квартирой, приличною прислугой и пр. и пр., чѣмъ можно было блеснуть, какъ жениху съ большимъ состояніемъ. Этотъ братъ прислалъ ему довольно значительную сумму, которую преступникъ, будучи уже подъ стражей, получилъ черезъ вторыя руки съ почты. Движимое имущество его довольно цѣнное, секретно продано было разнымъ лицамъ и вырученныя деньги внесены въ банкъ взамѣнъ похищенныхъ съ запискою ихъ на приходъ, гдѣ слѣдовало, хотя черезъ дальніе сроки послѣ похищенія. Я былъ спокоенъ, потому что похищенія эти до меня не касались, такъ какъ всѣ онѣ сдѣланы были во время управленія Анонима, — спокоенъ до того, что, получивъ отпускъ въ деревню, уѣхалъ туда, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Мое отсутствіе удалило отъ него товарища, который могъ, оставаясь въ Приріньѣ,

быть невольнымъ свидѣтелемъ его не совсѣмъ чистыхъ изворотовъ. Оказалось, однакожъ, что всѣхъ, разными путями вырученныхъ денегъ на покрытіе похищенныхъ было недостаточно; отсѣкали одну голову у гидры, выростала другая. Анонимъ вынужденъ уже былъ утвердительно донести объ этомъ обстоятельствѣ. Вслѣдствіе этого донесенія пріѣхали слѣдователи изъ Петербурга.

»Не подозрѣвая ничего неблагопріятнаго для себя и не имѣя ничего, чѣмъ упрекнуть себя по служебнымъ дѣламъ, я наслаждался въ моемъ сельскомъ убѣжищѣ прекрасными лѣтними днями, счастливый любовью моей Агнесы и разсвѣтомъ жизни моихъ дѣтей.

«Срокъ моего отпуска кончился, я возвратился въ Прирѣчье и явился къ Анониму. Лицо его было печально и сурово, глаза изъ-подъ надвинутыхъ на нихъ бровей метали отъ себя какой-то зловѣщій огонь. Недалеко отъ него стоялъ почтмейстеръ съ озабоченнымъ видомъ.

«— А вы въ объятіяхъ природы прогуляли важную сумму (такую-то) общественнаго банка,—сказалъ онъ мнѣ.

«Я думалъ, что онъ корчитъ угрюмую рожу, желая помистифировать меня, какъ случалось ему дѣлать, засмѣялся и отвѣчалъ, что онъ, конечно, шутитъ.

«— Шутка плохая! Не угодно-ли вамъ удостовѣриться въ этомъ. Потрудитесь съѣздить съ господиномъ почтмейстеромъ въ почтовую контору и потомъ въ банкъ—вы удостовѣритесь въ истинѣ моихъ словъ.

«Съ тревожнымъ чувствомъ поѣхалъ я на почту. Тамъ по страховой денежной книгѣ видно было, что за два года назадъ, во время моего управленія, по случаю отсутствія Анонима, Киноваровъ дѣйствительно получилъ съ почты важную сумму и въ полученіи ея

росписался. Ѣду въ банкъ — по денежной книгѣ эта сумма не записана на приходъ.

«— Что, справились? — спросилъ меня иронически Анонимъ, когда я возвратился къ нему съ почтмейстеромъ.—Пораженный своимъ несчастіемъ, будто громовымъ ударомъ, я ничего не отвѣчалъ и закрылъ рукою глаза, изъ которыхъ хлынули слезы.

«Я былъ увѣренъ въ своей невинности, но зналъ, что казенныя деньги, тутъ же и общественныя, не горятъ и не тонутъ (надо прибавить, а только таютъ въ горячихъ рукахъ), и взысканіе ихъ должно пасть на меня съ членами банка. Изъ преступника было выжато все, что можно было выжать на покрытіе суммъ, похищенныхъ во время управленія Анонимомъ. Жена, дѣти послѣ моей смерти остаются безъ куска хлѣба, вся моя будущность отравлена, разбита въ прахъ. Поставьте себя на мое мѣсто, и вы не удивитесь, что я въ первыя минуты моего несчастія заплакалъ, какъ дитя. Твердый подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, я палъ тутъ, какъ самое слабое существо.

«Вотъ какъ совершено преступленіе Киноваровымъ и открыто оно умными, дѣятельными и вѣрными своему долгу петербургскими слѣдователями. Пробираясь по нитямъ его, они потребовали отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ отзыва, какія деньги присылались ими или вносились въ губернскій банкъ. Въ почтовой конторѣ найдено, что тамъ получена была значительная сумма изъ высшаго петербургскаго банка, адресованная въ губернскій, что она принята Киноваровымъ съ почты и не записана имъ въ денежной книгѣ на приходъ, слѣдовательно имъ похищена. За два года до раскрытія этого похищенія Анонимъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ по дѣламъ службы, свидѣтельствовалъ суммы и документы губернскаго банка. Киноваровъ, увѣренный въ успѣхѣ своего преступнаго замысла, заранѣе при-

готовилъ отношеніе въ высшій петербургскій банкъ, подписанное имъ и скрѣпленное секретаремъ, будто по опредѣленію губернскаго общественнаго банка (тогда, когда этого опредѣленія не существовало) посылается столько-то билетовъ, на которые и проситъ прислать за нѣсколько прошедшихъ годовъ проценты. До свидѣтельства же или во время свидѣтельства Анонимомъ билеты выкрадены изъ казеннаго сундука такъ искусно, что онъ этой передержки не замѣтилъ, вложены въ отношеніе и тутъ же посланы въ почтовую контору. Слѣдовательно, билеты похищены при Анонимѣ и приступъ къ похищенію процентовъ сдѣланъ при немъ. Послѣ того онъ оставался еще съ недѣлю въ Прирѣчьѣ. Еслибы онъ въ этотъ промежутокъ времени пригласилъ меня въ губернскій банкъ и сталъ бы сдавать мнѣ суммы и документы, какъ по законамъ слѣдовало, тогда-жъ открылась бы преступная отсылка билетовъ въ Петербургъ, и похищеніе требуемыхъ процентовъ было бы предупреждено. Онъ этого не сдѣлалъ, а далъ мнѣ только предложеніе вступить въ его должность. Мѣсяца черезъ два, три въ отсутствіе его получаются проценты на значительную сумму и съ ними возвращаются билеты. По журналу губернскаго банка, подписаннаго подъ мою руку и членами его, дается довѣренность Киноварову получить съ почты деньги и билеты. Онъ медлитъ близъ мѣсяца принять ихъ изъ боязни, чтобы какъ-нибудь члены не вышли изъ своей дремоты и не вспомнили о данной ему довѣренности, и выжидаетъ для лучшаго успѣха своего подвига удобнаго случая. Случай этотъ представляется. Члены спятъ по прежнему и подписываютъ журналы, не читая ихъ; я занятъ приготовленіями къ пріему одной высокой особы и вслѣдствіе того размѣщеніемъ малочисленнаго войска въ городѣ. Наканунѣ пріѣзда ея Киноваровъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, полу-

чаетъ изъ почтовой конторы деньги и билеты, деньги кладетъ себѣ въ карманъ, а билеты, съ помощью своихъ сообщниковъ, въ денежный сундукъ. При первомъ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ деньги по приходо-расходной книгѣ и журналамъ оказываются на лицо (помните, что тѣ, которыя получены съ почты изъ высшаго банка, не записаны на приходъ), билеты искусно предъявлены мнѣ, членамъ и прокурору. Никто изъ насъ, не подозрѣвая преступленія, не посмотрѣлъ на оборотномъ листѣ надписи, что проценты по нимъ выданы: Вотъ моя единственная вина, если судить меня, какъ провидца. Послѣ того двадцать разъ въ теченіе двухъ лѣтъ Анонимъ съ членами дѣлаетъ ежемѣсячныя свидѣтельства и не видитъ этихъ надписей. Комиссія, секретная и формальная, наряженныя при открытіи первыхъ похищеній Киноварова, тоже не видятъ ихъ. По открытіи петербургскими слѣдователями преступленія, Киноваровъ посаженъ въ острогъ, главный сообщникъ его, секретарь, по особеннымъ видамъ и расчетамъ Анонима, остается въ прежней своей должности нѣсколько лѣтъ. Только впослѣдствіи, когда губернскій судъ разсмотрѣлъ дѣло, не избѣгъ онъ заключенія въ тюрьму, но, посидѣвъ въ ней нѣсколько времени, выпущенъ, однакожъ, изъ нея на поруки по причинѣ, что не спрошены еще всѣ лица, причастныя къ дѣлу, которое болѣе и болѣе разросталось. Меня нѣсколько лѣтъ ни въ продолженіе слѣдствій, ни въ продолженіе суда не спросили ни единымъ словомъ, что мнѣ извѣстно по этому дѣлу, между тѣмъ губернскій судъ приговорилъ меня, наравнѣ съ членами банка, къ уплатѣ похищенныхъ денегъ, отстранивъ по нимъ отъ всякой отвѣтственности своего главнаго начальника и главнаго виновника всѣхъ безпорядковъ въ банкѣ—Анонима. Мудрено ли! онъ могъ во всякое время найти безпорядки *въ подвѣдомственномъ ему судебномъ*

мѣстѣ или пригрѣть членовъ его лучомъ благоволенія. Оговорки суда въ пользу его были условныя, гадательныя, какъ: «*могло бы*, *если бы*, *можно полагать*, *могло статься*» и т. п.

«Я сказалъ, что меня нѣсколько лѣтъ не спросили ни единымъ словомъ, что я могу объяснить по этому дѣлу. Знаю одного собрата моего по такой же должности, какую я занималъ, попавшаго совершенно такъ же, какъ и я, въ приготовленную западню, котораго черезъ 20 лѣтъ по открытіи преступленія, не имъ совершоннаго, но такъ же, какъ и я, присужденнаго губернскимъ судомъ къ уплатѣ важной суммы, спросили, что можетъ онъ сказать въ оправданіе свое. Представьте себѣ, какую нечеловѣческую память долженъ былъ имѣть мой собратъ, чтобы вспомнить и сообразить обстоятельства дѣла, случившагося за 20 лѣтъ. Таковы были во время оно наши суды подъ гнетомъ административнаго вліянія и подъ покровомъ глубокой тайны.

«Послѣ нѣсколькихъ недѣлъ заключенія Киноварова въ острогѣ, Анониму донесли, что онъ умеръ тамъ и, какъ слѣдуетъ, похороненъ. Черезъ дней десять послѣ того полиціймейстеръ, изъ нѣмцевъ, небойкаго ума и характера, по секрету разсказываетъ мнѣ, что хоронилъ Киноварова, но что человѣкъ, котораго онъ хоронилъ, былъ совершенно непохожъ на него.

«— Донесли-ли объ этомъ Анониму во-время? — спросилъ я полиціймейстера.

«— Говорилъ, — отвѣчалъ мнѣ простодушный нѣмецъ.

«— Чтожъ онъ сдѣлалъ?

«— Закричалъ на меня такъ, что я прикусилъ языкъ.

«Мнѣ-то что оставалось дѣлать въ этомъ случаѣ? Подавать бумагу, возбудить слѣдствіе, вырывать мерт-

вое тѣло! Вождь полиціи, боясь гнѣва своего главнаго начальника, отказался бы отъ своихъ словъ, время было упущено, все осталось бы шито и крыто и меня запутали бы въ новыя, нескончаемыя затрудненія. Передъ этимъ случаемъ былъ одинъ почти подобный, хотя не такъ важный, въ тюремномъ замкѣ. Крестьянинъ г-жи И—вой былъ посаженъ въ немъ отъ своей помѣщицы за побѣгъ и разныя воровства, по которымъ и судился. По прошествіи нѣкотораго времени, г-жа И—ва получаетъ черезъ мѣстную земскую полицію повѣстку, что ея крестьянинъ умеръ въ острогѣ, а мѣсяца черезъ два, три этотъ самый крестьянинъ въ образѣ и плоти живого человѣка является къ ней и бросается ей въ ноги, умоляя о прощеніи. Можно вообразить изумленіе помѣщицы, когда она увидала передъ собою живого мертвеца. Что было дѣлать съ нимъ? По совѣту своего зятя, она отдала его въ солдаты... Тѣмъ и дѣло кончилось.

«Ходили въ Прирѣчьѣ подъ сурдиной слухи, что Киноваровъ тайно выпущенъ изъ тюрьмы. Кто содѣйствовалъ его побѣгу, покрыто мракомъ неизвѣстности. Говорили, будто онъ перебрался подъ фальшивымъ паспортомъ въ П. губернію. Вы помните, что я встрѣтился на Кузнецкомъ мосту съ этимъ мертвецомъ въ костюмѣ мѣщанина или купца, помните, какъ я въ первую минуту отчаяннаго порыва вцѣпился было въ него, и онъ отъ меня вырвался. Вы сами встрѣтили его въ гостиницѣ подъ именемъ купца Жучка изъ Динабурга. Немудрено, что онъ выхлопоталъ себѣ подъ этимъ именемъ видъ, приписавшись въ купцы, платитъ гильдейскія повинности и поживаетъ себѣ спокойно. Въ той мѣстности, гдѣ онъ имѣетъ осѣдлость, бѣглые находятъ себѣ безмятежный пріютъ подъ извѣстнымъ покровительствомъ; если-жъ какой-нибудь случай потревожитъ ихъ, то переѣзжаютъ рѣку и ускользаютъ

отъ преслѣдованій въ любой изъ трехъ смежныхъ губерній.

«Жена моя кормила еще нашего меньшого сына Аполлона. Я скрывалъ отъ нея свое несчастіе, чтобы не повредить здоровью ея и ребенка. Меня еще поддерживала надежда, что я, по своей невинности, которую, конечно, признаетъ судъ, не пострадаю. Но меня удивляли какія-то уловки Агнесы скрыть отъ меня признаки горя. Нерѣдко заставалъ я ее въ грустномъ раздумьѣ; увидавъ же меня, она тотчасъ принимала веселый видъ, шутила, смѣялась. Еще болѣе изумило меня, что она, не выждавъ годового срока кормленія ребенка, какъ себѣ предположила, отняла его вдругъ отъ груди. Я не выдержалъ и спросилъ ее о причинѣ такой перемѣны.

«— Другъ мой,—сказала она мнѣ, наконецъ, покачавъ головой, — зачѣмъ скрывать отъ меня то, что всему городу извѣстно? Развѣ ты и я не составляемъ одно существо, развѣ я не сумѣю снести несчастіе, которое угодно было Богу послать на насъ? Понесемъ его вмѣстѣ и облегчимъ другъ другу бремя его. Да будетъ воля пославшаго вамъ это испытаніе! Я увѣрена, что ты чистъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Тотъ, кто несъ крестъ на распинаніе себя. Вотъ дѣло бы другое, если-бы я потеряла твою любовь. О, тогда я не могла бы перенести своего несчастія. Но я знаю, что ты меня любишь, и эту любовь не промѣняю ни на какія сокровища. Умремъ,—Отецъ небесный не оставитъ дѣтей нашихъ.

«Я прижалъ Агнесу къ груди моей и разсказалъ ей все, что вамъ здѣсь разсказалъ. Съ этого времени она удвоила свои горячія ласки, безпрестанно почерпая ихъ въ богатомъ родникѣ любящей души своей, казалась спокойна, весела.

«Вотъ какъ она узнала о похищеніи изъ банка

суммы, падавшей на мою отвѣтственность. Къ ней хаживала вдова канцелярскаго служителя, оставшаяся по смерти мужа съ многочисленнымъ семействомъ безъ всякихъ средствъ къ существованія. Агнеса помогала повременамъ этой женщинѣ. Приходитъ она къ ней и разсказываетъ, что ея сына, лѣтъ двадцати-пяти, служащаго въ общественномъ банкѣ, единственнаго ея кормильца, посадили въ острогъ по подозрѣнію, что онъ былъ участникомъ въ расхищеніи суммъ.

«— Вступитесь, матушка, ваше превосходительство въ наше бѣдственное положеніе,—говорила она женѣ моей, горько плача,—замолвите словечко вашему супругу, попросите его защитить невиннаго отъ напрасной клеветы. Сынъ мой не болѣе виноватъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ его правосходительство Михайла Аполлонычъ.—И разсказала вдова, что слышала отъ сына по дѣлу о расхищеніи суммъ въ банкѣ.

«Дѣйствительно, ея сынъ, единственный честный чиновникъ въ банкѣ, оказался непричастнымъ къ совершонному преступленію и по опредѣленію высшаго суда освобожденъ изъ заключенія, въ которомъ его протомили нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ главный сообщникъ Киноварова оставался на свободѣ и на службѣ секретаремъ въ томъ мѣстѣ, которое они ограбили.

«Недаромъ говорятъ, что одно горе ведетъ за собою цѣлую вереницу ихъ. Появится на небѣ тучка, и набѣгаютъ на нее новыя, облегаютъ все небесное пространство мрачнымъ покровомъ, и разражается ужасная гроза.

«Въ ласкахъ жены моей, въ лепетѣ и играхъ старшихъ дѣтей, въ улыбкѣ меньшого я забылся и сталъ не такъ тревожно помышлять о послѣдствіяхъ киноваровскаго дѣла.

«Получаю изъ В. отъ своего пріятеля письмо, ко-

торымъ онъ увѣдомляетъ меня, что дѣло моего тестя Яскулки приняло несчастный оборотъ. Адвокатъ его, увлеченный нетерпѣніемъ поскорѣе кончить это дѣло, за которое обѣщана ему была значительныя награда, не отыскавъ въ архивахъ нѣкоторыхъ документовъ, необходимыхъ для подкрѣпленія правъ своего довѣрителя на шляхетство, вмѣсто того, чтобы идти по законному пути, вздумалъ, очертя голову, прибѣгнуть къ нечистымъ средствамъ. Въ это время образовалась шайка составителей грамотъ на дворянство и другихъ подобныхъ документовъ. Тутъ были искусные рѣзчики изъ евреевъ, печатники, калиграфы, мастерски поддѣлывавшіе печати и подписывавшіе подъ руку давно истлѣвшихъ польскихъ королей. Многіе по такимъ фальшивымъ актамъ получили шляхетство. Успѣхъ ихъ подстрекнулъ адвоката Яскулки обратиться къ вожакамъ этой шайки. На бѣду негодяевъ, пріѣхалъ въ В. новый губернаторъ, князь Д., человѣкъ энергичный, горячо преданный своему долгу, котораго не могли подкупить не только деньги, но и чары польской женщины. Его память чтутъ доселѣ всѣ честные жители В—ой губерніи, которою онъ управлялъ, къ сожалѣнію, недолго.

«Онъ накрылъ дѣлателей грамотъ на дворянство и разгромилъ шайку ихъ. Адвокатъ моего тестя вмѣстѣ съ другими преступниками былъ преданъ суду, всѣхъ ихъ постигла законная кара. Самъ Яскулка былъ оговоренъ въ этомъ дѣлѣ. Въ одно время съ моимъ пріятелемъ онъ писалъ къ дочери своей письмо, исполненное горькихъ упрековъ, что я, давъ ему слово благороднаго человѣка хлопотать по его дѣлу, не исполнилъ своего обѣщанія, измѣнилъ чести, связямъ родства и т. п. Выраженія были подобраны самыя жестокія, рѣзкія. Оканчивалъ Яскулка свое письмо тѣмъ, что разрываетъ всѣ сношенія съ нами и не хочетъ болѣе

насъ знать, предоставляя Богу судить насъ за наше коварство. Надо было потерять вовсе разсудокъ, чтобы сваливать вину своего адвоката и, можетъ статься, собственную вину на меня и Агнесу, ни въ чемъ невиновныхъ передъ нимъ. Несмотря на эту вопіющую несправедливость и болѣзнь жены моей, пораженной незаслуженнымъ гнѣвомъ отца, испросивъ себѣ отпускъ, я поѣхалъ въ В..

«Яскулка не хотѣлъ принять меня и, чтобы я какъ-нибудь не переступилъ черезъ порогъ его дома, выѣхалъ изъ своего фольварка къ одной родственницѣ. Пренебрегая несправедливымъ гнѣвомъ безумца, я сталъ хлопотать, чтобы не притягивали его къ уголовному суду. Мнѣ это удалось, такъ какъ составленіе фальшивой грамоты было прямымъ дѣломъ его адвоката, уже пострадавшаго за свое преступленіе.

«Намъ съ Агнесой не въ чемъ было упрекать себя по этому дѣлу. Мы писали нѣсколько писемъ къ Яскулкѣ и ни на одно не получили отвѣта.

«Умеръ у насъ меньшой сынъ Аполлонъ.

«Всѣ эти удары, одинъ за другимъ, расшатали окончательно здоровье Агнесы, въ груди ея образовалась ужасная болѣзнь, для исцѣленія которой врачебная наука не нашла еще никакихъ средствъ. Несмотря на сдѣланную здѣсь, въ Москвѣ, операцію, часъ нашей земной разлуки наступилъ. Послѣдняя ея просьба была стараться помириться съ отцомъ ея. Ничего не завѣщала она мнѣ насчетъ дѣтей нашихъ, твердо увѣренная, что это завѣщаніе и безъ словъ ея будетъ свято мною исполнено. Она благословила восьми-лѣтнюю Лизу и пяти-лѣтняго Володю, припавшихъ съ рыданіями къ хладѣющей рукѣ ея, крѣпко пожала мою руку и, устремивъ на насъ послѣдній взоръ, отошла въ лучшій міръ.

«Агнеса умерла въ маѣ. Въ то же время каждый годъ

цвѣтетъ на ея могилѣ бѣлая сирень и кругомъ ея наполняетъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Такъ цвѣла и благоухала душа ея!

«Говорить-ли вамъ послѣ описанія этой ужасной утраты о потерѣ моего имущества? Еще и теперь вычитаютъ изъ моего пенсіона половину.

«Съ Анониномъ мы стали крѣпко не ладить и, наконецъ, совсѣмъ разсорились. Онъ умеръ недавно, оставивъ хорошее состояніе своему семейству. Я переѣхалъ въ Москву, гдѣ живу уже нѣсколько лѣтъ. Родственница моя, Зарницына, о которой говорилъ я вамъ въ первый день нашего знакомства, не имѣя дѣтей, взяла къ себѣ на воспитаніе Лизу, пристроила ее на свой счетъ въ учебное заведеніе, чтобы она была поближе ко мнѣ, заботилась объ ней, какъ о собственной дочери. Володя жилъ при мнѣ долгое время; сначала я самъ училъ его всему, что зналъ, потомъ онъ поступилъ на казенный счетъ въ гимназію; оттуда перешелъ съ помощью той же Зарницыной въ университетъ. Остальное вамъ извѣстно.

«Вотъ вамъ, другъ мой, исторія моей жизни. Какъ видите, много въ ней печальныхъ страницъ, надъ которыми вы призадумаетесь. Но не забудьте, что я съ благодарностью цѣлую десницу, пославшую мнѣ нѣсколько лѣтъ несравненнаго счастія съ моею неоцѣненной Агнесой и моими добрыми дѣтьми».

VI

Михайла Аполлонычъ, раскрывъ Сурмину тайны своей жизни, какъ бы пріобщилъ его къ своему семейству. Сурминъ высоко цѣнилъ этотъ знакъ дружбы, еще болѣе уважалъ его, если можно сказать, благоговѣлъ передъ нимъ. Сколько несчастій пронеслось надъ головою благороднаго старика! Какъ не палъ онъ подъ ударами судьбы! И теперь еще, сколько можно судить, живетъ онъ въ нуждѣ. Изъ его пенсіи, заслуженной столькими годами честной службы, вычитаютъ половину, дочь даетъ уроки по домамъ. Между тѣмъ злодѣй Киноваровъ гуляетъ по бѣлому свѣту, можетъ быть, наслаждается жизнью въ полномъ довольствѣ. И этотъ безумный честолюбецъ Яскулка, довершившій то, что другой началъ...

Въ горячихъ выраженіяхъ молодой человѣкъ изъяснилъ свою благодарность Ранѣеву.

И тотъ, и другой тайно желали скрѣпить узы дружбы, ихъ соединявшія, болѣе тѣсными, родственными. Но Ранѣевъ, слѣдя очами сердца за отношеніями другъ къ другу Сурмина и Лизы, замѣчалъ только съ одной стороны постоянное искательство и неудачу въ немъ, потому что, въ противномъ случаѣ, ничто не

помѣшало бы Андрею Иванычу просить руки ея. Лучшей партіи не могъ желать отецъ для своей дочери. Какое торжественное чувство заставляло его подозрѣвать, что она любитъ другого. И этотъ другой, думалъ онъ, никто, какъ Владиславъ Стабровскій, братъ измѣнника русскаго знамени и едва ли не самъ сторонникъ польскаго дѣла. Онъ былъ увѣренъ, что дочь не преступитъ завѣта его, не отдастъ руки своей врагу Россіи.

Между тѣмъ нѣкоторые признаки, не ускользнувшіе отъ него, особенно послѣднее свиданіе и прощаніе ея съ Владиславомъ въ Прѣсненскомъ саду, горячее заступничество за него послѣ этого свиданія, не разъ повторенное, оставили въ немъ смутное и грустное впечатлѣніе. Можетъ статься, Владиславъ далъ ей слово остаться вѣрнымъ Россіи, убѣдить брата возвратиться къ своему долгу и просить прощенія у Того, Кто въ безпредѣльной добротѣ милуетъ раскаявшихся преступниковъ. Во всякомъ случаѣ, это подозрѣніе сильно тревожило его. Ни однимъ, однакожъ, словомъ не обнаружилъ онъ передъ дочерью грустной тайны души своей, предоставляя разсудку ея и разлукѣ сдѣлать свое дѣло.

Что происходило въ это время съ Сурминымъ? Любовь къ Лизѣ, какъ приливъ и отливъ моря, то набѣгала на его сердце бурными, кипучими волнами, то успокаивалась на мысли, что если она къ нему равнодушна, такъ онъ пуститъ свои горячія надежды по вѣтру и попрежнему обратится къ однѣмъ заботамъ о благосостояніи матери и сестеръ. Его характеръ не былъ романическій, горѣть безнадежно страстью, играть глупую роль селадона или рыцаря печальнаго образа не находилъ онъ себя способнымъ. Такъ же, какъ и старикъ Ранѣевъ, онъ замѣчалъ проблески чувства къ Владиславу, болѣе чѣмъ родственнаго. Не

могъ Сурминъ забыть, какъ въ первый день знакомства съ ними Лиза смутилась при одномъ имени кузена, какъ на вечерѣ Елизаветина дня при появленіи Владислава она измѣнилась въ лицѣ и рука ея, наливавшая чай, сильно задрожала. Хотя лицо Сурмина было полуобращено въ другую сторону, однакожъ, ревнивый взоръ успѣлъ все это уловить. Онъ угадывалъ также, что въ рѣшеніи спора его со Стабровскимъ о польской національности, когда Лиза подала руку побѣдителю, она не могла иначе поступить, хотя и противъ своей воли, боясь гнѣва отцовскаго и суда маленькаго кружка, передъ которымъ происходилъ споръ, да и предметъ состязанія былъ патріотическій, и показать себя сторонницей польскаго дѣла было противно разсудку и сердцу ея. Среди этого раздумья, бросавшаго мысли Сурмина изъ одной стороны въ другую, онъ осторожно вывѣдалъ отъ адвоката своего, Пржшедилсвскаго, что соперникъ его уѣхалъ изъ Москвы въ Бѣлоруссію, можетъ быть, навсегда и тѣмъ положилъ между собою и Лизой вѣчную преграду. Сурминъ, успокоенный этимъ отъѣздомъ, предался опять своимъ надеждамъ. «Къ тому же подозрѣніе не есть еще доказательство», думалъ онъ, и рѣшился узнать отъ самой Лизы свой приговоръ и покончить такъ или сякъ со своею мучительною неизвѣстностью. Онъ увѣренъ былъ, что она неспособна притворятся и прямо объявитъ ему рѣшеніе его участи, и сталъ выжидать случая приступить къ этому рѣшенію. Въ минуты грустнаго настроенія, Сурминъ находилъ отраду въ сближеніи съ привлекательною Тони, въ ея заманчивомъ, игривомъ разговорѣ, въ которомъ высказывались ея умъ и открытый характеръ.

Не только видалъ онъ ее у Ранѣевыхъ, но сталъ посѣщать и въ мезонинѣ, иногда съ Михайлой Апол-

лонычемъ и Лизой, иногда одинъ. Повременамъ играла она ему Шуберта и Шопена или пѣла своимъ чистымъ, задушевнымъ контральто пьесы, какъ она замѣтила, имъ особенно любимыя, то веселыя и разсыпчатыя, то заунывныя, въ которыхъ слышалась натура русскаго человѣка. И во всемъ этомъ не было и тѣни кокетства, хотя и была доля желанія нравиться ему. Самъ Ранѣевъ не пропускалъ случая искусно выставить передъ нимъ ея достоинства. Когда Лизы не было дома, онъ приглашалъ Сурмина посѣтить его дорогую Тони.

— Пойдемъ къ моей второй дочкѣ,—говорилъ ему старикъ,—послушаемъ ея сердечную музыку, отведемъ душу отъ житейскихъ невзгодъ.

И ковылялъ старикъ по крутой лѣсенкѣ въ мезонинъ, поддерживаемый своимъ молодымъ другомъ.

Тони занимала двѣ отдѣльныя отъ братьевъ и сестры комнаты, изъ которыхъ въ одной принимала своихъ посѣтителей. Комната эта была такая хорошенькая, убранная хотя небогато, но комфортабельно и со вкусомъ. При входѣ въ нее васъ опахивало благоуханіемъ цвѣтовъ. Особенно одно померанцевое дерево, подаренное ей Сурминымъ, было осыпано цвѣтами. Ему посвящены были материнскія заботы. Отъ хорошенькаго личика хозяйки вѣяло невозмутимымъ счастіемъ, въ самомъ звукѣ ея голоса былъ такой гармоническій отголосокъ чистой души, такъ пріятно умѣла она занять своихъ гостей, что они, возвращаясь домой, дѣйствительно забывали свои житейскія невзгоды.

Мы сказали, что въ то время, когда Лиза и Владиславъ прощались на береговой дорожкѣ нижняго Прѣсненскаго пруда, никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ за ними наблюдалъ зоркій глазъ соглядатая. Этотъ свидѣтель ихъ прощанія была бой-баба Левкоева. Вы-

ходя со двора, чтобы по дѣламъ своимъ направиться къ Прѣсненскому мосту, она замѣтила, что Лиза повернула къ Горбатому мосту, и, находя, что ей пріятнѣе идти въ обществѣ ея по одному направленію, садомъ, хотя и ощипаннымъ рукой суровой осени, но по песчаной дорожкѣ, чѣмъ по улицѣ, довольно грязной,—она вздумала нагнать Ранѣеву. Раза два Левкоева окликнула ее. Та, вѣроятно, занятая мрачными мыслями, на слыхала ея голоса и вошла въ садъ черезъ ворота Горбатаго моста. Левкоева за нею, сдѣлала уже съ десятокъ шаговъ, но, увидавъ, что Лиза и Владиславъ встрѣтились, остановилась, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ происходить эта встрѣча, и спряталась за древнимъ вязомъ, у рѣшетки, отдѣляющей садъ отъ улицы. Представлялся случай узнать, можетъ быть, какія-нибудь тайныя отношенія двухъ особъ, которыя, казалось ей, были неравнодушны другъ къ другу. Не пропустить же эту оказію даромъ! — И увидала Левкоева, какъ они встрѣтились, какъ жарко говорили, какъ Владиславъ долго держалъ руку Лизы въ своей, цѣловалъ ее (ей померещилось даже, что Лиза поцѣловала его). Видѣла она, что они простились, Лиза махнула ему платкомъ и потомъ приложила платокъ къ глазамъ, вѣроятно, чтобы скрыть свои слезы. Для злораднаго любопытства бой-бабы довольно было и того, что она видѣла, и того, что воображеніе ей подрисовало. Она вышла изъ своей засады, скользнула назадъ къ Горбатому мосту, очутилась на немъ, какъ-будто шла черезъ него съ другой стороны пруда, и повернула въ Девятинскую улицу. Владиславъ, шедшій тоже къ Горбатому мосту, мелькомъ замѣтилъ этотъ маневръ и, нагнавъ ее уже на Девятинской улицѣ противъ овощной лавочки, поравнялся съ нею. Увидавъ, что это Левкоева, жилица Лориныхъ, бывавшая у Ранѣевыхъ, онъ злобно на нее взглянулъ, какъ бы

хотѣлъ убить ее этимъ взглядомъ, и не утерпѣлъ, чтобы не сказать: «домашній эмисаръ!» Левкоева не смутилась, сердито посмотрѣла ему въ лицо и вслѣдъ ему бросила свою отповѣдь: «только не польскій». Тѣмъ и кончилась эта встрѣча.

— Онъ далеко уѣзжаетъ, — думала она, — слѣдственно, для нея не опасенъ.

И вотъ носитъ она тайну свою въ мукѣ ожидаемаго разрѣшенія ея. Не передавать же ее Ранѣеву! Можетъ быть, дочка, подъ видомъ, что ничего не скрываетъ отъ отца, сумѣла сама искусно разсказать ему о прощаніи своемъ со Стабровскимъ, утаивъ, конечно, поцѣлуи и слезы. Отецъ, не чающій души въ дочери, не повѣритъ словамъ вѣстовщицы, на которую онъ съ нѣкотораго времени нападаетъ своими сарказмами. Хотя бы Левкоева въ минуту добраго его стиха и разсказала ему поосторожнѣе, что видала, чтожъ пользы, какія выгоды отъ этого получитъ она для себя? Вотъ дѣло бы другое—Сурмину. Онъ человѣкъ богатый, показалъ свою щедрость, давъ для бѣдной вдовы двѣ двадцатипяти-рублевыя депозитки, и можетъ ей самой въ нуждѣ пригодиться. Онъ неравнодушенъ къ Лизѣ и радъ будетъ узнать, что ея строгость только маска, накинутая на себя, чтобы скрыть свои настоящія чувства, и оцѣнитъ услугу преданной ему женщины. Кстати ужь и отомстить Ранѣеву за дерзкія его выходки противъ нея и сына, отмстить за холодность и гордость дѣвчонки, тоже съ нѣкотораго времени видимо не взлюбившей ея. Если Сурминъ думаетъ женится на ней, такъ не бывать этому — недаромъ же зовутъ ее бой-бабой. Дней съ десятокъ поносилась она со своимъ бременемъ въ нерѣшительности исполнить задуманное ею и отчасти въ тревогѣ нечистой совѣсти. Что ни говори, а въ подобномъ дѣлѣ, гдѣ замѣшана честь дѣвушки, и у отважнаго человѣка

опустятся руки. Однакожъ, измучившись своими долгими колебаніями, она рѣшилась отправиться къ Сурмину. Его не было дома. Поѣхала дня черезъ четыре. —опять неудача. Тутъ неожиданно упала на нее съ неба особенная благодать. Какой-то добрый, вліятельный въ обществѣ господинъ, тронутый разсказомъ о ея бѣдномъ, несчастномъ положеніи, предложилъ устроить въ пользу ея благородный спектакль, съ тѣмъ, чтобы она сама въ немъ играла. Сборъ выдастся ей секретно, публика не будетъ знать, въ чью пользу онъ устроенъ, ей же поручатъ раздачу билетовъ и сочиненіе исторіи насчетъ бѣднаго, анонимнаго семейства, участь котораго желаютъ облегчить. На выборъ пьесы, актеровъ, помѣщенія для сцены и приготовленіе прочихъ аксесуаровъ, необходимыхъ для спектакля, еще болѣе для выучки ролей, потребовалось недѣли двѣ. Наконецъ, Левкоева сбросила съ себя эту обузу, она свободна! Надо было развозить билеты. Кстати случилась новая размолвка съ Ранѣевыми, и она поспѣшила воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поточить свое жало на оселкѣ злословія.

Было десять часовъ утра — лучшее время застать Сурмина дома.

Сидя въ своемъ шлафрокѣ, онъ пилъ чай, когда слуга доложилъ ему о приходѣ статской совѣтницы Левкоевой.

«Зачѣмъ чортъ принесъ?» — подумалъ онъ и велѣлъ все-таки просить ее. Переодѣвшись, онъ принялъ бой-бабу со всею свѣтскою вѣжливостью, всегда строго соблюдаемою имъ передъ дамами, кто-бы онѣ ни были.

— Ожидалъ ли баринъ такую раннюю гостью?— сказала она своимъ бравурнымъ тономъ, хлопнувъ съ высоты подъема своей руки по рукѣ, ей протяну-

той.—Я ужь раза три была у *него* и все-таки не поймала вѣтренника дома.

— Очень жалѣю, что невольно заставилъ васъ такъ много безпокоиться, — отвѣчалъ Сурминъ, усаживая свою гостью около чайнаго стола, — вы могли бы приказать мнѣ явиться къ вамъ. Не угодно ли чаю?

— Я вполнѣ русская, и потому отъ чаю никогда не отказываюсь; нынѣ же такъ сыро и холодно, что не худо согрѣть старыя кости, которымъ давно пора на погостъ.

— Ужь и старыя кости,—замѣтилъ Сурминъ, усмѣхаясь, — униженіе паче гордости. Вы еще такъ цвѣтете, полны жизни.

— Комплименты въ сторону; я пріѣхала къ вамъ по дѣлу, мой добрѣйшій господинъ.

— Иначе я и не предполагалъ, вы вѣчно хлопочете за другихъ, ангельская душа.

— Не говорите этого: намъ, бѣднымъ пассажирамъ на утломъ суденышкѣ по треволненному жизненному морю, приходится хлопотать и за себя. Особенно, когда имѣешь на рукахъ сынка, требующаго всего отъ матери. Чтожъ дѣлать? — прибавила, она вздохнувъ,—иные сынки содержатъ свою мать, а мое дитятко вздумало въ кавалерію. Вы знаете, какъ тамъ нужны пенензы и пенензы.

Говоря это, она прихлебывала чай урывками отъ своей рѣчи.

— А какой у васъ ароматный чай! Я давно не пивала такого и попрошу у васъ другую чашку. Гдѣ вы его покупаете?

— Право, не помню,—отвѣчалъ онъ, наливая другую чашку.—Если бы смѣлъ, я предложилъ бы вамъ вступить со мною въ дѣлежъ изъ цибика, только-что початого.

— Развѣ для хвастовства, попотчевать какую-нибудь сіятельную.

— Сережа,—закричалъ Сурминъ и, когда слуга явился, велѣлъ ему подать цибикъ и два листа оберточной бумаги самаго большого формата.

Цибикъ съ двумя листами бумаги былъ принесенъ, отъ него понесло чайнымъ ароматомъ. Левкоева стала махать на себя руками, какъ бы желая подышать воздухомъ, который былъ имъ напитанъ. Андрей Иванычъ стаканомъ и ложкой бережно насыпалъ на каждый листъ по цѣлой горѣ чаю и приказалъ слугѣ хорошенько завернуть и отдать барынѣ, когда она отъ него выйдетъ.

— Смотри, Сережа,—сказала Левкоева, у которой глаза заискрились отъ полученнаго подарка,—заверни и увяжи получше въ двойную бумагу, чтобы благодать, благодать-то не улетучилась;—потомъ, обратясь къ хозяину, промолвила, — ого, какіе вы щедрые! видно, что служили въ кавалергардахъ. Впрочемъ, всякое даяніе благо, особенно когда предлагается такъ любезно. Большое, пребольшое спасибо (она протянула черезъ столъ руку). Дай Богъ вашимъ сердечнымъ и денежнымъ дѣламъ въ гору.

— Вотъ денежная статья отличная,—сказалъ Сурминъ, притворяясь человѣкомъ корыстолюбивымъ.— Сантиментальность въ наше время поступила въ архивъ. Кабы вы мнѣ посватали богатую невѣсту, какую-нибудь купчиху.

— За этимъ дѣло бы не стало, еслибъ вы говорили искренно. Теперь потолкуемъ о моемъ дѣлѣ, а тамъ примемся за сердечныя, провѣримъ васъ.

— Готовъ внимать.

— Извольте видѣть, мой безцѣнный, мы съ однимъ добрымъ человѣчкомъ устроили благородный спектакль въ пользу одного благороднаго семейства. Ужь

это не изъ той мелочи, для которой я на-дняхъ хлопотала и которой вы такъ великодушно помогли—подымай выше! Я принимаю въ этомъ спектаклѣ участіе, играю роль сварливой барыни съ язычкомъ, какъ бритва, видите, роль совершенно по мнѣ.

— Вы и себя по привычкѣ не жалѣете.

— Нечего грѣха таить, вижу и свой сучёкъ въ глазу.

— Увѣренъ, что сыграете свою роль мастерски.

— Безъ хвастовства скажу, на репетиціи всѣ были отъ меня въ восторгѣ. На меня же взвалили обузу развозить билеты; вы, конечно, не откажетесь взять парочку.

— Хоть пять.

Левкоева вынула изъ своего портмоне пять билетовъ и вручила ихъ Сурмину Онъ сходилъ въ сосѣднюю комнату и передалъ ей двадцатипяти-рублевую кредитку.

— Давно были у Ранѣевыхъ?—спросила она.

— Дня съ три, четыре, право, не помню

— Прекрасное семейство! Жаль, что несчастія сдѣлали старика раздражительнымъ, сталъ накидываться и на друзей своихъ

— Я замѣтилъ, что въ этихъ случаяхъ правда всегда на его сторонѣ. Уважаю его, какъ бы онъ мнѣ былъ отецъ родной.

Левкоева лукаво погрозила ему пальцемъ.

— Или около того. Признайтесь, вы не совсѣмъ равнодушны къ дочкѣ.

— Какъ и всякій другой, кто увидѣлъ бы ее хоть разъ. Но до серьезной любви, до посягательства на ея руку очень далекъ.

— Нечего сказать, дивно увлекательна. Между нами, une tête exaltée. Съ виду гордая, холодная, на-

стоящая Семирамида, у ногъ которой все должно преклоняться, а между тѣмъ...

— Чтожъ?

— Бѣда, если полюбитъ какого-нибудь красавца съ такою же горячей головой, съ такимъ же пылкимъ сердцемъ, какъ у нея, и оба бросятся въ омутъ приключеній.

Сурминъ успѣлъ хорошо узнать Левкоеву, зналъ, что злословіе—ея пятая стихія, но, заинтересованный разговоромъ о Ранѣевыхъ и своею ревностью, невольно слушалъ ее съ видимымъ участіемъ.

— Она такъ разсудительна,—замѣтилъ онъ,—что, конечно, не полюбитъ сорванца.

— Кто знаетъ, можетъ быть и полюбила. Говорю это изъ сожалѣнія, изъ желанія этой превосходной дѣвушкѣ, тутъ же и вамъ добра.

Сурминъ благодарилъ кивкомъ головы.

— Молю Бога, чтобъ она избавилась отъ злого навожденія. Сказала бы больше, да боюсь, не причли бы моихъ словъ къ привычкѣ чесать языкъ насчетъ ближнихъ. Я такъ люблю, такъ предана этому семейству, оно же такъ много пострадало въ жизни своей. Считаю за смертный грѣхъ прибавить къ его горю новое.

— Вѣрю вамъ, и я люблю, уважаю много это семейство и не потерпѣлъ бы злословія насчетъ кого-либо изъ членовъ его. Убѣжденъ, что Лизавета Михайловна чиста, какъ золото безъ лигатуры...

— О! и я за это ручаюсь сама. Но искушенія ежедневныхъ сближеній съ красивымъ, пылкимъ, умнымъ молодымъ человѣкомъ... Къ тому-жъ кузенъ, хоть и седьмая вода на киселѣ... родственныя отношенія, подъ прикрытіемъ которыхъ говорится многое, чего не дозволено постороннему, высказываются тайны сердечныя краснорѣчиво, съ жаромъ... нынѣ, завтра, мѣсяцы... И металлъ поддается. Сердце — не камень.

Лизавета Михайловна въ порѣ разгара страстей, кипучая натура.. И вы не удивитесь, если они оба потеряли головы.

— Однакожъ, я думаю,—сказалъ Сурминъ не безъ тревожнаго чувства, — что у нея достанетъ довольно благоразумія, довольно любви къ отцу, чтобы не впасть въ искушеніе, вопреки волѣ его, питать надежду въ сердцѣ того, кто...

— По національности своей непріязненъ къ Россіи, скажете вы.

— Да, покинуть отца, который вдали отъ сына видитъ въ ней свое единственное утѣшеніе и опору, да это святотатство, на которое способна только безумная женщина.

— Конечно, до этого дѣло не дошло. Отецъ можетъ умереть... Чѣмъ бѣсъ не шутитъ! Помните Елизаветинъ день, помните сцену, когда Владиславъ вошелъ, какъ демонъ (я замѣтила, что онъ былъ немного выпивши).

— Ужь будто и это!

— Глазъ мой вѣренъ. Да, еслибъ не вино, не сталъ бы городить такой вздоръ, особенно къ концу вашего спора. Сравнивая свою судьбу со счастливою жизнью вашего адвоката, онъ высказалъ передъ нами тайну своего сердца. Замѣтили ли, какъ Лизавета Михайловна при появленіи его сдѣлалась бѣлѣе скатерти на чайномъ столѣ? Рука ея задрожала такъ, что, я думала, чайникъ выпадетъ и произойдетъ какой-нибудь скандалъ. Видѣли ли вы все это?

— Признаюсь, я былъ занятъ приходомъ новаго лица, меня интересовавшаго, и ничего не замѣтилъ. Впрочемъ, это все догадки безъ доказательствъ, можетъ быть и миражъ вашего подозрительнаго, лукаваго характера. Вы могли видѣть признаки страсти въ томъ, въ чемъ другіе видѣли одну случайную тревогу души.

Не забудьте, Владиславъ бывшій другъ дома, родственникъ ихъ, еще прежде Елизаветина дня онъ оскорбилъ отца и, слѣдственно дочь, безразсуднымъ разговоромъ о польской національности въ Бѣлоруссіи, давно не былъ у нихъ и вдругъ нежданно, негаданно явился именно въ день ея ангела.

— Хорошо бы, еслибъ это такъ было. Но я могу сказать еще болѣе, могу сказать то, что видѣла собственными глазами. Ужь не негодованіе за оскорбленіе патріотическаго чувства, а доказательство истинной любви...

— Любопытно, однакожъ, знать, что̀ вы видѣли, хоть для того, чтобы посмѣяться.

— Если вы уважаете эту дѣвушку, такъ, конечно, не смѣхъ возбудитъ мой разсказъ. Еще оговорку. У меня одинъ сынъ; каковъ ни есть, онъ дорогъ матери. Отними его, Господи, у меня, если я хотя въ одномъ словѣ покривлю душой въ томъ, что вамъ передаю. Слушайте же.

И разсказала Левкоева все, что ей удалось нечаянно увидѣть на береговой дорожкѣ Прѣсненскаго пруда. Когда-жъ дошла до того, какъ Владиславъ цѣловалъ у Лизы руку, какъ она сама поцѣловала его и плакала, прощаясь, Сурминъ не выдержалъ и, вспыхнувъ, спросилъ:

— И она сама поцѣловала? Не обмануло ли васъ разстояніе?

— Не такое же оно было большое, чтобы глаза мои могли меня обмануть. Впрочемъ, я увѣрена, что тайна эта останется между нами.

— Не можете сомнѣваться. Впрочемъ, я и тутъ не вижу ничего особенно предосудительнаго, ничему не удивляюсь. Конечно, поцѣлуй, если вы не ошиблись, данный тайно мужчинѣ,—важный, роковой актъ любви. Но вѣдь и то сказать, она прощалась съ кузеномъ...

Владиславъ уѣзжалъ далеко, можетъ статься, навсегда... увлеченіе въ этихъ случаяхъ простительно. Вѣрьте, тайна, переданная мнѣ, хотя она мнѣ ни на что не пригодна, будетъ зарыта въ душѣ моей, какъ бы это была тайна моей сестры. Честь дѣвушки — такое сокровище, котораго не возвратишь, если оно разъ потеряно. Умоляю васъ сохранить между нами то, что вы мнѣ передали. Въ противномъ случаѣ, вы найдете во мнѣ ожесточеннаго врага — клянусь вамъ въ томъ честью своей.

Послѣднія слова сказалъ Сурминъ рѣшительнымъ, строгимъ голосомъ.

Разговоръ болѣе не клеился. Левкоева замѣтила, что онъ былъ смущенъ, разстроенъ, да и самоё ее тревожилъ червякъ въ сердцѣ. Разстались, повидимому, друзьями, повторивъ обѣщаніе свято хранить тайну, извѣстную только имъ двумъ

Онъ проводилъ ее до дверей, сказавъ слугѣ, чтобы не забылъ передать ей чай

— Мерзкая, низкая женщина! — вырвалось у него изъ груди, когда онъ воротился въ комнату.—Мнѣ казалось, рука моя дотронулась до какой-то гадины, которую стоитъ только пришибить камнемъ.

— Сережа!—закричалъ онъ,—дай мнѣ умыть руки.

Разсказъ Левкоевой, какъ ни находилъ Сурминъ источникъ его нечистымъ, сдѣлалъ, однакожъ, на него сильное впечатлѣніе. Порѣшить какою-нибудь развязкой со своею любовью и поскорѣе—сдѣлалось для него необходимостью, которую ничто не должно было измѣнить. Могла бой-баба и прилгать по своему обыкновенію, можетъ быть изъ чувства мщенія за какую-нибудь воображаемую обиду со стороны Ранѣевыхъ. Но все-таки, какъ ни обертывай это обстоятельство, оно накидываетъ какую-то тѣнь подозрѣнія на отношенія Лизы къ Владиславу Разсудокъ и сердце велятъ ему

разрубить гордіевъ узелъ, такъ крѣпко затянувшійся. Лизѣ, ей одной, безъ свидѣтелей, долженъ онъ передать откровенно свою душевную тревогу и услышать отъ нея свой приговоръ, которымъ все, еще смутное для него, все неразгаданное должно объясниться. Но какъ это сдѣлать безъ свидѣтелей, въ томъ заключалась трудная задача.

Былъ конецъ октября на дворѣ, въ одну ночь выпалъ частый снѣгъ при легкомъ морозцѣ, все утро до полудня сѣялъ онъ густыми хлопьями. Замелькали сани по улицамъ. Жители нашего сѣвера такъ же рады первымъ признакамъ зимы, какъ и появленію первыхъ теплыхъ дней мая. Наша осень со своею слякотью нагоняетъ хандру, ѣзда по грязи несносна. То-ли дѣло родная матушка-зима! Она подстилаетъ вамъ ровный, какъ скатерть, путь, румянитъ щеки красавицы, сбрасываетъ нѣсколько лѣтъ съ плечъ старика, все въ это время оживляется. Наканунѣ былъ Сурминъ у Ранѣевыхъ. Ему сказали, что Тони не такъ здорова и не должна дня два выходить изъ комнаты. Онъ изъявилъ свое сожалѣніе, но внутренно доволенъ былъ, что одинъ человѣкъ, и самый важный, не помѣшаетъ его объясненіямъ съ Лизой. Надо было освободиться отъ присутствія Михайлы Аполлоныча, и на это составилъ онъ свой планъ.

«Если завтра,—думалъ Сурминъ,—не будетъ оттепели и путь не испортится, пріѣду къ Ранѣевымъ на ямской тройкѣ и приглашу Лизу прокатиться со мною. Она не изъ щепетильныхъ барышень и, конечно, не откажется, Михайла Аполлонычъ и подавно дастъ свое согласіе.

Сама природа содѣйствовала ему. Онъ прикатилъ на лихой тройкѣ съ рысакомъ въ корню и завивными на пристяжкахъ въ самыя сумерки, когда фонари только-что зажигались и великолѣпный фонарь на небѣ

дѣлалъ свѣтъ ихъ ненужнымъ. Все устроилось по его желанію. Лиза съ удовольствіемъ согласилась на предложенное ей катанье. Михайла Аполлонычъ видимо доволенъ былъ, что молодой человѣкъ, котораго онъ такъ любилъ, будетъ какой-нибудь часъ наединѣ съ дочерью. Можетъ быть, въ этотъ часъ разрѣшатся его надежды. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою затаенную мысль, и всѣ они, какъ-будто нарочно, условились устроить это partie de plaisir. Пролетѣлъ ямщикъ на своихъ вихряхъ-коняхъ нѣсколько улицъ, такъ что огни фонарей казались сѣдокамъ одною лучистою, огненною полосой и дома быстро двигались мимо нихъ. Лиза видимо не боялась такой быстрой ѣзды. Сердце у Сурмина сильно стучало. Подлѣ него сидѣла та, которая въ этотъ часъ должна рѣшить его судьбу. Прекрасное лицо ея озарялось матовымъ свѣтомъ мѣсяца, черные глаза ея горѣли необыкновеннымъ огнемъ. «Еслибъ эта женщина была моя»,—думалъ онъ,—«съ какимъ удовольствіемъ полетѣлъ бы я съ ней рука въ руку, хоть на край свѣта». Но Лиза была не *его*, и онъ приступилъ къ цѣли, имъ задуманной. Ямщику велѣно ѣхать тише, Сурминъ говорилъ съ Лизой по-французски, чтобы тотъ не понялъ ихъ разговора.

— Я устроилъ это tête-à-tête съ вами, — началъ онъ,—не для пустого удовольствія прокатить васъ.

— Я это угадывала, — отвѣчала Лиза, — и вы видѣли, какъ я охотно приняла ваше предложеніе.

Онъ сталъ объяснять ей свои чувства, глубокія, неодолимыя, зародившіяся въ душѣ его съ первой встрѣчи съ нею, говорилъ, что она должна была ихъ замѣтить, что мука неизвѣстности, раздѣляетъ ли она эти чувства, сдѣлалась для него невыносимой, и потому умоляетъ ее рѣшить его судьбу. Всѣ подобныя объясненія влюбленныхъ почти на одинъ ладъ, съ нѣкоторыми варіантами. Пламенная рѣчь Сурмина дышала такою лю-

бовью, такою преданностью, она изливалась изъ сердца открытаго, благороднаго. Та, къ которой относились его слова, не могла сомнѣваться въ искренности ихъ. Наконецъ, она отвѣчала:

— Я ожидала этого объясненія, скажу болѣе, я его желала. Увѣрены ли вы, что говоритъ съ вами женщина, которой слова такъ же честны, какъ и душа ея?

— Увѣренъ такъ же, какъ и въ томъ, что есть Богъ.

— Что разъ сказанное мною не въ состояніи измѣнить никакая власть на землѣ?

— Убѣжденъ въ твердости вашего характера и тѣмъ болѣе поклоняюсь вамъ.

— Считаете ли вы меня другомъ своимъ, лучшимъ другомъ послѣ отца моего?

— Счастливъ бы я былъ, еслибъ могъ имъ назваться.

— Дайте же мнѣ вашу руку, другъ мой, братъ мой.

Сурминъ подалъ ей свою руку, Лиза крѣпко пожала ее и продолжала:

— Теперь, сбросивъ съ души все, что могло затруднить мои объясненія съ вами, скажу вамъ то, что должна сказать для общаго нашего спокойствія. Не хочу васъ обманывать. Вы мнѣ раскрыли свое сердце, также честно раскрою вамъ свое. Я не могла не замѣтить, что вы ко мнѣ болѣе, чѣмъ неравнодушны, что лучшее желаніе моего отца, хотя онъ мнѣ прямо не говорилъ, было бы назвать васъ членомъ нашего семейства. Осуществить это желаніе было бы для него истиннымъ счастіемъ. Но я, неблагодарная, безразсудная дочь, готовая пожертвовать ему своею жизнью, не хочу, даже и за цѣну его счастія, продать свою душу. Я знаю ваши достоинства, знаю, что была бы съ вами счастлива, но не могу отдать вамъ съ рукою своей сердца чистаго, никого не любившаго прежде, сердца,

васъ достойнаго. Зачѣмъ не явились вы къ намъ за годъ прежде! Я была бы ваша.—На глазахъ Лизы выступили слезы.—Теперь, другъ мой, скажу вамъ то, чего не говорила близнецу моего сердца, Тони, не говорила даже отцу. Таково мое довѣріе къ благородству вашему. Я любила, можетъ быть, еще люблю... Скажу еще болѣе, даже тотъ, кого я любила, не знаетъ этого вполнѣ. Разсудокъ, обстоятельства, отецъ, патріотизмъ, все было противъ этого чувства

— Неужели этотъ счастливецъ Владиславъ?

Лиза ничего не отвѣчала

— Но онъ ужь уѣхалъ и едва-ли не навсегда.

— Я простилась съ нимъ навсегда.

— Если-жъ онъ врагъ Россіи?

— И я буду его врагомъ Чтожъ вамъ и тогда въ сердцѣ, которое въ другой разъ такъ любить не можетъ, измятомъ, разбитомъ, сокрушенномъ? Я обманула бы васъ, еслибъ отдала вамъ руку свою, не отдавъ вамъ нераздѣльно любви своей. Хотите ли жену, которая среди ласкъ вашихъ будетъ думать о другомъ, хоть бы для нея умершемъ?

— Боже меня сохрани отъ этого несчастія!

— Видите, какая я странная, безумная, непохожая на другихъ женщинъ. Оцѣните мою безграничную довѣренность и останемся...

— Друзьями,—договорилъ Сурминъ, глубоко вздохнувъ.—Я у ногъ вашихъ, преданный вамъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо. Если постигнетъ васъ какое-либо несчастіе... (молю Бога отвратить его отъ васъ), жизнь ваша не усыпана розами... могутъ быть случаи... обратитесь тогда ко мнѣ, и вы найдете во мнѣ человѣка, готоваго пожертвовать вамъ всѣмъ, чѣмъ можетъ только располагать.

Такъ кончилось это объясненіе, давно обоими желаемое. Сурмину казалось, что съ груди его свалился

тяжелый камень: гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, подлѣ него сидѣла ужь *сестра* его.

Они ѣхали по площади такъ-называемыхъ «Старыхъ тріумфальныхъ воротъ».

— Въ поле, гдѣ шире! — закричалъ Сурминъ ямщику,—прокати молодецки.

Замелькали опять передъ ними огни фонарей, и пронеслись мимо дома Тверской-Ямской, и отступили отъ нихъ, какъ-будто въ страхѣ, миѳологическіе гиганты, безмолвные стражи новыхъ тріумфальныхъ воротъ. Вотъ они миновали Петровскій паркъ, Разумовское. Снѣжное поле, и надъ ними по голубому небесному раздолью плыветъ полный, назрѣвшій мѣсяцъ. Широко, привольно, словно они одни въ мірѣ, дышится такъ легко.

Ямщикъ укоротилъ возжи, поѣхалъ шагомъ и запѣлъ звонкимъ, пріятнымъ голосомъ пѣсню «про ясны очи, про очи дѣвицы-души». Пѣснь его лилась яркою струей, кругомъ тишина невозмутимая, хотя бы птица встрепенулась. Когда онъ кончилъ ее словами: «Ахъ, очи, очи огневыя, вы изсушили молодца», страстно заныла душа пѣвца.

— Не знаешь-ли другой, поновѣе?—спросилъ Сурминъ ямщика.

— Какъ не знать, ваше сіятельство, — отвѣчалъ молодой парень, приподнявъ немного шапку. — Спою вамъ перваго сорта, выучилъ меня школьникъ, что ходитъ въ верситетъ на Моховую. Стоялъ нонѣшнимъ лѣтомъ въ жниво у насъ въ деревнѣ, сложилъ для одной зазнобушки писанной, словно барыня, что сидитъ въ саняхъ.

И запѣлъ ямщикъ новую пѣснь съ жаркимъ колоритомъ звуковъ.

«Запахнись скорѣе, красно-солнышко,
Дальнимъ, темнымъ лѣсомъ, частымъ ельничкомъ
Холодкомъ плесни, роса вечерняя.
Больно истомилась, измоталася,
Цѣлый день съ серпомъ къ землѣ склоняючись.
А придешь какъ на свиданье, миленькій,
Встрепенуся, будто сиза утица,
Что въ студеной рѣчкѣ искупалась.
Постелю тебѣ, дружокъ, постелюшку
Мягче пуха, пуха лебединаго,
Отберу снопы всѣ съ василечками.
Расцѣлую друга въ очи ясныя
И въ уста твои, что слаще сахару,
И забудемъ, есть ли люди на свѣтѣ,
Кромѣ насъ съ тобою двухъ, мой яхонтный.
Слышишь, бьетъ, стучитъ, какъ во ржи перепелъ?
Бьется такъ вътруди моей сердечушко,
Мила друга къ ночи поджидаючи».

Тревожное чувство закралось въ сердце Лизы, она боялась долѣе поддаться ему; ее проняла какая-то дрожь, это не могло быть отъ легкаго, едва замѣтнаго морозца, она была окутана тепло.

— Пора домой, — тихо проговорила она своему спутнику,—отецъ будетъ безпокоиться.

Они поѣхали домой; когда-жъ вышли у крыльца домика на Прѣснѣ, Лиза сказала ему глубоко-задушевнымъ голосомъ.

— Благодаря вамъ, я была болѣе часа счастлива, и этимъ вамъ обязана.—Сурминъ высадилъ ее изъ саней и поцѣловалъ протянутую ему руку, которую уже никогда не могъ назвать своею.

«Чтожъ сказала бы Левкоева, увидѣвъ насъ въ эту минуту»,—подумалъ онъ.

Отуманенная всѣмъ, что испытала въ этотъ вечеръ, Лиза еще разъ поблагодарила его за удовольствіе, ей доставленное, и, сказавъ отцу, что немного устала, удалилась въ свою комнату.

Вслѣдъ затѣмъ простился и молодой человѣкъ съ Михайломъ Аполлонычемъ. Ничего не было промолвлено о томъ, чего ожидалъ отецъ, ни слова не было произнесено и въ слѣдующія свиданія ихъ. Тони скоро выздоровѣла и посѣтила свою подругу. Разговорились о санномъ катаньѣ.

— Выдался же такой прекрасный вечеръ, — сказала Лиза, — какъ будто Господь устроилъ его для насъ. Посмотри, какая теперь оттепель и по улицамъ мѣсиво.

Тони слушала ее съ трепетнымъ участіемъ.

— А знаешь-ли, душа моя, что въ этотъ вечеръ Сурминъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

Тонкій румянецъ сбѣжалъ съ лица Лориной, губы ея побѣлѣли.

— Чтожъ, ты отвѣчала? — спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Рѣшительно отказала ему.

— Ему?

Тони произнесла это слово, какъ будто ея подруга совершила святотатство.

— Да, ему.

— Такому милому, прекрасному человѣку! Онъ имѣетъ все, что можетъ составить счастіе женщины.

— Только не мое. Развѣ не говорила ужь тебѣ, что я-то не могу составить его счастья. Я это ему то-же сказала. Обманъ въ этомъ случаѣ былъ бы съ моей стороны преступленіемъ. Такой умный, благородный, богатый молодой человѣкъ можетъ устроить себѣ партію получше меня.

— Не о богатствѣ его рѣчь, а о душевныхъ достоинствахъ.

— Ихъ оцѣнитъ другая и отдастъ ему вмѣстѣ съ рукою чистое сердце свое. Моя участь не такова.

— Странное, причудливое существо! — довершила этотъ разговоръ Тони.

VII

Сурминъ не былъ на представленіи піесы, въ которой подвизалась бой-баба, но слышалъ, что ее осыпали рукоплесканіями за прекрасное, художественное исполненіе ея роли. Чтобы она не тревожила его болѣе своими посѣщеніями, онъ приказалъ слугѣ не принимать ее, если придетъ. Ранѣевы были къ ней такъ холодны, что она перестала ихъ посѣщать и переѣхала на другую квартиру. Несмотря на сценическое торжество свое и хорошій кушъ, полученный ею съ театральнаго сбора, она была неспокойна, но не смѣла распускать, какъ бы хотѣла, нечистыхъ вѣстей на счетъ Лизы, боясь мщенія Сурмина, котораго, знала она, слово было дѣло. Въ половинѣ декабря получилъ онъ отъ матери слѣдующую телеграмму: «*Дядя твой умеръ скоропостижно, не сдѣлавъ духовнаго завѣщанія. Ты останешься его единственнымъ наслѣдникомъ. Пріѣзжай поскорѣе. Анастасія Сурмина*» Онъ простился съ друзьями своими, жившими въ домикѣ на Прѣснѣ, и поспѣшилъ съ адвокатомъ своимъ по Николаевской желѣзной дорогѣ къ матери, оставивъ позади себя двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ и старика, его истинно по своему любившихъ. Михайла Аполлонычъ провожалъ его, какъ сына, своими благословеніями. Каза-

лось, квартира Ранѣевыхъ и комнаты Тони безъ него опустѣли. И ему самому было грустно разставаться съ ними. Его сердце такъ стройно сжилось съ ними, ему такъ отрадно было въ ихъ кружкѣ, какъ-будто для него не существовало другого міра, кромѣ того, который заключался въ этомъ кружкѣ и собственномъ его семействѣ. Старикъ видимо скучалъ, сдѣлался нетерпѣливъ, раздражителенъ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало. Двѣ подруги, каждая питая къ отсутствующему разнородныя чувства, находили особенное удовольствіе говорить объ немъ и между тѣмъ посвящали нѣжныя заботы свои дорогому для нихъ старцу. Вторая дочка его, въ отсутствіе родной, когда та ходила давать уроки, старалась всячески разсѣять его мрачныя мысли то завлекательною бесѣдой, то чтеніемъ, иногда музыкой. Усердной, преданной, горячо любящей сидѣлкой была у него нерѣдко и Крошка-Доритъ. Правда, повременамъ успокоивали его письма отъ сына изъ Царства Польскаго. Въ нихъ увѣдомлялъ Володя, что здоровъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ военныхъ дѣйствій, что ему поручено полковое знамя и онъ этимъ гордится, что любимъ командиромъ полка, любимъ обществомъ офицеровъ и особенно друженъ съ братомъ Лориныхъ. Несмотря, однакожъ, на эти успокоительныя извѣстія и нѣжныя попеченіи кровнаго и названныхъ членовъ его семейства, Ранѣева тяготило какое-то томительное предчувствіе, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета и отъ котораго не въ силахъ былъ избавиться. Сердце Лизы растравляло грустное, болѣзненное состояніе ея отца. Нерѣдко почитала она себя отчасти виновницей этой душевной тревоги.

«Я могла бы утѣшить, осчастливить его, еслибъ не отказала Сурмину. Слава Богу, онъ этого не знаетъ, можетъ быть, думаетъ, что и самъ Сурминъ не дѣ-

лалъ мнѣ предложенія. Воротить прошедшаго невозможно, я исполнила свой долгъ, къ тому-жъ... Тони любитъ его, я это замѣтила», думала Лиза, и эта мысль нѣсколько успокоивала ея совѣсть.

Общій любимицъ ихъ писалъ изъ Прирѣчья къ Михайлу Аполлонычу, что «не забываетъ ихъ среди пріятной жизни въ своемъ семействѣ и хлопотъ по наслѣдству, заочно познакомилъ ихъ съ матерью и сестрами, которыя, не видавши еще ихъ, полюбили.— Когда кончатся мои дѣловыя заботы, — прибавлялъ онъ,—непремѣнно привезу ихъ въ Москву, чтобы онѣ сами могли оцѣнить душевныя качества, которыми жители дома на Прѣснѣ скрасили мою московскую жизнь и замѣнили мнѣ мое кровное семейство».

При этомъ случаѣ онъ посылалъ Ранѣеву нѣсколько дорогихъ группъ Vieux Saxe, доставшихся ему по наслѣдству, съ просьбою оставить себѣ тѣ, которыя ему болѣе понравятся, а остальныя распредѣлить *своимъ*, чья память ему, отсутствующему, такъ дорога. Разстановка этихъ группъ и выборъ ихъ разсѣяли на время хандру старика. Онъ выбралъ себѣ хорошенькую жницу. На плечѣ ея былъ серпъ, за спиной въ тростниковой корзинѣ пригожій, улыбающійся ребенокъ, протягивающій рученку къ цвѣтку на головѣ его матери.

— Теперь выбирайте сами, что вамъ по душѣ,— сказалъ Ранѣевъ Лизѣ и Тони,—да не обдѣлите моего маленькаго скриба, Дашу.

Глаза Тони заискрились при видѣ красиваго рыцаря со знаменемъ въ рукѣ.

— Знаешь ли, на кого онъ похожъ,—шепнула она своей подругѣ.

Лиза осмотрѣла фарфороваго рыцаря.

— Въ самомъ дѣлѣ необыкновенно похожъ, — сказала она, — такіе же голубые, добродушные глаза,

профиль, станъ, волосы, какъ онъ носитъ ихъ. Настоящая статуэтка Сурмина!

Глаза и сердце Тони выбрали эту статуэтку, но она не смѣла просить ее, чтобъ не обнаружить чувства, привлекавшаго ее къ ней.

— Возьми *его* себѣ,—сказала Лиза, замѣтившая, что ея подругѣ очень хотѣлось имѣть рыцаря, потомъ обратясь къ отцу, спросила его: — Неправда-ли, папаша, этотъ рыцарь похожъ на Андрея Иваныча.

Старикъ своими подслѣповатыми глазами осмотрѣлъ куклу и наконецъ сознался, что въ ней дѣйствительно есть сходство съ Сурминымъ.

— Кому-жъ достанется?—спросилъ онъ.

— Тони желаетъ его имѣть,—отвѣчала Лиза.

— Кто-жъ тебѣ это говорилъ?—перебила ее Тони, покраснѣвъ.

— Твои глаза, твое...—Лиза не договорила.

— Отдай *его* Тони, — произнесъ энергически Ранѣевъ.—Она достойна владѣть имъ.

Кукла была передана Тони, принявшей ее съ нескрываемымъ удовольствіемъ, она готова была ее расцѣловать.

— А знаешь ли, папаша, что она неравнодушна къ нему?

— Какой вздоръ городишь!—сказала Тони.

— Чтожъ тутъ удивительнаго, — замѣтилъ Ранѣевъ. — Какая же дѣвушка съ *чистымъ сердцемъ* (на эти два слова онъ особенно ударялъ), съ умомъ, безъ глупыхъ фантазій, видя его такъ часто, не оцѣнитъ, помимо его привлекательной наружности, его ума, прекраснаго, благороднаго характера, не полюбитъ его. Берите, берите моего рыцаря, душа моя, и дай Богъ, чтобы самъ оригиналъ принадлежалъ вамъ. Какую-жъ, *куклу* выберешь ты, Лиза? — прибавилъ онъ иронически.

Лиза поняла изъ загадочныхъ словъ отца свой приговоръ. Смущенная, съ растерзаннымъ сердцемъ, она стояла передъ нимъ, какъ преступница передъ своимъ грознымъ судьей, глотала слезы, готовыя хлынуть изъ глазъ, но скрыла свое смущеніе и отвѣчала съ твердостью:

— Ту, которую вы сами мнѣ назначите.

Долго искалъ старикъ между группами, какую бы ему выбрать для дочери, то прикасался сильно дрожавшей рукой къ одной фигуркѣ, то къ другой, и ни на одной не остановился.

— Я вижу тутъ сестру милосердія,—проговорила Лиза,—дайте мнѣ ее.

Отецъ пробѣжалъ по фарфоровымъ статуэткамъ сщуренными глазами, на которыхъ дрожали слезы, нашелъ сестру милосердія въ бѣломъ покрывалѣ, прижавшую крестъ къ груди съ обращенными къ небу, молящими глазами и передалъ дочери. Вмѣстѣ съ этимъ онъ горячо поцѣловалъ Лизу въ лобъ, какъ бы желая вознаградить ее за жесткій и, можетъ быть, незаслуженный укоръ.

Не забыли Даши. Ей выбрали мальчика, который положилъ руку на барашка и смотрѣлъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ на небо, будто видѣлъ въ немъ прекрасное видѣніе. Остальныя фигуры назначено поберечь для Володи.

Скоро наступилъ 63-й годъ, роковой для Россіи, роковой для многихъ изъ сподвижниковъ за честь и благосостояніе ея. Революція была въ разгарѣ, получались тревожныя вѣсти изъ Царства Польскаго. Наконецъ новая варѳоломеевская ночь съ 10 на 11 января, положившая вѣчное пятно на польское имя, въ которую погибли столько мучениковъ свирѣпаго фанатизма, сдѣлалась извѣстна изъ газетъ... Газеты, выписываемыя Сурминымъ и отсылаемыя по его распоряженію

къ Ранѣевымъ, были пробѣгаемы сначала Лизой и Тони, потомъ читались Михайлу Аполлонычу. Разумѣется, чтицы пропускали мѣста, гдѣ выставлялись слишкомъ рѣзкія описанія происшествій на театрѣ революціи, или искусной передѣлкой смягчали ихъ, или перемѣняли мѣстности, на которыхъ они разыгрались. И потому извѣстіе о рѣзнѣ въ ночь на 11 января миновало слуха и сердца Ранѣева. Недѣли двѣ, три, четыре, нѣтъ писемъ отъ Володи, нѣтъ писемъ отъ брата Лориныхъ. Старикъ въ мучительной тревогѣ, не менѣе тревожатся Лиза и подруга ея.

Онѣ старались успокоить его и себя тѣмъ, что по смутному времени правильныя сообщенія невозможны, что почты останавливаются мятежниками; многіе почтовые дворы разорены, войска безпрестанно передвигаются съ мѣста на мѣсто, вынужденныя вести сшибки съ бандами въ лѣсахъ, которыми такъ обильны польскій край и смежныя губерніи. Когда-жъ, гдѣ тутъ заниматься письмами, черезъ кого посылать!

— Вотъ и въ семействѣ, гдѣ даю уроки, есть сыновья, служащіе въ дѣйствующихъ войскахъ, и тѣ не получаютъ писемъ,—говорила Лиза.

— Такъ долго, такъ долго,—жаловался Ранѣевъ,— это невыносимо.—Впрочемъ, да будетъ воля Божья,— прибавлялъ онъ, успокоиваемый убѣжденіями близкихъ его сердцу.

Въ такихъ колебаніяхъ страха и упованія на милосердіе Божіе прошелъ мѣсяцъ. Наступилъ февраль. Въ одну полночь кто-то постучался въ ворота домика на Прѣснѣ, дворная собака горячо залаяла. Лиза первая услыхала этотъ стукъ, потому что окно ея спальни были близко отъ воротъ, встала съ постели, надѣла туфельки и посмотрѣла въ окно. Изъ него увидала она при свѣтѣ фонаря, стоявшаго у самыхъ воротъ, что

полуночникъ былъ какой-то офицеръ въ шинели съ блестящими погонами.

«Ужъ не Володя ли,—подумала она,—произведенъ, можетъ статься», и сердце ея радостно забилось. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ дворникъ и, спросивъ поздняго посѣтителя, впустилъ его во дворъ. Собака, такъ сердито прежде лаявшая, стала ласкаться около офицера, визжала, бросалась ему на грудь.

— А! узнала, Барбоска,—сказалъ онъ, лаская собаку.

«Барбоска такъ любила Володю», — подумала Лиза и, еслибъ могла, готова была выпрыгнуть изъ окна, готова была закричать: «Володя!» Но дворникъ и офицеръ пошли на заднее крыльцо, откуда былъ ходъ въ мезонинъ Лориныхъ Сердце у нея упало. Послышались въ мезонинѣ голоса, ускоренные шаги, суетня.

Ночной посѣтитель былъ поручикъ Лоринъ. Можно судить, какъ радостно было свиданіе братьевъ и сестеръ.

Лиза ждала, не будетъ ли письма отъ Володи — письма не было. Раздирающее душу предчувствіе не дало ей сомкнуть глазъ; всю ночь провела она въ молитвахъ.

Поутру слѣдующаго дня Тони прислала просить ее къ себѣ, и все для нея объяснилось. Лоринъ былъ изуродованъ мятежниками въ роковую ночь на 11-ое января, на лицѣ его оставался глубокій шрамъ, трехъ пальцевъ на одной рукѣ недоставало. Володя палъ подъ вилою злодѣя, но палъ съ честью, со славой, сохранивъ знамя полку. Все это разсказала Тони бѣдной своей подругѣ. Что чувствовала Лиза, услыхавъ ужасную вѣсть, можно себѣ вообразить! Но ей было теперь не до себя. Какъ передать эту громовую, убійственную вѣсть отцу?

Съ начала прошедшей ночи старикъ заснулъ было часокъ, но, разбуженный какимъ-то страшнымъ сно-

видѣніемъ, уже не засыпалъ болѣе. Онъ слышалъ суетню въ мезонинѣ, подумалъ, не случился ли тамъ пожаръ, но успокоился, когда тревожные звуки улеглись. Утромъ позвалъ онъ къ себѣ Лизу. Лицо ея страшно измѣнилось, это была тѣнь прежней Лизы, глаза ея впали

— Что съ тобою сдѣлалось? — спросилъ отецъ, встревоженно смотря на нее.

— Пріѣхалъ братъ Лориныхъ изъ Польши, ужасно изуродованъ.

— Не объ немъ же ты такъ безпокоилась, повидимому, не спала цѣлую ночь. Вѣрно, худыя вѣсти о Володѣ?

— Да, другъ мой, не совсѣмъ благопріятныя, только не отчаянныя. Онъ сильно раненъ, но за жизнь его ручаются. Володя совершилъ великій подвигъ, не далъ врагу опозорить честь полка, сохранилъ ему знамя.

— Благодарю тебя, Господи, — сказалъ Ранѣевъ, благоговѣйно перекрестясь. — Скажи мнѣ всю правду. Онъ умеръ? По лицу твоему и голосу я вижу... Говори, теперь мнѣ легче будетъ узнать эту ужасную вѣсть.

Лиза пала передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки, обливала ихъ слезами.

— Крѣпись, мой другъ... Господь послалъ намъ жестокій ударъ. Володя отошелъ къ матери моей.

— Онъ далъ намъ его, Онъ и взялъ, — произнесъ изъ глубины души Ранѣевъ, и слезы заструились по блѣднымъ, исхудалымъ его щекамъ.—Я хочу слышать отъ самого Лорина подробности его смерти. Не тревожься за меня, я выслушаю ихъ съ сыновнею покорностью волѣ Всевластнаго. Пригласи ко мнѣ молодого человѣка.

Явился поручикъ Лоринъ. Это былъ статный офи-

церъ; несмотря, что шрамъ нѣсколько обезобразилъ его лицо, можно было прослѣдить въ чертахъ его большое сходство съ сестрой его, Тони; слегка замѣчалось, что онъ хромалъ.

Михайло Аполлонычъ бросился обнимать его и, припавъ къ его плечу, горько плакалъ.

— Теперь,—сказалъ онъ,—я готовъ съ твердостью выслушать васъ. Вы, конечно, были при послѣднихъ минутахъ моего сына, разскажите все, что, какъ было съ нимъ, не утайте отъ меня ничего.

Лиза, Тони и Даша усѣлись кругомъ разсказчика, впиваясь слухомъ и сердцемъ въ каждое его слово.

«— Въ январѣ,—началъ поручикъ Лоринъ,—стояли мы въ деревнѣ, въ штабѣ нашего полка, за нѣсколько верстъ отъ Плоцка. Двѣ неполныя роты размѣстились по крестьянскимъ хатамъ, я со взводомъ моимъ содержалъ караулъ на фольваркѣ, саженей во ста отъ нихъ. Остальныя части полка расположились по окрестнымъ деревнямъ. Наканунѣ ночи на 11-е января полковой командиръ нашъ поѣхалъ ихъ осмотрѣть. Все кругомъ было спокойно, о шайкахъ мятежниковъ не было слуха. Да и время-ли было имъ дѣйствовать въ жестокіе морозы. Такимъ безмятежнымъ состояніемъ мы и пользовались, какъ бы въ самое мирное время у себя, въ своемъ отечествѣ. Ночь была мятельная при слабомъ свѣтѣ молодого мѣсяца, да и тотъ повременамъ подернутъ былъ сѣтью облаковъ. Ни одинъ огонекъ не мелькалъ въ деревнѣ, все спало глубокимъ сномъ. И я крѣпко заснулъ въ отдѣльной комнаткѣ у пана эконома. Въ самую полночь, будто кто меня толкнулъ въ бокъ; просыпаюсь. Только вѣтеръ повременамъ жалобно стоналъ въ вѣковомъ сосновомъ лѣсу, который тянулся кругомъ на десятокъ верстъ, да вторилъ ему вой волковъ. Сверху сѣялъ снѣгъ, снизу мела поземка, занося плетни около дворовъ и насыпая бѣлые валы

кругомъ скирдъ и ометовъ. По ближнему озеру, окованному льдомъ, снѣжные вихри, словно привидѣнія въ саванахъ, кружились или обгоняли другъ друга. У казеннаго ящика расхаживалъ часовой и вблизи его вашъ сынъ. «Что ты не спишь, Володя?» — спросилъ я его. Надо вамъ сказать, мы жили съ нимъ, какъ родные братья. «Сердце у меня что-то не на мѣстѣ»,— отвѣчалъ онъ,— «сильно замираетъ, не до сна».—«Что за вздоръ! Не волковъ же бояться, да русалокъ-снѣжурокъ, что бѣгаютъ по озеру»,

«Только-что успѣлъ я это проговорить, какъ съ дальняго конца деревни донеслись къ намъ какіе-то дикіе, нестройные звуки, вслѣдъ затѣмъ вспыхнулъ огонекъ, потомъ другой, послышалась пальба изъ ружей. Вдругъ прибѣгаетъ къ намъ запыхавшись, съ окровавленнымъ лицомъ, солдатъ и кричитъ:—«Братцы, поляки напали на насъ врасплохъ, рѣжутъ сонныхъ, зажгли двѣ хаты, наши съ просонья отстрѣливаются изъ оконъ. Ихъ тьма тьмущая съ косами, вилами и ножами». Съ этими словами онъ грянулъ на снѣгъ. Послышались снова крики, усиливались и приближались къ намъ. «Паша», — сказалъ мнѣ вашъ сынъ, «дѣло плохо. Какъ бы спасти знамя и честь полка».

«Надо вамъ сказать, за нѣсколько дней передъ тѣмъ мы говорили съ нимъ объ унтеръ-офицерѣ Азовскаго мушкетерскаго полка Старичковѣ, который въ аустерлицкомъ дѣлѣ спасъ на себѣ знамя полка. Умирая, онъ передалъ его своему товарищу. Эта мысль пришла ему теперь въ голову, но, подумавъ немного, онъ ее оставилъ. «Боюсь»,—сказалъ онъ, — «что непріятель, убивъ меня, пожалуй раскрошитъ, и такимъ образомъ пропадетъ знамя. Лучше, снимемъ его съ древка и спрячемъ въ фундаментъ амбара, черезъ продувное окошечко, а древко оставлю при себѣ. Будемъ сильно защищать его, чтобы обмануть мятежниковъ».

«Мы такъ и сдѣлали, амбаръ былъ недалеко. «Передай этотъ секретъ»,—сказалъ онъ,—«нѣсколькимъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ. Если что съ тобою случится, такъ кто-нибудь укажетъ нашимъ. Буду убитъ, увидишь когда отца и сестру, скажи имъ, что въ роковыя минуты я думалъ объ нихъ и умеръ, какъ онъ завѣщалъ мнѣ».

«Мы обнялись, онъ сталъ у казеннаго ящика съ древкомъ отъ знамени, на которомъ надѣтъ былъ клеенчатый чехолъ. Я передалъ нѣсколькимъ солдатамъ изъ моей команды о мѣстѣ, гдѣ хранилось знамя, и зажегъ сигнальную ракету, чтобы батальоны нашего полка, стоявшіе въ окольныхъ деревняхъ, узнали о нашемъ опасномъ положеніи. Стрѣльба стала рѣдѣть, видно, наши изнемогли, пламя разрослось и вдругъ упало, послышался грохотъ разрушенныхъ хатъ, и на мѣсто огня всталъ густой дымъ столбомъ. Команда моя была въ сборѣ, мы приготовились встрѣтить мятежниковъ. Огромная толпа ихъ съ усиленнымъ гуломъ приближалась къ намъ. Позволивъ ей подойти на нѣсколько десятковъ саженъ, мы обдали ее дружнымъ залпомъ. Она разстроилась было, но вскорѣ оправилась и стала отстрѣливаться. Потомъ помню только,—словно въ безобразномъ кошмарѣ,—что мятежники хлынули на насъ съ косами, вилами и ножами. Я и нѣсколько солдатъ отчаянно защищали вашего сына и казенный ящикъ Я видѣлъ, какъ одинъ полякъ ударилъ въ него вилой, другой выхватилъ у него изъ рукъ древко. Думали, что досталось имъ знамя. Восторженные клики огласили воздухъ. Володя палъ въ кругу распростертой около него геройской семьи солдатъ. Въ эту самую минуту ударили меня саблей по лицу, другой бросился на меня съ ножомъ. Ухватился я за ножъ, почувствовалъ, что кровь льется изъ руки, и упалъ недалеко отъ вашего сына. Тутъ

пырнули меня въ ногу какимъ-то острымъ оружіемъ. Что было потомъ, не знаю. Когда я пришелъ въ себя, стало разсвѣтать. Полковой лѣкарь перевязывалъ мнѣ руку, фельдшеръ хлопоталъ около моей ноги, кругомъ меня стояли офицеры. Я слышалъ, что полковой командиръ кричалъ: «Гдѣ-жъ знамя, Боже мой, гдѣ знамя?» Первая мысль моя была спросить объ юнкерѣ Ранѣевѣ. «Юнкеръ Ранѣевъ убитъ»,—сказали мнѣ,—«мы нашли тебя около него»

«Отнесите меня къ амбару», проговорилъ я. Меня приподняли и отнесли туда; я указалъ, гдѣ знамя, и сказалъ, кто его сохранилъ. Полковой командиръ крестился, офицеры цѣловали руки вашего сына. Какъ хорошъ онъ былъ и мертвый! Улыбка не сходила съ его губъ, словно онъ радовался своему торжеству. Какъ любили мы нашего Володю! Его похоронили съ большою честью, его оплакали всѣ, отъ командира до солдата. Имя Ранѣева не умретъ въ полку».

Кончивъ свой разсказъ, поручикъ Лоринъ уцѣлѣвшимъ обрубкомъ кисти правой руки закрылъ глаза, изъ которыхъ лились слезы.

Ранѣевъ палъ на колѣни передъ образомъ Спасителя и, крестясь, изнемогающимъ голосомъ произнесъ:

— Благодарю Тебя, Господи, что сподобилъ сына моего честной, славной кончины. Имя Ранѣевыхъ до сихъ поръ безукоризненно.

Его приподняли и хотѣли довести до дивана, но онъ рукою далъ знакъ, что самъ дойдетъ, и прилегъ на диванъ.

Слѣдующіе дни онъ казался спокойнѣе, бесѣдовалъ часто.

Лоринъ дополнилъ разсказъ о ночи на 11-е января.

— Вы не можете повѣрить, какія неистовства совершали злодѣи надъ нашими солдатами, когда напали на нихъ сонныхъ. Живыхъ потрошили, бросали въ

огонь, доканчивали звѣрски раненыхъ; содравши съ нихъ кожу, вѣшали за ноги съ ругательствами и хохотомъ. Только подоспѣвшіе къ намъ по сигнальной ракетѣ батальоны положили конецъ этимъ неистовствамъ, возможнымъ развѣ у дикарей. Вотъ вамъ цивилизованный польски-христіанскій народъ, какимъ величаютъ его попы и ксендзы. Ожесточенные солдаты наши, при видѣ изуродованныхъ и сожженныхъ товарищей своихъ, не давали врагамъ пардона, только немногіе утекли до лѣса и болота. Казенный ящикъ съ деньгами, еще не разграбленный, и древко отъ знамени были отбиты нашими.

Несмотря, что Михайло Аполлонычъ крѣпился, ударъ, поразившій его, былъ такъ жестокъ, что онъ не могъ долго его перенести. Силы его стали день ото дня слабѣть, нить жизни, за которую онъ еще держался къ землѣ, должна была скоро порваться. Онъ позвалъ къ себѣ однажды дочь, велѣлъ ей сѣсть подлѣ себя и, положивъ ея руку въ свою, сказалъ:

— Единственное, милое, дорогое дитя мое, я желалъ бы передать тебѣ то, что у меня тяжело лежитъ на сердцѣ. Можетъ быть, то, что хочу тебѣ сказать, не удастся сказать въ другое время.

Лиза начала было говорить въ утѣшеніе его, но онъ на первыхъ словахъ ее остановилъ:

— Не прерывай меня, мой другъ. Немного словъ услышишь отъ меня, но выслушай ихъ, какъ бы говорилъ тебѣ свое завѣщаніе умирающій отецъ.

— Свято исполню волю вашу,—отвѣчала съ твердостью дочь

— Объ одномъ заклинаю тебя, не выходи послѣ смерти моей за *врага Россіи*. Въ противномъ случаѣ не будетъ надъ тобою моего благословенія съ того свѣта, ты потревожишь прахъ мой, прахъ матери и брата.

— Клянусь вамъ въ этомъ прахомъ ихъ,—произнесла Лиза, обративъ слезящіе глаза къ образу Спасителя —Неужели вы могли сомнѣваться въ моихъ убѣжденіяхъ?

— Вѣрю, теперь мнѣ легче будетъ умирать.

Онъ перекрестилъ дочь, крѣпко, крѣпко продержалъ ее въ своихъ объятіяхъ и, немного погодя, сказалъ:

— Напиши завтра къ Сурмину, что я очень нездоровъ и желалъ бы его видѣть,—прибавь, — если возможно. Я такъ люблю его. Онъ знаетъ всѣ тайны моей жизни. Кстати, напиши Зарницыной о нашей потерѣ.

Лиза писала къ Сурмину:

«Другъ нашъ, Андрей Иванычъ! Братъ мой убитъ въ Царствѣ Польскомъ въ ночь на 11-ое января. Смерть его сильно потрясла моего дорогого старика. Онъ нездоровъ и желалъ бы очень васъ видѣть, если вамъ возможно.

«Преданная вамъ всею душою
«*Лизавета Ранѣева*».

Лиза, въ постоянной перепискѣ съ Евгеніей Сергѣевной Зарницыной, не утаивала отъ нея ничего изъ своей сердечной жизни. На этотъ разъ она въ нѣсколькихъ словахъ увѣдомляла ее только о смерти брата и болѣзни отца.

VIII

Какой-то купецъ сталъ похаживать къ дворнику Лориныхъ, вызывалъ его къ воротамъ и вывѣдывалъ, что дѣлается у постояльцевъ, Ранѣевыхъ. Дворникъ былъ падокъ на денежную водку, а таинственный его собесѣдникъ умѣлъ задобрить его то полтинникомъ, то четвертачкомъ. Въ послѣднее время онъ узналъ, что сынъ Ранѣева убитъ въ Польшѣ и старикъ сильно хвораетъ. Шнырялъ онъ однажды въ вечернія сумерки около дома Лориныхъ съ мальчикомъ и увидалъ, что со двора вышли сначала трое молодыхъ мужчинъ, изъ нихъ одинъ офицеръ, и вслѣдъ за ними выѣхали на извозчичьихъ саняхъ двѣ молодыя женщины, а конфидентъ его собирался затворить ворота.

— Смотри,—сказалъ шопотомъ купецъ мальчику,— помни, ты Владиміръ, Володя.

— Не сызнова учить урокъ,—отвѣчалъ тотъ.

Купецъ подозвалъ къ себѣ привратника.

— Кто это вышелъ изъ воротъ?—спросилъ онъ.

— Хозяева молодые.

— А выѣхали въ саняхъ?

— Барышня Тонина Павлова съ постоялкой, видно, прокатиться что-ли вздумали.

— А что, старикъ Ранѣевъ все еще боленъ?

— Плохъ, на ладанъ дышитъ.

— Кто-жъ изъ вашихъ дома?

— Дарья Павловна.

— Одна?

— Одна.

— Можно мнѣ увидѣть ее, поговорить, бумажку написать?

— Пошто нѣтъ. Коли бумажку написать, такъ все едино; барышня разумная, малъ золотникъ да дорогъ. Настрочитъ тебѣ такъ, что и приказному носъ утретъ.

— Проведи меня къ Дарьѣ Павловнѣ.

— Пожалуй, проведу. А что, это сынокъ твой?

— Сынъ.

И, передвигаясь дряхлыми ногами, словно на нихъ были тяжелыя гири, провелъ ихъ дворникъ къ Дашѣ. Лохматая Барбоска злобно лаяла на пришедшихъ, теребила ихъ за фалды кафтановъ, точно чуяла въ нихъ недобрыхъ людей. Дворникъ сердито закричалъ на нее и пинкомъ ноги угомонилъ ея злость.

Купецъ, вошедши въ комнату Дарьи Павловны, благоговѣйно перекрестился на иконы, стоявшія въ кіотѣ.

Даша зорко посмотрѣла на него и спросила, что ему угодно.

— Вотъ, разлюбезная барышня, мнѣ нужно по одному дѣльцу прошеньице въ судъ написать.

— Пожалуй, я это могу. О чемъ же дѣло?

— Ставилъ я разный товаръ въ Бѣлоруссію богатому еврею, да затягиваетъ расплату, разныя прижимки дѣлаетъ.

— Какъ имя еврея, какой гильдіи, мѣсто жительства, какой товаръ, словесныя при свидѣтеляхъ или письменныя сдѣлки, и прочее, что я буду васъ спрашивать. Все это напишу сначала начерно.

— Вотъ что, барышня, живетъ у васъ баринъ, Ми-

хайла Аполлонычъ Ранѣевъ... мнѣ знакомый, какъ былъ еще военнымъ... хотѣлъ бы по этому дѣлу съ нимъ слово замолвить. Умъ хорошъ, а два лучше. Нельзя ли къ нему?

И вынулъ купецъ красненькую бумажку и съ тупымъ поклономъ подалъ Дашѣ.

— Не дѣлавъ дѣла, я не беру благодарности за него,—сказала она и отклонила рукою приношеніе. — А имя ваше какъ?

— Купецъ 3-й гильдіи, изъ Динабурга, Матвѣй Петровичъ Жучокъ.

— Жучокъ изъ Динабурга!—воскликнула Даша.

Она приложила руку ко лбу, желая вспомнить что-то, и стала пристально всматриваться въ посѣтителя.

Живые, разгорѣвшіеся глазки ея, пронизывавшіе душу посѣтителя, слова ея, полуговоромъ сказанныя, какъ таинственныя заклинанія, нашептываемыя надъ водою или огнемъ, смутили его.

— Сѣро-желтые съ крапинами глаза, косые... — тревожно, но тихо произнесла Даша, всматриваясь въ купца, будто полицейскій сличалъ примѣты подсудимаго съ его паспортомъ. — Нѣтъ, ты не Жучокъ, — вырвалось у нея, наконецъ, изъ груди,—а Киноваровъ, злодѣй Киноваровъ.

Киноваровъ-Жучокъ не ожидалъ новаго свидѣтеля его преступленій, поблѣднѣлъ и затрясся, но вдругъ въ какомъ-то изступленіи произнесъ:

— Коли вамъ это извѣстно, я—Киноваровъ, злодѣй, погубившій Ранѣева. Вяжите меня, ведите въ тюрьму, дѣлайте со мною, что хотите, только дайте мнѣ видѣться съ Михайлой Аполлонычемъ. Пропадай моя голова, мнѣ ужь не въ мочь.

И бросился онъ на колѣни передъ Дашей.

— Угрызенія совѣсти не даютъ мнѣ покоя, бѣсы

преслѣдуютъ меня по ночамъ, днемъ лазутчики сторожатъ по заказу Сурмина.

— Сурмина нѣтъ въ Москвѣ.

— Онъ поручилъ своимъ сыщикамъ и безъ себя караулить меня, отсыпаюсь только деньгами.

— Встаньте,—сказала Даша,—не могу видѣть васъ въ этомъ низкомъ положеніи.

Киноваровъ всталъ.

— Такъ или сякъ, я долженъ покончить со своими мученіями. Если вы знаете мое гнусное дѣло, такъ должны знать, что оно случилось очень давно. Погубить меня можно, но прошедшаго для Михайлы Аполлоныча не воротишь.

— Не воротишь съ того свѣта и жену его, которую вы убили. Еслибъ я могла...

Крошка Доритъ не договорила. Гнѣвно горѣли глаза ея; она, казалось, готова была вцѣпиться въ грудь его.

— Меня сошлютъ въ Сибирь, чтожъ изъ этого? Видите, это мой сынъ, одно утѣшеніе мнѣ въ жизни. Не погубите его. Помните слова Спасителя: «Иже аще пріемлетъ сіе отроча во имя мое, меня пріемлетъ». Бросьте въ насъ послѣ того камень и убейте насъ обоихъ.

Передъ словами Спасителя смирилась Даша, и гнѣвъ ея утихъ.

Горько плакалъ Киноваровъ.

— Я имѣю передать важную тайну Михайлѣ Аполлонычу; отъ нея зависитъ участь цѣлаго края. Знаю, увѣренъ, что онъ не станетъ гнать меня, не захочетъ погубить этого отрока. Онъ самъ имѣлъ сына.

— И потерялъ его, — сказала грустно Даша, покачавъ головой, — тотъ былъ сынъ честнаго человѣка.

— Не вы, а Ранѣевъ судья мой. Доставьте мнѣ только случай увидѣть его, больше ни о чемъ не прошу, предупредите обо мнѣ. Онъ сжалится надъ этимъ безвиннымъ мальчикомъ, а если нѣтъ, да будетъ воля Божія.

Даша задумалась, потомъ, поднявъ головку, вдохновенная высокимъ чувствомъ любви къ ближнему и покорности волѣ Всевышняго Судіи, сказала твердымъ голосомъ:

— Во имя Господа я исполню вашу просьбу. Теперь у старика никого нѣтъ. Я пойду прежде къ нему одна, а вы здѣсь подождите меня.

Даша сошла къ Ранѣеву и со всѣми предосторожностями, какія могли придумать ея умная головка и любящее сердце, разсказала ему о появленіи Киноварова и все, что онъ говорилъ.

Ранѣевъ спокойно выслушалъ ее.

— Я долженъ покончить со всѣмъ своимъ прошедшимъ,—произнесъ онъ съ чувствомъ. — Не на свѣжей же могилѣ сына приносить жервы мщенія. Можетъ быть, скоро предстану передъ свѣтлый ликъ Вышняго Судіи. Повергну себя передъ Нимъ и скажу ему: «Отче мой, отпусти мнѣ долги мои, какъ я отпустилъ ихъ должникамъ моимъ». Пускай придетъ. Да покараульте дочь мою и Тони. Потрудитесь, мой другъ, передать имъ, что я занятъ съ нужнымъ человѣкомъ.

— Онѣ, вѣроятно, не такъ скоро будутъ, хотѣли заѣхать въ домъ, гдѣ Лиза даетъ уроки, — сказала Даша и поспѣшила позвать Киноварова и мальчика, а сама удалилась въ комнату Лизы.

Киноваровъ молча преклонилъ голову передъ судьею своимъ; въ косыхъ, безжизненныхъ глазахъ его, какъ и всегда, нельзя было ничего прочесть.

Ни одного слова въ оскорбленіе его не произнесъ Ранѣевъ; онъ сталъ говорить съ нимъ, какъ съ че-

ловѣкомъ, который никогда не сдѣлалъ ему никакого зла.

— Это сынъ твой?—спросилъ онъ.

— Сынъ.

— Непохожъ на тебя, хорошенькій мальчикъ, со свѣтлыми, бойкими глазами.

— Весь въ мать.

— Дай Богъ. Какъ его зовутъ?

— Владиміръ

— Такъ звали и моего, но того ужь нѣтъ на свѣтѣ. Сколько ему лѣтъ.

— Тринадцать.

— Во имя Господа, Искупителя нашего, прощаю тебя.

Ошеломленный такимъ внезапнымъ великодушіемъ, Киноваровъ не зналъ что сказать, хотѣлъ бы броситься къ ногамъ Ранѣева, но, хорошо знакомый съ его характеромъ, стоялъ неподвижно, склонивъ низко голову и скрестивъ руки на груди.

Михайла Аполлонычъ подозвалъ къ себѣ мальчика и, положивъ ему руку на кудрявую головку, сказалъ:

— Не забудь, что буду тебѣ говорить, Володя. Когда злое искушеніе придетъ тебѣ на умъ, помолись Спасителю, чтобы не допустилъ тебя совершить его. Помни, ни одно худое, безчестное дѣло не проходитъ мимо очей всевидящаго Бога. Если злодѣй и кажется счастливъ, не вѣрь этому: есть въ душѣ его обличитель, который не даетъ ему покоя. Не играй въ карты, будь честенъ.

Мальчикъ смутился было, но вскорѣ оправился и произнесъ всхлипывая:

— Буду честенъ, не стану играть въ карты.

— Видно, въ мать. Сама она кормила его?

— Сама, — отвѣчалъ Киноваровъ, — дивная была женщина, хоть и простого рода.

— Была?

— Умерла лѣтъ пять тому назадъ; умирая,—говорила Володѣ то, что вы теперь ему сказали.

— Садитесь,—сказалъ Михайла Аполлонычъ и указалъ Киноварову на стулъ, подалѣе отъ себя,—а ты, Володя, садись подлѣ меня.

Посѣтители размѣстились, какъ указалъ имъ хозяинъ.

— Теперь, ради любопытства, которымъ я, еще земной житель, одержимъ, разскажи, какъ ты...

Ранѣевъ остановился, увидавъ, что Киноваровъ указалъ головой на сына своего, какъ бы желалъ, чтобъ не слыхалъ его откровенія, и приказалъ мальчику идти въ сосѣднюю комнату.

— Вы вѣрно хотите, — началъ Киноваровъ, когда тотъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и затворилъ за собою дверь,—чтобы я вамъ разсказалъ, какъ я укралъ банковыя деньги, что̀ заставило меня это сдѣлать, какъ я бѣжалъ изъ тюрьмы и что затѣмъ со мною послѣдовало.

— Разскажи.

— Я игралъ въ карты въ азартныя игры. Гнусная страсть эта, какъ вы знаете, ведетъ за собою преступленіе. Проигралъ я проѣзжему иностранцу, содержателю цирка, съ орденомъ Меджидія, пять тысячъ рублей, хотѣлъ отыграться и спускалъ все большіе и большіе куши. Получаемыя въ общественный банкъ деньги не записывались на приходъ по нѣскольку мѣсяцевъ, иногда по году и болѣе, онѣ покрывали мой проигрышъ и доставляли новую пищу для игры. Иногда пріятели давали мнѣ ко дню ревизіи свои деньги, разумѣется за хорошее вознагражденіе. Вы знаете, какіе были члены банка. За мною не слѣдили, никто ничего не видѣлъ. Канцелярія, составленная мною изъ отъявленныхъ и искусныхъ мошенниковъ, въ томъ

числѣ главнаго сообщника моего, секретаря, купленныхъ мною, усердно содѣйствовала мнѣ. Получаемыми мною въ банкъ деньгами покрывалъ я старыя похищенія. Такъ понемногу наросла значительная сумма. Воровали отъ себя и мои клевреты. Случалось, пошлешь на почту тысячу, а посланный съ нею возвращается и доноситъ мнѣ, что я обложился, не оказалось столько-то. Нечего было дѣлать, молча докладывалъ я деньги. Братъ мой звалъ меня въ Москву и просилъ помочь ему въ его роковыхъ обстоятельствахъ.

«Я имѣю въ виду очень богатую невѣсту,—писалъ онъ,—но мнѣ шепнули, что родители желали знать, какъ я живу Надо было пустить имъ золотую пыль въ глаза, и я занялъ деньги за огромные проценты. Пріѣзжай скорѣе, другъ мой, выручи меня, скоро сочтусь съ тобою лихвою». Въ это время сдѣлана мною покража суммы, которая погубила васъ. Внутренній искуситель мой нашептывалъ мнѣ, что разбогатѣвшій братъ мой искупитъ всѣ мои грѣхи Ловкость моихъ сподручниковъ, спячка моихъ сослуживцевъ помогли этому искушенію...

— И подпись подъ мою руку въ журналѣ, которымъ давалась тебѣ довѣренность принять съ почты сумму, полученную изъ Петербурга, не правда ли?

— Мастерски была она сдѣлана братомъ секретаря, такъ что вы, кажется, сгоряча признали ее за свою. Все содѣйствовало успѣху моего преступленія Съ этими деньгами поѣхалъ я въ Москву, заплатилъ долги брата и обстановилъ его, какъ богатаго человѣка, свѣтскою мишурою, которая въ близорукихъ глазахъ идетъ за чистое золото. Свадьба состоялась. Съ рукою невѣсты онъ получилъ нѣсколько сотъ душъ въ одной изъ губерній, что зовутъ житницей Россіи. Братъ обнималъ меня, изливался въ горячихъ благодарностяхъ и обѣщалъ, какъ скоро заберетъ свою половину въ

руки, пополнить издержки, которымъ обязанъ мнѣ былъ своимъ благосостояніемъ. Возвратясь въ Прирѣчье, благодаря своей ловкости, слѣпой довѣренности и благосклонности моего начальника, испросившаго мнѣ въ это самое время награду знакомъ отличія за мои подвиги на пользу службы, я продолжалъ ремесло чиновнаго вора. Желая заморить червяка, который грызъ мнѣ сердце, пилъ водку едва-ли не стаканами, щедро помогалъ бѣднымъ..

— Знаю, ты слылъ благодѣтельнымъ человѣкомъ.

— Дѣлалъ богатые вклады въ церкви.

— Слыхалъ позднѣе и объ этомъ. Фарисейство!

— Какъ открылось мое преступленіе, вамъ извѣстно. Меня посадили въ острогъ. Братъ узналъ обо всемъ, прислалъ мнѣ изъ степной деревни, въ которую переселился съ женою, три тысячи рублей. Это было нѣсколько капель на изсохшую почву. Будучи уже подъ стражей, я получилъ эти деньги съ почты по довѣренности моей черезъ одного пріятеля. Ими и вырученными за мое движимое имущество, отчасти расхищенное, пополнилась только часть украденныхъ денегъ. Пріѣхалъ въ Прирѣчье братъ мой Мнѣ дали возможность видѣться съ нимъ въ острогѣ Я умолялъ его внести хотя ту сумму, которая была похищена во время вашего управленія. Онъ поклялся всѣми богами исполнить этотъ, какъ онъ говорилъ, священный долгъ.

— Полиціймейстеръ, видѣвшій его, говорилъ мнѣ это; но...

— Но не исполнилъ братъ своей клятвы, между тѣмъ какъ по богатству могъ бы... Богъ ему судья! Я былъ заключенъ въ одиночную камеру для *благородныхъ*. Меня стали спаивать водкой. Графинъ всегда стоялъ возлѣ моей кровати, авось либо я сопьюся и со мною умретъ тайна моихъ сообщниковъ и покровите-

лей. Я прежде любилъ заливать водкой угрызенія совѣсти, но тутъ вскорѣ рѣшительно отказался и объявилъ на-отрѣзъ посѣтившимъ меня пріятелямъ по карточной игрѣ, что если не доставятъ мнѣ средствъ бѣжать изъ тюрьмы, такъ я выведу сообщниковъ своихъ на чистую воду. Эта угроза сильно подѣйствовала. Всѣ препятствія къ побѣгу сняты, ожидали только благопріятнаго случая выпустить птицу изъ клѣтки. Случай этотъ палъ, какъ сонъ въ руку. Умеръ въ острогѣ крестьянинъ. Меня снабдили фальшивымъ паспортомъ и выпроводили благополучно изъ тюрьмы, а вмѣсто меня похоронили крестьянина. Не стану разсказывать вамъ моихъ похожденій во время моего побѣга. Вамъ извѣстно, какъ подобнаго рода странствующіе рыцари находятъ у насъ на Руси содѣйствіе къ укрывательству. Добравшись до имѣнія брата, я жилъ сначала у него въ лѣсной сторожкѣ, потомъ переселился на мельницу, какъ наемщикъ ея, изучилъ мельничную механику, сталъ строить и другія въ окрестности. Дѣла мои шли успѣшно. Я приписался въ уѣздный городъ въ мѣщане. Здѣсь приглянулась мнѣ хорошенькая мѣщанская дочь, сирота. Я своей наружностью не могъ ей понравиться, но родные ея выдали ее за меня, какъ обыкновенно выдаютъ изъ этого сословія отцы своихъ дочерей, по приказанію; съ первымъ, однакожъ, ребенкомъ она привязалась ко мнѣ всею силою простой души. Въ это время случился на моей мельницѣ пожаръ, мы были разорены, жена моя умерла. Братъ мой имѣлъ помѣстье въ Бѣлоруссіи. Желая удалить со мною живой укоръ въ сообществѣ съ моимъ преступленіемъ, онъ предложилъ мнѣ переселиться туда съ тѣмъ, что подаритъ мнѣ нѣсколько десятинъ земли съ водами, удобными для постройки мельницы, и дастъ деньги на обзаведеніе. Ничто не привязывало меня къ мѣстамъ, гдѣ умерла жена моя; я согласился. Прибывъ

на новое мѣсто, я нашелъ дѣйствительно на немъ воды, удобныя для постройки мельницы, и устроилъ ее. Скоро свелъ я сношенія съ сосѣдними помѣщиками, экономами, евреями и офицерами расположенныхъ тамъ командъ. Послѣдніе дали мнѣ мысль заняться торговлей. Ухватившись горячо за эту мысль, я тотчасъ принялся выполнять ее. Продалъ мельницу, переселился въ Динабургъ, откуда глазомъ видишь Литву, Прибалтійскія и Бѣлорусскія губерніи, и записался въ купцы. Дѣла мои пошли хорошо въ кругу этихъ губерній. Мало-по-малу я вошелъ въ роль купца, какъ-будто она мнѣ была прирождена. Но съ нѣкотораго времени, покупая кяхтинскій чай и другіе товары для русскихъ офицеровъ, я долженъ былъ нерѣдко ѣздить въ Москву. Здѣсь судьба наткнула меня на васъ на Кузнецкомъ мосту и встрѣтился я въ гостиницѣ съ вашимъ пріятелемъ Сурминымъ. Вы, вѣроятно, разсказали ему о моемъ преступленіи, онъ меня преслѣдуетъ.

— Я на это не уполномочивалъ его,—сказалъ Ранѣевъ,—и къ чему теперь! Даю тебѣ слово, онъ броситъ свои напрасныя гоненія. Наша тяжба съ тобою рѣшена. Какую-жъ особенную тайну хотѣлъ ты мнѣ передать?

— Она тяжело лежитъ на груди моей, не даетъ мнѣ теперь съ нѣкотораго времени покою. Но будь, что будетъ, открою вамъ ее. Дѣлайте, изъ нея, что хотите.

Голосъ Киноварова дрожалъ, казалось, его била лихорадка.

— Въ нашемъ Бѣлорусскомъ краѣ творится что-то недоброе. Пани надѣваютъ трауръ, мужчины и парни поютъ революціонныя пѣсни въ церквахъ, закупается холодное и огнестрѣльное оружіе. Я самъ, по заказу капитана генеральнаго штаба Жвирждовскаго, обязался

поставить въ имѣніе пани Стабровской топоры, косы и охотничьи ружья, сколько могу.

При имени Стабровской вздрогнулъ Михайло Аполлонычъ, будто ужалила его змѣя. Слухъ и сердце его приковались къ словамъ разсказчика. Тотъ продолжалъ:

— Скупалъ я ихъ по дорогамъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, недавно отправилъ обозъ съ русскими ящиками до границъ Могилевской. Все это уложено въ ящикахъ, наглухо заколоченныхъ, подъ именемъ чайныхъ цибиковъ и разныхъ колоніальныхъ товаровъ. Часть ихъ примутъ въ Могилевской губерніи, другую, большую часть отправятъ въ Витебскую черезъ евреевъ. Сколько я могъ узнать, въ послѣдней складываютъ товаръ въ имѣніи Стабровской, которое досталось ей по наслѣдству отъ одного родственника, въ костелѣ, недостроенномъ въ пятидесятыхъ годахъ. Постройка запрещена была тогда мѣстнымъ начальствомъ. Вы знаете, что новые костелы, вслѣдствіе указа, воздвигать запрещено. Хотя покойный панъ и отзывался, что строитъ музей, гдѣ будутъ поставлены бюсты великихъ мужей и фамильные, но полиція на этотъ разъ настояла на своемъ

— Что слышно о сынкахъ Стабровской?—спросилъ Ранѣевъ

— Слыхалъ отъ евреевъ—они знаютъ все, что дѣлается не только на землѣ, но и подъ землей,—говорятъ, будто меньшой, бѣжавшій изъ полка, пропалъ безъ вѣсти. Старшій при ней, да что-то не ладятъ, часто ссорятся, хотѣлъ было воротиться въ Москву, однакожъ, мать ублажила, остался.

Многозначительное «гмъ!» вырвалось изъ груди Ранѣева.

— Нельзя ли вамъ дать знать кому-нибудь...

— При послѣднихъ дняхъ моей жизни я не берусь за это. Тутъ нужны энергія, живыя силы личная по-

ѣздка... и тутъ... меня и тебя затаскали бы, поляки взяли бы свое.

Ранѣевъ махнулъ рукою и потомъ погрузился въ думу, наконецъ сказалъ:

— Не слыхалъ въ своей губерніи о полковницѣ Зарницыной?

— Кого я не знаю! Ее зовутъ Евгеніей Сергѣевной. Такая полная, черныя брови дугой, красивая барыня, даромъ ей гораздо за сорокъ. Умная, бойкая барыня, добрѣйшая душа. Я и ей доставляю изъ Москвы чай. Дама на рѣдкость.

— Писать къ ней объ этомъ дѣлѣ не буду, а ты постарайся поскорѣе повидаться съ нею и разскажи ей отъ имени моего все, что знаешь. Даю тебѣ слово, она не будетъ дремать и выведетъ козни враговъ на свѣтъ Божій. Скажи ей только отъ меня, чтобы тебя поберегла, да самъ будь осторожнѣе.

— Непремѣнно явлюсь къ ней и сдѣлаю все по вашему

— Если рѣшишься сослужить службу своему отечеству, то совершишь благое дѣло. Да благословитъ тебя Господь! Помни, мы съ тобою сочлись на землѣ и на томъ свѣтѣ. Иди теперь съ миромъ. Дочь моя должна скоро воротиться; я не желалъ бы, чтобъ она тебя видѣла.

Позвали мальчика.

— Поцѣлуй меня, — сказалъ Ранѣевъ, когда тотъ вошелъ.

Мальчикъ бросился цѣловать руку его.

Киноваровъ и сынъ его стали уходить, первый воротился.

— Михайла Аполлонычъ, одно слово.

— Говори.

— Знаю, вы бываете въ нуждѣ.

— Это до меня одного касается.

— Еслибы смѣлъ, предложилъ бы вамъ хоть двадцатую долю того, что...

— Пособіе?.. ты... Ни отъ кого на свѣтѣ, подавно отъ тебя. Помогаетъ мнѣ Зарницына, моя родственница, мой другъ. Спасибо, ступайте.

Когда двуногій сторожъ и четвероногій его помощникъ, Барбоска, выпроваживали Киноварова и сына его со двора, онъ спросилъ перваго, обдѣлалъ ли свои дѣла.

Киноваровъ молча сунулъ ему серебряную монету въ руку, мальчикъ живо отвѣчалъ за него:

— Обдѣлали на славу.

Лишь только отошли они нѣсколько десятковъ саженъ отъ дома Лориныхъ, мальчикъ захохоталъ

— Лихо же надули мы старика, сказалъ онъ и разразился еще болѣе жаркимъ хохотомъ.

— Не смѣйся, Ѳедюшка,—замѣтилъ грустнымъ голосомъ Киноваровъ, выведенный смѣхомъ своего спутника изъ глубокаго раздумья, въ которое было погрузился,—человѣкъ онъ Божій.

— Какъ есть простота. Раздѣвай его до-гола, онъ самъ будетъ помогать скидать съ себя одежду; долби ему ворона клювомъ голову, не смахнетъ рукой. А признайся, дяденька, мастерски сыгралъ я камедь, хоть бы Расплюеву. Чуть-чуть было *не сорвалось*, какъ сталъ читать проповѣдь. Да разомъ поправился, захныкалъ такъ, что любому актеру не лучше состроить. Откуда взялись слезы.

— Бестія порядочная! Смотри ни-гугу, а то запутаешься, что и въ сибирку попадешь.

— Чтобъ глаза мои лопнули, да и ты смотри, дядя, уговоръ лучше денегъ. Зелененькую таки дашь, а въ театръ, какъ хочешь, своди.

— Сказано. Самъ не пойду, а заплачу за билетъ въ раекъ.

— Признаться, люблю въ театръ. Какъ тамъ принцъ датскій вмѣсто мыши убиваетъ человѣка, али Кречинскій подмѣниваетъ алмазы на стеклышки. Самъ я мастеръ на разныя штуки. То водочки отбавишь изъ графинчика, да водой подольешь, то въ счетцѣ постояльцу припишешь, да серебряную ложку подтибришь. Все съ рукъ сходило Да вѣдь и учители у насъ, старшіе, хороши, хозяина надувать горазды.

Киноваровъ шелъ молча.

Мальчикъ вошелъ въ энтузіазмъ и съ жаромъ продолжалъ.

— Все это мелочь, плевое дѣло. Вотъ бы удрать важную штуку: краснаго пѣтуха подпустить подъ хоромы этажа въ три. Богачъ пузо отростилъ, словно боровъ, ѣздитъ себѣ развалившись въ коляскѣ, на лихихъ рысакахъ, что земли подъ собой не чуютъ. А чернозубая, жиромъ заплыла, хозяйка съ нимъ рядомъ, будто жаръ-птица. Разомъ бы имъ спѣсь сбилъ. А потѣхи, потѣхи сколько! скачутъ пожарные со всѣхъ концовъ, генералы, полиціймейстеры, громъ раскатывается по мостовымъ, земля ходитъ ходенемъ. Зарево на всю Москву, крики, трескъ, а ты стоишь себѣ въ народѣ, молчокъ, только ухмыляешься—мое, дескать, дѣльце. Человѣчекъ съ ноготокъ, дрянцо, а всѣ эти пожарные, генералы, солдаты, народъ собрались будто по твоей командѣ. Любо!

И захлебнулся Ѳедька отъ восторга, огонь глазъ его прорѣзывалъ ночную темноту, онъ съ жаромъ размахивалъ руками

— Тѣшился такъ въ Прирѣчьѣ одинъ малый, немного постарше тебя, да и попался, словно куръ во щи. Видѣлъ я его послѣ этой потѣхи въ острогѣ, за желѣзной рѣшеткой, да на хлѣбѣ и водицѣ, видѣлъ потомъ, какъ его въ тяжелыхъ цѣпяхъ ссылали въ Сибирь. Тамъ, братецъ, въ рудникахъ, подъ землею, не

видно никогда свѣта Божьяго, грудь хоть глоткомъ свѣжаго воздуха не поживится, исчахнешь въ молодые годы. Смотри, Ѳедька, не угодить бы тебѣ за нимъ. Однако взять бы ваньку, мнѣ что-то нынѣ не въ моготу пѣшкомъ плестись.

Взяли они извозчика и отправились на подворье, гдѣ стоялъ Киноваровъ. Во время остального пути болтовня была не у мѣста.

Пріѣхавъ домой, Киноваровъ далъ сорванцу зеленую кредитку за мастерское исполненіе своей роли и мелкую монету на билетъ въ раекъ и отпустилъ его къ хозяину, у котораго отпросилъ на два часа.

Очутившись въ своемъ номерѣ, впалъ онъ въ глубокое раздумье. И было ему о чемъ задуматься, и было для чего спуститься въ тайникъ своей души. Передъ отъѣздомъ въ деревню Сурминъ наказалъ вѣрному, купленному имъ человѣку навѣдываться объ немъ, слѣдить, гдѣ онъ будетъ въ Москвѣ останавливаться, когда и куда выѣдетъ изъ нея. Киноварову тоже вѣрный человѣкъ далъ знать объ этомъ и возбудилъ въ немъ подозрѣніе, что его отыскиваютъ по дѣлу Ранѣева. Онъ перемѣнилъ квартиру, другую, но и тутъ наводили объ немъ справки въ полиціи. Хотя не было никакихъ запросовъ отъ него, ему шепнули, однакожъ, что какой-то тайный шпіонъ слѣдитъ за нимъ и не выпускаетъ его изъ виду. Ему нужно было, во чтобы ни стало, покончить въ Москвѣ разсчеты по торговымъ дѣламъ. Сурминъ уѣхалъ въ Прирѣчье, но могъ скоро возвратиться, тогда судьба его можетъ худо разыграться. Пожалуй, дѣло о похищеніи суммъ изъ банка снова поднимется Онъ рѣшился, въ отсутствіе своего гонителя, на отчаянный подвигъ — итти напроломъ, напропалую къ Ранѣеву, тяжко больному, пасть ему въ ноги, испросить себѣ, въ память убитаго сына, прощеніе, въ противномъ случаѣ бросить всѣ

дѣла свои и ускакать въ Бѣлоруссію. Услыхавъ отъ своего благопріятеля, дворника Лориныхъ, что Михайла Аполлонычъ любитъ Дарью Павловну, какъ родную дочь, онъ предположилъ отнестись къ ней сначала съ просьбой написать прошеніе въ судъ. — Потомъ, думалъ онъ, не открывая, кто я такой, буду умолять ее дать мнѣ возможность переговорить съ Ранѣевымъ, какъ человѣку, знакомому съ нимъ. Мы видѣли, какъ это Киноварову удалось, не съ такими изворотами, а болѣе открытымъ, отчаяннымъ путемъ. Чтобы разжалобить сильнѣе старика, онъ легко согласилъ мальчика, бойкаго и плутоватаго, изъ прислуги съ подворья, гдѣ квартировалъ, сыграть роль его сына, Владиміра. То же имя, которое носилъ убитый сынъ Ранѣева, должно было имѣть магическую силу на умъ и сердце больного старика. Онъ научилъ мальчика, что говорить и дѣлать, предоставляя его изворотливому умишку выпутываться изъ трудныхъ обстоятельствъ, какъ сумѣлъ. Киноваровъ не солгалъ, сказавъ, что былъ женатъ, что жена его была добрая и честная и умерла. Онъ дѣйствительно имѣлъ сына, которому могло быть въ настоящее время тринадцать лѣтъ, но и тотъ года четыре назадъ также померъ. Представленный имъ Володя былъ подставной сынокъ, взятый на прокатъ. Ни въ одномъ словѣ остального разсказа своего онъ не покривилъ душой Не раскаяніе, а чувство самосохраненія вело его къ тому, кого онъ нѣкогда разорилъ. Разсчеты его были довольны вѣрны, — онъ надѣялся на доброту души Ранѣева, еще болѣе усиленную потерею сына и физическихъ силъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Однакожъ, безграничное великодушіе Михайлы Аполлоныча, не помраченное не только оскорбленіемъ, даже гнѣвнымъ словомъ, сильно тронуло и негодяя — «Иди съ миромъ», сказалъ ему судья его, а миръ не былъ въ его душѣ. Онъ рѣшился раскрыть

Зарницыной подземныя, коварныя дѣйствія бѣлорусскихъ пановъ и тѣмъ хоть нѣсколько загладить свое прошедшее. Дѣла его въ Москвѣ были почти на исходѣ, на дняхъ окончательно развязанныя; они дадутъ ему возможность возвратиться въ край, гдѣ ему предстоитъ первый въ жизни благородный подвигъ. Онъ всю ночь не спалъ и провозился съ боку на бокъ на кровати въ тяжелыхъ думахъ. Когда-жъ къ утру заснулъ, ужасныя видѣнія преслѣдовали его. Онъ кричалъ во снѣ такъ страшно, что Ѳедюшка, разбуженный этими криками, всталъ, приложилъ ухо къ двери номера, но, успокоенный наступившимъ затѣмъ молчаніемъ, возвратился на свой войлочекъ.

IX

Завернемъ къ Сурмину въ его сельскій прирѣченскій пріютъ, гдѣ семейство его свило себѣ постоянное гнѣздышко. Можно вообразить, какъ мать и сестры, не видавшія его нѣсколько мѣсяцевъ, обрадовались ему. Настасья Александровна была типомъ тѣхъ женщинъ, которыя въ любви къ дѣтямъ, въ ихъ радостяхъ и успѣхахъ воспитанія находятъ всѣ свои радости, надежды, все свое счастіе. Въ первые часы свиданія, какъ она, такъ и сынъ забыли о цѣли его пріѣзда, забыли о богатомъ наслѣдствѣ, посланномъ имъ съ неба. Они и безъ него имѣли хорошее состояніе и сверхъ того обладали сокровищемъ, котораго не купишь ни за какія деньги—семейнымъ согласіемъ, любовью, миромъ, невозмутимымъ никакими сильными житейскими невзгодами. Двѣ сестры Андрея Иваныча, Оля и Таня, шестнадцатилѣтніе близнецы, милыя созданія, и подавно не думали о богатствѣ, не зная даже и цѣны ему. Онѣ жили жизнью одна другой и только дѣлились ею съ матерью и братомъ, не помышляя ни о какой лучшей долѣ на землѣ. Скучала одна, а это случалось очень рѣдко, скучала и другая; что находила одна хорошимъ, то находила и другая, и

наоборотъ. Это были двѣ птички inséparables. Еслибъ умерла Оля, умерла бы Таня. Наружное сходство ихъ было такъ велико, что даже домашнимъ случалось въ нихъ ошибаться, и потому мать вынуждена была отличить каждую простенькими браслетами, у одной съ бирюзой, у другой съ изумрудцемъ. И характеры ихъ были такъ же сходны, какъ и наружность. Привязанность ихъ другъ къ дружкѣ тревожила иногда мать за ихъ будущность. «Вѣдь нельзя же обѣимъ оставаться въ безбрачномъ состояніи», думала Настасья Александровна и старалась, не разстраивая этой привязанности, смягчать ее временной разлукой: то оставляла одну или другую погостить на нѣсколько дней въ Прирѣчьѣ и у добрыхъ сосѣдей, гдѣ были дѣвицы сходныхъ съ ними лѣтъ, то стала вывозить въ губернскій прирѣченскій свѣтъ, собирала у себя кружокъ разнаго пола и возраста, гдѣ было полное раздолье всякимъ играмъ и увеселеніямъ. Имѣли и намѣреніе посѣтить нынѣшней зимой Москву, чтобы познакомить дочерей со всѣми удовольствіями и достопамятностями древней столицы. Не оставляла также внушать имъ, что жизнь ихъ не можетъ ограничиться домашнимъ кругомъ, въ которомъ онѣ родились и воспитывались, но что ожидаетъ ихъ другая будущность, гдѣ онѣ встрѣтятъ другія привязанности, именно супруги и матери, другія священныя, дорогія обязанности, которымъ должны будутъ отдаться всѣмъ существомъ своимъ. Такія внушенія, если не охлаждали ихъ дружбы, все-таки притупляли опасный характеръ ея. Образованіемъ ихъ, по программѣ матери, занимались англичанка среднихъ лѣтъ и русская институтка, обѣ съ добрымъ характеромъ и съ достаточнымъ запасомъ знаній. Холодная наружность и манеры одной расцвѣчивались веселымъ, живымъ характеромъ другой. За религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ дочерей на-

блюдала сама Настасья Александровна, согрѣвавшая ихъ душу теплымъ дыханіемъ своей души.

Среди откровенныхъ разговоровъ матери съ сыномъ, когда они оставались одни, она замѣчала ему,— «почему онъ, живя такъ долго въ Москвѣ, не избралъ себѣ до сихъ поръ въ тамошнемъ обществѣ подруги».

— Не выбралъ еще по сердцу,—отвѣчалъ онъ.

— Ты писалъ мнѣ съ такимъ необыкновеннымъ восторгомъ о Лизѣ Ранѣевой, съ такимъ теплымъ чувствомъ объ Антонинѣ Лориной,—говорила мать.

— Изъ моихъ писемъ вы, конечно, замѣтили, что я полюбилъ первую страстно, какъ не любилъ ни одной женщины.

— Эти порывистыя страсти бываютъ ненадежны.

— За то и сокрушились разомъ, когда она сама призналась мнѣ, что любила другого. Мы все-таки остались друзьями, я еще болѣе прежняго сталъ уважать ее за честное, откровенное признаніе, и съ того времени къ двумъ сестрамъ моимъ прибавилась третья.

— А Лорина?

— Мое сердце, милая мамаша, не переметная сума. Нынѣ полюбилъ страстно одну, не удалось пріобрѣсть ея любви, не предложить же вдругъ своего сердца другой.

— Не зная ихъ лично, могу только судить объ нихъ по твоимъ письмамъ. Признаюсь тебѣ, мое сердце лежитъ болѣе къ Лориной. Та съ горячею, эксцентрической головкой, энтузіастка, съ жаждой какихъ-то подвиговъ, не совсѣмъ по мнѣ. И сестры твои, по твоимъ портретамъ, склоняются болѣе на сторону Тони. Можетъ быть, мы и ошибаемся.

Въ задушевныхъ бесѣдахъ съ матерью и сестрами пролетѣли дня два. Андрею Иванычу надо было приступить къ цѣли своего пріѣзда. Дядя его, Петръ

Андреевичъ, котораго будемъ называть младшимъ въ отличіе отъ брата его, Ивана Андреевича, прежде умершаго, поссорился нѣкогда съ нимъ изъ-за дѣлежа наслѣдства, въ которомъ почиталъ себя обиженнымъ, и долго питалъ къ нему неудовольствіе. Современемъ помирились они. Младшій вкрался въ довѣренность къ старшему до того, что тотъ поручилъ ему завѣдываніе своимъ имѣніемъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ, гдѣ удерживало его нѣсколько лѣтъ воспитаніе сына. Петръ Андреевичъ не только принялся усердно хозяйничать въ этомъ имѣніи, но и ссужалъ старшаго брата деньгами, когда оказывалась у того засуха въ бумажникѣ. А это случалось нерѣдко по случаю дорогой жизни въ Петербургѣ, съ которою онъ, сельскій житель, не могъ сладить. Послѣ смерти Ивана Андреевича оказались на немъ долги, и самые главные брату. При этихъ займахъ не забывалось брать законныя обязательства, но забывались росписки въ полученіи то процентовъ, то части капитальной суммы — росписки, которыя по родственной и дружеской довѣренности бросались куда ни попало, а иногда и вовсе уничтожались. Мы видѣли, что Петръ Андреевичъ былъ выбранъ опекуномъ надъ имѣніемъ своихъ племянника и племянницъ, видѣли, что это имѣніе было доведено до продажи съ аукціоннаго торга. Къ счастію малолѣтнихъ, было отыскано нѣсколько росписокъ и остальной долгъ заплаченъ кредитору, хотя не безъ тяжкихъ жертвъ. Въ послѣднее время дядя, подстрекаемый своимъ корыстолюбіемъ и страстью къ сутяжничеству, затѣялъ снова тяжбу съ дѣтьми своего брата о значительныхъ пустошахъ, которыя онъ по межевымъ книгамъ считалъ своими. Въ нижнихъ инстанціяхъ ему было повезло, но дѣло перенесено въ сенатъ и тутъ приняло другой, болѣе законный оборотъ, благопріятный для семейства

Ивана Андреевича. Эта неудача озлобила еще болѣе Петра Сурмина, и онъ поклялся, что дѣти родного брата его не получатъ послѣ смерти его ни гроша, а отдастъ онъ все свое богатое имѣніе дальнимъ родственникамъ, хоть бы пришлось отыскивать ихъ на краю свѣта. Провидѣніе распорядилось, однакожъ, иначе. Параличный ударъ положилъ конецъ этимъ враждебнымъ замысламъ и тяжбѣ. По законамъ, все, что оставалось послѣ него, движимое и недвижимое, правдою и неправдою нажитое, переходило именно къ тѣмъ, кого онъ въ злобѣ своей отстранялъ отъ наслѣдства. Права прямыхъ наслѣдниковъ были безспорны, оставалось только судебнымъ мѣстамъ признать ихъ актуально.

— Не забудь сдѣлать что-нибудь для обезпеченія Прасковьи и дѣтей ея, — сказала Настасья Александровна сыну, когда тотъ собрался ѣхать въ имѣніе дяди.—Остались безъ куска хлѣба. Простая женщина, а между тѣмъ сколько въ ней благородства, честной энергіи! Будешь тамъ, все узнаешь подробно и оцѣнишь ее.

Пріѣхалъ Андрей Иванычъ въ имѣніе дяди и нашелъ, что мѣстная полиція исполнила правильно свои обязанности. Оставалась въ домѣ молодая особа, экономка по названію, но болѣе близкая по связямъ къ покойнику. Она была дочь двороваго человѣка. Прасковья, какъ называли ее господа, и Прасковья Семеновна, какъ величала ее домашняя прислуга, прижила съ дядей Сурминымъ троихъ дѣтей. Ничего не сдѣлалъ онъ для ихъ обезпеченія, откладывая со дня на день исполненіе этой обязанности въ надеждѣ на крѣпкое свое здоровье. Во время суматохи, происшедшей въ домѣ по случаю внезапной кончины владѣльца, эта особа могла бы,—какъ это дѣлается въ подобныхъ случаяхъ,—съ помощью дворовыхъ людей, любившихъ

ее за кроткій нравъ, и въ надеждѣ дѣлежа, воспользоваться большею частью движимаго имущества покойника. А имущество это заключалось въ богатой серебряной посудѣ, музеѣ рѣдкостей, доставшемся ему по закладной, въ серіяхъ и кредитныхъ билетахъ. Къ удивленію Андрея Иваныча, все это оказалось въ цѣлости согласно съ описями, которыя велъ дядя въ величайшей исправности и которыя могли бы быть истреблены съ помощью и не дворовыхъ людей. Только-что успѣлъ остыть трупъ покойника, Прасковья дала знать мѣстной полиціи, чтобы она прибыла для освидѣтельствованія движимаго имѣнія и опечатанія его. Нашлись чиновники, намекнувшіе ей о возможности сдѣлать львиный раздѣлъ ему, но она была глуха ко всѣмъ искушеніямъ и объявила, что если кто осмѣлится дотронуться до цѣнныхъ вещей и денегъ, оставшихся послѣ покойника, до пріѣзда законнаго наслѣдника, такъ дастъ немедленно знать объ этомъ Настасьѣ Александровнѣ. Между тѣмъ эта диковинная женщина оставалась съ дѣтьми безъ куска хлѣба. Андрей Ивановичъ при этомъ случаѣ вспомнилъ разговоръ свой съ Ранѣевой о русскихъ женщинахъ и устыдился, что въ числѣ ихъ оскорбилъ своимъ злословіемъ и Прасковью. Первымъ его дѣломъ было обласкать ее и дѣтей ея, вторымъ—устроить ихъ будущность. До совершенія законнаго ввода его во владѣніе имѣніемъ онъ выдалъ такъ-называемой экономкѣ отъ своего имени заемное письмо на полгода въ десять тысячъ рублей, дозволилъ ей жить въ домѣ, сколько ей угодно, и на это время положилъ ей приличное содержаніе съ дѣтьми. Дворовые люди не были забыты и получили также щедрое обезпеченіе. Такимъ образомъ жилище скорби и страха радостно оживилось съ пріѣздомъ молодого наслѣдника. Благословеніямъ ему не было конца.

Всѣ распоряженія сына Настасья Александровна скрѣпила печатью своего сердца. Формальности о признаніи въ законныхъ правахъ его требовали иногда его присутствія въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ оставилъ для успѣшнѣйшаго хода дѣла своего адвоката. Что ему особенно было непріятно, такъ это неминуемая поѣздка въ Бѣлоруссію, гдѣ дядя имѣлъ значительное помѣстье, въ эту terra incognita, край, по слухамъ, враждебный, сулившій ему много скучныхъ и тревожныхъ дней.

Среди заботъ по наслѣдству, смѣняемыхъ мирными удовольствіями семейной жизни, онъ не забылъ обитателей домика на Прѣснѣ и пробѣгалъ мысленно послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Москвѣ. Обновлялась въ памяти его роковая встрѣча на Кузнецкомъ мосту съ добродушнымъ, благороднымъ старикомъ Ранѣевымъ, такъ горячо полюбившимъ его и къ которому онъ самъ привязался, будто къ отцу родному. Какъ горячій лучъ палъ въ душу его и дивный образъ Лизы, этой странной, чудесной дѣвушки, околдовавшей было его чарами своей красоты и ума, создавшей въ его сердцѣ цѣлый міръ блаженства. И чтожъ потомъ? Нѣсколькихъ словъ довольно было, чтобъ все это разсѣялось прахомъ. Изъ-за этого образа всталъ другой, не столько ослѣпительный, а все-таки свѣтлый, привлекательный, съ животворной улыбкой, съ очами, ласкающими сердце, съ дѣтскимъ, игривымъ говоромъ, вносящимъ въ него миръ и отраду.

Могъ ли Сурминъ думать, что въ это самое время смерть вырывала жертву изъ дорогой ему семьи и носилась уже надъ другою!

Письмо отъ Лизы глубоко тронуло его. Не задумываясь ни одной минуты, онъ бросилъ свои дѣла, довѣривъ окончаніе ихъ своему адвокату, и простился съ матерью и сестрами.

Въ передней квартиры Ранѣевыхъ встрѣтила его

Лиза, какъ-будто неземного врача, который долженъ былъ поднять отца съ болѣзненнаго одра. Она готова была броситься ему въ объятія.

— Онъ васъ такъ ждалъ, такъ часто спрашивалъ,— говорила она Андрею Иванычу, подавая ему дружески обѣ руки.—Пойдемте за мною, я предупрежу его.

Черезъ двѣ минуты она позвала пріѣзжаго. Старикъ лежалъ на постели, но при входѣ Сурмина приподнялся, лицо его просіяло.

— Благодарю, благодарю,—произнесъ онъ слабымъ голосомъ, сжимая его руку въ своей, и слезы покатились по щекамъ, изрытымъ болѣзнью.

Въ слѣдующіе дни онъ казался спокойнѣе и тверже, бесѣдовалъ повременамъ съ молодымъ другомъ своимъ, разсказывалъ ему о славной смерти сына, не забылъ, между прочимъ, просить, чтобы онъ прекратилъ свои гоненія на Киноварова

— Я разсчитался уже со своимъ прошедшимъ,— говорилъ старикъ,—и простилъ всѣхъ, кто меня оскорбилъ и сдѣлалъ мнѣ зло. Къ тому-жъ онъ можетъ быть полезенъ для русскаго дѣла въ краю, гдѣ живетъ.

Сурминъ далъ слово исполнить его волю.

Такая благодатная перемѣна въ состояніи больного продолжалась съ недѣлю, сердце оживилось надеждою, все кругомъ его приняло болѣе веселый видъ. Сурминъ находилъ, что Тони еще похорошѣла, глаза ея блестѣли необыкновеннымъ огнемъ, когда она съ нимъ говорила.

Но признаки выздоровленія Ранѣева были обманчивы, были только радостными проблесками, которыми Провидѣніе хотѣло украсить послѣдніе его дни и дать передохнуть окружавшимъ его передъ печальною катастрофой, готовою надъ нимъ разразиться. Ему дѣла-

лось хуже, онъ сталъ тяжело дышать и потребовалъ священника. Исполнивъ христіанскія обязанности, разрѣшавшія его земныя узы, онъ заснулъ, но сталъ вскорѣ бредить. Сокровенныя тайны души вырвались у него въ эти минуты.—«Лиза, бѣдная Лиза,—говорилъ онъ,—помни, мое милое, дорогое дитя... Никогда за врага Россіи! Бѣдность, бѣдность!... Дочь генерала!... ходить въ слякоть, въ дождь, въ морозъ давать уроки по домамъ! Билеты, карточки! А сколько у тебя билетовъ на похороны?... И три аршина для праха отца надо купить золотомъ». Въ предсмертномъ бреду переплетались слова: «*Судбище, варѳоломеевская ночь, Володя*». Очнувшись, онъ долго, долго всматривался вокругъ себя, подозвалъ дочь, благословилъ ее дрожащими руками, завѣщалъ похоронить его возлѣ Агнесы, церемоній похоронныхъ никакихъ не дѣлать, да и не изъ чего... «Простой гробъ и одинъ священникъ... довольно для напутствованія его праха въ ту землю, изъ которой онъ взятъ». Простился со всѣми; простился съ поручикомъ Лоринымъ, другомъ его сына, пожелалъ спать, закрылъ глаза и заснулъ сномъ вѣчнымъ. Послѣднее біеніе его сердца отдалось на устахъ его дочери, лобызавшей его руку, и замолкло. Маятникъ жизни остановился.

Задернемъ занавѣсъ надъ наступившей потомъ печальной сценой. Кто видѣлъ смерть близкихъ, дорогихъ ему людей, знаетъ, какъ тяжелы подобные часы!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

I

Пока предали землѣ останки того, кого называли на ней Ранѣевымъ смерть пощадила черты добраго лица его. Казалось, онъ наслаждался пріятнымъ сномъ. И пора ему было отдохнуть отъ тяжелаго пути, по которому онъ шелъ, отъ всѣхъ житейскихъ потрясеній, которыми жизнь его была столько разъ надломлена. Предстояло Лизѣ справить похороны, хоть скромныя, но приличныя; одно мѣсто на кладбищѣ стоило довольно дорого. Заработанныхъ ею билетовъ за уроки было немного, они не могли пополнить и четвертой доли расходовъ. Къ горестному чувству о потерѣ отца присоединились обычныя въ этомъ случаѣ заботы о погребеніи его. Можно вообразить, въ какомъ затруднительномъ положеніи она находилась.

Сердце Тони спѣшило выручить ее.

Сурминъ, какъ другъ покойника, осторожно намекнулъ было черезъ Тони о денежныхъ услугахъ.

— Благодарю васъ,—сказала она, принимая его въ своей комнатѣ на мезонинѣ, какъ и всѣхъ, кто имѣлъ въ это время дѣло до ея подруги,—деньги *у насъ* есть, но отъ дружескихъ вашихъ услугъ не откажемся. Мы попросимъ васъ заняться покупкой и устройствомъ всего, что нужно для приличныхъ похоронъ. Лизѣ не до того, а я не сумѣю распорядиться. Не откажитесь, Андрей Иванычъ, вы такіе добрые.

И посмотрѣла она на него нѣжнымъ, умоляющимъ взглядомъ.

— Съ величайшею готовностью.

— Я принесу вамъ сейчасъ деньги, Лиза мнѣ ихъ поручила.

Тони юркнула въ свою спальню и минуты черезъ двѣ передала ему довольно тяжеловѣсный свертокъ. Въ немъ завернуто было золото.

— Сколько же тутъ? — спросилъ онъ, смотря на нее съ какимъ-то подозрительнымъ недоумѣніемъ.

— Сорокъ девять.

— Довольно будетъ и половины, можетъ быть, еще менѣе. Покойникъ желалъ скромныхъ похоронъ. Что будетъ положено на мертваго, то отнимется у живыхъ.

Сурминъ развернулъ свертокъ—все имперіалы временъ Елисаветы и двухъ Екатеринъ

— Должно быть, — замѣтилъ онъ съ коварною улыбкою, отложивъ себѣ въ кошелекъ двадцать штукъ и возвращая остальные Антонинѣ Павловнѣ,—что пятидесятый убѣжалъ въ Елисаветинъ день на помощь бѣдной вдовѣ.

— Право, Лизины,—отозвалась Тони, покраснѣвъ отъ стыда, что говорила неправду,—ей подарены были Зарницыной на черный день.

— Было много черныхъ дней въ жизни ихъ, Ан-

тонина Павловна,—грустно сказалъ Сурминъ,—а золотые не убывали. Впрочемъ, я забылъ, что вы второе *я* Лизаветы Михайловны.

— Желала бы, чтобы вы всегда это помнили и не пытали меня болѣе, а то я заплачу.

И въ самомъ дѣлѣ слезы готовы были навернуться на глазахъ Тони.

— Ужь и такъ много слезъ пролито въ эти дни, и я вовсе не желаю быть ихъ причиною изъ-за пустяковъ. По крайней мѣрѣ, вы позволите мнѣ сказать, что сердце ваше—сокровище.

Сурминъ раскланялся было, но, дойдя во двери, вдругъ оборотился.

— Вы меня, кажется, звали?—спросилъ онъ.

Въ это время взоры ихъ встрѣтились: онъ смотрѣлъ на нее, если не влюбленными, то симпатичными глазами, она глядѣла вслѣдъ ему своими синими глазами съ любовью.

— Нѣтъ,—отвѣчала она, вспыхнувъ.

— Ну, такъ придется вѣрить магнетическому току вашихъ глазъ. Если вы не говорили, такъ хотѣли мысленно позвать меня, и я повиновался. Но за то, что вы заставили меня вернуться, попрошу вашу ручку.

Тони съ удовольствіемъ подала ему руку. Продержавъ ее съ минуту въ своей, онъ вышелъ; она, вся пылая, погрузилась въ глубокую думу, изъ которой только выведена была монотоннымъ чтеніемъ псалмовъ дьячка, слышавшимся изъ нижняго этажа. Ей казалось, что въ эти минуты ея думы, ея чувства—были святотатство.

Отнесли останки Ранѣева на кладбище одного изъ женскихъ монастырей и похоронили подлѣ Агнесы, потѣснивъ немного сторонняго покойника.

Похороны были приличныя. Говорить ли, что въ

долѣ расходовъ тайно участвовалъ Сурминъ? Тониныхъ золотыхъ не употреблялъ онъ даже тѣхъ, что взялъ у нея, и подалъ ей въ этихъ деньгахъ подробный расчетъ. Она умѣла только поблагодарить его нѣсколькими сердечными словами.

На похоронахъ появилась и Левкоева, но и тутъ замѣтила одному изъ братьевъ Лориныхъ, что генералу церемонія подобала понаряднѣе; критиковала, почему не было болѣе богатаго гроба и парчеваго покрова, катафалка, четверни лошадей; прибавила, что «если они *ужъ такіе бѣдные*, то она, Левкоева, со своими связями, еслибъ только *попросили*, могла бы собрать достаточную сумму на генеральскія похороны». Никто не далъ ей отвѣта, да и вообще не обратилъ на нее вниманія.

Первымъ дѣломъ Лизы, когда она немного успокоилась и могла взять перо въ руки, было написать Зарницыной о смерти отца. Дней черезъ десять она получила слѣдующій отвѣтъ:

«Милое, дорогое дитя мое, Лиза! Ужасныя потери твои, одна за другою, глубоко поразили меня. Воображаю состояніе твоей души, твое одинокое, сиротское положеніе при матеріальныхъ лишеніяхъ! Что будешь дѣлать въ Москвѣ? Не на уроки же опять ходить въ слякоть и морозы! Ты знаешь, что у тебя есть вторая мать. У меня нѣтъ дѣтей, и ты всегда замѣняла мнѣ ихъ. Пріѣзжай ко мнѣ, все мое также и твое. Мой мужъ любитъ тебя не менѣе меня и усердно зоветъ. Ты писала ко мнѣ, что у тебя есть близнецъ твоего сердца, Антонина Лорина, которую очень любилъ и отецъ твой. Разлука съ нею была бы для тебя тяжела. Не мнѣ разсѣкать эту связь, сплетенную такъ крѣпко, не мнѣ отрывать отъ тебя твое второе *я*, какъ ты изъяснялась мнѣ въ одномъ твоемъ письмѣ. Это было бы жестоко съ моей стороны. Сколько я

знаю по этимъ же письмамъ, она свободна. Пригласи ее съ собою, уговори всѣми сердечными убѣжденіями, на которыя ты такая мастерица. Увѣрь ее, что въ сердцѣ моемъ, хотя и старушечьемъ, найдется теплое мѣстечко для васъ обѣихъ, вы же составляете одно существо. Ты знаешь меня хорошо. Прошу и приказываю не много размышлять и не колебаться. Путешествіе, невѣдомый вамъ край, новые люди хоть немного разсѣютъ васъ. Пріѣзжайте непремѣнно. Ты вѣрно заняла на похороны. Посылаю тебѣ на уплату долга и на путевые расходы, сколько, по моему расчету, нужно. Мое сердце и горячія объятія ждутъ васъ

«Твоя
Евгенія Зарницына».

«P S. И надъ здѣшнимъ краемъ поднимаются грозовыя тучи. Я дѣйствую и устраиваю отводы. Хочу доказать, что если польки способны на патріотическіе подвиги, такъ и русскія женщины сумѣютъ дѣйствовать за дѣло своего отечества. Посылаю отцу твоему на небо сердечное спасибо за присылку ко мнѣ довѣреннаго человѣка. Онъ далъ мнѣ руководящую нить. Не стану болѣе писать объ этомъ, пріѣдешь, все узнаешь, можетъ быть, и сама поможешь мнѣ».

Лиза увѣрена была заранѣе въ этомъ приглашеніи. Не было другого лучшаго исхода изъ ея тяжкаго положенія, какъ принять его; не было другого болѣе надежнаго пріюта для нея, какъ домъ ея второй матери. Но *онъ* тамъ, въ этомъ Бѣлорусскомъ краѣ. Конечно, если встрѣтитъ его, она ограждена отъ увлеченій завѣщаніемъ отца, своею клятвою, разсудкомъ, она сумѣетъ выйти изъ сердечной борьбы побѣдительницей, но все-таки сильно задумалась надъ письмомъ. О какомъ довѣренномъ человѣкѣ говорила Зарницына,

кто такой, — осталось для Лизы тайной. Если-жъ?.... блеснула въ головѣ ея молніеносая мысль, и она рѣшилась ѣхать, какъ скоро минетъ шесть недѣль по смерти отца. Ей очень хотѣлось убѣдить Тони на эту поѣздку. Она не будетъ разлучена съ подругой, съ которою такъ сердечно сжилась; ее, доселѣ такую твердую, энергическую, побуждала и надежда, въ минуту душевнаго изнеможенія, опереться на Тони, этомъ слабомъ въ сравненіи съ нею существѣ. Такъ Лиза начинала извѣряться въ собственныя свои силы. Подавая ей письмо Зарницыной, она горячо обняла ее и принималась нѣсколько разъ съ жаромъ цѣловать. Ожидались нерѣшительность, колебанія, можетъ быть отказъ. Но какъ изумилась Лиза, когда Тони, не думая долго, объявила ей, что ѣдетъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Мои братья и сестра, — говорила Тони,—привыкли жить въ разлукѣ со мною; я буду знать, что имъ здѣсь хорошо, и не стану тревожиться на ихъ счетъ. Съ Евгеніей Сергѣевной и ея мужемъ ты давно меня познакомила; путешествіе, новый край, новые люди, какъ она пишетъ, ты подлѣ меня,—чего-жъ мнѣ желать лучше?

Поцѣлуямъ и увѣреніямъ въ неизмѣнной дружбѣ не было конца. Скажу вамъ по секрету, мой читатель, что если къ этому быстрому рѣшенію подвинула ее дружба, такъ надъ этимъ чувствомъ въ то же время господствовало другое, можетъ быть болѣе сильное. Тони уловила изъ разговора Сурмина съ Ранѣевымъ, что онъ долженъ непремѣнно ѣхать въ Бѣлоруссію для полученія наслѣдства, доставшагося послѣ дяди, она будетъ видѣть его, будетъ близко отъ него... Головка ея воспламенилась отъ этой мысли.

Когда-жъ Лиза объявила Сурмину о своей по-

ѣздкѣ, онъ просилъ у нея позволенія сопутствовать имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ подруги обязали бы его, завернувъ по дорогѣ въ Прирѣченскій пріютъ хоть дня на два, на три.

— Вы еще мало путешествовали, — прибавлялъ Андрей Ивановичъ,—къ тому-жъ съ желѣзной варшавской дороги должны будете своротить на почтовую до мѣстопребыванія Зарницыной. Времена смутныя. Могутъ встрѣтиться хлопоты, дорожныя заботы. Человѣкъ, вамъ преданный, не лишній товарищъ на такомъ дальнемъ пути. А если осчастливите нашъ домъ, такъ это будетъ для матери, для сестренокъ моихъ, заочно васъ полюбившихъ, большимъ праздникомъ.

Отказываться отъ такого приглашанія не было причинъ, и Лиза за себя и Тони согласилась. Нечего говорить, что послѣдняя примкнула къ этому согласію словомъ и сердцемъ.

Денежный долгъ Тони былъ уплаченъ, всякая движимость, остававшаяся въ квартирѣ Ранѣевыхъ, отчасти продана, отчасти перешла въ комнату Даши и въ комнату Тони, которую занялъ искалѣченный братъ ихъ. Ему же, какъ бы по наслѣдству, перешли всѣ группы vieux Saxe, назначенныя Володѣ. Лиза взяла съ собою только дорогіе для нея семейные портреты, картину съ изображеніемъ Жанны д'Аркъ и завѣщанную ей отцомъ фарфоровую сестру милосердія. Тони не разсталась со своимъ рыцаремъ.

Простились въ урочный день не безъ слезъ съ оставшимися жильцами домика на Прѣснѣ. Даша старалась быть твердою, утѣшала себя, сестру и Лизу словами надежды, что имъ будетъ хорошо въ новомъ краѣ, и словами упованія на милосердіе Божіе; обѣщались чаще переписываться. Провожаемыя благословеніями, обѣ подруги, въ сопутствіи Андрея Ивановича,

отправились въ дорогу. Въ Прирѣченской усадьбѣ Настасья Александровна и дочери ея, предупрежденныя о пріѣздѣ къ нимъ дорогихъ гостей, встрѣтили ихъ съ неподдѣльною радостью. Скоро между семействомъ Сурмина и пріѣзжими установилось дружеское сближеніе. Настасья Александровна нашла, что похвалы сына обѣимъ подругамъ были не преувеличены. Обѣ очаровали ее своею наружностью, умомъ и простотою обращенія. Только, сравнивая оригиналы съ портретами, писанными домашнимъ живописцемъ, она замѣтила, что кисть его погрѣшила. Въ Лизѣ, можетъ быть по краткости знакомства, можетъ быть по горестному положенію, въ которомъ она находилась, не видно было той пылкой энтузіастки, какою представилъ ее сынъ, вѣроятно, въ минуты досады на нее. Напротивъ того, строгія черты лица, оттѣненнаго грустью, сдержанный тонъ разговора и манеръ были скорѣе отраженіемъ твердаго, болѣе холоднаго характера, чѣмъ тотъ, который придавали ей письма сына и потомъ воображеніе матери.

Преобладай въ Ранѣевой эксцентричность характера, все-таки и въ ея положеніи складки этого характера выступили бы какъ-нибудь невольно на покровѣ, который на первыхъ порахъ знакомства она бы на себя накинула.

Но если Настасья Александровна и чувствала къ ней сердечное влеченіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть и старушка, не могла не подчиниться и невольному чувству уваженія къ ея личности, помимо того, на которое вызывали ея несчастія.

Также, по мнѣнію Сурминой, и въ портретѣ Тони живописецъ погрѣшилъ. Андрей Иванычъ называлъ ее хорошенькой, миленькой, а мать нашла, что она болѣе чѣмъ хорошенькая и привлекательна въ высшей степени. Но и въ этомъ случаѣ нашлось для него изви-

неніе. Онъ писалъ къ ней во время своего страстнаго поклоненія другой очаровательной дѣвушкѣ, передъ ослѣпительной красотой которой все, ее окружавшее, представлялось ему въ тѣни, на заднемъ планѣ.

— Еслибъ, — говорила Настасья Александровна,— зависѣлъ отъ меня выборъ жены для сына, такъ я выбрала бы Антонину Павловну.

Гувернантки, англичанка и русская, раздѣлились въ мнѣніяхъ на двѣ стороны. Одна, холодная миссъ, отдавала пальму первенства Лизѣ, вторая, болѣе воспріимчивая по своей натурѣ, — Тони. Дочери сердцемъ присоединялись къ партіи послѣдней. Тони въ одинъ день сдѣлалась какъ бы ихъ семьянинкой, словно жила съ ними годы. Играя своимъ живымъ, открытымъ характеромъ на юныхъ сердцахъ, она будто перебѣгала по клавишамъ своего рояля. Въ первый же день сестры Сурмина и Лорина обращались уже другъ съ дружкой на *ты*, называли другъ дружку: Тони, Оля, Таня.

Близнецы-сестры просили гостей своихъ оставить имъ на память нѣсколько строкъ въ общемъ ихъ альбомѣ. Лиза написала въ немъ слѣдующія строки изъ одного сочиненія г-жи Неккеръ де-Соссюръ:

«*Совершенство, къ которому стремится человѣкъ, таково, что оно вызываетъ или наше одобреніе, или восторгъ и удивленіе. Первое относится къ исполненію своего долга, послѣднее къ доблести или самоотверженію*».

«*Елисавета Ранѣева*».

Тони написала:

Любите чистымъ сердцемъ и во всемъ поручите себя Богу. Въ любви найдете источникъ долга, доблестей и самоотверженія».

«*Тони Лорина*».

На другой день кружокъ, собравшійся въ домѣ Сурминыхъ, сидѣлъ за вечернимъ чаемъ. Распахнулась дверь, и влетѣла молодая дѣвушка, довольно интересной, шикарной наружности, въ бархатномъ малиновомъ кепи, въ перчаткахъ съ широкими раструбами, по образцу кучерскихъ. За поясомъ блестѣлъ маленькій кинжалъ съ золотою ручкой. При входѣ въ комнату, она разразилась хохотомъ, такъ что всѣ тутъ бывшіе вздрогнули.

— Ха, ха, ха!—зарокотало по залѣ, имѣвшей сильный резонансъ.

— Что случилось?—спросила пришедшую сконфуженная хозяйка.

— Вообразите, mesdames, — отвѣчала та, — мы ѣхали съ мамашей на тройкѣ, я правила...

— По обыкновенію.

— Одна изъ пристяжныхъ отъ моего бича лягнула ногой черезъ постромку и пошла чесать. Сани немного на бокъ, мамаша струсила, вздумала выпрыгнуть, какъ русалка *Леста*, и прямо въ снѣжный сугробъ, почти подъ ноги лошади. Съ нами только тринадцатилѣтній мальчикъ. Я не потеряла головы, остановила mes fiers coursiers, ввела буянку въ постромочную дисциплину, усадила мать и, какъ видите, предстою передъ вами.

— Гдѣжъ ваша мать?

— Въ вашей спальнѣ. Дайте ей какого-нибудь эскулаповскаго снадобья. Ce sont des chimères.

Настасья Александровна пожала плечами и пошла подавать ушибенной возможную помощь.

Пріѣзжія были близкія сосѣдки ея, Бармапутины, довольно зажиточныя.

Полина Бармапутина, дочка, бойко подала руку Андрею Иванычу, поздоровалась съ сестрами его, сказала нѣсколько привѣтливыхъ словъ англичанкѣ по-англійски, русской гувернанткѣ по-французски, потомъ,

прищуриваясь и нахмуривъ немного брови, свысока обвела глазами Лизу и Тони.

Андрей Иванычъ представилъ ее своимъ гостямъ.

Она видѣла, что Лиза говорила съ англичанкой, и обратилась къ ней на англійскомъ языкѣ.

— Извините,—сказала Лиза, — я плохо говорю по-англійски, и потому разговоръ на этомъ языкѣ былъ бы для насъ затруднителенъ.

— И та, другая тоже?—спросила Бармупутина у одной изъ сестеръ Сурмина, кивая на Тони.

— Тоже,—отвѣчала та.

Mademoiselle Бармапутина сдѣлала гримасу.

— Fi! quelle misère! а говорили, образованныя.

Правда, это замѣчаніе было сдѣлано довольно тихо.

Какъ мамаша ея, такъ и она мѣтили на богатаго женишка Сурмина, онъ же чувствовалъ къ нимъ какую-то антипатію.

Новопріѣзжая, вооружась богатымъ складнымъ лорнетомъ и еще разъ сдѣлавъ смотръ Лизѣ и Тони, замѣтила, что онѣ обѣ хорошенькія и потому опасныя для нея соперницы.

Она обратилась къ сестрамъ-близнецамъ на англійскомъ языкѣ, посыпались, какъ ей казалось, остроумныя замѣтки на счетъ московокъ.

— Мамаша не приказываетъ намъ говорить по-англійски,—сказала Оля,—когда есть въ комнатѣ кто-нибудь, кто не понимаетъ этого языка: она находитъ это неприличнымъ.

Возвратилась въ залу Настасья Александровна и за нею, переваливаясь уткой, вошла кряхтя дама лѣтъ слишкомъ сорока, довольно полная, съ тупою физіономіей; Оля и Тоня бросились къ ней и стали съ участіемъ распрашивать о ея ушибѣ.

— Ничего, немного зашибла плечо, а все эта шалунья-дочка.

— Всегда дочки виноваты,—перебила ее съ сердцемъ Полина.—Вольно-жъ было струсить и выскочить безъ толку изъ саней.

Послѣ обычныхъ рекомендацій старушки-Бармапутиной и нашихъ московокъ всѣ усѣлись опять за чайный столъ. Дочка повременамъ въ разсыпномъ разговорѣ съ Андреемъ Ивановичемъ, сестрами его и гувернантками старалась парадировать выдержками изъ Бокля, Дарвина и Либиха. Видно было, что она читала ихъ поверхностно, надо ей было заявить только, что читала. Повременамъ она перебивала мать, горячо спорила съ нею, безцеремонно по привычкѣ покрикивала на нее, не стѣсняясь выказывала ее во всей ея ничтожности. Мать, покорно смиряясь передъ репримандами дочки, смыкала уста и углублялась взорами на дно отпитой чашки, переворачивая ее съ боку на бокъ. Здѣсь, по чайнинкамъ, приставшимъ къ краямъ фарфора, прозрѣвала судьбу свою и своего единороднаго деспота.

Дочка въ эти минуты смотрѣла на нее съ презрительною улыбкой. Между тѣмъ и безъ чайнаго оракула можно было предвѣщать обѣимъ, что одна до конца своей жизни останется тряпкой, а другая, если и выйдетъ замужъ, будетъ домашнимъ демономъ, сведетъ съ ума злополучнаго супруга, а тотъ убѣжитъ отъ нея хоть къ полюсамъ.

— Я забыла вамъ сказать, — обратилась Полина Бармапутина къ сестрамъ-близнецамъ, — что привезла вамъ обѣщанныя ноты; прикажите ихъ взять отъ нашего мальчика.

Тетрадь съ нотами была принесена и отдана на разсмотрѣніе Настасьи Александровны. Перевернувъ листы, она объявила, что музыкальныя сочиненія въ одной части тетради слишкомъ игривы, не ладятъ съ положеніемъ, въ которомъ находятся ея

гостьи; а въ другой части духовныя — не по силамъ дочерей.

Это были произведенія знаменитыхъ maestro: «Прославленіе Бога» (Die Himmel rühmen) Бетховена, «Молитва» Россини и «Ave Maria» Баха.

— Помилуйте, — замѣтила Полина, — я ихъ легко играю и пою.

— Сдѣлайте одолженіе.

И mademoiselle Бармапутина, желая блеснуть своими талантами, сѣла за рояль и стала играть и пѣть первую попавшуюся ей піесу. Жребій палъ на Бетховена.

Играла она посредственно, пѣла такъ же, слушатели остались равнодушны.

Андрей Ивановичъ, желая, чтобы одна изъ московскихъ его гостей восторжествовала надъ самонадѣянною провинціалкой, попросилъ Антонину Павловну съиграть и спѣть ту же піесу. Тони не заставила себя упрашивать. Побѣда была полная, соперничество уничтожено. Сколько искусства, столько и души вложила она въ свою игру и пѣніе! Это была несомнѣнная музыкальная сила. Спѣла еще безъ просьбы «Молитву» Россини. Жаркія похвалы, жаркія рукоплесканія увѣнчали ея торжество, къ нимъ невольно присоединила свои и Полина Бармапутина. Скоро, однакожъ, мать и дочка, уязвленныя въ своемъ самолюбіи, распростились съ хозяевами.

Пріѣздъ этой странной парочки разстроилъ было семейный кружокъ, такъ хорошо сладившійся, и оставилъ въ немъ по себѣ непріятное впечатлѣніе.

— Уфъ! — сказалъ Сурминъ, проводивъ ихъ. — Вотъ вамъ, Лизавета Михайловна, образчикъ нашихъ провинціальныхъ эмансипированныхъ дѣвицъ.

Лиза ничего не отвѣчала.

— Жаль, — сказала Настасья Александровна, — дѣвочка неглупая, а напустила на себя дурь.

Далѣе не было объ нихъ разговора; въ семействѣ Сурминыхъ остерегались осужденія. А было что поговорить о Полинѣ. Она была дѣйствительно неглупая дѣвочка, но считала себя, со своимъ англійскимъ языкомъ и свитою громкихъ ученыхъ именъ, такою умною и образованною, что все, ее окружающее, должно было пасть передъ нею безмолвно на колѣни и восторгаться ею. Надо было видѣть, какъ она свысока смотрѣла на того, кто осмѣливался ей противорѣчить, съ какою олимпійскою важностью смотрѣла съ высоты, нахмуривъ брови, на своего противника. Въ провинціи она считала себя звѣздою первой величины, отъ которой всѣ спутники заимствовали свой свѣтъ. Если она щадила сестеръ Сурмина и его семью, такъ потому, что имѣла виды на него.

На третій день своего пребыванія въ Прирѣченской усадьбѣ Лиза и Тони, заполонивъ сердца жительницъ ея, въ сопровожденіи Андрея Ивановича отправились въ Петербургъ. Имъ надо было явиться въ урочный часъ на мѣстномъ дебаркадерѣ. Здѣсь встрѣтилась имъ небольшая остановка. Московскій поѣздъ еще не приходилъ, прибылъ только петербургскій. Въ одномъ изъ вагоновъ сидѣло до тридцати повстанцевъ изъ Царства Польскаго, взятыхъ въ плѣнъ въ разныхъ сшибкахъ. Это былъ едва-ли не первый транспортъ ихъ, все избранники изъ самыхъ ярыхъ революціонеровъ. Въ числѣ ихъ были два ксендза, схваченные съ крестомъ въ одной рукѣ и съ кинжаломъ въ другой. Ихъ сторожили двѣнадцать жандармовъ и при нихъ капитанъ. Немудрено, что всѣ бывшіе въ дебаркадерѣ, въ томъ числѣ и наши путешественницы со своимъ спутникомъ, бросились на платформу, съ которой можно было близко видѣть плѣнныхъ, не смѣвшихъ

выходить изъ своего вагона. Они большею частью, казалось, не очень горевали, насмѣшливо и злобно смотрѣли на зрителей, то и дѣло опустошали графины водки и бутылки шампанскаго, такъ что жандармскій капитанъ, боясь опасныхъ послѣдствій, не велѣлъ служителямъ гостиницы давать имъ болѣе вина. Видно, они имѣли при себѣ порядочныя деньги. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій у открытаго окна съ голой шеей, несмотря на сырое время, въ гарибальдійской рубашкѣ, видной изъ-подъ чемарки, остановилъ на себѣ вниманіе двухъ московскихъ подругъ. Онъ очень походилъ на Владислава Стабровскаго. Такой же красивый, съ такимъ же типомъ итальянской національности. Но это не былъ Владиславъ. Не братъ ли его, Ричардъ?... Плѣнный, вѣроятно, очарованный прекрасною наружностью Лизы и Тони и трогательнымъ участіемъ къ его судьбѣ, выражавшимся въ ихъ глазахъ, приковался къ нимъ и своими. Лиза грустно покачала головой, она думала: «несчастный, у тебя есть, можетъ быть, мать, была, можетъ быть, и женщина, которая тебя страстно любила, и ты покинулъ ихъ изъ мечтательной цѣли, къ которой ведутъ тебя враги Россіи».

Между тѣмъ Сурмина встрѣтилъ на платформѣ какой-то господинъ, лѣтъ тридцати, съ русою козлиной бородкой, и назвалъ его по имени.

— Вы не узнаете меня,—сказалъ онъ,—я Ла...кій, помните, петербургскій студентъ, что хаживалъ къ вамъ.

— А? Л...кій!—отозвался Сурминъ,—какими судьбами здѣсь? Ужь не...

Онъ указалъ на вагонъ, гдѣ сидѣли повстанцы.

— Вы думаете, изъ той когорты, нѣтъ я изъ другого разряда. Тѣхъ не выпускаютъ изъ вагона, а я гуляю себѣ, какъ видите. За то тѣмъ выдаютъ по 50 копѣекъ въ сутки, а мнѣ 15. Хорошо правосудіе!

— Свобода стóитъ чего-нибудь.

— Свобода? нѣтъ, не совсѣмъ. Видите, за мною, по пятамъ моимъ слѣдитъ жандармъ.

Сурминъ дѣйствительно увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ жандарма, не терявшаго Ла...каго изъ вида.

— Я имѣю право выходить, гдѣ хочу, останавливаться въ городахъ въ любой гостиницѣ, но мой сторожъ со мною вездѣ, днемъ, ночью, какъ тѣнь моя.

Ла...кій говорилъ чисто по-русски, какъ русскій.

— За чтожъ, про что?—спросилъ Сурминъ.

— Я былъ посредникомъ въ Минской губерніи. На меня донесли, что я собираю у себя сосѣднихъ помѣщиковъ и составляю заговоръ. Я ссылаюсь на жительство въ глушь Т..... губерніи. Тираннія!

— А вы хотѣли бы, чтобы мы потакали вамъ, ласкали васъ, какъ братья, когда вы насъ ругаете, оплевываете, ногтями дерете нашей матери грудь до крови.

— Пойте себѣ!

И понесъ Ла...кій сумасбродный вздоръ о границахъ польскаго королевства 1772 года, о польской національности въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и юго-западныхъ губерніяхъ, словомъ — все, что проповѣдывали тогда поляки и, можетъ статься, проповѣдуютъ теперь, не добывши себѣ ума-разума своими несчастіями.

— Вы женаты?—спросилъ Сурминъ.

— Нѣтъ.

— У васъ есть мать?

— Двѣ. Одна дала мнѣ жизнь, другая—моя отчизна. За эту готовъ я отдать жизнь.

Сурминъ не вступалъ съ нимъ въ дальнѣйшее напрасное состязаніе. Наконецъ Л...кій затормозилъ горячій ходъ своихъ рѣчей и обратился къ своему собесѣднику съ запросомъ, приправленнымъ медоточивымъ, вкрадчивымъ голосомъ и лисьимъ, заискивающимъ взгля-

домъ, какіе поляки умѣютъ употреблять, когда имъ нужно что-нибудь выпросить.

— Не знаете ли кого изъ *тамошняго* начальства?

— Для чего-жъ вамъ?

— Я хотѣлъ бы по старой дружбѣ попросить васъ замолвить кому-нибудь изъ тамошнихъ вліятельныхъ, хоть двумя строчками, за меня. Запрутъ въ какой-нибудь Тмутаракани, въ глуши лѣсовъ.

— Думаю, что мѣстность въ Минской губерніи не привлекательнѣе

— Все-таки лучше бы въ какомъ-нибудь Ли...ѣ, Мо...ѣ, гдѣ полоднѣе, общество пообразованнѣе, какъ бы сказать... вы меня понимаете.

— Еслибъ я зналъ кого-нибудь тамъ изъ вліятельныхъ, такъ извините, во мнѣ достанетъ довольно патріотизма—хоть вы, западники, и не признаете его въ насъ, русскихъ,—чтобъ не подать дружески руку врагу Россіи.

Съ этими словами Сурминъ отвернулся отъ Ла...каго и присоединился къ своимъ спутницамъ.

— Москва!—злобно процѣдилъ вслѣдъ ему сквозь зубы минутный его собесѣдникъ.

Въ это время подъѣхалъ московскій поѣздъ, наши путешественники удобно размѣстились въ одномъ вагонѣ. Запыхтѣлъ и крикнулъ драконъ-паровозъ, ударилъ третій звонокъ, и тронулись поѣзда, одинъ въ Петербургъ, другой въ Москву. Многимъ сѣдокамъ одного изъ вагоновъ послѣдняго лежалъ путь далеко, далеко на холодный востокъ.

Лиза во всю дорогу была видимо скучна, не развлекали ее ни оживленные разговоры ея подруги и спутника ихъ, ни интересныя и смѣшныя сцены, которыми иногда обильны бываютъ поѣзда на желѣзныхъ дорогахъ. За то Лорина и Сурминъ были какъ нельзя болѣе довольны своимъ положеніемъ. Казалось

ему, Тони съ каждой станціей хорошѣла, съ каждой станціей болѣе и болѣе притягивала его сердце къ себѣ. Сколько разъ мысленно срывалъ онъ поцѣлуи съ ея розовыхъ, нѣсколько роскошныхъ губокъ!

Пріѣхали въ Петербургъ. Лиза умоляла своего спутника не оставаться тамъ болѣе сутокъ, хоть она никогда не видала сѣверной столицы. Всѣ мысли, всѣ чувства ея стремились къ послѣднему пункту ихъ путешествія; надо было ей повиноваться.

Когда они ѣхали по желѣзной варшавской дорогѣ, то и дѣло на станціяхъ слышались тревожные слухи, что революція разгорается въ Литвѣ и готова вспыхнуть въ бѣлорусскихъ губерніяхъ

Сурминъ любилъ комфортъ и привыкъ къ нему; мудрено-ли, что онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобы доставить его своимъ спутницамъ. Когда имъ надо было своротить съ желѣзной дороги на почтовую, ихъ ожидала ужь четверомѣстная карета, заранѣе туда высланная, въ которую они и пересѣли для довершенія своего путешествія.

Вотъ они въ Бѣлоруссіи, въ городѣ, который назовемъ городомъ при Двинѣ. Совершенно новый край, новые люди! Такъ какъ я не пишу исторіи ихъ въ тогдашнее время, то ограничусь разсказомъ только объ извѣстныхъ мнѣ личностяхъ, дѣйствовавшихъ въ въ моемъ романѣ, и о той мѣстности, гдѣ разыгрывались ихъ дѣйствія. И потому попрошу читателя не взыскивать съ меня скрупулезно за нѣкоторые незначительные анахронизмы и историческія недомолвки и помнить, что я все-таки пишу *романъ*, хотя и полуисторическій [1]).

---

[1]) Для историческихъ справокъ прошу читателя обращаться къ статьѣ: «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи», напечатанной въ Русск. Вѣстн. 1864 г.

II

Нечего говорить, съ какимъ дружескимъ радушіемъ Евгенія Сергѣевна Зарницына приняла пріѣзжихъ. Мужъ ея отсутствовалъ. Произведенный въ генералы и получивъ бригаду, онъ отправился съ ней въ Литву. Исправный служака, добрый и благородный въ полномъ смыслѣ человѣкъ, онъ былъ и величайшій флегматикъ во всемъ, что не касалось его служебныхъ обязанностей и, прибавить надо, любви къ женѣ. Онъ предоставилъ ей дѣлать что ей угодно по управленію домомъ и имѣніемъ и не мѣшалъ ни въ какихъ филантропическихъ затѣяхъ, и потому говорили, что онъ подъ ея башмачкомъ.

Лизѣ и Тони приготовлены были двѣ комнаты, одна подлѣ другой, со всѣми удобствами, какія могло придумать горячее сердце Зарницыной, а иначе она и любить не умѣла. Это была женщина, перешедшая гораздо за полдень свой, но живая, бойкая, энергическая не по лѣтамъ и по тучности своей. Она жаждала всю жизнь свою дѣла, полезнаго для ближнихъ, для общества, и безъ этого дѣла считала ее прозябаніемъ. Душевный огонь не потухалъ еще въ черныхъ глазахъ ея; красота, которою она нѣкогда славилась, еще оставила слѣды на отцвѣтшемъ лицѣ. Вполнѣ русская,

она была и пламенная патріотка. Экзальтація ея, о которой говорилъ нѣкогда Ранѣевъ Сурмину, била изъ самаго чистаго источника. Дай Богъ Россіи поболѣе такихъ экзальтированныхъ женщинъ! Проницательный умъ ея умѣлъ скоро узнавать людей, и если она иногда пользовалась двусмысленными личностями, такъ употребляла ихъ, какъ необходимыя, полезныя орудія для своихъ цѣлей.

Сурминъ не оставался долго въ городѣ при Двинѣ. Дѣла призывали его въ имѣніе, доставшееся на границѣ Витебской и Могилевской губерній. Онъ распростился съ обѣими подругами и Зарницыной, обласкавшей его, какъ друга семейства Ранѣевыхъ, и потому для нея не сторонняго.

— Будете ли помнить меня?—спросилъ онъ съ чувствомъ Тони, уловивъ минуту, когда могъ сказать ей нѣсколько задушевныхъ словъ наединѣ.

— Еще бы нѣтъ,—сказала она съ увлеченіемъ. Взглядъ ея докончилъ, чего не договорили слова.

— Мнѣ такъ хорошо было съ вами во всю дорогу, я былъ такъ счастливъ, мое сердце такъ свыклось видѣть васъ каждый день, что мнѣ тяжело разстаться со своими спутницами

Тони крѣпко пожала руку, ей поданную.

Скучнѣе и грустнѣе города, куда пріѣхали наши подруги, я не знаю. Когда я жилъ въ немъ, онъ мнѣ казался мѣстомъ заточенія. Когда я въ 1854 году, выпущенный изъ-за рѣшетки его, въѣхалъ въ Смоленскъ, я, казалось, готовъ былъ облобызать родную землю, на которую ступилъ, благовѣстъ русскихъ колоколовъ радостно прозвучалъ въ моемъ сердцѣ, какъ-будто оно хотѣло пропѣть: «Христосъ воскресе!» Не скажу, чтобы мѣстность города на Двинѣ была непріятна. Напротивъ того, по своему положенію на этой рѣкѣ, онъ имѣлъ бы живописную физіономію,

еслибъ не накрыла его своимъ мрачнымъ наметомъ польская и еврейская характеристика. Русскій любитъ строить жилища свои и особенно храмы Божіи на берегахъ рѣкъ и на высотахъ, чтобы куполы этихъ храмовъ и шпили ихъ колоколенъ весело возносились къ небу, весело глядѣли на всю окрестность. Въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ, сколько знаю, для церквей и костеловъ избираютъ плоскія, низменныя мѣста, въ котловинахъ, такъ что они издали не видны. Не говорю о синагогахъ съ неопрятною ихъ наружностью. При въѣздѣ въ городъ съ московскаго шоссе, васъ встрѣчаютъ пустыри. Незамѣтно здѣсь садовъ, которые въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ и особенно въ малороссійскихъ губерніяхъ въ весеннее время облиты цвѣтами и къ осени на солнышкѣ играютъ роями своихъ золотистыхъ и румяныхъ плодовъ. А климатъ здѣшній, согрѣваемый теплымъ дуновеніемъ, навѣваемымъ съ Балтійскаго моря, такъ благопріятенъ для плодовыхъ произрастеній Здѣсь растутъ пирамидальные тополи и каштаны, неогражденные ничѣмъ отъ зимняго холода. Между тѣмъ у насъ, въ великорусскихъ губерніяхъ, стоящихъ на одномъ градусѣ долготы съ бѣлорусскими, они хирѣютъ и часто умираютъ, хотя ихъ на зиму окутываютъ въ шубы. Еврей—врагъ земли и всякаго тяжелаго труда съ нею, онъ не считаетъ ее, какъ другіе народы, своею кормилицей [1]). Торговля, промышленность, легкія ремесла—вотъ его стихія. Меркурій—единственный богъ, которому онъ поклоняется, его ухищренія, его уловки знакомы ему съ дѣтства. Дайте ему мелкую монету, и онъ пробѣ-

---

[1]) Говорю о бѣлорусскихъ евреяхъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ Волынской губерніи евреи горячо и съ успѣхомъ занимаются хлѣбопашествомъ. И какая же это благодатная по почвѣ и климату страна!

житъ по вашей комиссіи десятокъ верстъ, но за рубль не возьметъ заступа въ руки. За то еврей властелинъ на торговой площади. Посмотрите его тамъ. Тощъ, изнуренъ, въ замасленныхъ лохмотьяхъ, но одного слова его, одного взгляда довольно, чтобы бѣлорусскій крестьянинъ шелъ, дѣлалъ, куда, что повелѣваетъ ему это лаконическое слово, этотъ магическій взглядъ. Птичка, отъ страха передъ своимъ врагомъ-кошкой, бьетъ крылышками и, между тѣмъ, обвороженная магнетическимъ токомъ его глазъ, притягивается къ нему и попадаетъ въ его когти. Вы ничего не купите на торгу у бѣлорусскаго мужичка, если конкурентъ вашъ еврей. Вѣрьте, что мужичокъ продастъ ему за меньшую цѣну, нежели вамъ, такъ онъ привыкъ вѣрить, что сынъ Израиля единственный его благодѣтель въ нуждахъ и сверхъ того держитъ ключъ къ источнику живительной и отуманивающей влаги. Немудрено, что изъ среды этого народа вышли знаменитые банкиры. — А великіе музыканты, писатели, врачи, ученые?...—спросите вы. Правда, но всѣ эти знаменитости вышли изъ нѣмецкихъ евреевъ. Надо, однакожъ, замѣтить, что съ недавняго времени проявляются литературныя дарованія и между нашими русскими евреями. Натура-то даровитая, да погрязла глубоко въ своихъ вѣковыхъ, религіозныхъ и бытовыхъ заблужденіяхъ и придавлена роковымъ ходомъ исторіи. Они ждутъ своего Мессію, а *этотъ* Мессія подлѣ нихъ—*просвѣщеніе*. Стоитъ только отдаться ему всемъ сердцемъ.

Къ пустырямъ примыкаетъ торговая, грязная площадка, окруженная корчмами. Отъ знакомства съ ними да избавитъ васъ Богъ. Затѣмъ начинается главная улица. Можете имѣть понятіе объ ней по главнымъ улицамъ нашихъ уѣздныхъ городковъ, да и нѣкоторые изъ этихъ городковъ перещеголяютъ здѣшній, губерн-

скій. Каменныхъ домовъ очень мало, и тѣ невзрачной архитектуры, русскій соборъ довольно величественной наружности, двѣ, три русскія церкви, въ томъ числѣ единовѣрческая, и костелъ, затѣмъ нѣсколько деревянныхъ, нечистыхъ жилищъ евреевъ — вотъ вамъ и первенствующая улица. Къ концу города опять грязная и безобразная торговая площадь и примыкающіе къ ней жалкіе домишки евреевъ, въ окнахъ которыхъ вмѣсто стеколъ красуются грязныя тряпицы. А чтобы вымостить ее и обсадить деревьями, никто и не подумаетъ. Все это довершаютъ каменныя зданія больницы и острога. За рѣкою такія же еврейскія жилища и опять болотная, торговая площадь. Прибавьте къ этому по сю сторону рѣки руины древняго католическаго монастыри. Говорятъ о вокзалѣ въ городѣ, я его не видалъ. Правда, есть на берегу Двины аллея древнихъ пирамидальныхъ тополей передъ высокимъ зданіемъ начальника края, но эти пирамидальные тополи стоятъ уныло, какъ тюремные стражи, поднимающіе къ небу пики своихъ остроконечныхъ вершинъ. На этомъ мѣстѣ, которое могло бы быть пріятнымъ народнымъ гуляньемъ, вы не увидите никого, кромѣ рѣдкихъ прохожихъ. Если бы продлить городъ еще на нѣсколько верстъ и населить его такими же обывателями, какихъ онъ нынѣ имѣетъ, онъ все остался бы такимъ пустыннымъ, грустнымъ городомъ, какъ онъ есть или по крайней мѣрѣ былъ въ мое время. И все оттого, что въ немъ нѣтъ людей-братьевъ, нѣтъ никакой общественной связи. Поляки держатъ себя особо, евреевъ не принимаютъ въ польскія и русскія общества, служащій русскій людъ какъ-будто во всякое время на отлетѣ во-свояси.

Самая рѣка смутно шлетъ къ сѣверу свои желтоватыя воды; изрѣдка пробѣжитъ по нимъ торговое судно или плотъ съ лѣсомъ, или мелькнетъ рыбачья лодка.

За городомъ съ западной стороны, верстахъ въ двухъ, есть восхитительная мѣстность на высокомъ берегу Двины. Въ другомъ краю она навѣрно оживлена была бы веселыми группами гуляющихъ, но здѣсь посѣщаютъ ее только изрѣдка *благородные* аматеры прекраснаго въ природѣ. Въ поѣздкѣ моей туда поразили меня покачнувшіяся деревянныя распятія на обнаженномъ полѣ съ развѣвающимися клочками ткани въ родѣ юбокъ, какъ-будто ксендзы, старающіеся о постановкѣ въ наибольшемъ числѣ подобныхъ крестовъ, не могли бы придумать для святыни болѣе приличной обстановки. Съ восточной стороны города, начиная отъ острога, тянется на многія и многія версты березовая аллея. Какъ и все, насажденное рукою мудрой Екатерины, ее не могло сокрушить и столѣтіе. Подобныя аллеи и каменныя пирамидальныя версты вы увидите до сихъ поръ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Въ одно утро изъ дней, слѣдевавшихъ за пріѣздомъ московокъ (это было воскресенье), вошла въ комнату Лизы Евгенія Сергѣевна и притворила за собою дверь.

— Я пришла,—сказала она,—поговорить съ тобою, мой другъ, о многомъ, что должно тебя сильно интересовать. Мы теперь однѣ.

— А Тони?

— Пошла къ обѣднѣ въ единовѣрческую церковь.

— Въ единовѣрческую? что за фантазія!

— Любопытство слушать тамошнее служеніе и помолиться всѣмъ намъ общему Отцу. Да, говоритъ, тамъ будетъ, вѣроятно, поменьше народу. Поменьше? Всѣ наши русскія церкви обыкновенно пусты, между тѣмъ костелъ во время утренняго и вечерняго служенія и въ простые дни биткомъ набитъ. Обѣдня въ единовѣрческой церкви тянется долго, и мы будемъ имѣть время келейно побесѣдовать съ тобою о *матеріяхъ* важныхъ и очень важныхъ.

— Буду слушать сердцемъ.

— Во-первыхъ, начну съ дѣдушки твоего Яскулки, отъ него же идетъ источникъ вашихъ семейныхъ несчастій.

— Живъ онъ? знаетъ-ли о смерти отца моего? Такъ же ли преслѣдуетъ, хоть рѣчами, мертвыхъ, какъ преслѣдовалъ живыхъ?

— Все разскажу по порядку, душа моя. Я писала тебѣ, что поставила себѣ долгомъ стоять въ здѣшнемъ краю на стражѣ русскаго дѣла. Не пренебрегаю никакими средствами, чтобы служить ему, сколько достанетъ у меня разума, энергіи и, пожалуй, лукавства. Для этого дѣла не обошла я и дѣда твоего. Познакомилась съ нимъ, ѣзжу къ нему, оказываю ему всевозможные знаки уваженія, а это ему льститъ, и поддѣлываюсь подъ его сумасбродный характеръ. Съ начала нашего знакомства я заставала его всегда надъ документами, которые не переставалъ онъ отрывать въ архивахъ и которые, по мнѣнію его адвоката, могли служить доказательствомъ его дворянства. На этомъ пунктѣ онъ помѣшался. И какого завиднаго званія добивается! Я знаю здѣсь кухарокъ-шляхтянокъ, кучеровъ-шляхтичей. Доставалось въ разговорахъ объ этомъ предметѣ отцу твоему. Разумѣется, я оправдывала его, не раздражая, однакожъ, безумнаго старика. Тутъ польская интеллигенція разыгралась въ Царствѣ Польскомъ, стала перебираться въ Литву и здѣсь подняла свою драконовскую голову, набитую мечтами о возстановленіи польскаго королевства въ предѣлахъ 1772 г. Яскулка спряталъ свои акты въ сундукъ. Явились у него новыя мечты. Онъ вынулъ изъ завѣтнаго шкапа боярскій панцырь своего прадѣда, счистилъ съ него ржавчину и сталъ приготовляться къ встрѣчѣ будущаго пана круля, который при этомъ случаѣ долженъ будетъ возвратить ему утраченное шляхетство. Въ это

время былъ убитъ братъ твой, вскорѣ умеръ и отецъ. Я поспѣшила передать Яскулкѣ эти роковыя вѣсти, прибавивъ, что покойникъ до послѣдней минуты своей жизни помышлялъ о мирѣ съ нимъ, говорилъ, что всегда любилъ и уважалъ его, какъ отца своей дорогой Агнесы. Тутъ же описала твое сиротство, твою красоту, твои душевныя достоинства. Старикъ былъ видимо пораженъ этимъ извѣстіемъ. Раскаяніе ли, что онъ былъ виноватъ противъ дочери, противъ своего зятя, противъ тебя, или сожалѣніе о твоей участи выжали нѣсколько слезъ изъ глазъ этого черстваго, помѣшавшагося старика. На цѣлую недѣлю онъ заперся въ своей берлогѣ и никого не принималъ. Я увѣдомила письмомъ «многоуважаемаго пана Яскулку», что ты должна скоро пріѣхать сюда и остановиться у меня. «Я хочу *ее* видѣть,—отвѣчалъ онъ, — все-таки течетъ въ ней кровь Яскулки». Ты должна его видѣть, онъ живетъ въ десяти верстахъ отсюда.

— Да, я поѣду къ нему, помирю его хоть съ мертвыми.

— На дняхъ попросилъ онъ меня къ себѣ. Я застала его очень грустнымъ, сильно одряхлѣвшимъ. Старикъ, который еще не такъ давно таскалъ со своими работниками кули муки въ амбаръ, едва держалъ дрожащими руками чашку чаю. Не было болѣе помину о польскомъ крулѣ, казалось, онъ забылъ о своемъ шляхетствѣ. Всѣ помыслы, всѣ чувства его сосредоточились на тебѣ. И знаешь-ли, что задумалъ странный старикъ, какіе онъ имѣетъ на тебя виды?

— На меня виды? ужъ не политическіе-ли?

— Болѣе—фамильные. Ты изумишься его планамъ. Старикъ богатъ, самыхъ близкихъ родныхъ у него нѣтъ...

— Не думаетъ-ли, что я, при всей своей бѣдности, прельщусь его наслѣдствомъ, стану искать его благо-

склонности, его любви изъ корыстныхъ видовъ. Они были всегда противны моему сердцу.

— Планъ ему принадлежитъ, у тебя есть свой разумъ, своя воля. Твое дѣло согласиться съ нимъ или нѣтъ. Слушай же меня. Ближайшій ему родственникъ, хотя и въ третьемъ колѣнѣ... не скажу пока его имени, чтобы помучить тебя. Яскулка желаетъ, чтобъ ты отдала ему свою руку, и тогда отдастъ вамъ все свое состояніе съ тѣмъ, чтобы вы приняли его фамилію.

— Я? мою руку? не зная нареченнаго? не любя? Никогда.

— Ты его любила, можетъ быть, и теперь еще любишь.

— Неужли это?..

— Владиславъ Стабровскій.

— Онъ, опять онъ. Да, я его любила вопреки моему разсудку, моему долгу.

— А теперь?

— Передъ смертью отца я дала ему клятву, что врагъ Россіи никогда не будетъ моимъ мужемъ. Повторяю и теперь тебѣ, моей второй матери, эту клятву и исполню ее, хотя бы пришлось мнѣ разбить мое сердце о судьбу свою.

— Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствуетъ противъ Россіи, я сама стану между нимъ, тобой и дѣдомъ твоимъ. И еслибъ ты была слабая, рядовая женщина, какихъ много, готовая увлечься страстью до того, чтобы забыть свой долгъ, я сама предала бы тебя общественному позору. Въ глазахъ моихъ ты была бы ниже дѣвушки, которая продаетъ себя изъ нищеты. Но теперь я говорю съ моею дочерью. Знаю твой твердый характеръ, знаю, что ты скорѣе погибнешь въ душевныхъ мукахъ, чѣмъ увлечешься сердечною слабостью. Не совратить тебя хочу съ твоего благороднаго пути, а сдѣлать орудіемъ патріотическаго под-

вига. Мы исполнимъ его, не такъ-ли? а если не успѣемъ, да будетъ воля Божія. Ты описывала мнѣ исторію своего сердца въ борьбѣ съ разсудкомъ и долгомъ, ты вышла изъ этой борьбы съ торжествомъ, ты исполнила свои обязанности, какъ дочь. Исполни ихъ теперь, какъ русская патріотка. Еще вотъ что скажу тебѣ. Мать Владислава, сколько мнѣ извѣстно, имѣла замыслы въ здѣшнемъ краѣ противъ Россіи, жертвовала для своихъ цѣлей и своимъ состояніемъ, и двумя сыновьями. Ричардъ пропалъ безъ вѣсти, вѣроятно, погибъ въ какой-нибудь схваткѣ съ русскими или на висѣлицѣ. Владиславъ, если и пріѣхалъ сюда по волѣ матери для какихъ-нибудь революціонныхъ замысловъ...

— Именно для нихъ, онъ мнѣ объ этомъ писалъ.

— Такъ онъ игралъ въ нихъ, вѣроятно, пассивную роль. Вызвана же она была твоимъ холоднымъ письмомъ. Ты отвергла его любовь, и онъ изъ отчаянія повиновался волѣ матери. Слышно, что онъ часто ссорился съ нею изъ политическихъ видовъ, отказался отъ богатой невѣсты-красавицы, которую она ему предлагала. Думаю, онъ еще ни къ чему рѣшительному не приступилъ.

— Можетъ быть, еще не время...

— Ничего этого не вѣдаю. Знаю только, что обстоятельства измѣнились. Мать, услыхавъ, что за нею зорко слѣдятъ, что замыслы Мѣрославскаго, ея патрона, съ братіею не удаются, потерявъ съ Ричардомъ горячаго исполнителя своихъ патріотическихъ затѣй, видя ихъ холодную поддержку въ Владиславѣ, умерла, говоритъ, отъ разрыва сердца.

— Умерла? — вырвалось изъ груди Лизы. — Умерла?—твердила она.

Она впала въ глубокую задумчивость и черезъ двѣ минуты подняла голову.

— Боже!—сказала она, поднявъ къ небу глаза, — укажи мнѣ правый путь мой. Отецъ, внуши мнѣ съ того свѣта, что я должна дѣлать. Не поздно-ли? Любитъ-ли *онъ* еще меня?

— Я за это ручаюсь. Я познакомилась съ нимъ у твоего дѣда, онъ бываетъ у меня

— И чтожъ?

— Изъ словъ Владислава, хотя осторожныхъ, узнала я, что онъ тебя любитъ попрежнему, съ силою страсти, къ которой только способенъ энергическій, пылкій его характеръ, что одного слова надежды въ отвѣтъ на его письмо было бы достаточно, чтобъ онъ остался въ Москвѣ. Я увѣрена, что онъ и теперь готовъ на жертвы, если только ты...

— Люблю-ли я его? Да, я его люблю и теперь, если онъ не посягнулъ на дѣла, враждебныя моему отечеству.

— Испытай его.

— Испытаю.

— Хочешь-ли его видѣть?

— Хочу непремѣнно. Видно, насталъ часъ мой, судьба готовила меня къ нему.

Глаза Лизы горѣли огнемъ вдохновенія, щеки ея пылали. Въ эти минуты она походила на портретъ Жанны д'Аркъ, когда та шла на битву со врагами Франціи.

— Какъ ты теперь дивно хороша, Лиза,—сказала Зарницына, горячо поцѣловавъ ее.—Какой божественный огонь горитъ въ глазахъ твоихъ! Еслибъ на моемъ мѣстѣ былъ молодой мужчина, онъ палъ бы къ ногамъ твоимъ, и нѣтъ жертвы, который бы не принесъ тебѣ. Теперь, дитя мое, успокойся и возвратимся опять къ дѣду твоему. Я сказала ему, что планы его могутъ состояться, если только Владиславъ не замѣшанъ сильно въ какихъ-нибудь революціонныхъ замыслахъ. Между

тѣмъ направила его мысли о дворянствѣ въ другую сторону.—Сообразите,—говорила я ему,—ничтожность нынѣшней революціи, безъ регулярнаго войска, безъ оружія, безъ денежныхъ средствъ. Сравните силы ея съ силами русскаго государства. Печальный исходъ ея можно предвидѣть. Дайте другое направленіе вашей политикѣ. Вы—сила въ здѣшнемъ краѣ,—прибавила я, желая польстить его самолюбію, — употребите ее на пользу русскаго дѣла. Тогда, повѣрьте мнѣ, дворянство придетъ къ вамъ само собою, безъ хлопотъ. — Старикъ, казалось, былъ убѣжденъ, онъ обѣщалъ мнѣ подумать немного и дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Ты докончишь, что я начала. Еще нѣсколько словъ о моихъ патріотическихъ затѣяхъ, ты должна ихъ знать. Я писала тебѣ, что отецъ твой прислалъ мнѣ довѣреннаго человѣка.

— Что это за личность? Отецъ не говорилъ мнѣ никогда объ немъ.

— Знаю только, что онъ русскій купецъ Жучокъ изъ Динабурга.

— Онъ открылъ мнѣ, что доставлялъ черезъ евреевъ для Эдвиги Стабровской холодное и огнестрѣльное оружіе. Этотъ воинственный запасъ хранился въ недостроенномъ костелѣ, въ имѣніи ея, на границахъ Витебской и Могилевской губерній. Но, вѣроятно, опасаясь, чтобы его не открыли въ этомъ мѣстѣ, перевезли въ другое, какое—еще не знаю. Жучокъ обѣщалъ мнѣ сыскать слѣдъ къ нему.

— Вотъ видишь, Владиславъ уже участникъ въ революціонныхъ замысламъ противъ Россіи.

— Еслибъ этого ничего не было, не было бы теперь и жертвы съ его стороны, съ твоей стороны—подвига. Чѣмъ больше жертва, тѣмъ выше подвигъ. Мы, однакожъ, не упустимъ этого обстоятельства изъ виду. Если ты не убѣдишь его измѣнить дѣлу, кото-

рое затѣяли мать его и ея сподручники, такъ мы накроемъ эти революціонныя затѣи.

— И тогда?

— И тогда Владислава ожидаетъ позорная казнь: его разстрѣляютъ или повѣсятъ.

— Боже! не допусти его до такой позорной смерти.

— Думаю, въ твоихъ рукахъ его судьба и, можетъ быть, судьба здѣшняго края.

— О! еслибъ это такъ было!

— Съ другой стороны, Жучокъ дѣйствуетъ на бывшихъ крестьянъ Платеровъ. Это раскольники — стража русскаго духа въ здѣшнемъ краѣ, она охраняетъ его отъ полонизма. Живутъ къ сѣверу Витебской губерніи, разбросаны и по другимъ мѣстамъ ея. Народъ трезвый, фанатически преданнный своей вѣрѣ [1]). Они зорко слѣдятъ за всѣми дѣйствіями пановъ. Жучокъ, хитрый, лукавый, не упускаетъ случая, чтобы вывѣдать о польскихъ затѣяхъ. Есть еще у меня одинъ человѣчекъ, полякъ Застрембецкій, врагъ поляковъ.

— Полякъ и врагъ поляковъ?

— Къ этой враждѣ привели его обстоятельства его жизни. Онъ служитъ мнѣ, какъ самый преданный изъ людей. Изъ ненависти къ своимъ соотечественникамъ онъ готовъ для русскаго дѣла положить свою голову. Я сообщу тебѣ его исторію. Застрембецкій родился въ Царствѣ Польскомъ. Приготовясь дѣльнымъ, основательнымъ ученіемъ, онъ поступилъ на службу въ артиллерію. Отецъ его былъ богатый че-

---

[1]) Я самъ слышалъ въ 1853 году отъ одного изъ Платеровъ, что изъ всѣхъ крестьянъ его раскольники самые трезвые, трудолюбивые, исправные.

ловѣкъ, но отъявленный игрокъ, подъ конецъ своей жизни проигрался на-чистую, застрѣлился и оставилъ сыну только прекрасное воспитаніе. Мой Застрембецкій, какъ слышно, отличный математикъ,—я въ этомъ не судья,—говоритъ на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, какъ на своемъ родномъ. Пріятный музыкантъ, стрѣлокъ, какихъ мало... Ты знаешь, я хорошо стрѣляю изъ пистолета, но состязаться съ нимъ не могу. Изъ пяти разъ въ пятнадцати шагахъ я попадаю однажды въ очко туза,—онъ вырѣзываетъ сердце его пулей всякій разъ. Однимъ ударомъ кончаетъ партію на билліардѣ. Въ мазуркѣ нѣтъ ему соперника. Ловкій, умный, съ красивою наружностью, онъ пріобрѣлъ себѣ въ обществѣ офицеровъ имя пріятнѣйшаго товарища, въ обществѣ нашего пола—сокрушителя женскихъ сердецъ. Вотъ его блестящая сторона. Къ сожалѣнію, должна сказать и о темной. Эта смѣсь рыцарскаго благородства, доброты души до самоотверженія. Онъ готовъ отдать бѣдному часы свои, послѣднюю рубашку, заложить себя за товарища въ нуждѣ, но не затруднится передернуть карту, если играетъ съ зѣваками. «На то и щука въ морѣ,—говоритъ онъ,—чтобы карась не дремалъ». Надо сказать, что съ товарищами по службѣ онъ играетъ честно, они въ этомъ увѣрены. Привыкнувъ при отцѣ жить въ довольствѣ, даже сорить деньгами, въ которыхъ тотъ ему не отказывалъ, онъ послѣ смерти его сѣлъ какъ ракъ на мель и, чтобы выпутаться изъ нужды, пустился въ разные обороты, часто неблаговидные. Нѣтъ у него, бывало, ни копѣйки,—займетъ, передъ торгомъ за заставой скупитъ разные съѣстные припасы, дѣлается монополистомъ и черезъ довѣреннаго еврея продаетъ скупленный товаръ по какой цѣнѣ хочетъ. Завтра задаетъ товарищамъ пиръ. Евреи боятся его и любятъ.

Въ двухъ, трехъ, попеременно, масонскихъ ложахъ онъ занималъ видныя степени. Полякъ, онъ сдѣлался врагомъ поляковъ по слѣдующему случаю: Застрембецкій страстно любилъ одну благородную дѣвушку, родители отказали ему въ рукѣ ея, онъ ее увезъ. Она платила ему такою же безграничною любовью. Связь ихъ была незаконная. У нихъ было дитя. Но между ними сталъ фанатикъ-ксендзъ, представилъ обольщенной муки ада, ожидающія ее за ея проступокъ, и увлекъ ее въ монастырь. Дитя пропало безъ вѣсти. Застрембецкій поклялся мстить человѣку, лишившему его любимой женщины и ребенка его. При выходѣ ксендза изъ костела онъ затѣялъ съ нимъ ссору и ударилъ его всенародно по лицу. Братья по ойчизнѣ и масонству, свидѣтели этой сцены, готовы были растерзать его. Преступленіе не могло остаться безъ законнаго наказанія. Застрембецкій, разжалованный въ солдаты, хотя и съ выслугою и не лишенный дворянства, поступилъ подъ начальство моего мужа. Нечего говорить, что мужъ мой и общество русскихъ офицеровъ, зная его несчастную исторію, стараются всячески облегчить его участь. Недавно произведенъ онъ въ унтеръ-офицеры и потомъ въ фельдфебели; есть надежда, что ему скоро возвратятъ офицерскій чинъ. Со времени, какъ я взяла его въ руки, онъ бросилъ свои нечистыя спекуляціи и сдѣлался благоразумнѣе. Въ нуждѣ онъ знаетъ, что мой кошелекъ для него всегда развязанъ. За то и любитъ меня, какъ сынъ, и платитъ мнѣ неоцѣненными услугами, для меня готовъ въ огонь и въ воду Поляки ненавидятъ его, почитая предателемъ польскаго дѣла и измѣнникомъ ойчизны. Они готовы всѣми средствами погубить его языкомъ, кинжаломъ, огнемъ. Да, огнемъ. Когда онъ квартировалъ въ одной бѣлорусской деревнѣ, въ полночь подожгли избу, въ которой онъ спалъ. Но

солдаты его взвода, преданные ему, любящіе его русскою, простою, горячею любовью, вытащили его невредима изъ пламени. Въ другой разъ его было отравили. Какъ нарочно, въ деревню, гдѣ онъ квартировалъ, на это время пріѣхалъ полковой лѣкарь и успѣлъ спасти его отъ смерти. Съ того времени ненависть его къ своимъ врагамъ и врагамъ Россіи сильнѣе возгорѣлась. Онъ слѣдитъ за дѣйствіями ихъ, какъ коршунъ за своею добычей, онъ чуетъ, кажется, струю воздуха, напитанную революціонными міазмами. Передъ походомъ мужниной бригады онъ заболѣлъ и остался въ здѣшнемъ лазаретѣ или лучше сказать, при мнѣ. Нынѣ онъ увѣдомилъ меня, что въ костелѣ, во время обѣдни, будутъ говорить революціонную проповѣдь, пѣть революціонные гимны. Таково настроеніе здѣшняго польскаго общества.

— Чтожъ дѣлаетъ здѣшняя администрація?

— Пока молчитъ. Полагаетъ, что кроткими мѣрами образумитъ потерявшихъ голову, но готова принять строгія мѣры, если эти манифестаціи усилятся. Вотъ, слышишь, жалобно запищали колокола здѣшняго костела. Посмотри изъ окна, сколько валитъ въ него народа.

Лиза подошла къ окну и увидала толпы мужчинъ и женщинъ, вторгающихся въ католическій храмъ, какъ широкій потокъ, который образуется изъ мелкихъ струй, стекающихъ въ него изо всѣхъ концовъ города.

Въ головѣ Лизы отъ разговора ея съ Зарницыной бродили неопредѣленныя, мечтательныя мысли, только одна сквозь хаосъ ихъ блестѣла яркимъ лучемъ— мысль обратить Владислава на путь истинный и тѣмъ отвратить отъ него позорную казнь и отъ здѣшняго края многія бѣдствія. Замыслы матери его и революціонеровъ представлялись ея воображенію въ гигант-

скихъ размѣрахъ. Собесѣдницы продолжали говорить о современныхъ происшествіяхъ, какъ въ комнату, гдѣ они сидѣли, отворилась дверь, и явилась передъ ними Тони, блѣдная, дрожащая; грудь ея сильно колебалась.

— Что съ тобою? Что съ вами, Антонина Павловна?—спросили въ одно время Лиза и Евгенія Сергѣевна.

— Дайте мнѣ немного успокоиться, собраться съ духомъ,—отвѣчала Тони, садясь на первое попавшееся ей кресло.

Придя въ себя, она разсказала, что съ нею случилось.

— Возвращаясь домой изъ единовѣрческой церкви, я зашла въ костелъ послушать католическое служеніе. Я сѣла на первую скамью, недалеко отъ входныхъ дверей Народу въ церкви было до удушья. Мужчины были въ старинныхъ польскихъ одѣяніяхъ, женщины—всѣ въ глубокомъ траурѣ, на головахъ ихъ блестѣли мелкія серебряныя бляхи съ изображеніемъ польскаго орла. Такъ какъ я была въ траурѣ, то сначала никто не обратилъ на меня вниманія, но потомъ вглядѣлись въ меня. Замѣтивъ, вѣроятно, что у меня на головѣ не было революціоннаго знака и что я молилась не по-ихнему, стали кругомъ меня перешептываться, кидать на меня зловѣщіе взгляды, нахально кивать головой. Между тѣмъ ксендзъ говорилъ какую-то громовую проповѣдь, въ которой, сколько могла понять, уловила нѣсколько враждебныхъ Россіи словъ. Вслѣдъ затѣмъ всѣ бывшіе въ костелѣ запѣли гимны. Когда народъ хлынулъ изъ костела, окружавшія меня женщины стали меня тѣснить, толкать локтями въ бока и до того меня прижали, что я едва могла дышать. Кругомъ меня раздавались голоса: «русская шпіонка»! Я готова была упасть въ обморокъ. Не знаю, чѣмъ бы

это кончилось, еслибъ сквозь толпу не продрался красивый молодой человѣкъ, который сталъ горячо убѣждать оскорблявшихъ меня, потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «дайте мнѣ вашу руку, Антонина Павловна: я васъ защищу отъ этихъ безумныхъ патріотокъ».— Это былъ Владиславъ. Я подала ему руку,—продолжала Тони,—онъ проводилъ меня до здѣшняго дома, шаговъ съ двадцать не болѣе будетъ. «Вотъ, сказала я ему дорогой, ваша польская цивилизація, которою вы такъ хвастаетесь!» — «Чтожъ дѣлать, — отвѣчалъ онъ:—духъ времени».— «Приличный только грубому народу, дикарямъ. Вы считаете насъ, русскихъ, варварами, но въ какомъ темномъ уголкѣ Россіи посягнутъ на оскорбленіе католички-польки, еслибъ она вошла въ православную церковь?»—«Фанатическій патріотизмъ доводитъ ихъ до безумія», отвѣчалъ Владиславъ. «Кончится дурно, кто образумитъ ихъ теперь? Прорвалась плотина, и ничѣмъ не удержишь бѣшеныхъ водъ, пока не устроится новая». — Тутъ обратилъ онъ рѣчь на смерть брата твоего, Лиза, на смерть отца. «Сколько должна была выстрадать Лизавета Михайловна», прибавилъ онъ. «Что до меня, то я со времени, какъ оставилъ Москву, не зналъ ни одного радостнаго дня». Когда мы подошли къ подъѣзду, я предложила ему зайти къ намъ. «Не смѣю теперь», сказалъ онъ, «но если Лизавета Михайловна позволитъ, въ другой разъ». Какъ я замѣтила, онъ ужасно похудѣлъ, глубокая грусть видна на его лицѣ.

Тони, своимъ разсказомъ стряхнувъ прахъ съ своихъ сандалій или, проще сказать, желчь, накипѣвшую въ голубиной груди ея, бросилась къ Евгеніи Сергѣевнѣ и просила у нея извиненія, что встревожила ее своими похожденіями.

— Стоило бы васъ немножко пожурить, Антонина

Павловна,—сказала Зарницына, поцѣловавъ ее,—да я и сама виновата, что не предупредила васъ быть осторожнѣе въ теперешнія времена.

Какое впечатлѣніе сдѣлалъ разсказъ Тони на слушательницъ, осталось тайною ихъ.

III

Когда Владиславъ, прошедшею осенью, простившись съ Лизой, выѣхалъ изъ Москвы, разнородныя чувства разрывали его сердце на части. Въ минуты досады на нее, на отца ея, въ минуты какого-то бѣшенаго изступленія онъ рѣшился на безумное дѣло. Еще бы увлекъ его горячій патріотизмъ, а его и не было. Онъ видѣлъ всю тщету задуманныхъ его компатріотами замысловъ, онъ понималъ, что всѣ планы ихъ—неосуществимыя мечтанія, бредъ разгоряченныхъ умовъ, возбужденный врагами Россіи, желавшими только смутъ въ ней, чтобы ослабить ея возрастающее могущество. «Говореніе, одно говореніе, — думалъ онъ,—а дойдетъ до дѣла, всѣ эти планы разсыплются въ прахъ». Обожаемую имъ Лизу потерялъ онъ навсегда. Ослѣпленный, развѣ не могъ онъ убѣдиться, что она его любитъ, что однѣ обстоятельства, воля отца заставляли ее скрывать настоящія чувства? Почему-жъ онъ не послушался ея, когда она, прощаясь съ нимъ, такъ задушевно убѣждала его остаться, не уѣзжать? Еслибъ Лиза не любила его, она довольна была бы, что онъ оставляетъ Москву. Развѣ это не былъ залогъ прекрасныхъ надеждъ? Соперника у него не было, въ этомъ онъ убѣдился. Развѣ онъ не могъ, не раздражая

безумными выходками благороднаго старика Ранѣева, который оказалъ ему столько добра, дождаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ? Но дѣло уже сдѣлано, онъ далъ клятву жонду служить ему, прошедшаго не воротишь.

Невольникъ своей присяги, Владиславъ ѣхалъ по Смоленской дорогѣ. Со станціи, противъ Бородинскаго поля, онъ видѣлъ памятникъ, поставленный во славу Россіи, боровшейся съ громадными силами двадцати народовъ и величайшаго генія-полководца. Подъ Краснымъ такой же памятникъ. Не съ бродячими шайками повстанцевъ имѣли тогда дѣло русскіе, не съ какими-нибудь Мѣрославскими, Жвирждовскими и Машевскими! Не отворили они побѣдоносному непріятелю дверей своей столицы, сожгли ее, испепелили свое сердце и изъ пепла возродились еще сильнѣе. Такой-ли народъ испугается угрозъ изъ-за угла палатскихъ стѣнъ и трибунъ клерикальныхъ ораторовъ?... Много крови будетъ вновь пролито, много падетъ жертвъ. Бѣдная ойчизна Польша! Развѣ мало обагрялась ты ею? развѣ мало уже падало жертвъ?

По дорогѣ все было тихо мертвенною тишиной. Будущею весной должна кругомъ разразиться революціонная гроза и облечь здѣшнюю страну кровавымъ саваномъ.

О! кабы скорѣе окутали и его самого.

Эдвига Стабровская ожидала сына съ нетерпѣніемъ и при первомъ свиданіи съ нимъ осыпала его самыми нѣжными, горячими ласками. Недолго, однакожъ, дала она волю чувствамъ матери,—патріотическое увлеченіе скоро заняло ихъ.

— Исполняя вашу волю, я пріѣхалъ сюда,—сказалъ Владиславъ,—приказывайте, мнѣ остается только повиноваться. Готовы-ли войско, оружіе, деньги?

— Все припасено будетъ ко времени, мой милый

пулковникъ, когда получимъ пароль дѣйствовать, — отвѣчала Эдвига.

— Худой я полководецъ. Всю жизнь свою держалъ перо въ рукѣ, мечъ для меня оружіе непривычное.

— Есть оружіе острѣе всѣхъ мечей, убійственнѣе ружей и пушекъ, — это любовь къ ойчизнѣ, а мы съ тобою и Ричардомъ не имѣемъ въ ней недостатка. Падете вы оба, я сама явлюсь на полѣ битвы. Будетъ рука моя слаба, чтобы поражать враговъ, поведу, по крайней мѣрѣ, своихъ воиновъ противъ притѣснителей моей ойчизны и одушевлю ихъ собственнымъ примѣромъ. Не въ первый разъ Польша видѣла своихъ дочерей въ челѣ полковъ!

И стала Эдвига развивать свои патріотическіе планы и надежды. Владиславъ повторялъ только, что онъ покорный исполнитель ея воли и готовъ умереть за дѣло ойчизны.

Начались съѣзды польскихъ пановъ, посвященныхъ въ тайны заговора и участниковъ въ немъ, начались обѣды, пиры. За столомъ приборы были изъ польскаго (фальшиваго) серебра: настоящее, русское, пробное серебро, котораго у богатыхъ помѣщиковъ были пуды, хранилось въ глубокихъ тайникахъ земли или стѣнъ. Такъ продолжалось во все время польской революціи и даже послѣ нея, потому что распущены были слухи что русское правительство станетъ отбирать серебро и выдавать за него кредитные билеты. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, Эдвига, близкая къ совершенному разоренію, заложила свою серебряную посуду евреямъ. Явились на съѣздахъ знакомыя уже намъ лица: вѣчный запѣвало въ спорахъ, Суздиловичъ, со своими тараканьими усиками и арбузнымъ брюшкомъ, свирѣпый Волкъ, панъ въ колтунѣ, нѣсколько другихъ помѣщиковъ, офицеровъ, дробной шляхты, мелкихъ чиновниковъ изъ Витебской губерніи, сту-

дентовъ и даже гимназистовъ. Много говорили, еще болѣе ѣли и пили. Часто вспыхивали раздоры, иногда изъ бездѣлицы, изъ покроя платья, шитья на немъ, знаковъ отличія по должностямъ въ жондѣ. Раздоры эти доходили бы до ножей, если бы не усмиряли пыла горячихъ патріотовъ присутствіе и убѣжденія хозяйки. Посвящалось, однакожъ, офицерами время, подъ предлогомъ охоты за звѣрями, на упражненіе разнаго навербованнаго сброда въ стрѣльбѣ, пониманіи команды и военныхъ эволюціяхъ. Охоты эти пріучали повстанцевъ къ травлѣ за русскими. Отважные и ловкіе стрѣлки, умные доѣзжачіе получали денежныя награды. Не забыты были и хлопы. Съ ними паны стали обращаться гуманнѣе, сократили ихъ работы и не посылали на панскій дворъ по воскресеньямъ постукать топоромъ, обѣщали имъ даровыя земли, если они будутъ преданы своимъ господамъ. Но добродушные бѣлорусцы, смекая въ этихъ приманкахъ что-то недоброе, не очень поддавались имъ, были себѣ на умѣ. Сдѣланъ былъ, какъ мы уже видѣли, черезъ Жучка подрядъ на косы, вилы, топоры, охотничьи ружья, порохъ. Надежды были великія, росли, казалось, съ каждымъ днемъ. Жвирждовскій не дремалъ въ Могилевской губерніи, ксендзъ Б. въ Антушевскомъ приходѣ воспламенялъ полекъ своими проповѣдями до того неосторожно, что русское правительство вынуждено было выслать его въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Собратъ Жвирждовскаго по генеральному штабу, Машевскій, организовалъ заговоръ въ Минской губерніи. Подъ начальствомъ Владислава образовалась сильная банда, которая должна была выступить изъ витебскихъ лѣсовъ и ударить на непріятеля, еслибъ могилевскія шайки оплошали. Ожидали съ нетерпѣніемъ весеннихъ дней, когда желѣзо сошниковъ будетъ раздирать грудь земли и деревья станутъ наигрывать почки.

Между тѣмъ Эдвига замѣчала, что въ сынѣ ея Владиславѣ не было тѣхъ горячихъ патріотическихъ увлеченій, которыхъ отъ него ожидала, дѣйствія его были вялы, на пирахъ онъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Волкъ подшучивалъ надъ своимъ пріятелемъ, говоря, что «Москва надломила его и уроки Пржшедиловскаго, видно, не пропадали даромъ».

— А знаете ли, пани Эдвига,—прибавлялъ Волкъ,—вашъ сынъ передалъ мнѣ кинжалъ, который вы ему нѣкогда подарили.

— Онъ перешелъ въ достойныя руки, — отвѣчала она.

— Съ тѣмъ,—замѣтилъ Волкъ,—чтобы онъ упился кровью измѣнника, еслибъ измѣнникъ между нами оказался.

— Не пощадите въ такомъ случаѣ и моего сына.

Владиславъ угрюмо молчалъ

Стабровская подозрѣвала, что онъ еще груститъ по своимъ московскимъ привязанностямъ, и старалась развлекать его обществомъ хорошенькихъ, ловкихъ, увлекательныхъ сосѣдокъ. Даже одну изъ нихъ, блестящее созвѣздіе среди свѣтилъ Бѣлорусскаго края, которую она особенно любила и за которую многіе безнадежно сватались, предложила ему въ супруги, увѣряя его, что красавица къ нему неравнодушна.

— Время-ли теперь думать о женитьбѣ,—говорилъ Владиславъ,—когда мы готовимся къ битвамъ? Не для того-ли, чтобы, поживъ нѣсколько недѣль съ женою, оставить послѣ себя молодую вдову? Вы сами говорили, что мы—крестоносцы, давшіе обѣтъ освободить родную землю отъ ига невѣрныхъ, и ни о чемъ другомъ не должны думать. Прошу васъ о невѣстахъ мнѣ болѣе не говорить.

И не было болѣе помина о невѣстахъ. Но случалось, что онъ оспаривалъ слишкомъ фанатическія на-

дежды ея, говорилъ, что многіе планы заговорщиковъ построены на пескѣ, что они могутъ разрушиться, когда Россія встанетъ со своими могучими силами на борьбу съ ненадежными силами польской интеллигенціи. Въ спорахъ у матери съ сыномъ дѣло доходило до серьезной размолвки. Въ это время конфиденты ея увѣдомили ее, что русская полиція начинаетъ зорко слѣдить за нею, что въ самомъ домѣ у нея есть измѣнники. Эдвига стала подозрѣвать вѣрныхъ ей доселѣ слугъ и экономовъ, сдѣлалась раздражительна, выходила нерѣдко изъ себя, начались гоненія. Одинъ изъ ея конфидентовъ, Жучокъ, желая изъ своихъ цѣлей выиграть ея довѣренность и замаскировать свое предательство, далъ ей знать подъ глубокой тайной, что депо оружія, стоившее ей такъ дорого, не безопасно хранится подъ склепомъ недостроеннаго костела. Надо было перевезти это депо въ другое надежное мѣсто. На это требовались большая осторожность и глубокая тайна. Кому-жъ поручить это дѣло, какъ не сыну и Волку? Волкъ и сынъ не могли измѣнить ей. Ночь окутала транспортъ своимъ чернымъ покровомъ, дремучій боръ принялъ его въ свои нѣдра. Молчаніе людей, перевозившихъ ящики и тюки съ оружіемъ, большею частью евреевъ, куплено золотомъ и страхомъ мучительной смерти. По проселочнымъ дорогамъ, по которымъ ѣхалъ транспортъ, жители деревушекъ, отдаленныхъ другъ отъ друга озерами, болотами и лѣсами, спали глубокимъ сномъ. Да если бы кто изъ этихъ жителей, разбуженный шумомъ проѣзжавшихъ мимо его хаты саней, вздумалъ взглянуть въ щель своего окошка, такъ и тотъ сказалъ бы только, махнувъ рукой: «Не наше дѣло, знать, евреи везутъ контрабанду».

Сердце Эдвиги было, однакожъ, не на мѣстѣ. Вслѣдъ затѣмъ до нея секретно дошла роковая вѣсть, что Ри-

чардъ погибъ... какъ, никто навѣрно, кромѣ нея, не зналъ. Она увѣдомила своихъ друзей, что онъ убитъ въ Царствѣ Польскомъ въ сшибкѣ съ русскими. Наружно разыгрывая роль героини, Эдвига старалась казаться спокойной, говорила, что гордится, счастлива, пожертвовавъ сына ойчизнѣ. Но душа ея была сильно потрясена; вскорѣ разочлась она со всѣми земными замыслами и навсегда опочила отъ нихъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла Владислава, когда пріѣхала Лиза въ городъ на Двинѣ. Любовь къ ней не угасала въ разлукѣ, она разгорѣлась еще сильнѣе со смертью ея отца, со смертью его матери, неурядицами и несогласіями, возникавшими между заговорщиками. Патріотизмъ его былъ невольный, машинальный. Стоило только сильному толчку сбить его. Слово любимой женщины могло быть этимъ толчкомъ. Планы Яскулки развернули передъ нимъ новый свитокъ прекрасныхъ надеждъ. Онъ старался познакомиться съ Евгеніей Сергѣевной, о связяхъ которой съ семействомъ слыхалъ отъ него. Добиться, во что бы то ни стало, свиданія съ Лизой было непремѣннымъ его рѣшеніемъ. Онъ метался мыслями и чувствами то въ міръ блаженства, то въ мрачную будущность, ожидавшую двойного клятвопреступника. Измѣнникъ однажды Россіи, онъ уже сердцемъ измѣнилъ клятвѣ, которую далъ жонду.

Лиза пожелала скорѣе видѣть своего дѣда и на другой же день секретнаго разговора съ Зарницыной поѣхала къ нему Старикъ былъ предупрежденъ о ея пріѣздѣ. Какъ забилось сердце ея, когда она завидѣла скромный домъ его среди плодовыхъ садовъ съ одной стороны, длинныхъ амбаровъ и службъ съ другой и многочисленной семьи пирамидальныхъ скирдъ, ровныхъ, гладкихъ, будто отесанныхъ топоромъ. За домомъ видна была Двина, сбросившая уже съ себя ле-

дяныя оковы. Порогъ *Пурга* запѣвалъ свою шумную пѣсню. На дворѣ стоялъ высокій столбъ, на вершинѣ его красовались бархатная малиновая шапка и свитка съ шелковымъ кушакомъ. Когда экипажъ Лизы въѣхалъ на дворъ, нѣсколько десятковъ крестьянъ и крестьянокъ, большіе и малые, въ праздничныхъ платьяхъ, встали съ бревенъ, на которыхъ сидѣли. Мужчины сняли свои бѣлыя валеныя шапки въ видѣ гречниковъ, всѣ низко поклонились. Самъ Яскулка ожидалъ свою внучку у дверей въ сѣни и встрѣтилъ ее, по-русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью. Лиза пала передъ нимъ на колѣно и поцѣловала его руку; онъ съ горячностью принялъ ее въ свои объятія и повелъ въ покои.

По портрету панцырнаго боярина, хранившемуся столько лѣтъ у Ранѣевыхъ, Лиза привыкла воображать своего дѣда такимъ, какимъ онъ изображенъ былъ на холстѣ, съ черными, огненными глазами, проницающими насквозь, съ пышнымъ лѣсомъ черныхъ волосъ, падающихъ на плечи, съ прямымъ, гордымъ станомъ. И чтожъ теперь наяву осталось отъ этой воинственной фигуры? Сгорбленный старикъ, съ мутными, покраснѣвшими глазами, съ обнаженнымъ, какъ ладонь, черепомъ. Огромные усы побѣлѣли и пожелтѣли, на нихъ дрожали слезы. И вотъ, этотъ гордый панцырный бояринъ, вмѣсто того, чтобы на рьяномъ конѣ встрѣчать польскаго пана круля, встрѣчаетъ съ нѣжностью, съ любовью хорошенькую внучку, пріѣхавшую изъ ненавистной ему доселѣ Москвы. Онъ почитаетъ себя счастливѣе любого пана круля; такъ измѣнились обстоятельства.

— Внучка, милая внучка, мое дорогое дитя, моя яскулка (моя ласточка), дай мнѣ насмотрѣться на тебя,—могъ онъ только сказать, утирая длинные усы, на которые капали слезы.

Казалось, всѣ нѣжныя чувства, которыхъ лишенъ былъ Яскулка въ продолженіе своей жизни, притекли разомъ къ его сердцу. Онъ ставилъ Лизу къ солнечному свѣту, чтобы лучше разглядѣть ее. Не ожидала она такого пріема и въ восторгѣ отъ него расточала дѣду самыя горячія ласки. Наконецъ, онъ усадилъ ее на почетное мѣсто дивана и сѣлъ противъ нея въ креслахъ.

— Безумный, — говорилъ онъ, — я такъ долго не зналъ этого сокровища, не могъ оцѣнить его. Слушай, Елизбета, счеты наши съ твоимъ отцомъ тянулись слишкомъ долго. Кончаю ихъ, хоть и поздно. Виноватъ я былъ передъ нимъ, передъ твоею матерью; сильно каюсь въ томъ. Прости мнѣ, добрая моя Агнеса, прости, Михаилъ Аполлонычъ. Не взыщите съ меня на страшномъ судѣ и, когда явлюсь передъ вами, примите меня съ миромъ.

И плакалъ старикъ горячими слезами.

— Какъ радуются отецъ и мать вашему примиренію съ ними! — сказала Лиза, схвативъ руку дѣда и цѣлуя ее.

— Розалія! — крикнулъ онъ, и на этотъ зовъ явилась благовидная, съ добрымъ лицомъ, старушка, въ широкомъ чепцѣ бозукоризненной бѣлизны, отороченномъ кружевцами.—Это моя экономка, шляхтянка, живетъ у меня слишкомъ двадцать лѣтъ,—сказалъ Яскулка, указывая на вошедшую.—Сколько разъ совѣтовала она мнѣ помириться съ твоимъ отцомъ, но я не слушался ея, сколько терпѣла за это отъ меня!

Потомъ, обратясь къ экономкѣ, примолвилъ, указывая на Лизу:

— Это моя внучка, Елизбета Ранѣева, дочь генерала. Посмотри на нее, полюбуйся. Видѣла-ли ты въ здѣшнемъ краю что-нибудь краше?

Экономка, скрестивъ руки, благоговѣйно смотрѣла

на внучку Яскулки, дочь генерала, какъ-будто пораженная ея красотой и величіемъ.

— Словно ангелъ слетѣлъ въ нашу обитель,—промолвила, наконецъ, Розалія и бросилась было цѣловать руку у Лизы, но та не допустила до этого и сама горячо обняла.

Яскулка властительно далъ знать рукою экономкѣ, чтобъ она удалилась, и когда та вышла изъ комнаты, сказалъ Лизѣ:

— Евгенія Сергѣевна, конечно, говорила уже тебѣ, какіе замыслы имѣю я на тебя.

— Говорила.

— Владиславъ Стабровскій любитъ тебя, онъ тебѣ пара, я старъ, гляжу въ гробъ. . Мое желаніе, мое лучшее утѣшеніе въ послѣдніе дни моей жизни было бы видѣть васъ мужемъ и женою... Все имѣніе мое завѣщаю вамъ съ тѣмъ, чтобы вы приняли мою фамилію.

— Дѣдушка,—отвѣчала Лиза твердымъ голосомъ,—къ исполненію этихъ желаній есть неодолимое препятствіе,—обѣтъ, данный отцу, не выходить замужъ за врага Россіи. Обѣту этому не измѣню ни за какія сокровища въ мірѣ. Вы, конечно, знаете, что Владиславъ замѣшанъ въ революціонныхъ замыслахъ противъ моего отечества.

— Знаю.

— Пока онъ не отречется отъ нихъ, пока не докажетъ на дѣлѣ, что будетъ вѣренъ Россіи, нашему русскому государю, сердце и рука моя не могутъ ему принадлежать. Я была бы недостойна видѣть свѣтъ Божій, еслибъ изъ корыстныхъ видовъ измѣнила клятвѣ, данной умирающему отцу.

— Онъ тебя любитъ, въ этомъ я увѣренъ, мы обратимъ его на путь истинный, если-жъ нѣтъ, такъ пусть покараютъ его Богъ и русскіе законы. Во вся-

комъ случаѣ ты останешься моею дорогою внучкой, наслѣдницей моего богатства и имени... Какой молодой человѣкъ, да еще влюбленный, поколеблется идти для тебя хоть на чорта

Яскулка посмотрѣлъ на стѣнные часы.

— Владиславъ долженъ черезъ часъ быть здѣсь..

— Такъ скоро? — сказала Лиза, вздрогнувъ при этомъ имени. Она не ожидала такого скораго свиданія.

— «Куй желѣзо, пока горячо», говоритъ ваша русская пословица. Время не терпитъ. — Розалія! — крикнулъ онъ, — мою шапочку и палку, а паненкѣ ея теплую одежду и обувь.

Когда та и другая были принесены, помолодѣвшій Яскулка, будто вспрыснутый мертвою и живою водой, бодро накинулъ на себя шапку и, опираясь на суковатую палку, вышелъ изъ комнаты, сказавъ Лизѣ, надѣвавшей на себя теплую одежду, чтобы она за нимъ слѣдовала.

Они вышли на крыльцо двора. Старикъ махнулъ рукою народу, чтобы подошелъ къ нимъ, и, когда крестьяне и крестьянки составили изъ себя кольцо около господскаго крыльца, сказалъ имъ громогласно: «Вотъ моя внучка, Елизбета, ваша будущая госпожа».

— Много лѣтъ здравствовать,—закричалъ въ толпѣ отставной солдатъ, за нимъ повторили то же другіе, женщины смотрѣли на свою будущую госпожу съ умиленіемъ и любовью.

— Теперь выпейте горѣлки за здравіе ея, — примолвилъ Яскулка,—и веселитесь, сколько душѣ угодно.

На дворѣ разставлены были столы съ разными крестьянскими яствами и боченки съ горѣлкой. Первая чарка сопровождалась новымъ пожеланіемъ здравія паненкѣ Елизбетѣ и дѣду ея, Яскулкѣ. Пошло пированіе, пили водку старики, взрослые, пили кобиты, дивчаты, мальчики, какъ-будто они привыкли вкушать

ее съ того времени, какъ отняли ихъ отъ груди матери. Бѣлоруссцы переродились, куда дѣвалась ихъ неподвижность! Появились волынки, скрипки, дивчаты пустились въ плясъ, началось акробатическое состязаніе по мачтѣ, намазанной саломъ. Много было смѣха, когда нѣкоторые молодцы, желая достигнуть побѣднаго вѣнка—бархатной шапки и свитки съ шелковымъ кушакомъ, скользили съ разной высоты и падали на землю. Награда досталась, однакожъ, одному изъ самыхъ отважныхъ и ловкихъ рыцарей. Экономка принесла большую корзинку, загроможденную разноцвѣтными лентами, платками, черевичками и другими женскими нарядами. Раздача ихъ представлена была царицѣ дня, внучкѣ Яскулки. Съ какою радостью исполнила она эту обязанность, какъ умѣла искусно уравнять подарки и приправить ихъ ласковымъ словомъ, для котораго обращалась къ живому бѣлорусскому словарю своего дѣда! Нѣкоторыхъ пригожихъ и дѣтей она перецѣловала. Всѣ были веселы, всѣ были счастливы. Въ это время въѣхалъ во дворъ экипажъ, въ немъ сидѣлъ Владиславъ. Лиза сейчасъ узнала рокового посѣтителя, она поблѣднѣла, задрожала и машинально оперлась на руку дѣда, забывъ, что эта рука не можетъ поддержать ее.

— Пойдемъ въ комнаты,—сказалъ Яскулка, замѣтивъ ея тревожное состояніе, и, загородивъ ее собою, показалъ ей дорогу впередъ.

Прежде чѣмъ Владиславъ вошелъ за ними въ домъ, она успѣла нѣсколько оправиться; когда-жъ онъ вступилъ въ комнату, гдѣ она и Яскулка его приняли, Владиславъ и Лиза окинули другъ друга пытливымъ взглядомъ. Какъ говорила Тони, онъ очень похудѣлъ, красота Лизы выступала еще рѣзче изъ-подъ глубокаго траура. Онъ хотѣлъ подать Лизѣ руку, но та опустила свою и церемоніально присѣла передъ нимъ.

— Вы родные, люди близкіе,—сказалъ Яскулка,—а встрѣчаетесь точно чужіе. Не хочу мѣшать вамъ своимъ присутствіемъ, авось безъ меня наединѣ скорѣе поладите.

— Я пріѣхалъ сюда,—началъ первый Владиславъ, когда старикъ удалился, — чтобы имѣть счастіе тебя увидѣть, хоть подышать съ тобою однимъ воздухомъ, услышать отъ тебя, если не слово любви, то по крайней мѣрѣ дружескаго привѣта.

— Прежде всякихъ объясненій я спрошу тебя, Владиславъ, съ кѣмъ я говорю: съ врагомъ Россіи, съ измѣнникомъ, или...

— Твое слово,—отвѣчалъ онъ,—должно порѣшить: броситься-ли мнѣ окончательно въ безумный сбродъ польскихъ революціонеровъ и погибнуть съ ними. Любила-ли ты меня, любишь ли еще?

— Любила, да. И какъ еще любила! Ты одинъ этого не понималъ. Ты не видѣлъ моей любви въ глазахъ моихъ, не слыхалъ ея въ звукѣ моего голоса. Мало ли я боролась со своимъ разсудкомъ, съ волею отца, со своимъ долгомъ! Легко ли мнѣ было! Развѣ не замѣтилъ ты этой любви, когда я разставалась съ тобою въ Прѣсненскомъ саду? Для тебя я отказала въ рукѣ своей прекрасному человѣку, который предался мнѣ всѣмъ сердцемъ, котораго назначалъ мнѣ отецъ. Для тебя отказалась отъ мирной, семейной жизни въ довольствѣ. И для кого-жъ пріѣхала сюда? Какихъ-же еще доказательствъ нужно тебѣ? Откажись отъ революціонныхъ затѣй своей матери, оторвись отъ безумныхъ братій своихъ—и тогда...

Наступила минута рѣшительная.

Владиславъ покачалъ головой и закрылъ рукою глаза, изъ которыхъ готовы были брызнуть слезы.

— Вновь предатель, вновь измѣнникъ... перемётчикъ... позорныя имена! Я далъ присягу.

— Безумная присяга, вырванная у тебя въ минуту отчаянія! Ты прежде далъ другую присягу русскому царю! Ее слышалъ, ее принялъ общій намъ Всемогущій Богъ, общій намъ Судья. Развѣ шутилъ ты святою клятвою?

— И тогда, чтожъ?

— О! тогда я *твоя*. Бери меня, мою душу, мою жизнь. Видишь, на мнѣ траурная одежда. Для тебя сниму ее, потревожу прахъ отца, пойду съ тобою въ храмъ Божій и тамъ, у алтаря его, скажу всенародно, что я тебя люблю, что никого не любила кромѣ тебя и буду любить, пока останется во мнѣ хоть искра жизни. Не постыжусь принять имя Стабровскаго, опозоренное измѣною твоего брата.

— Но если русское правительство узнаетъ, что я былъ участникомъ революціонныхъ замысловъ поляковъ, и тогда... преступникъ, ссыльный въ Сибирь... что съ тобою будетъ?

— Вѣдь ты еще не совершилъ ихъ, этихъ замысловъ? Говори.

— Рѣшительно, нѣтъ еще.

— Мы съ Зарницыной оправдаемъ тебя, представимъ доказательства. Я брошусь тогда къ ногамъ государя моего, разскажу ему и твои вины, и твое раскаяніе. Онъ милостивъ, нашъ царь, онъ проститъ тебѣ минутное заблужденіе. А если нѣтъ, я жена ссыльнаго, поплетусь за тобою въ тундры и снѣга Сибири, понесу твои цѣпи, буду твоей работницей.

— Я былъ бы чудовище, еслибъ послѣ твоихъ словъ сказалъ: нѣтъ! Лиза, моя безцѣнная Лиза, мое божество: вотъ здѣсь, у образа Спасителя и Пречистой Его Матери, клянусь передъ лицомъ ихъ отнынѣ, съ этой минуты принадлежать Россіи всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами, всѣми дѣлами моими

— Вѣрно, милый другъ, и вотъ тебѣ доказательство, что я тебѣ вѣрю—мой брачный поцѣлуй.

Она бросилась ему на грудь, обняла его и поцѣловала страстнымъ поцѣлуемъ, отъ котораго они оба обезумѣли.

Владиславъ разсказалъ ей планы бѣлорусскихъ заговорщиковъ и средства ихъ разрушить.

— Теперь позови сюда дѣдушку,—сказала она.

Владиславъ позвалъ Яскулку и объявилъ ему, что все между ними порѣшено и онъ можетъ поздравить ихъ женихомъ и невѣстой. Яскулка благословилъ ихъ, но взялъ съ нихъ слово принять его фамилію.

За обильнымъ обѣдомъ старикъ пилъ за здоровье жениха и невѣсты, густымъ, какъ масло, токаемъ, отрытымъ въ завѣтномъ углу погреба; пригласили и экономку выпить рюмку за это здоровье съ пожеланіемъ имъ счастія.

— Парочка,—говорила она, осушивъ рюмку,—изо всего свѣта подобрать. Тряхну же я старыми костями на вашей свадьбѣ.

Условлено было строго до времени хранить тайну между лицами, посвященными въ нее, и Зарницыной, которой Лиза должна была ее передать.

IV

Какія мысли и чувства волновали душу Лизы, когда она возвращалась домой! Вся жизнь ея перевернулась вверхъ дномъ. И какъ быстро это совершилось! Видно, на то была воля Божія. Тони сказала бы, что этотъ день записанъ въ книгѣ судьбы ея подруги еще при рожденіи ея. Нарушила-ли Лиза клятву, данную отцу? Нѣтъ, думала она. Опасный врагъ Россіи сдѣлался преданнымъ ей сыномъ, цѣлый край избавится отъ многихъ бѣдствій, кровь и жизнь многихъ тысячъ будутъ пощажены, отцы будутъ сохранены дѣтямъ, мужья женамъ. «Нѣтъ, — повторила Лиза, желая себя успокоить,—отецъ мой видитъ съ того свѣта мои помыслы, чистоту моихъ намѣреній и благословляетъ меня на этотъ подвигъ. Благодарю Тебя, Господи, что избралъ меня орудіемъ для совершенія его. Я была къ нему предназначена».

Евгенія Сергѣевна ждала Лизу съ нетерпѣніемъ и приказала слугѣ, какъ скоро пріѣдетъ она, просить ее въ кабинетъ. Здѣсь Лиза передала Зарницыной все, что съ нею случилось въ этотъ день. Рѣшимость ея на бракъ съ Владиславомъ не вызвала противорѣчія со стороны ея второй матери, воспламененной патріотическою мыслью, что бракъ этотъ послужитъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ въ пользу русскаго дѣла.

— Время не терпитъ, — сказала Евгенія Сергѣевна, — я получила извѣстіе, что на границѣ Витебской губерніи паны и дробная шляхта готовятся къ возстанію. Владиславъ сдѣлаетъ для жены своей то, чего не сдѣлалъ бы для женщины, хотя имъ любимой, но которую онъ не можетъ еще назвать *своею*.

Рѣшено было между Зарницыной и Лизой, чтобы бракъ былъ скорѣе совершенъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ города, ближе къ псковской границѣ, въ костелѣ и русской церкви, при немногихъ свидѣтеляхъ, на скромность которыхъ можно было положиться. Между тѣмъ вызваны были и Жучокъ и Застрембецкій на совѣщаніе. Пока дѣлались приготовленія къ роковому браку, пришло письмо на имя Евгеніи Сергѣевны отъ слуги Сурмина, что баринъ его отчаянно боленъ горячкою, которою заразился, ухаживая за больными въ деревнѣ, гдѣ валитъ эта болѣзнь стараго и малаго. Слуга просилъ карету и доктора. «Лошади разставлены отъ деревни до города на станціяхъ», говорилось въ письмѣ.

Это извѣстіе очень опечалило Зарницыну и Лизу; Тони, которой передали его, не въ силахъ была скрыть своихъ слезъ. О! какъ бы она хотѣла назваться *его* сестрою, поѣхать за больнымъ, ухаживать за нимъ дорогой. Что̀ ей приличія, общественное мнѣніе! Слова напрасныя! Тамъ нѣтъ приличія, гдѣ любимый человѣкъ требуетъ помощи, въ которую должно положить душу свою, которую можетъ только оказать мать, сестра, кто-бы она ни была, но лишь бы была любящая женщина. Что ей судъ здѣшняго общества? Она его не знаетъ, не знаетъ и ея это общество. Заразы отъ больного она не боится.

Этотъ сердечный порывъ смѣнился, однакожъ, убѣжденіями разсудка. Помощь доктора и, какъ говорила Евгенія Сергѣевна, посылка съ нимъ фельдшера бу-

дутъ полезнѣе для больного во время пути. Она только затруднитъ путешествіе, да и кто помѣшаетъ ей за нимъ ходить, когда его привезутъ въ городъ.

Послали тотчасъ за докторомъ Левенмаулемъ, изъ курляндскихъ евреевъ, учившимся въ дерптскомъ университетѣ и славившимся искусною и счастливою практикой. Докторъ согласился ѣхать, запасся нужными, по его соображеніямъ, медикаментами, взялъ съ собою фельдшера и отправился въ путь.

Слуга Сурмина, Сергѣй, встрѣтилъ его со слезами на глазахъ.

— Живъ?—спросилъ Левенмауль.

— Живъ, но плохъ,—отвѣчалъ слуга.

Больной найденъ былъ докторомъ въ опасномъ положеніи, въ сильномъ жару и бреду. Нечего было мѣшкать. Подавъ ему возможное пособіе, какое у него было подъ руками, и оставивъ смышленому русскому конторщику разныя аптечныя снадобья и наставленія для больныхъ крестьянъ, уложили, сколько возможно было, покойнѣе паціента въ каретѣ. Съ одной стороны сѣлъ докторъ, съ другой—фельдшеръ, Сергѣй на козлы, и тронулись въ путь. Наступала ночь. Горѣли два фонаря у кареты, зажгли одинъ внутри ея, впереди ѣхали два конные съ фонарями. Огни отъ нихъ, при быстрой ѣздѣ, мелькали, какъ пролетающіе метеоры, и мимолетно отражались въ лужахъ, образовавшихся отъ стаявшихъ снѣговъ. Верстахъ въ десяти отъ деревни Сурмина надо было ѣхать густымъ сосновымъ лѣсомъ. Корни столѣтнихъ деревъ, выступивъ изъ земли, переползали дорогу и дѣлали ѣзду несносною. Докторъ, боясь сильныхъ толчковъ для больного, приказалъ ѣхать тише. По узкой дорогѣ пристяжныя задѣвали за деревья. Поѣхали ощупью. Вдругъ, среди ночной тишины, послышались веселые голоса, пѣли революціонныя и вперемежку двусмысленныя пѣсни.

Эхо повторяло ихъ. Раздавался хохотъ, хохоталъ и лѣсъ. Казалось, лѣшій тѣшился въ ночи. Дорогу, по которой ѣхали наши путешественники, перекрещивала другая, такая же проселочная. На ней замелькали тоже огни. Пѣсни вдругъ смолкли, скоро толпа всадниковъ обступила экипажъ и остановила выносныхъ лошадей.

— Кто ѣдетъ? — закричалъ по-польски громовый голосъ.

— Русскій помѣщикъ Сурминъ, — отвѣчалъ съ козелъ слуга Сергѣй.

— Русскій! богачъ! знаемъ! чтобъ его бисы побрали!

— Поселился въ нашемъ польскомъ краю, совьетъ себѣ здѣсь гнѣздо на нашу бѣду.

— Начнемъ кампанію съ него, съ нами револьверы.

— Убьемъ его, однимъ врагомъ меньше.

— Убьемъ, убьемъ, — повторяли голоса, и вслѣдъ затѣмъ ударъ какимъ-то твердымъ орудіемъ разбилъ вдребезги стекло въ окнѣ кареты, такъ что осколки его посыпались на доктора; фельдшеръ закрылъ собою больного.

— Господа, — сказалъ Левенмауль по-польски, высунувъ голову изъ окна,—пощадите больного, умирающаго. Ваши дѣйствія приличны только разбойникамъ, а не честнымъ патріотамъ. Если-жъ вы затѣете что-нибудь худшее, такъ въ отвѣтъ вамъ есть и у насъ револьверы.

— А ты кто такой?—закричалъ одинъ изъ всадниковъ. — Не нашъ-ли компатріотъ-измѣнникъ, въ услуженіи у русскаго?

— Я докторъ Левенмауль.

— Докторъ Левенмауль?—повторила ватага.

— Виватъ докторъ Левенмауль!

— Онъ спасъ меня отъ смерти.

— Онъ воскресилъ мою жену.

— Простите насъ, докторъ, мы были на пиру, подпили порядкомъ.

— Дайте намъ вашу руку и ступайте съ Богомъ.

Левенмауль выставилъ свою руку изъ окна, нѣсколько рукъ, одна за другою, спѣшили пожать ее.

Карета тронулась, мѣсто разбитаго стекла умудрились заложить подушкой. Этой бѣдой кончилось разбойническое нападеніе патріотовъ, которое могло бы имѣть ужасныя послѣдствія, еслибъ не былъ тутъ Левенмауль, любимый и уважаемый всѣми въ губерніи. Отчаянная ватага дѣйствительно, возвращалась съ пирушки у сосѣдняго пана. На ней, въ чаду винныхъ паровъ, положено было не щадить ни одного русскаго, гдѣ бы онъ ни попался. Остальной путь сдѣлалъ докторъ безъ особенныхъ приключеній. Больному приготовлены были комнаты въ нижнемъ этажѣ квартиры Зарницыной, остававшіяся пустыми по случаю отсутствія генерала. Тони, Евгенія Сергѣевна и Лиза тотчасъ посѣтили его. На разспросы доктора о состояніи его, Левенмауль не могъ сказать ничего рѣшительнаго, впрочемъ, возлагалъ упованіе на Бога.

Тони отрекомендовала себя ему, какъ сестра больного, и просила позволенія ухаживать за нимъ.

— И вы не боитесь, чтобы болѣзнь пристала къ вамъ?—сказалъ Левенмауль.—Я долженъ предупредить васъ, что она заразительна.

— Тутъ не до страху,—отвѣчала Тони,—когда человѣкъ близкій въ опасности.

— Мы примемъ, однакожъ, мѣры, чтобъ она васъ не коснулась, прошу соблюдать ихъ.

— Все, что вы прикажете.

И стала Тони съ этого времени ухаживать за больнымъ, какъ самая усердная сидѣлка, какъ ухаживала бы мать за сыномъ, сестра за братомъ, горячо любя-

щая жена за мужемъ. И просиживала она не только нѣсколько часовъ дня, но и по ночамъ, у постели его. Ускореніе и замедленіе его пульса повергали ее въ ужасную тревогу, малѣйшій проблескъ выздоровленія дѣлалъ ее счастливою. Казалось, она жила его жизнью и должна была умереть вмѣстѣ съ нимъ. Обо всѣхъ перемѣнахъ больного она давала подробный отчетъ доктору. Разъ Сурминъ въ бреду произнесъ ея имя. Осмотрѣвшись и увидавъ, что въ комнатѣ не было ни фельдшера, ни слуги, она схватила его руку и съ жаромъ поцѣловала ее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на Тони, улыбнулся и снова закрылъ ихъ. Пріѣхалъ докторъ, пощупалъ пульсъ больного и объявилъ названной сестрѣ, что кризисъ миновался и есть надежда на благополучный исходъ болѣзни. Тони съ благодарностью взглянула на образъ Спасителя, слезы обильно потекли по исхудалымъ щекамъ ея. Крѣпко пожала она руку доктора и, еслибъ не стыдилась его, бросилась бы передъ нимъ на колѣни. Съ каждымъ днемъ Сурмину дѣлалось лучше; Левенмауль, прежде задумчивый, грустный, повеселѣлъ и сталъ пошучивать, Тони сіяла отъ удовольствія.

— Мнѣ кажется,—спросилъ доктора больной, увидавшій мелькнувшее въ дверяхъ женское платье,—что здѣсь была женщина, кто это была?

— Ваша сестра, — отвѣчалъ докторъ.

— Моя сестра, — спросилъ Сурминъ, приложивъ руку ко лбу,—развѣ она пріѣхала? Которая же? Поэтому и мать моя здѣсь?

— Нѣтъ, одна сестра ваша, да вы, конечно, забыли въ своей болѣзни, что пріѣхали вмѣстѣ съ нею.

— Я пріѣхалъ съ Ранѣевой и Антониной Павловной Лориной. Неужели она?

— Она во все время болѣзни ухаживала за вами, ночь просиживала у вашей кровати. Я боялся, чтобы она сама не заболѣла, да, видно, натура сильная.

— Я ничего тутъ не понимаю, неужели? — твердилъ Сурминъ.

— И я самъ тоже ничего не понимаю, знаю только, что вамъ нужно спокойствіе.

— Я спокоенъ, я счастливъ. Дайте мнѣ только увидать ее.

— Дня черезъ два, три, посмотримъ, когда соберетесь съ силами.

— Такъ долго, такъ долго, жестокій человѣкъ, — говорилъ Сурминъ, и между тѣмъ какое-то смутное, радостное чувство оживляло его.

На другой день больной чувствовалъ себя еще лучше и просилъ доктора узнать отъ горничной Зарницыной, какъ зовутъ ту, которая такъ усердно ухаживала за нимъ. Докторъ не хотѣлъ противорѣчить своему паціенту, чтобы не раздражать его, и, узнавъ имя и отчество прекрасной сидѣлки, сталъ подозрѣвать какую-то мистификацію.

«Моего паціента зовутъ Андрей Иванычъ, а ее Антонина Павловна, какая-жь тутъ сестра»,—думалъ онъ и сошедши къ Сурмину, нашелъ уже его сидѣвшимъ въ креслахъ.

— Браво, браво! — провозгласилъ докторъ, — день два, и вы будете на ногахъ. Только прошу васъ не волноваться, не тревожиться. Если вы будете пай, мое дитя, такъ я позволю вамъ завтра увидѣть вашу хорошенькую сестрицу.

— Опять завтра,—пожаловался Сурминъ съ неудовольствіемъ.

— Вотъ вы и волнуетесь, въ такомъ случаѣ я вынужденъ буду прибѣгнуть опять къ латинской кухнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой любезнѣйшій, добрѣйшій докторъ... Я буду кротокъ, послушенъ, какъ самое покорное дитя. Скажите мнѣ только ея имя.

Левенмауль усмѣхаясь погрозилъ на него пальцемъ.

— Шашни, шашни, любезный другъ. Позвольте васъ спросить, какъ васъ зовутъ?

— Андрей, Ивановъ сынъ, Сурминъ.

— А ту интересную дѣвушку, что за вами ухаживала, Антониной Павловной Лориной. Ха, ха, ха!

— Добрая моя Тони, ангелъ мой,—говорилъ Сурминъ,—ты могла заразиться отъ меня, такая молодая, умереть. Какія жертвы! Я назвалъ ее *моя*, докторъ; да, Антонина Павловна моя невѣста, пока не назову ее болѣе дорогимъ именемъ.

— Я это подозрѣвалъ,—отвѣчалъ докторъ.

Между тѣмъ онъ ничего не подозрѣвалъ, занятый одною болѣзнью своего паціента.

— Крѣпните, мужайтесь, и скорѣе маршъ молодцомъ къ вѣнцу.

— Отчего въ домѣ такъ тихо? — спросилъ Сурминъ.—Подъѣздъ почти у моихъ оконъ, а не слыхать стука экипажа.

— Немудрено, хозяйка велѣла настлать передъ вашими окнами соломы, — навалили цѣлую гору, — да какъ скоро узнала, что вамъ лучше, уѣхала съ другою гостьей своей за городъ и до сихъ поръ не возвращалась.

На другой день докторъ, увѣренный въ полномъ выздоровленіи Сурмина, исполнилъ свое обѣщаніе. Предупредивъ его, онъ ввелъ къ нему Антонину Павловну и оставилъ ихъ однихъ. Радость и любовь сіяли въ глазахъ ея: казалось, она расцвѣла въ эти минуты. Сурминъ сидѣлъ въ креслахъ, она сѣла подлѣ него въ другія. Онъ взялъ ея руку, съ жаромъ поцѣловалъ ее и, задержавъ въ своей, сказалъ:

— Милая... не буду говорить: Антонина Павловна, скажу просто, милая, прекрасная, добрая моя Тони. Я обѣщалъ доктору говорить съ тобою спокойно, безъ увлеченій, которымъ готово было бы мое сердце предаться въ эти минуты, — такъ и сдѣлаю. Не имѣю нужды спрашивать тебя, любишь ли меня, ты это мнѣ доказала. Мнѣ разсказали, какимъ опасностямъ ты подвергалась, ухаживая за умирающимъ. Тебѣ извѣстно, что я нѣкогда страстно, бѣшено полюбилъ твою подругу. Такія страстныя вспышки не надежны. Слава Богу, онѣ разомъ погасли отъ нѣсколькихъ словъ Ливеты Михайловны. Она любила другого и прямо, честно сказала мнѣ, что сердце ея не свободно. Благородная, твердая дѣвушка! Дай Богъ ей счастья! Но не для нея Провидѣніе въ одинъ изъ августовскихъ дней прошлаго года вызвало меня на Кузнецкій мостъ, не для нея приготовило оно мнѣ встрѣчу съ Михайломъ Аполлонычемъ, привело меня въ домъ вашъ. Не Лиза, а Тони была предназначена мнѣ свыше. Ты магнетическимъ токомъ своимъ очаровательныхъ глазъ, ангельскимъ характеромъ, не могу объяснить еще чѣмъ, притягивала меня къ себѣ болѣе и болѣе каждый день. Сердце твое чисто и свободно, я это знаю.

— Оно принадлежало тебѣ, мой другъ, съ первой минуты, какъ я тебя увидала.

Сурминъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ. Тони зардѣлась любовью и счастіемъ.

— А знаешь ли, — сказалъ онъ, — сколько разъ мысленно цѣловалъ я тебя, когда мы сидѣли другъ противъ друга въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ?

— О! еслибъ открывать всѣ задушевныя тайны свои, много такихъ поцѣлуевъ отъ меня пересчиталъ бы ты.

— Какъ будетъ довольна, счастлива моя добрая, безцѣнная старушка-мать и сестренки, когда узнаютъ, что ты моя невѣста! Какъ онѣ тебя любятъ! Въ каж-

домъ письмѣ ко мнѣ спрашиваютъ о тебѣ съ живымъ участіемъ. Я увѣренъ, что лучшее ихъ желаніе видѣть тебя подругою моей жизни.

Такъ говорили они, рука въ рукѣ, когда пришелъ докторъ и подалъ Тони письмо.

— Слуга здѣшній просилъ меня передать вамъ, — сказалъ онъ. — Все еще воркуютъ голубки мои; не прописать-ли вамъ успокоительнаго, мой другъ?

— Эта особа прописала мнѣ такое сердечное лѣкарство, какого не найдешь ни въ одной аптекѣ.

— Отъ котораго однако-же умираютъ, если оно дается въ слишкомъ сильной дозѣ.

Тони прочла письмо; оно было отъ Евгеніи Сергѣвны. Вотъ что она писала:

«Не безпокойтесь, милый другъ, объ насъ. Мы гостимъ у дѣдушки Лизы, Яскулки, здоровы, веселы и *счастливы*. (Послѣднее слово было подчеркнуто и заставило Тони призадуматься). Я послѣзавтра возвращаюсь домой, Лиза остается еще здѣсь на нѣсколько дней. До свиданья, мой ангелъ. Напишите намъ съ нарочнымъ, поправляется ли нашъ больной. Мы обѣ очень тревожимся на его счетъ, хотя при отъѣздѣ нашемъ докторъ ручался за жизнь его. Насъ успокоиваетъ мысль, что Андрей Ивановичъ на надежныхъ рукахъ искуснаго врача и прекраснаго человѣка и на рукахъ женщины, которой сердце — дорогой алмазъ, какого не имѣютъ цари въ своихъ коронахъ».

Тони передала письмо Сурмину; тотъ, читая его, также призадумался надъ подчеркнутомъ словомъ: «*счастливы*». Онъ прочелъ доктору строки, касающіяся его. Лёвенмауль былъ, видимо, доволенъ, только замѣтилъ, что Евгенія Сергѣевна прекрасная, добрая, умная дама, однимъ словомъ—была бы совершенство, еслибъ только...

Онъ не договорилъ, а покружилъ рукою надъ го-

ловою своей, какъ-будто хотѣлъ сказать, что вихри летаютъ въ головѣ Зарницыной.

Докторъ былъ человѣкъ положительный.

Что дѣлалось въ это время съ Лизой? Какое *счастіе* внезапно упало на нее съ неба? Она сама не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что, какъ съ нею случилось. Голова ея кружилась, горѣла... Она чувствовала, что несется на огненныхъ крыльяхъ въ край невѣдомый, таинственный и не въ силахъ спуститься на землю, образумиться...

Бракъ ея былъ совершенъ въ костелѣ и въ православной церкви въ одномъ изъ уѣздовъ, ближайшихъ къ псковской границѣ, она носила ужь имя Стабровскаго. Свидѣтелями были унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Застрембецкій и отставной изъ инвалидной команды капитанъ, старичекъ, преданный душою Зарницыной за многія пособія которыя она оказывала его семейству. Матерью посаженою у Лизы была она, отцомъ посаженымъ у Владислава — Яскулка. Тайна брака строго сохранялась до времени подъ страховыми печатями любви и преданности. Для новобрачныхъ дѣдушка Яскулка отвелъ свои парадныя комнаты въ бельэтажѣ, самъ же переселился въ мезонинъ. Свадьба была отпразднована скромно всѣми лицами, участвовавшими при вѣнчаніи. Всѣ были веселы, *счастливы*, какъ писала Тони Евгенія Сергѣевна. Послѣдняя пробыла у *молодыхъ* дня съ три и возвратилась съ Застрембецкимъ и капитаномъ въ городъ, взявъ напередъ съ Владислава слово черезъ нѣсколько дней приступить къ дѣйствіямъ, которыя должны были подрѣзать козни витебскихъ революціонеровъ. По пріѣздѣ домой она вдвойнѣ обрадована была выздоровленіемъ Сурмина и переданною Тони вѣстью, что она невѣста его. Тайна Лизина брака была пока утаена отъ ея подруги. На вопросъ Лориной, что значитъ подчеркнутое въ письмѣ

слово: «*счастливы*», Евгенія Сергѣевна объяснила его тѣмъ, что Лиза счастлива примиреніемъ съ дѣдомъ, его ласками и любовью.

Между тѣмъ Владиславъ въ упоеніи своего счастія, такъ внезапно его посѣтившаго, забылъ весь міръ, каждый день собирался въ городъ для совѣщанія съ Зарницыной и каждый день откладывалъ отъѣздъ, до слѣдующаго. Мысль вырваться изъ объятій прекрасной, обожаемой имъ подруги приводила его въ отчаяніе. Прошла недѣля, а онъ не трогался съ мѣста. Домъ Яскулки могъ сдѣлаться его Капуей, и потому Евгенія Сергѣевна, боясь, чтобы влюбленные счастливцы не забыли патріотическаго дѣла, которому она себя посвятила, рѣшилась протрезвить ихъ письмомъ на имя Владислава. Она писала къ нему:

«Помните, подъ какимъ условіемъ я отдала вамъ дочь свою, подъ какимъ условіемъ она рѣшилась на эту *жертву*. Исполните слово честнаго человѣка, а потомъ наслаждайтесь съ нею счастіемъ, котораго вы только тогда будете достойны. Не узнаю и Лизы. Она жаждала подвига, а когда онъ приготовленъ, потонула въ брачныхъ восторгахъ, забыла о своемъ долгѣ, забыла завѣтъ отца своего. «Пускай, дескать, льется кровь моихъ братьевъ, страдаютъ честь и благосостояніе моего отечества, мнѣ хорошо въ объятіяхъ друга, я вполнѣ наслаждаюсь безмятежными благами». Но содрогнется она, можетъ быть и поздно, когда явятся у ложа ея изъ розъ тѣнь брата съ кровавою раною въ груди, требующаго мести, тѣнь отца съ горькимъ упрекомъ измѣны. Неужели, какъ она нѣкогда писала мнѣ, должно сбыться мнѣніе Сурмина о русскихъ женщинахъ, что онѣ не способны на жертвы, на самоотверженіе, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ течетъ рыбья кровь? Стыдно намъ передъ поляками. Пусть докажетъ она противное. Я жду васъ, Владиславъ. Весна

дышетъ теплотворными испареніями приближающейся революціонной грозы. Честь и счастіе ваше въ вашихъ же рукахъ. Я не колеблюсь пожертвовать вами и Лизой, если вы не образумитесь.

«Ваша
«*Евгенія З*».

Письмо это, нашпигованное стрѣлами ироніи, залитое желчью патріотическаго негодованія, сдѣлало свое дѣло: влюбленные счастливцы отрезвились. Лиза спѣшила выпроводить мужа изъ дома Яскулки, въ которомъ они провели столько прекрасныхъ, упоительныхъ дней. Они разстались. Лиза Стабровская воспрянула, это уже была прежняя Лиза Ранѣева, которая такъ восторженно поклонялась Жаннѣ д'Аркъ. Воображеніе стало опять рисовать ей подвигъ, хоть не подобный подвигу Орлеанской Дѣвы, все-таки, не безслѣдный для блага ея отечества. Провожая мужа, она глотала свои слезы.

— Если нужно будетъ, по первому призыву твоему, — говорила она, благословляя его, — я проберусь къ тебѣ хоть бы сквозь ряды вражескихъ кинжаловъ, раздѣлю съ тобою опасности и, если не смогу спасти тебя, умру на твоей груди.

Условились не писать другъ къ другу, чтобы польскіе шпіоны не перехватили ихъ писемъ; въ крайнемъ же случаѣ Владиславъ обѣщалъ прислать ей извѣстіе съ вѣрнымъ слугою своимъ, Кирилломъ или самъ пріѣхать къ ней при первой возможности.

— Будь остороженъ, береги себя, — сказала она, осыпая его своими жаркими поцѣлуями,—и помни, что твоя и моя жизнь отнынѣ нераздѣльны.

Явясь къ Зарницыной, Владиславъ просилъ у нея, ради обстоятельствъ, прощенія, что такъ долго замедлился.

— Время терпитъ,—говорилъ онъ, — я имѣю свѣдѣнія, что только въ концѣ апрѣля должны начаться дѣйствія заговорщиковъ въ Могилевской губерніи, а безъ пароля вождя ихъ, Жвирждовскаго, никто въ здѣшнемъ краѣ не тронется съ мѣста. Пароль этотъ долженъ я получить. Теперь же мы только въ началѣ апрѣля.

Евгенія Сергѣевна, тронутая искренностью его раскаянія, убѣжденная основательностью его доводовъ, извинилась въ жестокости выраженій своего письма. Могла ли она оставаться равнодушною къ положенію молодого человѣка, который обрекъ себя на дѣло опасное, роковое и долженъ былъ изъ объятій пламенно-любимой имъ женщины броситься въ омутъ приключеній съ тѣмъ, чтобы, можетъ статься, потерять въ немъ свою голову. Рѣшились, однакожъ, заранѣе принять нужныя мѣры противъ революціонныхъ замысловъ. Какъ осторожный и искусный шахматный игрокъ заранѣе, въ отсутствіе своего противника, изучаетъ предполагаемые ходы его и свои, такъ соображала Евгенія Сергѣевна, какъ вѣрнѣе дать шахъ и матъ врагамъ своего отечества.

Призванъ былъ Застрембецкій на секретное совѣщаніе. Ходы опредѣлены. Открытіе важной тайны должно было служить залогомъ преданности Владислава русскому дѣлу Онъ описалъ мѣстность, гдѣ хранилось депо оружія, на которое мать его положила столько заботъ и денегъ

Застрембецкій просилъ у Владислава позволенія занести это описаніе въ свою памятную книжку. Позволеніе охотно дано, важная тайна принадлежала уже двумъ новымъ лицамъ.

Планы и дѣйствія Зарницыной и ея сообщниковъ слѣдовало пока скрыть отъ мѣстной полиціи, которая могла бы преждевременно ударить въ набатъ, и, мо-

жетъ быть, такъ какъ она имѣла въ своей средѣ польскихъ чиновниковъ, шепнуть заговорщикамъ, чтобы они приняли свои мѣры. Да, Евгенія Сергѣевна не хотѣла, чтобы эта полиція, ничего не знавшая, что у нея дѣлается подъ носомъ, чужими руками загребала жаръ. Положено было тревожить заговорщиковъ, особенно наиболѣе колеблющихся и робкихъ анонимными письмами отъ лица, преданннаго имъ, что имена ихъ отмѣчены въ спискѣ лицъ, заподозрѣнныхъ русскимъ правительствомъ. Въ этихъ письмахъ не должно было щадить имя Владислава Стабровскаго и спуститься на совѣты не вдаваться до времени въ отчаянныя предпріятія. Особенно Суздиловичъ, хотя и обѣщавшій проливать въ нѣкоторомъ родѣ кровь свою за дѣло ойчизны, однакожъ, болѣе храбрый въ словесныхъ битвахъ, чѣмъ въ кровопролитныхъ, долженъ былъ служить мишенью, въ которую сподвижники Зарницыной предполагали бить на-вѣрняка. Сдѣлать въ немъ брешь значило поднять тревогу въ польскомъ лагерѣ. Паника отъ него могла широко распространиться. Положено было также дѣйствовать на хлоповъ слухами объ измѣнѣ пановъ «Бѣлому Царю», оказавшему имъ недавно столько милостей освобожденіемъ отъ крѣпостного ига. Имѣніе Сурмина было близко отъ мѣстности, изъ которой витебскіе заговорщики должны были выступить на помощь могилевцамъ, а Сурминъ во время пребыванія своего среди бѣлорусскаго населенія, доставшагося ему по наслѣдству, успѣлъ разными льготами по оброкамъ, надѣлу земли и разными гуманными мѣрами склонить это населеніе въ пользу всѣхъ, кто носилъ имя русское. Стоило только мѣстной администраціи заявить, что она расположена энергически дѣйствовать противъ мятежной шляхты, какъ поднялись бы тысячи рукъ, готовыхъ на народную войну.

Впослѣдствіи бѣлорусскіе крестьяне это доказали.

Во время совѣщаній нашего тріумвирата слуга доложилъ Евгеніи Сергѣевнѣ, что пришелъ Жучокъ и желаетъ видѣть ее съ глазу на глазъ. При этомъ имени Владиславъ съ изумленіемъ вопросительно посмотрѣлъ на нее. Жучокъ, повѣренный Жвирждовскаго въ покупкѣ оружія для витебскихъ повстанцевъ, преданный ихъ интересамъ, этотъ самый Жучокъ имѣетъ теперь секретныя сношенія съ тою, которая посвятила себя на уничтоженіе ихъ замысловъ?

Она поняла вопросительный взглядъ Владислава и отвѣчала на него по-французски:

— Не бойтесь, онъ изъ *нашихъ*, — и, обратившись къ слугѣ, приказала просить Жучка и сказать ему, что здѣсь всѣ *свои*.

— Берегитесь, однакожъ, его,—замѣтилъ Застрембецкій,—я людямъ съ кошачьими глазами никогда не довѣряю. Мой благодѣтель-ксендзъ имѣлъ точно такіе. Вчера Жучокъ предалъ Стабровскому, завтра предастъ Зарницыну.

— Ранѣевъ прислалъ мнѣ его, какъ довѣреннаго человѣка Не знаю отношеній ихъ другъ къ другу, но я, полагаясь на слово умирающаго, истиннаго патріота, довѣрилась Жучку и покуда не имѣю причины раскаяваться. Скажу вамъ русскую пословицу, хоть и немного грубую, сырую: «мнѣ хоть бы песъ, да яйца несъ». Послушаемъ, что скажетъ. Онъ доставилъ оружіе матери Владислава, я имѣю на это доказательства, и если осмѣлится измѣнить намъ, такъ самъ на себя накинетъ петлю.

Жучокъ, войдя въ комнату, благоговѣйно перекрестился передъ образомъ Спасителя, висѣвшимъ въ углу комнаты, осмотрѣлъ бывшихъ въ ней такъ, что никто изъ нихъ не могъ опредѣлить, на кого именно онъ смотрѣлъ.

«— Люди *свои?* два поляка!—думалъ онъ, — одинъ

сынъ революціонерки Стабровской, другой разжалованный». Чтожъ онъ самъ? Воръ, грабитель, бѣжавшій изъ тюрьмы. Не глубокое раскаяніе привело его къ смертельному одру Ранѣева, а чувство самосохраненія, желаніе избѣгнуть опасности попасть опять за желѣзную рѣшетку и кончить жизнь въ рудникахъ. И въ это самое время, когда благородный старикъ, собираясь перейти въ вѣчность, такъ великодушно прощалъ его, онъ сыгралъ съ нимъ злую шутку, представивъ ему за сына своего чужого мальчика, взятаго на прокатъ изъ подворья. Правда, онъ далъ слово Ранѣеву служить въ Витебской губерніи русскому дѣлу и выполняетъ это служеніе усердно, умно, хоть и не безкорыстно. Но онъ животолюбивъ, жаль ему разстаться съ довольствомъ жизни, и рѣшился быть осторожнымъ при двухъ свидѣтеляхъ, ему мало знакомыхъ.

— Что скажешь хорошенькаго? — спросила его Зарницына.

Жучокъ не скоро отвѣчалъ, ему надо было сообразиться что говорить среди обстановки лицъ, между которыми нежданно очутился, и для этого употребилъ слѣдующій маневръ: приложилъ руку къ груди, откашлялся и только тогда, когда тяжело перевелъ духъ, отвѣчалъ:

— Извините, сударыня, одышка меня взяла, лѣсенка ваша высока, человѣкъ старый, немощный. Что угодно спросить?

— Нашелъ-ли слѣдъ къ мѣсту, гдѣ хранится оружіе, которое ты же доставлялъ Стабровской?

Одинъ глазъ Жучка посмотрѣлъ на Застрембецкаго, другой на Владислава, рукою онъ указалъ на послѣдняго.

— Его милость, кажись, сынокъ ея, Владиславъ, по батюшкѣ не знаю, да у поляковъ это не въ обычаѣ, скажу просто: панъ лучше меня знаетъ объ этомъ.

Владиславъ нарочно сталъ описывать невѣрно мѣстность, гдѣ хранилось оружіе.

— Шутить изволишь, панъ, — перебилъ его Жучокъ, — или дѣлаешь отводъ.

— А какъ по твоему? — спросила Зарницына.

— По моему? Сказалъ бы, да...

— Не бойся пана Владислава: повторяю тебѣ, онъ нашъ. А чтобы болѣе тебя увѣрить въ этомъ, открою тебѣ подъ великимъ секретомъ: онъ мужъ дочери Михайла Аполлоныча Ранѣева.

— Дочки Ранѣева? Елисаветы Михайловны? Не повѣрилъ бы, кабы не вы говорили. Какихъ чудесъ нынѣ не творится! Пожалуй, скоро услышимъ, что Мѣрославскій командуетъ отрядомъ противъ поляковъ. Дивны дѣла твои, Господи!

И силился онъ возвесть горѣ непослушные глаза свои и перекрестился, какъ-будто нечистая сила налегла на него.

— Коли такъ, — продолжалъ онъ, — вотъ что вамъ открою. Его милость панъ Владиславъ и другой панъ, по прозванью Волкъ, закадышный другъ покойной панны Стабровской, сами подъ своимъ надзоромъ въ первыхъ числахъ марта, въ полночь, перевозили оружіе. Возчики были евреи. По именамъ ихъ назвать могу, да вамъ скучненько будетъ подбирать Мошекъ да Осекъ. Верстахъ въ десяти съ одной стороны отъ фольварка пана Стабровскаго и въ семи отъ вотчины Сурмина съ другой стороны есть дремучій лѣсъ, нога человѣческая и конская прокладываютъ въ немъ слѣдъ развѣ тогда, когда охотники-паны дѣлаютъ облавы на медвѣдей. Да въ послѣднее время подъ видомъ охоты учили въ тамошнихъ мѣстахъ воинскому дѣлу шляхту и разный набранный съ борка и съ сосенки сбродъ. Панъ Владиславъ долженъ это знать. Среди лѣса, болѣе къ солнечному восходу, отъ бури покачнули свои

кудрявыя головушки три богатыря-дуба, а все-таки не покорились ей. Только стопочки повывернули изъ песчанаго грунта. Отъ этого земля съ корнями вздулась, а подъ ними устроился будто нарочно сводъ. Сводъ этотъ протянули подъ корнями другихъ деревъ. Надо сказать къ чести шляхтичей, они забыли свой гоноръ и работали усердно до поту лица. Такъ устроили подвалъ и уложили въ него ящики и тюки съ оружіемъ. Сухо и безопасно, лѣсъ не разскажетъ. Подъ корнями одного дуба сдѣлали лазейку и заклали ее искусно сучьями, а по деревьямъ къ этому мѣсту подѣлали топоромъ мѣтки, чуть-чуть видныя. Такъ-ли, панъ Владиславъ?—покончилъ Жучокъ свое объясненіе твердымъ, самонадѣяннымъ голосомъ, торжествуя успѣхъ своихъ искусныхъ поисковъ. Онъ собирался окончательно обезпечить себѣ выходъ изъ опаснаго положенія, еслибы польская сторона вздумала потревожить его.

— Вѣрно,—отвѣчалъ Владиславъ.

Дѣйствительно, описаніе мѣстности, гдѣ хранилось оружіе, было сдѣлано Жучкомъ вѣрно съ описаніемъ, которое сдѣлалъ Владиславъ Зарницыной и Застрембецкому.

— Еще вотъ что скажу, панъ,—продолжалъ Жучокъ, — когда откидывали снѣгъ отъ корней дерева, гдѣ дѣлали лазейку, одинъ изъ рабочихъ неосторожно кинулъ въ тебя мерзлый комъ снѣга и зашибъ тебѣ глазъ. Помнишь-ли, съ какимъ синякомъ ходилъ ты нѣсколько дней.

— И это вѣрно,—сказалъ Владиславъ.

— Теперь ты *нашъ*,—порѣшилъ Жучокъ.—Полякъ хитеръ, да...

— Да неразуменъ, хочешь ты сказать, какъ говорятъ здѣшніе хлопы,—подхватилъ Застрембецкій.

— Смѣю ли это выговорить, да еще при панахъ. А вотъ что по моему, какъ я сужу объ нихъ. Сгоряча

звѣзды хватаетъ, а подъ ногами не видитъ капкана. Русскій сѣръ, да волка съѣлъ. Съ виду простоватъ и въ землю глядитъ, и въ затылкѣ почесываетъ, будто думку въ немъ отыскиваетъ, а она давно у него на ладони. Какъ сильно схватитъ за ретивое, такъ отчеканитъ такой фортель, какого и лукавому щеголю, поляку не выкинуть.—Теперь, барыня,—обратился онъ къ Евгеніи Сергѣевнѣ,—развязывай кошель. Мы люди торговые, услужить услужимъ добрымъ людямъ, а все-таки своихъ счетовъ не забываемъ. Евреямъ, да еще кой-кому заплатилъ я 20 дукатовъ, по-нашему арабчиковъ, а коли такихъ у тебя не окажется, такъ мы и русскимъ золотомъ не побрезгаемъ.

Евгенія Сергѣевна вышла въ другія комнаты и, возратясь, отсчитала Жучку 40 полуимперіаловъ и въ придачу къ нимъ сказала ему «сердечное спасибо».

— Что я тебѣ говорилъ, написалъ бы на бумагу, да мы люди не чернильные, къ этому дѣлу не привычны. Оно и надежнѣе. Совѣтую и вамъ, паны, и тебѣ, барыня, не довѣрять секретовъ бумагѣ. Помни, каждая буква—доносчикъ и предатель.

Выходя, Жучокъ опять благоговѣйно перекрестился передъ образомъ и, раскланявшись съ собесѣдниками, примолвилъ:—«Понадоблюсь, позовите».

— Ручаюсь, плутъ порядочный,—замѣтилъ Застрембецкій, когда Жучокъ вышелъ.—Я подозрѣваю въ немъ человѣка болѣе образованнаго, чѣмъ онъ кажется. У него вырываются иногда слова, которыя простой купецъ не привыкъ употреблять. Впрочемъ намъ доискиваться до его тайнъ не для чего. Человѣкъ для насъ безцѣнный. Такими сыщиками дорожила бы и французская полиція.

— Все это bel et bon,—сказала Зарницына послѣ минутнаго молчанія,—но теперь намъ надо разсудить, что мы изъ этого сдѣлаемъ.

Собесѣдники погрузились въ глубокую думу.

— А вотъ что пришло мнѣ въ голову,—отозвался Застрембецкій первымъ, ударивъ себя ладонью по лбу.— Прошу вниманія у моей аудиторіи и молчанія, пока я самъ не задамъ вамъ вопросовъ.

— Буду нѣма, какъ статуя,—сказала Евгенія Сергѣевна.

— А я, какъ рыба, — присовокупилъ Владиславъ.

— Черезъ пять дней я окончательно выписываюсь изъ лазарета. Могутъ въ Литвѣ начаться военныя дѣйствія, стыдно мнѣ въ это время не быть при полку. Пожалуй, еще трусомъ назовутъ, а я скорѣе готовъ всадить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ заслужить такое позорное названіе. Со мною выписываются десять солдатъ. Съ этимъ отрядомъ дѣлаю крюку верстъ пятьдесятъ, можетъ быть, и болѣе отъ маршрута нашего. Хоть бы пришлось опять подъ судъ, какъ Богъ святъ, я это исполню. Мы завертываемъ ужь, конечно, не къ пану Стабровскому, а... отгадаете-ли куда?

Евгенія Сергѣевна и Владиславъ отвѣчали: «нѣтъ».

— Завертываемъ въ имѣніе русскаго помѣщика Сурмина, вашего постояльца. Вы слышали отъ Жучка, что это имѣніе верстахъ въ семи отъ заколдованнаго лѣса. Не знаете-ли, кто у него управляющій, полякъ или русскій?

— Слышала, что русскій конторщикъ, выписанный имъ изъ Прирѣченскаго имѣнія.

— Прекрасно! Можете ли вы, Евгенія Сергѣевна, выхлопотать отъ вашего постояльца приказъ управляющему его, чтобы онъ далъ намъ для нашей экспедиціи достаточное число подводъ и рабочихъ, и вина въ волю. Послѣднее условіе неизмѣнно.

— Увѣрена, что Сурминъ не откажетъ.

— Кругомъ глухой мѣстности, о которой мы столько говорили, всемірный потопъ оставилъ отстой свой — безчисленныя озера и болота Между ними жилья по двѣ, по три хаты, въ нѣсколькихъ верстахъ другъ отъ друга. Заколдованный лѣсъ не пойдетъ на меня и моихъ сослуживцевъ... какъ бишь... (онъ постучалъ пальцемъ по лбу) те, те, те... нашелъ! эврика!.. какъ Барнамскій лѣсъ на Макбета. Между ночью и утреннею зорькой вытаскиваемъ ящики и тюки изъ кладовой и прямо въ ближайшее озеро бултыхъ. Такимъ образомъ повстанцы останутся безъ оружія кромѣ того, которое могутъ набрать у пановъ. Дѣло сдѣлано, Стабровскій въ сторонѣ. Какой власти посмѣютъ заговорщики заикнуться объ этой пропажѣ?

Владиславъ пожалъ Застрембецкому руку.

— Но не подвергаете-ли вы солдатъ какой-нибудь опасности?—спросила Евгенія Сергѣевна.

— Въ такой глуши развѣ квакающія персоны нападутъ на насъ.

— Такъ какъ эта экспедиція можетъ состояться, какъ вы разсчитываете, дней черезъ пять, черезъ шесть,—отозвался Владиславъ,—а я отправлюсь нынче же къ себѣ въ деревню, чтобы показаться заговорщикамъ, то я послѣзавтра же устрою осмотръ мѣстности, гдѣ хранится оружіе. Со мною будетъ Волкъ, мой affidé. Разумѣется, мы найдемъ все въ порядкѣ, и спокойны... Дожидайтесь только моего пароля. Онъ будетъ заключаться въ одномъ словѣ: *пора*. Я пришлю вамъ его съ Лизой.

— Дай Богъ вамъ успѣха,—сказала Зарницына.— Мое дѣло выхлопотать отъ Сурмина приказъ его управляющему и написать письмо къ мужу, чтобы онъ строго не взыскивалъ съ Застрембецкаго за просрочку по маршруту.

Застрембецкій въ знакъ благодарности поцѣловалъ ручку у Евгеніи Сергѣевны.

— Помните, — сказалъ Владиславъ, прощаясь съ нимъ,—черезъ недѣлю, не прежде. Ручаюсь вамъ, не опоздаете.

V

Владиславъ у себя въ деревнѣ. Ему казалось, онъ упалъ съ седьмого неба въ пропасть, гдѣ кишатъ змѣи и разные гады, готовые вонзить въ него свое жало или облить его своимъ ядомъ. Десять дней прошли для него въ земномъ раю. Не дивный-ли сонъ мелькнулъ передъ нимъ? Нѣтъ, это было на-яву, онъ наслаждался счастіемъ, какимъ только избраннику свыше дано наслаждаться на землѣ. Онъ обладалъ вполнѣ Лизой, этой прекрасной, божественной женщиной, которой одинъ взглядъ бывало обдавалъ его восторгомъ, и за эти дни готовъ идти хоть на пытку. А пытка душевная его ожидаетъ. Онъ долженъ надѣть личину преданнаго заговорщика, разставлять сѣти своимъ товарищамъ и между тѣмъ самъ избѣгать ловушки Онъ знаетъ, что за нимъ слѣдятъ соглядатаи и зорче другихъ одинъ — неумытный, свирѣпый Волкъ. Владиславъ вооружился всею твердостью своего характера и приготовился отклонить каждый ударъ, противъ него направленный. Къ этимъ политическимъ тревогамъ присоединились и домашнія, хозяйственныя, которыя только отчасти могъ онъ удовлетворить. Рабочіе и прислуга не получали жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ, крестьяне ѣли хлѣбъ изъ мякины пополамъ съ

корою деревъ и мохомъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, отчаянные парни, изъ-за хлѣба и вина и напуганные панами, что всѣхъ холостыхъ русскихъ заберутъ въ казаки, очертя голову, поступали въ жондъ. Волкъ, которому поручено было распоряжаться суммами его, исправно платилъ этимъ новобранцамъ положенное жалованье. Но большая часть холоповъ, старики, женщины, дѣти, — это бродящія по землѣ тѣни... Глядя на нихъ, сердце замирало у Владислава. Въ закромахъ господскихъ амбаровъ проглядывало дно, службы и хозяйственныя заведенія валились, винокуренный заводъ не дѣйствовалъ, серебро было продано или заложено евреямъ, долги росли. До такого разстроеннаго состоянія Эдвига Стабровская патріотическими затѣями довела свое богатое состояніе. Еслибъ не одолжилъ Владислава панъ въ колтунѣ небольшою суммою, да не дѣдушка Яскулка, подарившій новобрачнымъ три тысячи рублей, такъ молодой пулковникъ пришелъ бы въ отчаянное положеніе. Изъ этихъ денегъ онъ спѣшилъ удовлетворить дворовыхъ жалованьемъ и удѣлить, по возможности, на хлѣбъ крестьянамъ. Надо, однакожъ, было ему приняться за дѣло, которому онъ душою отдался. Онъ пригласилъ къ себѣ вожаковъ и участниковъ заговора. Въ этомъ засѣданіи, по обыкновенію, спорили, горячились, передавали другъ другъ то отрадныя, то неблагопріятныя вѣсти. Пріѣхалъ Волкъ и сѣлъ въ кружокъ ихъ, угрюмъ и мраченъ. Онъ ерошилъ свои щетинистые волосы и долго глазами впивался въ Владислава, наконецъ крякнулъ:

— Между нами есть измѣнникъ.

— Кто такой? — спросили нѣсколько встревоженныхъ голосовъ,—откройте негодяя.

— Вотъ онъ, — разразился Волкъ, указывая на Владислава.

Кто смотрѣлъ на обвиненнаго съ бѣшенствомъ, кто съ изумленіемъ, иной пожималъ плечами.

Первая мысль Владислава была, что тайна его измѣны открыта. Онъ поблѣднѣлъ — отъ страха или негодованія, всякій изъ присутствующихъ заключалъ по своему. Но скоро оправился онъ и спросилъ твердымъ голосомъ:

— Какія доказательства?

— Ты женатъ на русской.

Надо оговориться, что Жучокъ, желая угодить и *нашимъ* и *вашимъ*, далъ знать Волку черезъ довѣреннаго человѣка о женитьбѣ Стабровскаго. «Отъ этого для русской стороны бѣды никакой не будетъ», думалъ онъ, «по крайней мѣрѣ, на случай, задобрю *сильнаго* поляка въ свою пользу».

— Только-то!—воскликнулъ Владиславъ съ особеннымъ одушевленіемъ и не безъ закваски горькой ироніи.—Важное преступленіе! криминальное дѣло! И за него-то, многоуважаемые паны и братья, я обвиняюсь въ измѣнѣ! Да, я женатъ дней съ десять на русской. Но развѣ Пустовойтова, подруга и адъютантъ нашего знаменитаго генерала Лангевича, не русская? А его за это никто не называлъ измѣнникомъ. Да, я женатъ на русской Ранѣевой. Но въ ней течетъ польская кровь, мать ея была полька, дѣдъ ея, панцырный бояринъ Яскулка—полякъ, родъ ея соединенъ кровными узами съ родомъ Стабровскихъ. Я полюбилъ ее еще въ Москвѣ страстно, какъ можетъ только полюбить пылкій молодой человѣкъ. Еслибъ вы ее увидѣли, признались бы, что я не могъ не сдѣлаться данникомъ ея красоты. Отецъ ея не соглашался на нашъ бракъ, но онъ умеръ, и Елизбета, оставшись сиротой, укрыла свою голову отъ житейскихъ грозъ подъ кровомъ дѣда и сердце свое на моей груди. То, что я чувствую, что я мыслю, чувствуетъ, мыслитъ и она. Старикъ-Яскулка

видитъ во внучкѣ лучшее свое утѣшеніе, любитъ меня и устроилъ нашу свадьбу. Онъ завѣщаетъ намъ все свое богатство съ тѣмъ, чтобы мы приняли его фамилію. Вы знаете, что мать моя, принеся на алтарь ойчизны двухъ сыновей, принесла на него и все свое состояніе. Я разоренъ. Еслибъ не добрый другъ мой (Владиславъ указалъ рукою на пана въ колтунѣ) и не дѣдъ Яскулка, я не имѣлъ бы теперь насущнаго хлѣба и чести принимать васъ у себя. Дружба, любовь и самолюбивыя прихоти старика спасаютъ меня отъ разоренія. Неужели мнѣ надо было испрашивать благословенія на бракъ мой у пана Волка? Не прислалъ-ли ему нашъ святой отецъ папа секретной буллы на разрѣшеніе и запрещеніе браковъ? Не вручилъ-ли ему жондъ диктаторской власти располагать нашимъ семейнымъ благосостояніемъ? Давно точитъ онъ безполезно кинжалъ, который я же ему, какъ другу, подарилъ. Крови, крови ему нужно, хотя бы своего брата. Суду вашему, паны, повергаю себя. Грудь моя открыта, разите ее. До сихъ поръ не было у насъ палача, посвятите его мость въ новый, высокій санъ.

Рукоплесканія покрыли эту горячую, сильную рѣчь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не виновенъ панъ Владиславъ Стабровскій, не измѣнникъ онъ! — закричали всѣ единодушно, кромѣ Волка.

Онъ дрожалъ отъ стыда и ярости

— На мѣстѣ пана Волка,—сказалъ одинъ изъ членовъ жонда, — я просилъ бы прощенія у того, кого онъ такъ несправедливо обвинилъ въ измѣнѣ.

Волкъ молчалъ и не двинулся съ мѣста.

— А чтобы доказать вамъ,—сказалъ Владиславъ,— какъ моя жена стоитъ вашей любви, я готовъ представить вамъ ее черезъ два дня, здѣсь въ кругу вашемъ.

— Желаемъ, просимъ,—закричали всѣ, опять кромѣ Волка.

— Поляки были всегда рыцари чести и поклонники красоты, — продолжалъ торжествующій Владиславъ, — и я увѣренъ, что она принята будетъ вами съ должнымъ уваженіемъ.

— Кто осмѣлится оскорбить панну хоть малѣйшимъ непріятнымъ намекомъ, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— И со мною,—подхватили голоса.

— Черезъ два дня ваше желаніе будетъ исполнено, многоуважаемые паны.

Едва Владиславъ проговорилъ это, какъ вошелъ слуга и подалъ Суздиловичу письмо за тремя печатями.

— Отъ кого?—спросилъ тотъ.

— Привезъ нарочный изъ вашей экономіи, — отвѣчалъ слуга, — а туда доставилъ еврей, отдалъ письмо и ускакалъ, не сказавъ отъ кого

Тараканьи усики зашевелились. Суздиловичъ дрожащими руками сломалъ печати и сталъ читать про себя таинственное посланіе.

Во время чтенія грудь и брюшко его сильно колебались, на лицѣ его отпечаталось смущеніе и страхъ. Прочитавъ письмо, онъ передалъ его Стабровскому, а этотъ, пробѣжавъ посланіе, просилъ у Суздиловича позволеніе передать его вслухъ ко всеобщему свѣдѣнію.

Письмо начиналось увѣреніями въ горячей преданности польской справѣ и въ дружбѣ къ лицу, къ которому было адресовано. Вслѣдъ затѣмъ анонимъ предупреждалъ, что русскому правительству извѣстны имена многихъ членовъ витебскаго жонда и оно собирается потребовать ихъ къ допросу. Прилагался списокъ заговорщиковъ, въ томъ числѣ большей части собравшихся теперь у Владислава. Во главѣ стоялъ пул-

ковникъ ихъ. Неизвѣстно, почему въ спискѣ не фигурировалъ Волкъ.

— Какой-нибудь пуфъ, чтобы насъ обморочить и напугать,—сказалъ Владиславъ

— Утка, которой надо свернуть голову,—проворчалъ Волкъ.

— Однакожъ долженъ быть изъ нашихъ, — замѣтилъ кто-то, — посторонній не могъ бы узнать такъ вѣрно имена членовъ нашего жонда.

— Кто-бы это былъ, какъ вы думаете?—спросили Суздиловича.

Холодный потъ капалъ съ лица на его закрученные усики. Пыхтя, онъ отвѣчалъ, что не можетъ придумать кто-бы былъ сочинителемъ таинственнаго посланія.

— Все-таки не безопасно,—прибавилъ онъ.

— Надо-бы принять мѣры, явиться въ городъ, показаться начальству, прикрыть измѣну хитрыми увѣреніями въ преданности русскому правительству,—подали свой голосъ болѣе робкіе.

Волкъ злобно усмѣхнулся.

— Ступайте, ступайте, паны, оставьте изъ себя заложниковъ московскимъ властямъ или попрячьтесь въ своихъ норахъ. Но не забывайте, какое наказаніе ожидаетъ измѣнника. Оно отыщетъ его и подъ письменнымъ столомъ превосходительнаго. Что до меня, то я остаюсь на своемъ посту, пока эта рука (онъ поднялъ кулакъ своей мускулистой руки) въ состояніи будетъ разить враговъ моей ойчизны и предателей ея. А чтобы повѣрить наши дѣйствительныя силы, я, съ позволенія пана пулковника Стабровскаго (слово пулковника было произнесено съ особенной ироніей), приглашаю *вѣрныхъ* нашему дѣлу прибыть къ мѣсту, гдѣ мы обыкновенно производимъ наши маневры.

— Согласенъ,—сказалъ Владиславъ.

— Согласны, — отвѣчало все собраніе, многіе изъ страха угрозы Волка.

— Мое дѣло и ваше, паны, собрать туда подъ предлогомъ охоты на медвѣдя, — продолжалъ онъ,— всѣхъ, завербованныхъ въ нашъ жондъ. Мы сосчитаемъ повстанцевъ, распредѣлимъ ихъ на разряды, косиньеровъ и другихъ рукопашныхъ бойцовъ, стрѣлковъ и кавалеристовъ. Кстати сдѣлаемъ ученіе. Не все говорить, пора и дѣлать. А то дождемся, что *бабы русскія* перевяжутъ насъ по рукамъ и ногамъ.

Рѣшено было завтра же исполнить предложеніе Волка.

— Кстати, — сказалъ потихоньку Владиславъ Волку,—осмотримъ и мѣстность, гдѣ хранится оружіе. Мы давно туда не заглядывали.

— Я тамъ былъ на дняхъ, — сказалъ также тихо Волкъ,—все благополучно, впрочемъ предосторожность ваша не лишняя, я къ вашимъ услугамъ, панъ пулковникъ.

Волкъ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Владиславъ, увлекаясь порывомъ доказать своимъ собратамъ, что красавица-жена его не только не опасна для польскаго дѣла, но еще сочувствуютъ ему, далъ слово заговорщикамъ представить имъ ее. Развѣ ему мало было, что онъ самъ ходитъ по раскаленному желѣзу, что каждая минута его жизни отравлена страхомъ быть открытымъ въ предательствѣ, что онъ долженъ притворяться, обманывать, лукавить, играть тяжелую, двусмысленную роль, онъ еще привлекаетъ въ эту опасную игру женщину, имъ боготворимую. Но слово дано, его надо исполнить. Онъ знаетъ, что Лиза изъ любви къ нему и патріотизма готова на всѣ жертвы (та, которую онъ отъ нея теперь требуетъ, должна быть послѣдняя), и рѣшился послать за женой своей Кирилла, преданнаго ему слугу,

и бывшую свою няньку, старушку, любившую его, какъ сына.

«Безцѣнная, дорогая моя Лиза!» писалъ онъ женѣ. «Я здоровъ и покоенъ, все здѣсь благополучно. Но у меня есть до тебя жарчайшая просьба. Я долженъ исполнить желаніе моихъ собратовъ, познакомить тебя съ ними. Увѣренъ, что ты пріѣдешь и сумѣешь быть привѣтливой, обворожительной хозяйкой. Не учиться тебѣ стать. За почтительное вниманіе къ тебѣ моихъ гостей я ручаюсь. Посылаю за тобой преданныхъ мнѣ людей. Цѣлую заочно тысячу разъ твои ручки и ножки, пока не перецѣлую ихъ въ-явѣ.

«Горячо любящій тебя
«*В. С.*».

За Лизаветой Михайловной Стабровской отправлена легкая и покойная бричка, какія умѣютъ только дѣлать въ Варшавѣ, на четверкѣ бойкихъ лошадокъ, съ мужскою и женскою стражей, которая должна охранять въ дорогѣ свою госпожу. Что бы сказалъ Михайло Аполлонычъ Ранѣевъ, увидавъ дочь свою, паню Стабровскую, ѣдущую въ этомъ экипажѣ на свиданіе съ польскими заговорщиками!

На другой день повстанцы по данной повѣсткѣ собрались на назначенномъ мѣстѣ. Ихъ обѣщано было паней Эдвигой Стабровской нѣсколько тысячъ, оказалось на-лицо человѣкъ пятьсотъ. Все дробная шляхта, мелкіе чиновники, экономы, псари, изъ хлоповъ гуляки и бѣглые, отчаянные бобыли, которымъ дома нечего было ѣсть, а въ жондѣ отпускались обильныя порціи хлѣба, иногда мяса и вина, и обѣщана богатая добыча отъ непріятеля. Были тутъ и студенты, и мальчики-гимназисты, настроенные матерями и сестрами къ патріотическимъ подвигамъ. Вождями ихъ большею частью назначены служившіе въ русской службѣ офицеры,

измѣнившіе своему законному знамени. Все-таки эта была сила, которая, если не могла бороться съ русскими войсками, имѣла возможность въ соединеніи съ могилевскими и минскими бандами раздуть революціонный пожаръ и озаботить русское правительство. Не даромъ же потребовало оно нѣсколько полковъ изъ внутреннихъ губерній.

Мѣстность, гдѣ собралась банда, была глухая. Сосновый вѣковой лѣсъ, устланный засохшимъ папоротникомъ, тянулся продольнымъ островомъ на десятокъ верстъ. Съ одной стороны огромное озеро, которому въ нѣсколькихъ мѣстахъ не было дна. Съ другой стороны непроходимое болото. Только съ востока проходила каймой, на версту въ длину и на десятки саженъ въ ширину, ровная возвышенность изъ твердаго грунта, поросшая травой и образовавшая родъ плотины между озеромъ и лѣсомъ. Здѣсь можно было ѣхать и возамъ. Но какой шальной не только на телѣгѣ, но и пѣшій пустился бы въ путь, изъ котораго не было исхода на торную дорогу! Деревушки изъ трехъ, четырехъ дворовъ мелькали за озеромъ. По ту сторону его онѣ имѣли свои надежныя сообщенія. На луговинѣ этой расположилась банда. Офицеры размѣстили повстанцевъ, какъ сказано было на совѣщаніи, по разрядамъ. Имъ даны образцовыя оружія изъ экономій пановъ до полученія *казенныхъ* изъ депо. Ряды стрѣлковъ должны были открыть аттаку. Многіе изъ нихъ мѣтко попадали въ деревья, служившія мишенью. Учили ихъ пользоваться каждымъ деревомъ, каждымъ пнемъ, холмомъ, камнемъ, чтобы изъ-за нихъ поражать непріятеля, а самимъ быть подъ защитою, предлагаемою имъ мѣстностью. И въ этихъ маневрахъ показали многіе свою смѣтливость и проворство. За стрѣлками должны были слѣдовать ряды косиньеровъ, какъ напирающія гряды морскихъ валовъ, одна за другою. Имъ наказано

косить москалей не слишкомъ низко, какъ траву, чтобы не подвергнуть головы ударамъ враговъ, и не слишкомъ высоко, чтобы не открыть имъ грудь, а вполчеловѣка, въ разрѣзъ живота. Затѣмъ хлынули ряды съ вилами. Натискъ трезубцевъ въ рукахъ избранныхъ мощныхъ повстанцевъ, похожихъ на мясниковъ, долженъ былъ, казалось, произвести сильное опустошеніе въ рядахъ непріятелей. Но это была только театральная сцена, на которой актеры не видѣли настоящаго, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, солдата, привыкшаго безтрепетно встрѣчать огонь и острее штыка, не слыхали стона своихъ братьевъ, пожинаемыхъ ядрами и картечью русской артиллеріи. Для испытанія кавалеристовъ были устроены плетни и вырыты канавы. Стрѣляли въ цѣль на всемъ скаку. И тутъ, особенно псари, показали свое искусство. Офицеры аплодировали ловкимъ наѣздникамъ. По окончаніи маневровъ приготовлено раздольное угощеніе повстанцамъ, водка лилась, какъ-будто изъ неисчерпаемыхъ бочекъ Данаидъ. Во время маневровъ Волкъ и Владиславъ Стабровскій ходили осматривать мѣстность, гдѣ хранилось депо оружія. Ни одного человѣческаго слѣда не оказалось къ ней, все найдено было на своемъ мѣстѣ. Ни люди, ни лѣсные духи не выдали тайны. Довольные удачнымъ ученіемъ повстанцевъ и успокоенные на счетъ сохранности оружейнаго депо, избранные члены жонда принялись также за закуску и осушеніе бутылокъ и въ этомъ дѣлѣ перещеголяли даже своихъ субалтерновъ. Сердца патріотовъ упивались торжествомъ будущихъ побѣдъ, но головы ихъ преклонились передъ торжествомъ Вакха. Развезли ихъ по домамъ, какъ возятъ истомленныхъ телятъ на рынки. Только Стабровскій и Волкъ были довольно трезвы и не потеряли разсудка.

VI

Лиза оставалась одна со своимъ дѣдомъ. Тони не выдержала долго разлуки съ нею и посѣтила ее. Съ обѣихъ сторонъ отданъ отчетъ въ томъ, что съ ними случилось съ тѣхъ поръ, какъ онѣ не видались. Не удивилась одна, узнавъ, что Сурминъ сдѣлалъ предложеніе ея подругѣ, она это предугадывала прежде; но изумилась и какъ-бы испугалась другая, когда Лиза открыла ей тайну своего брака.

— Ты, Ранѣева, теперь пани Стабровская? — едва не вскрикнула Тони. — Нѣтъ, это неправда, ты меня морочишь, повтори еще, разскажи, какъ это чудо совершилось.

И разсказала Лиза во второй разъ и про любовь свою къ Владиславу, съ которой она до сихъ поръ боролась, и патріотическія побужденія, заставившія ее рѣшиться на роковой шагъ.

Тони, выслушавъ этотъ разсказъ, горячо обняла ее, припала къ ней на плечо и заплакала.

— Ужъ не хоронишь-ли меня, живую? — сказала Лиза, смущенная ея слезами, — напротивъ, радоваться должна ты моему счастію.

— Прости мнѣ, мой другъ, эти слезы, онѣ невольныя. Оттого ли онѣ льются, что извѣстіе о твоемъ

бракѣ поразило меня своею нечаянностью, оттого ли, что вижу тебя такою радостною, счастливою послѣ столькихъ страданій,—сама не знаю.

Тони, говоря это, слукавила. Какое-то грустное, щемящее сердце чувство охватило ее, она не въ силахъ была его преодолѣть.

— Да, я счастлива,—говорила Лиза,—какъ можетъ быть только счастлива женщина на землѣ. Еслибъ могло надо мною совершиться чудо, чтобы мнѣ вновь начать жизнь, я не желала бы ей другого исхода. Чтобы со мной не случилось, какія-бы несчастія меня впредь ни ожидали, я всегда буду благодарить Бога за то, что Онъ въ это время послалъ мнѣ. Десять дней блаженства, какое и не снилось мнѣ въ грезахъ, да за нихъ развѣ не отдашь всю жизнь свою!

Разставаясь, подруги обѣщались чаще видѣться и передавать другъ другу, что съ ними впредь могло случиться.

Прибыли за Лизой лошади и дворовая ея свита. Кириллъ подалъ ей письмо своего пана. Оно не тревожило ее. Напротивъ того ее одушевляла мысль пожить нѣсколько часовъ между заговорщиками, какъ бы въ станѣ ихъ, и испытать мучительное чувство, какое испытываетъ человѣкъ, около сердца котораго шевелится холодное остріе кинжала. Дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, захватываетъ духъ, смерть на одну линію, но кинжалъ исторгнутъ изъ руки врага и нанесенъ на него самого.

«Безъ борьбы нѣтъ побѣды», — говорила она нѣкогда, и готовится теперь вступить въ эту борьбу и помѣриться силами съ врагами ея отечества. И потомъ сладкое, высокое чувство торжества надъ ними, спасеніе любимаго человѣка отъ позорной казни, возвращеніе блуднаго сына матери-Россіи, о! съ чѣмъ можетъ сравниться наслажденіе этимъ торжествомъ!

Давъ лошадямъ отдохнуть и насытиться, она скоро собралась въ дорогу и стала прощаться со своимъ дѣдомъ.

— Будетъ ли конецъ этимъ тревогамъ!—говорилъ съ грустью Яскулка, провожая ее.

Онъ помышлялъ въ это время ужь не о дворянствѣ, а о внучкахъ, Яскулкахъ, которые должны были усладить послѣдніе дни его жизни. Когда кончилось прощаніе, онъ сунулъ ей въ руку пакетъ, примолвивъ:

— Молодая пани должна угостить своихъ хлоповъ.

Въ пакетѣ было вложено сто рублей — такъ расщедрился для своей дорогой внучки доселѣ скупой старикъ.

Лиза написала коротенькое письмо Евгеніи Сергѣевнѣ, другое, еще короче, Тони и пролетѣла черезъ городъ на Двинѣ, окутанный мракомъ ночи, не повидавшись ни съ одной изъ нихъ.

Верстахъ въ десяти отъ имѣнія Стабровскаго поднималась конусомъ высокая песчаная гора. У подножія ея была панская мыза.

— Это фольваркъ Волка,—сказалъ Лизѣ слуга Кириллъ,—злостливый чловѣкъ, пану моему пршетивникъ.

Въѣхали на гору. Было время восхожденія солнца. Первые робкіе лучи его пали на желтоватое темя ея, потомъ раскрыли передъ нашими путешественниками ощетинившійся по ея склону сосновый лѣсъ, по которому взмахъ вѣтра гналъ темнозеленыя волны. Все кругомъ на низинѣ казалось обширнымъ озеромъ, но это было не озеро, а миражъ его, напущенный туманомъ. Мало-по-малу лучи солнца разорвали сизую пелену, покрывавшую низменную окрестность, полетѣли въ стороны и взвились дымчатые клочки. Скоро обозначились озера, словно серебряныя блюда (по выраженію поэта Некрасова), разставленныя на зеленой скатерти луговъ. Заискрился мохнатый коверъ болота,

затканный золотымъ утокомъ солнечныхъ лучей. Стаи дикихъ утокъ, покрякивая и стуча крыльями, поднимались со своего ночлега и переносились съ мѣста на мѣсто. Начали слегка обрисовываться на горизонтѣ деревушки, кое-гдѣ выступили и панскіе дома. Лиза не смыкала глазъ и любовалась разостланной передъ нею картиной. Вывелъ ее изъ этого пріятнаго созерцанія голосъ Кирилла.

— Здѣсь, барынька, — сказалъ онъ, обращаясь къ ней съ козелъ смѣсью языковъ русскаго, польскаго и бѣлорусскаго, но все-таки, въ угоду своей госпожѣ, съ преобладаніемъ перваго, — на этой горѣ встрѣчу дѣлали панцырные бояре панамъ крулямъ, коли они пріѣзжали на витебскую землю. Поэтому и гора прозывается сторожевою.—Вотъ граница отсюда видна,— прибавилъ онъ, указывая кнутомъ, взятымъ у кучера, на просѣку, прорѣзанную въ дальнемъ лѣсу,—то Могилевская за нею губернія. Тамъ чай теперь идетъ смута и кровь течетъ, а у насъ, храни насъ Господь и Матка Божья, кажись, все смирно, лишь бы паны не сдуровали.

Это замѣчаніе сильно кольнуло въ сердце Лизы.

«Неужели»,—думала она,—«въ Могилевской губерніи начался открытый мятежъ, а мой мужъ ничего не знаетъ? Не готовятся-ли здѣшніе заговорщики къ рѣшительному удару? не ловушку-ли ему ставятъ?»

— Отъ кого-жъ ты эти вѣсти слышалъ? — тревожно спросила она Кирилла.

— Народъ говоритъ; а вы знаете, барынька, по русской пословицѣ: «гласъ народа—гласъ Божій».

Дорога шла ужь по песчаной отлогости горы, къ тому-жъ лошади, чуя близость домашней конюшни, бѣжали и безъ понужденія. Но Лиза, въ нетерпѣніи увидѣть скорѣе мужа и разрѣшить мучившую ее загадку, приказывала ѣхать шибче.

— Ужь недалече наша мыза, вотъ видишь, барынька,—сказалъ Кириллъ, указывая кнутомъ на выдвигающійся изъ-за березовой рощи господскій домъ.— А вотъ влѣво, въ другую сторону, чуть видно вдали, экономія пана Сурмина. Богаче всѣхъ въ здѣшнемъ краю. Двѣ мельницы, винокуренный заводъ, да и хлопы его противъ другихъ панскихъ живутъ, якъ у Іезуса на плечикѣ. Ѣдятъ чистый русскій хлѣбъ безъ мякины, и хаты у нихъ не курныя.

— А у насъ каково?

— При пани Эдвигѣ было дюже погано, а какъ сдѣлался хозяиномъ панъ Владиславъ, стало лепше.

Дорога пошла ровная и твердая, кучеръ, гикнувъ, пустилъ лошадей вскачь, будто въ ладъ съ сердцемъ пани, хотѣвшей бы перенестись къ мужу на крыльяхъ.

Когда они въѣхали на господскій дворъ, видъ запущенныхъ службъ и хозяйственныхъ заведеній сдѣлалъ непріятное впечатлѣніе на Лизу, но оно тотчасъ изгладилось при видѣ Владислава, сбѣгавшаго къ ней съ наружнаго крыльца Онъ принялъ ее въ свои объятія. Лицо его было радостно.

— Ничего пріятнаго?—былъ ея первый вопросъ

— Ничего, — отвѣчалъ онъ, — развѣ ты привезла худыя вѣсти?

Она разсказала ему, что слышала отъ Кирилла.

— Вздоръ! Я долженъ бы первый объ этомъ знать,— сказалъ онъ, ведя ее въ комнаты и расточая ей самыя нѣжныя ласки.

Въ комнатахъ сохранялись еще слѣды, хотя полинялые и потускнѣвшіе, прежняго богатства Стабровскихъ, но Лиза ничего не видѣла, ни о чемъ не думала, какъ о желаніи доказать мужу свою любовь, угодить ему разумнымъ пріемовъ ожидаемыхъ гостей и заставить ихъ сознаться, что она достойна его выбора.

Она скидала свой глубокій трауръ по отцѣ только на время вѣнчанія и двухъ, трехъ слѣдующихъ дней и рѣшилась явиться въ немъ и передъ гостями своими. Въ этомъ былъ лукавый умыселъ показаться передъ ними въ одеждѣ, которую носили тогда польки въ знакъ скорби по угнетенной ойчизнѣ. Владиславъ одобрилъ ея намѣреніе.

Было сдѣлано угощеніе хлопамъ изъ денегъ, назначенныхъ на этотъ предметъ Яскулкой. Еще съ ранняго утра разосланы повѣстки панамъ съ приглашеніемъ на обѣдъ.

Съѣхались гости, между ними не было Волка. Отсутствіе его было замѣчено и истолковано не въ пользу его. Всѣ видѣли, что на завтракѣ послѣ маневровъ повстанцевъ онъ и Владиславъ не проявляли другъ къ другу знаковъ непріязни.

— Злой человѣкъ! — слышалось между ними, — оскорбилъ безвинно человѣка и на него-жъ изволитъ гнѣваться. Хорошо, что не онъ избранъ нашимъ довудцемъ, а то бы наложилъ на всѣхъ свою волчью лапу.

Появленіе хозяйки было для нея блистательнымъ торжествомъ. Восторженный шепотъ пробѣжалъ между панами. Всѣхъ очаровала она своею красотой, привѣтливостью, изяществомъ манеръ и умомъ.

— Счастливчикъ этотъ Владиславъ, — говорили они,—кто бы не желалъ быть на его мѣстѣ! Сколько бы завистливыхъ сердецъ заныло при видѣ ея въ кругу нашихъ паннъ!

И гости платили ей возможными любезностями, приправленными искреннимъ уваженіемъ, а любезными поляки, при своемъ образованіи, умѣютъ быть, когда не затемняютъ ихъ разсудка сумасбродныя мечтанія. Траурная одежда ея бросилась имъ въ глаза и польстила ихъ легковѣрному патріотическому чувству. Лиза

присоединялась въ этомъ случаѣ къ ихъ національной скорби. Особенно Суздиловичъ, закручивая свои усики, вертѣлся передъ ней, какъ бѣсъ передъ заутреней, и и разсыпался въ комплиментахъ, какіе могъ только исчерпать со дна своего умственнаго кладезя. Тутъ ужь онъ не спорилъ съ товарищами, а соглашался со всѣми въ похвалахъ пани Стабровской. Лиза извинялась передъ ними, что не можетъ говорить по-польски и принуждена изъясняться по-французски.

— Но,—прибавила она,—любя мужа, я постараюсь скоро выучиться родному его языку, языки же славянскіе такъ братски сродны, только латинское начертаніе буквъ мѣшаютъ ихъ согласію

Первый тостъ провозгласила она за благоденствіе Польши (въ мысляхъ и сердцѣ своемъ она прибавляла: «и только въ сліяніи съ Россіей подъ русскою державой»). Восторженный виватъ сопровождалъ этотъ тостъ.

— Полюбите, полюбите нашу ойчизну, — говорили ей гости, — право она лучше, нежели описываютъ ее у васъ.

— Я и такъ ее люблю, желаю ей всевозможнаго добра,—отвѣчала Лиза.

Тостъ за ея здоровье покрыли изъявленія бѣшенаго восторга виватами, стукомъ ножей и вилокъ, рукоплесканіями, огласившими даже дальнія комнаты. Былъ тостъ и за успѣхъ *патріотическаго дѣла*. И за него осушила хозяйка бокальчикъ, не противорѣча своему чувству.

Оживился разговоръ, посыпались лукавые вопросы, какую страну предпочитаетъ она въ своемъ сердцѣ: Россію или Польшу, на чью сторону она станетъ, еслибы въ здѣшнемъ краю возгорѣлась война между русскими и поляками.

— Предпочту страну, которой болѣе преданъ мой

мужъ, стану на ту сторону, на которой онъ будетъ стоять,—были ея двусмысленные отвѣты.

Разъѣхались гости, радостно убѣжденные, что пріобрѣли прекрасную сосѣдку и горячую патріотку.

«Тяжело, охъ, какъ тяжело»,—думала Лиза—«притворяться, обманывать, говорить не то, что въ мысляхъ, что чувствуешь!» но не сказала мужу, какъ трудна была игра, которую она въ эти часы разыгрывала, и казалась веселою. Она знала, что ему труднѣе нести это бремя цѣлые дни и недѣли. На третій день самъ Владиславъ поторопилъ жену въ городъ.

— Какъ ни жаль мнѣ разстаться съ тобою, милый другъ, радость моя, божество мое, — говорилъ онъ,— но ты должна поспѣшить къ Зарницыной и сказать ей только одно слово: *пора*! Отъ этого слова зависитъ наша судьба.

Въ сладостномъ упоеніи отъ свиданія съ мужемъ, довольная, что успѣшно замаскировала передъ заговорщиками двуличное поведеніе любимаго человѣка, не измѣнивъ своему патріотическому лозунгу, Лиза не мѣшкая снарядилась въ обратный путь.

— Что бы со мною не случилось, — говорилъ ей Владиславъ, — воспоминаніе блаженства, которое ты мнѣ подарила, будетъ для меня отрадой и въ послѣдній часъ моей жизни.

— Не говори о послѣднемъ часѣ теперь, когда мы съ тобою такъ счастливы, не гнѣви Бога,—произнесла Лиза, обвивъ крѣпко его шею своими бѣлоснѣжными руками и на пламенные его поцѣлуи отвѣчая ему безъ счету такими же.

Стоя на крыльцѣ, онъ долго провожалъ ее глазами, пока она не перестала махать ему платкомъ и экипажъ не скрылся у него изъ виду. Возвратившись домой, онъ бросился на диванъ и зарыдалъ, какъ слабонервная женщина.

По пріѣздѣ въ городъ, Лиза на этотъ разъ заѣхала къ Евгеніи Сергѣевнѣ, передала ей роковой пароль, завернула къ Тони, расцѣловала ее и поспѣшила къ себѣ, въ домъ Яскулки, чтобы заключить себя въ четырехъ стѣнахъ и тамъ только думать и молиться о дорогомъ для нея существѣ.

Приказъ отъ Сурмина къ управляющему его витебскимъ имѣніемъ былъ уже въ рукахъ Евгеніи Сергѣевны. Онъ далъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, прибавивъ въ немъ, чтобы солдатъ угостили какъ можно лучше и исполняли всѣ требованія фельдфебеля, дворянина Застрембецкаго, какъ бы господскія.

— Готовы-ли въ экспедицію, которую сами же задумали?—спросила она Застрембецкаго, явившагося къ ней по ея приглашенію.

— Мы выписались изъ лазарета, нужныя бумаги, отъ кого слѣдуетъ, готовы, стоитъ только за ними сбѣгать въ канцелярію.

— Такъ съ Богомъ и вотъ вамъ на случай нужды вашей и вашей команды триста рублей и письмо къ моему мужу. Не берите теперь казенныхъ подводъ, лучше наймите.

— Предосторожность не лишняя.

Получивъ свои бумаги и нанявъ подводы, Застрембецкій отправился ночью въ путь со своей командой и былъ уже на разсвѣтѣ въ имѣніи Сурмина подъ видомъ квартирьеровъ полка, который долженъ былъ прибыть туда жъ черезъ два, три дня. Отдавая приказчику письмо Андрея Иваныча, онъ шепнулъ ему о цѣли своей поѣздки. Этотъ былъ человѣкъ смѣтливый, энергическій, преданный своему довѣрителю, и не успѣло еще солнышко моргнуть своими подслѣповатыми лучами, какъ двадцать парныхъ подводъ, съ такимъ же числомъ возчиковъ и такимъ же числомъ рабочихъ при десяти бравыхъ солдатахъ, съ запасомъ заступовъ и

веревокъ очутились, какъ листъ передъ травой, на мѣстности, гдѣ хранилось оружіе повстанцевъ. Означенная подробно въ записной книжкѣ Застрембецкаго, она была найдена безъ затрудненій. Русскій любитъ удалые подвиги, не даромъ же пословица: «въ одно ухо влѣзъ, въ другое вылѣзъ». Работали живо, горячо, какъ-будто на приступѣ крѣпости. Крестьяне соперничали съ солдатами. Фельдфебель распоряжался работами осмотрительно, осторожно, чтобы команда его не подверглась ушибу. Съ другой стороны за тѣмъ же наблюдалъ приказчикъ надъ своими рабочими. Подсѣкли еще корни деревъ, расширили главную лазейку, устроили новыя. Песчаный грунтъ облегчалъ работу. Сердце Застрембецкаго было, однакожъ, не на мѣстѣ. Что если кто изъ банды услышитъ стукъ въ лѣсу, дастъ знать своимъ, начнется бой, и тогда фельдфебель—снова солдатъ навсегда Но въ этой глуши зловѣщихъ признаковъ ни откуда не видно и не слышно, только птицы, испуганныя стукомъ топоровъ, спѣшили отлетѣть въ глубь лѣса. Черезъ часъ съ небольшимъ ящики, тюки, цибики уложены на подводы, свезены къ озеру, скачены съ берега и свалены въ воду. Совершивъ этотъ подвигъ, солдаты и за ними хлопы перекрестились, какъ-будто утопили нечистую силу. Застрембецкій взглянулъ на небо и благоговѣйно приложилъ руку къ сердцу. Если кто и видѣлъ ихъ съ дальняго противоположнаго берега изъ деревушки, на немъ засѣвшей, такъ они показались шевелившеюся муравьиной кучей. Съ пѣснями возвратились солдаты домой. Сдѣлано имъ и возчикамъ угощеніе, какого они не запомнили изо всей жизни своей. Строго были наказано хранить тайну экспедиціи. — «Были солдаты, квартирьеры, назначили квартиры для полка и уѣхали»— таковъ былъ наказъ въ деревнѣ. Обѣдалъ Застрембецкій у приказчика. За столомъ вкусный разсольникъ

изъ почекъ, молочный поросенокъ подъ хрѣномъ и сметаной, бѣлый, нѣжный, тающій во рту, хоть бы въ Троицкомъ трактирѣ, индѣйка, облитая жиромъ, какъ янтаремъ, поджаренная такъ, что кожа ея слегка хрустѣла на зубахъ, хересъ и шампанское изъ господскаго погреба. Выспавшись часика три, давъ отдохнуть своей командѣ и поблагодаривъ за все про все усерднаго приказчика. Застрембецкій отправился къ ночи въ обратный путь. Между нимъ и Владиславомъ условлено было, чтобы на первую ночь послѣ уничтоженія оружейнаго депо приказчикъ далъ вѣсть объ успѣхѣ зажженнымъ въ видѣ маяка снопомъ соломы. Высмотрѣть издали этотъ сигналъ долженъ былъ нарочно посланный Кириллъ. Но въ ту ночь приказчикъ, боясь возбудить подозрѣніе въ усадьбахъ окружныхъ пановъ, разсудилъ за лучшее сдѣлать это на другой день во время всенощной по случаю какого-то наступающаго годового праздника; кстати надо было иллюминовать колокольню.

Застрембецкій къ утру прибылъ въ городъ на Двинѣ, остановился въ предмѣстьѣ, въ корчмѣ, и на нѣсколько минутъ завернулъ къ Зарницыной, чтобы отрапортовать ей о благополучномъ совершеніи своей экспедиціи. Только на третій день могъ онъ выѣхать изъ города, его задержали *казенныя* подводы, за которыми надо было посылать въ уѣздъ. Пріѣхавъ въ одно изъ мѣстечекъ Виленской губерніи, гдѣ былъ расположенъ штабъ его полка, онъ явился къ генералу Зарницыну, донесъ его превосходительству о благополучномъ прибытіи своемъ съ десятью выписанными изъ лазарета рядовыми, вручилъ ему свои бумаги и потомъ письмо отъ Евгеніи Сергѣевны. Читая его, генералъ усмѣхался и качалъ головой, вслѣдъ затѣмъ богатырскою рукою ласково потрепалъ фельдфебеля по плечу. Но вдругъ въ лицѣ его сдѣлалась перемѣна, брови его насупились:

онъ успѣлъ въ это время взглянуть въ маршрутъ команды и въ свидѣтельство гарнизоннаго начальника о времени отправки ея.

— Какъ ни жаль мнѣ васъ,—сказалъ онъ нѣсколько строгимъ голосомъ,—я предлагаю вамъ отправиться на три дня на гауптвахту, вы просрочили три дня по маршруту.

— Евгенія Сергѣевна...—заикнулся было Застрембецкій.

— Бабамъ не слѣдъ вмѣшиваться въ дѣла службы, я не мѣшаюсь въ ея дѣла. Дисциплина прежде всего.

— Слушаю, ваше превосходительство, — сказалъ только фельдфебель, знавшій, что генералъ въ подобныхъ случаяхъ неумолимъ, и, выставивъ впередъ правую ногу, повернулся налѣво кругомъ къ двери.

По выходѣ его изъ комнаты генералъ сталъ въ раздумьѣ ходить по ней. «Евгенія огорчится за своего protégé», говорилъ онъ самъ собою. «Но мы поправимъ это. За отличіе въ первомъ дѣлѣ я представлю его въ офицеры».

Это задушевное обѣщаніе было вскорѣ исполнено. За отличную храбрость въ двухъ, трехъ дѣлахъ противъ мятежниковъ Застрембецкому возвращенъ прежній его поручичій чинъ.

Владиславъ въ первую ночь послѣ уничтоженія оружейнаго депо посылалъ Кирилла посмотрѣть издали, зажженъ ли вѣстовой маякъ. Кириллъ возвратился съ извѣстіемъ, что ни одного огонька не видно на крышахъ въ имѣніи Сурмина. Сердце у Владислава замерло. «Неужели»,—думалъ онъ,—«не было Застрембецкому удачи? не помѣшало ли ему какое важное затрудненіе? Въ случаѣ же ожидаютъ его бѣдственныя послѣдствія, жондъ восторжествуетъ». Весь слѣдующій день провелъ онъ въ мучительной тревогѣ. Наступила ночь. Кириллъ былъ посланъ вновь на рекогносцировку. На

этотъ разъ отвѣтъ былъ благопріятенъ, посланный донесъ, что колокольня села освѣщена какъ люстра и на огромномъ шестѣ пылаетъ огненный снопъ. Владиславъ успокоился. Черезъ два дня прискакалъ къ нему тощій еврей на тощей лошаденкѣ. Онъ барабанилъ голыми пятками по ребрамъ своей клячи и вдобавокъ выбивалъ изъ нея прыть обломкомъ кнута. Пейсики его, прилипшіе отъ пота ко лбу и къ вискамъ, не развѣвались по обыкновенію изъ-подъ ермолки. Онъ проворно соскочилъ съ неосѣдланной лошади и подалъ письмо первому попавшемуся ему на глаза слугѣ, примолвилъ только: «по еврейской почтѣ, пану Стабровскому, изъ Горыгорѣцка». За доставленіе письма была выслана изъ панскаго дома щедрая награда. Письмо было отъ могилевскаго воеводы Жвирждовскаго, Топора. Онъ извѣщалъ только въ нѣсколькихъ іероглифическихъ строкахъ, къ которымъ ключъ имѣлъ Стабровскій, что начинаетъ свои дѣйствія съ Горыгорѣцкаго института и умоляетъ витебскихъ доброжелателей «*быть немедленно готовыми*».

Наступалъ роковой часъ для Владислава. Можно судить, что происходило въ его душѣ. Игра шла на шахъ и матъ. Онъ оповѣстилъ заговорщиковъ, чтобы они съѣхались къ нему для выслушанія важной вѣсти. Во время его тревожнаго состоянія носился передъ нимъ образъ Лизы въ видѣ ангела-хранителя и утѣшителя его.

Съѣхались заговорщики. Рѣшено было созвать тотчасъ повстанцевъ и распредѣлить по нимъ оружіе изъ депо.

Прибыли къ назначенному мѣсту.

Ужасъ овладѣлъ членами жонда, когда они увидали, что мѣсто это изрыто, кладовыя, гдѣ хранились ящики и тюки, пусты.

Была минута оцѣпенѣлаго молчанія. Блѣдные, тря-

сясь отъ страха и бѣшенства, всѣ озирали другъ друга, какъ бы искали, не обнаружитъ ли чье лицо предателя.

— Измѣна! измѣна!—закричали заговорщики.

Но гдѣ было искать измѣнника, на кого было указать, кого обличить? Всѣ лица были одинаково мертвенно-блѣдны, всѣ они выражали одно чувство ужаса.

Таково состояніе воиновъ передъ сраженіемъ, когда у нихъ не оказалось зарядовъ, таково оно у моряковъ, когда на полномъ бѣгу парохода отъ сильнѣйшаго непріятеля кочегаръ закричалъ: «нѣтъ болѣе топлива».

— Вы осматривали депо во время нашихъ маневровъ, — съ дерзкимъ видомъ обратились офицеры къ Владиславу и Волку.

— Осматривали, — отвѣчали они твердымъ голосомъ, — и нашли все въ порядкѣ, ни одного человѣческаго слѣда не было замѣтно.

— Судить Волка и Стабровскаго! — разстрѣлять ихъ!—слышались голоса.

Волкъ былъ спокоенъ и только злобно усмѣхался; Владиславъ, мысленно призывая на помощь Лизу, старался не измѣнить себѣ. Но если бы приложить руку къ его сердцу, которое то учащенно билось, то совсѣмъ замолкало, какъ у человѣка въ предсмертной агоніи, можно было бы судить, въ какомъ онъ состояніи находился. Однакожъ, большинство собранія утишило поднимавшуюся на нихъ грозу, находя обвиненіе двухъ лучшихъ членовъ своихъ вопіющею несправедливостью. Имя Стабровскаго чтили за великія пожертвованія, сдѣланныя жонду его матерью; его лично любили за прекрасныя душевныя качества; Волка не любили, но знали, что онъ изступленный патріотъ и неспособенъ на измѣну. Положили осмотрѣть кругомъ мѣстность, черезъ которую можно было провезти ящики и тюки.

Освидѣтельствовали твердый перешеекъ, отдѣлявшій лѣсъ отъ озера. Свѣжіе слѣды множества колесъ и копытъ лошадиныхъ обозначались на немъ, на берегу озера видны были прорѣзы отъ спуска въ него тяжестей. Послали лазутчиковъ по корчмамъ и деревушкамъ. Посланные съ западной стороны лѣса не добыли никакихъ свѣдѣній. Посланные съ восточной стороны донесли, по сказанію евреевъ-корчмарей, что на-дняхъ пріѣзжали въ имѣніе Сурмина нѣсколько солдатъ назначили квартиры пѣхотному полку, который долженъ былъ вскорѣ прибыть туда, и оповѣстили, что вслѣдъ за нимъ прибудетъ цѣлая кавалерійская дивизія со своею артиллеріей изъ Тверской губерніи [1]), что квартирьеры ѣздили съ крестьянами Сурмина на многихъ подводахъ, но куда, за чѣмъ—неизвѣстно. Остановились на томъ, что былъ измѣнникъ, но что на измѣнника нельзя было указать. Кто открылъ тайну мѣста, гдѣ было сложено оружіе, кто провелъ къ нему команду, въ этомъ была загадка сфинкса. Кому было разгадать ее? Падало подозрѣніе на евреевъ, возившихъ оружіе въ лѣсъ изъ недостроеннаго костела, на Жучка... Но Жучокъ самъ доставлялъ оружіе, станетъ ли онъ поднимать на себя руки?.. Жаловаться нельзя и некому, продолжать изслѣдованія опасно. Если измѣнникъ найдется, мщеніе, ужасное, примѣрное мщеніе должно пасть на его голову. Предлагали было спалить деревни Сурмина. «Жаль, что мы не убили его, когда онъ, больной, ѣхалъ съ докторомъ Лёвенмаулемъ», говорили нѣкоторые паны, сдѣлавшіе на его экипажъ ночное нападеніе. Спалить деревни Сурмина было нелегко. Узнали, что приказчикъ его взялъ всѣ мѣры предосторожности

---

[1]) Дѣйствительно, кавалерійская дивизія вскорѣ пришла изъ Тверской губерніи и, простоявъ тамъ нѣсколько времени безъ дѣла, возвратилась на свои постоянныя квартиры.

на случай непріязненныхъ дѣйствій со стороны жонда: усилены и вооружены караулы по деревнямъ, двѣ исправныя пожарныя трубы во всей готовности, бочки съ водою припасены. Къ тому-жъ вѣсть о скоромъ прибытіи полка и затѣмъ кавалерійской дивизіи озадачила членовъ жонда. Самые робкіе изъ нихъ, по ироническому совѣту Волка, или попрятались въ своихъ норахъ, или отправились въ губернскій городъ показаться тамошнему начальству подъ личиной преданности русскому правительству. Первый изъ бѣглецовъ былъ Суздиловичъ, обѣщавшій проливать кровь свою за отечество. Оставшимися членами жонда рѣшено было скрывать свое несчастіе въ глубинѣ души, Волка и Стабровскаго не предавать суду, а на-скоро собрать у пановъ огнестрѣльное и холодное оружіе, какое могло у нихъ только оказаться, отобрать волей и неволей у хлоповъ косы и вилы и вооружать ими повстанцевъ, оставшихся вѣрными ойчизнѣ, и дожидаться дальнѣйшихъ событій.

Прискакалъ опять еврей-почтарь съ письмомъ къ Стабровскому. Жвирждовскій-Топоръ просилъ немедленной помощи. Вскорѣ узнали, что осада Горыгорѣцкаго института не удалась, шайки могилевскія разсѣяны, воевода Топоръ и его сподвижники бѣжали, онъ самъ пойманъ и повѣшенъ на обгорѣлой перекладинѣ воротъ въ Опатовѣ, который онъ зажегъ собственною рукою. Такъ вымещалъ онъ на бѣдныхъ своихъ соотечественникахъ горькія неудачи противъ русскихъ. Товарищи его — кто повѣшенъ, кто разстрѣлянъ. Не только небольшіе отряды войска, но исправники съ крестьянами успѣшно дѣйствовали противъ мятежниковъ. Героямъ жонда, мечтавшимъ водрузить польское знамя на колокольнѣ Ивана Великаго и даже на западномъ берегу Волги, неучтиво вязали руки назадъ и представляли законному начальству.

Въ Минской губерніи орагинизаторъ тамошней банды, капитанъ генеральнаго штаба Машевскій, такъ же несчастно кончилъ свои подвиги [1]).

Услышавъ о неудачахъ своего собрата, могилевскаго воеводы, Машевскій утекалъ со свею бандой, довольно многочисленной, на западъ. День былъ жаркій, повстанцы утомились усиленнымъ походомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка *Тимковичи* (Слуцкаго уѣзда), по предложенію одного изъ довудцевъ, хорошо знакомаго съ тамошнею мѣстностью, назначенъ отдыхъ въ густомъ лѣсу. Среди его поляна, обнесенная древними дубами и березами, перерѣзанная ручьемъ, представляла пріятный и надежный пріютъ. Здѣсь расположилась банда. Сочная трава предлагала вкусный кормъ лошадямъ и подъ сѣнью тѣнистыхъ деревъ, которыхъ только верхушки затрогивали солнечные лучи, разстилала свои цвѣтные ковры усталымъ воинамъ. Къ водамъ ручья, чистымъ какъ хрусталь, холоднымъ какъ ледъ, припали жаждущіе. Въ бандѣ было до 70 пановъ, большая часть ихъ — люди богатые. Они совершали походъ со всѣмъ комфортомъ роскошной жизни, какую привыкли вести у себя дома, и потому имѣли съ собою экипажи, множество лошадей, поваровъ, многочисленную прислугу. Повстанцевъ—нижнихъ чиновъ было, какъ говорили, близъ тысячи. Все это расположилось на полянѣ. Задымился костеръ, началось стряпанье Паны сѣли въ свой кружокъ, военная челядь отдѣлилась въ свои. Во всѣхъ было сытно и весело. Въ дворянскомъ кружкѣ подавали изысканныя кушанья, пили дорогія французскія вина; въ артеляхъ довольствовались сытной похлебкой изъ крупъ, суха-

---

[1]) Разсказываю объ этомъ событіи со словъ одного близкаго мнѣ человѣка, чиновника, опредѣленнаго въ Слуцкъ изъ внутреннихъ губерній Россіи.

рями и водкой. Никто не ожидалъ невзгоды. Былъ у нихъ слухъ, что, когда они снимались съ ночлега, позади ихъ, верстъ за 50, ночевать пришелъ русскій небольшой отрядъ. Нужны были крылья, чтобы настичь ихъ. Но у русскихъ солдатъ, когда требуетъ долгъ, есть духовныя крылья, переносящія ихъ черезъ сказочныя пространства. Отрядъ этотъ, возстановившій свои силы пищей и отдыхомъ, состоялъ изъ сотни казаковъ и двухъ батальоновъ пѣхоты. Онъ сдѣлалъ 25 верстъ въ одну ночь, отдохнулъ на зарѣ и послѣ новаго 25-верстнаго перехода очутился близъ упомянутаго лѣса черезъ часъ послѣ прихода туда шайки Машевскаго. Тихо подошли батальоны къ лѣсу, казаки тихо обогнули его. Лошади ихъ, будто понимая мысли своихъ всадниковъ, казалось, затаивали шаги свои. Шайка продолжала еще пировать или отдыхать. Среди лѣса завивался дымокъ и образовывалъ облачко на чистой лазури неба. На этотъ предательскій дымокъ пошли русскіе. Только, когда бѣда была уже на носу мятежниковъ, они встревожились и бросились къ оружію. Но пули и штыки пѣхоты и пики казаковъ дѣлали уже свое дѣло. Надо отдать справедливость находчивости и мужеству повстанцевъ и вождей ихъ. Придя въ себя, они сражались искусно и отчаянно. Во время самаго разгара битвы прибѣгаетъ къ Машевскому мальчикъ-гимназистъ, лѣтъ 14—15, срѣзавшій изъ охотничьяго ружья русскаго солдата.

— Пулковникъ, я убилъ человѣка, — говоритъ онъ плаксивымъ голосомъ.

— Молодецъ! не жалѣй псовъ-москалей, бей ихъ больше, завтра будешь офицеромъ, — былъ отвѣтъ Машевскаго.

Но скоро онъ самъ тяжело раненъ. Истекая кровью, онъ даетъ знакъ рукою русскому солдату, который въ него выстрѣлилъ, подойти къ нему. Солдатъ, видя,

что безсильный, распростертый на землѣ врагъ для него болѣе не опасенъ, подходитъ къ начальнику банды. «Дарю храброму воину это дорогое оружіе»— сказалъ Машевскій, указывая на богатое охотничье ружье, лежавшее у ногъ его».—Прими его отъ умирающаго на память». Простодушный солдатъ принимаетъ подарокъ, но, тотъ собравъ послѣднія силы, схватываетъ револьверъ, лежавшій съ другой стороны, и стрѣляетъ въ него въ-упоръ.

— Вотъ вамъ, собакамъ-москалямъ, на память отъ умирающаго поляка.

Надо-ли говорить, что товарищи убитаго солдата, свидѣтели этой предательской сцены, докончили нѣсколькими штыками умирающаго начальника банды и не давали панамъ пардона. Цѣнныя вещи на нихъ, деньги и заводскія лошади достались большею частью казакамъ, экипажи разрѣшетены пулями. Съѣстное, оставшееся послѣ роскошной трапезы довудцевъ, съѣдено, вина выпиты на память усопшихъ.

Что дѣлалось въ это время въ средѣ витебскихъ заговорщиковъ? Довудцы,—какъ мы сказали,—притаились въ своихъ гнѣздахъ или уѣхали въ городъ, иные пробирались лѣсами на западъ. Повстанцевъ частью распустили, частью разбѣжались они сами. Только Волкъ удержалъ при себѣ самыхъ отчаянныхъ, человѣкъ до пятидесяти. Горя чувствомъ мщенія за неудачи витебскаго жонда, онъ переносился съ отдѣльнымъ отрядомъ изъ потаеннаго мѣста на другое, жилъ въ лѣсахъ, скрывался у друзей-сосѣдей, у ксендзовъ, палилъ русскія деревни, наводилъ страхъ на витебскую окраину. Это былъ ужь не революціонный вождь, а атаманъ разбойничьей шайки. Часть ея исправники съ помощью крестьянъ переловили. Самъ Волкъ съ оставшимися при немъ 20 человѣками, рѣшившимися идти на-пропалую, высматривалъ еще жертву позначитель-

нѣй. Измѣнникъ, выдавшій тайну мѣстности, гдѣ хранилось оружіе, не выходилъ у него изъ головы ни днемъ, ни ночью. То на одного, то на другого изъ своихъ товарищей, обращалъ онъ свои подозрѣнія и нерѣдко, по какому-то инстинкту, останавливалъ ихъ на Владиславѣ, хотя не имѣлъ на то основательныхъ доказательствъ. Мысль эта лишила его сна и пищи. Слѣдя за своей жертвой, онъ не могъ найти себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не найдетъ предателя.

Владиславъ оставался еще у себя дома, наблюдая, не вспыхнетъ-ли еще гдѣ въ ближайшемъ краѣ искра изъ-подъ угасающаго пепла революціи. Онъ успокоился, когда переловили большую часть шайки Волка, и собирался ѣхать къ женѣ, но его задерживали еще въ имѣніи нѣкоторыя домашнія, не терпящія отлагательства, распоряженія. Онъ посылалъ повременамъ письма къ Лизѣ и получалъ отъ нея отвѣты. Никто и ничто не тревожило гонца съ этими письмами. До сихъ поръ онъ ничего не писалъ ей о политическихъ дѣлахъ края. Между тѣмъ молва оповѣстила Лизу, что въ Витебской губерніи все успокоилось, она просила мужа прислать ей хоть resumè положенія края. Съ новымъ письмомъ былъ посланъ Кириллъ.—«Наконецъ, только теперь могу сказать тебѣ, мой другъ», писалъ онъ, «что все въ краѣ спокойно. Воля твоя исполнена. Обезоруженный *нами* жондъ не былъ въ состояніи ничего предпринять. Кровь братьевъ не будетъ болѣе литься. Счастіе наше обезпечено. Я остался здѣсь только на два дня по экстреннымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Черезъ 48 мучительныхъ часовъ разлуки я, счастливѣйшій изъ смертныхъ, обнимаю тебя. Но, желая тебя успокоить на свой счетъ, посылаю съ этимъ письмомъ нарочнаго. Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе.

«Твой до послѣдней минуты моей жизни

«*В. С.*»

Письмо было написано въ неосторожныхъ выраженіяхъ въ минуты безмятежнаго спокойствія, въ чаду отъ блаженства, его ожидавшаго. О Волкѣ, котораго онъ почиталъ своимъ врагомъ, ходили слухи, что онъ убѣжалъ въ Царство Польское, знали, что окна въ домѣ его заколочены наглухо, на дворѣ ни живой души; съ другихъ сторонъ не ожидалось опасности.

Кириллъ дѣлалъ прежнія поѣздки свои къ барынькѣ безъ всякихъ приключеній. Онъ ѣхалъ верхомъ и нынѣ спокойный, довольный, что скоро переѣдетъ со своимъ паномъ къ Яскулкѣ, гдѣ не будутъ ихъ пугать революціонныя затѣи и заживутъ они, какъ у «Іезуса на плечикѣ». Повременамъ въ религіозномъ настроеніи затягивалъ онъ духовные гимны. При спускѣ съ сторожевой горы на окраинѣ лѣса и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги показалась фигура Волка и съ нимъ нѣсколько всадниковъ. При видѣ ихъ Кириллъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

— Стой! — закричалъ ему ужаснымъ голосомъ Волкъ, высыпавъ со своею шайкою изъ лѣса и преграждая ему дорогу. — Куда и съ чѣмъ ѣдешь?

Въ это время онъ кивнулъ своимъ клевретамъ, тѣ поняли его — и нѣсколько сильныхъ рукъ остановили лошадь Кирилла за уздцы.

— Ѣду отъ пана въ городъ, — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Кириллъ.

— Есть письмо къ пани Стабровской?

— Посланъ со словеснымъ приказаніемъ, — былъ отвѣтъ слуги.

— Раздѣньте его,—закричалъ Волкъ, слѣдя ястребиными глазами за всѣми движеніями.

Скинули съ Кирилла шинель, сюртукъ, жилетъ, порылись въ нихъ, потрясли ихъ, посыпались мелкія серебряныя монеты. Въ это время онъ нагнулся, какъ бы для того, чтобы подобрать деньги. Письмо, сложенное вчетверо, было у него въ маленькомъ кошелькѣ за голенищемъ сапога. Достать его изъ кошелька, разжевать и проглотить было въ это мгновеніе мыслью вѣрнаго слуги. Но это могло бы удаться развѣ какому-нибудь Боско и то не въ такія тревожныя минуты. Онъ досталъ, однакожъ, кошелекъ, сжалъ его въ рукѣ и силился стереть то, что въ немъ заключалось, въ порошекъ. Волкъ, замѣтивъ это движеніе, приказалъ своимъ схватить его за руку и разнять пальцы. Кошелекъ былъ исторгнутъ съ большими усиліями, такъ что на рукѣ остались синяки и ссадины, и врученъ начальнику шайки,

Волкъ вынулъ изъ кошелька скомканное письмецо, печать разсыпалась. Онъ старался разгладить его и сталъ про себя читать съ видимымъ затрудненіемъ, такъ какъ мелкіе сгибы на немъ мѣшали глазамъ свободно перебѣгать по строкамъ. Безобразное лицо его конвульсивно передернулось и приняло демоническое выраженіе, наконецъ онъ разразился дикимъ хохотомъ.

— Такъ вотъ гдѣ измѣнникъ, — вскричалъ онъ и велѣлъ связать Кириллу руки назадъ, посадить его на лошадь и вести къ себѣ на фольварокъ подъ сильнымъ карауломъ.

Что дѣлалъ Волкъ со своею шайкой въ лѣсу? Не поджидалъ-ли кого? До этого дня онъ, дѣйствительно, скрывался у своихъ друзей, пановъ и ксендзовъ, но, получивъ тайное извѣстіе, что одинъ изъ членовъ жонда, подозрѣваемый въ измѣнѣ, долженъ проѣзжать изъ города по дорогѣ черезъ лѣсъ сторожевой горы, сталъ со своей шайкой тутъ поджидать его. Подозрѣніе па-

дало на невиннаго—судьба послала настоящаго измѣнника. Смыслъ письма съ нѣкоторыми толкованіями былъ ясенъ, особенно выраженія: «*воля твоя исполнена, обезоруженный нами жондъ*», не требовали перевода. Загадка сфинкса была разрѣшена.

VII

Черезъ два дня Владиславъ отправился въ своей варшавской бричкѣ на четверикѣ, при немъ были кучеръ и слуга. Къ шести часамъ вечера онъ взъѣзжалъ на песчаную сторожевую гору. Погода была пасмурная и ненастная. Порывистый вѣтеръ завывалъ въ мрачномъ лѣсу, будто пѣлъ похоронную пѣсню, деревья скрипѣли. Носились-ли въ мысляхъ Владислава ожиданія скораго, сладкаго свиданія съ обожаемою имъ женщиной, или природа настраивала его къ тяжелому предчувствію, зналъ одинъ Богъ Лошади шли медленно по глубокому песку въ гору. Вдругъ съ крикомъ, съ двухъ сторонъ, изъ лѣса налетѣли на экипажъ десятокъ молодцовъ и между ними Волкъ. Лошади остановлены, постромки, гужи и хомутины перерѣзаны. Увидавъ Волка и привязаннаго къ дереву Кирилла, Владиславъ понялъ все, что его ожидало. Первымъ его движеніемъ было схватиться за револьверъ, лежавшій въ сумкѣ брички, и выстрѣлить въ своего врага. Но ударъ, худо направленный неловкимъ стрѣлкомъ, владѣвшимъ, какъ онъ признавался матери, лучше перомъ, чѣмъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, миновалъ цѣль. Минута, и человѣкъ шесть окружили экипажъ, вскарабкались въ него, одинъ выхватилъ револьверъ, другіе силились вытащить Владислава изъ

брички. Кучеръ и слуга слѣзли со своихъ мѣстъ и бросились помогать своему господину. Борьба была отчаянная. У слуги было охотничье ружье. Онъ выстрѣлилъ и свалилъ одного изъ шайки. Противъ него выступилъ съ револьверомъ самъ Волкъ, слуга заноситъ на него на-отмашь прикладъ разряженнаго ружья, какъ попало. Ударъ приходится по колѣну и раздробляетъ чашку. Сгоряча Волкъ не чувствуетъ боли. Наконецъ, сила превозмогла: Владиславъ, изнеможенный борьбою, исторгнутъ изъ брички, связанный по рукамъ и ногамъ, въ плѣну у разбойниковъ; прислуга убита.

— Помнишь-ли, — сказалъ Волкъ у котораго глаза горѣли, какъ раскаленные уголья,—помнишь-ли клятву, данную тобою въ Москвѣ, когда поступалъ въ жондъ? Ты измѣнилъ ей. Помнишь-ли, что завѣщала мнѣ мать твоя, когда я говорилъ о кинжалѣ, который ты мнѣ подарилъ? Ты истопталъ завѣтъ матери. Другъ,братъ!!... А насмѣшки надо мною, надъ всѣми нами? Хоть бы представленіе друзьямъ, братьямъ красавицы-патріотки Елизбеты! Недаромъ нарекъ ты меня палачомъ. Да, я избранъ совершить надъ тобою приговоръ нашего верховнаго трибунала. Видишь, вотъ роковой кинжалъ!

Онъ блеснулъ кинжаломъ, который вынулъ изъ ноженъ. На стали не было ни одного пятна, онъ не употребилъ его въ кровавое дѣло съ простыми смертными, приберегая для высшаго назначенія.

— Тащите его въ лѣсъ, — крикнулъ Волкъ своей шайкѣ. — Пусть слуга его видитъ казнь его и передастъ объ ней прекрасной актрисѣ, достойной его подругѣ.

Владислава повлекли въ лѣсъ и привязали къ дереву противъ того, къ которому былъ привязанъ Кириллъ. Слуга, выбиваясь изъ своихъ узъ, грызъ ихъ отъ чувства безсилія помочь своему господину.

— Скажи: «да здравствуетъ Польша и погибнутъ враги ея», и я облегчу тебѣ переходъ въ вѣчность

Владиславъ молчалъ.

— Такъ раздѣньте его.

Раздѣли.

— Въ этомъ видѣ лучше почуютъ мертвечину дикіе звѣри и разнесутъ ее на части. Теперь готовься, отступникъ, читай себѣ отходную.

Владиславъ взглянулъ на пасмурное небо, едва видное между верхушками деревъ, и благоговѣйно, со слезами на глазахъ, произнесъ молитву, потомъ, обратясь къ вѣрному слугѣ своему, завѣщалъ передать Лизѣ: «что въ послѣднія минуты его жизни дорогое имя ея было послѣднимъ словомъ, которое уста и сердце его сказали на землѣ».

Волкъ поднялъ кинжалъ и утопилъ его въ груди несчастной жертвы. Розовая кровь брызнула на руку убійцы и забила ключомъ на бѣлой, высокой груди мученика. Трава подъ нимъ далеко окрасилась. Скоро прекрасное, цвѣтущее лицо Владислава подернулось бѣлымъ покровомъ смерти.

Къ дереву, къ которому привязано было тѣло его, прибили дощечку, заранѣе припасенную, съ надписью: «*Такъ караютъ измѣнниковъ отчизнѣ*». Въ этомъ положеніи оно оставлено на съѣденіе волкамъ. Убитые слуга и кучеръ брошены далеко отъ дороги въ чащѣ лѣса. Бричка разрублена на мелкія части, ихъ также разбросили по лѣсу. Лошади уведены въ фольваркъ Волка, вещи поцѣннѣе и деньги разобраны шайкой, по дорогѣ не осталось слѣдовъ отъ разбоя.

Бѣдный Кириллъ, привязанный къ дереву и осужденный смотрѣть цѣлые часы на трупъ любимаго господина, пробылъ въ этомъ положеніи весь день. Въ ночь озарился лѣсъ заревомъ. То горѣлъ домъ Волка,

службы и хозяйственныя заведенія, подожженныя собственною его рукой.

Тѣло Владислава не было, однакожъ, тронуто волками оттого-ли, что они удовольствовались снѣдью кучера и слуги, или испуганные заревомъ пожара, можетъ быть и стрѣльбою, бывшею наканунѣ. Смертные останки его также пощажены были смертью, такъ какъ вся кровь его ужь истекла, а кто не знаетъ, что такіе трупы сохраняются долѣе труповъ людей, умершихъ естественною смертью.

Утромъ слѣдующаго дня ѣхавшій на возу по дорогѣ черезъ лѣсъ еврей услыхалъ крики. Испуганный, онъ долго былъ въ раздумьѣ, идти-ли на нихъ, наконецъ рѣшился. Ужасное зрѣлище представилось ему. Онъ хотѣлъ было бѣжать къ своему возу и уѣхать, но, склонясь на жалобныя просьбы узника, развязалъ на немъ веревки и, прельщенный обѣщаніемъ щедрой награды, отвезъ его въ станъ. Здѣсь разсказано было Кирилломъ все, что съ нимъ и его паномъ случилось. Началось слѣдствіе, похоронили Владислава на кладбищѣ ближайшаго костела, сдѣланы поиски за убійцей и его шайкой. Шайка была распущена Волкомъ, но вскорѣ большую часть ея переловила мѣстная полиція съ крестьянами. Самъ онъ съ двумя преданными ему сообщниками, не хотѣвшими съ нимъ разстаться сталъ пробираться на обѣтованный западъ. Раздробленное колѣно его сильно разболѣлось, мученія стали нестерпимы. Идти пѣшкомъ сдѣлалось невозможнымъ, на лошади сидѣлъ онъ съ величайшимъ трудомъ. Такъ скитались они нѣсколько сутокъ, какъ бродяги, «гдѣ день, гдѣ ночь», большею частью въ лѣсахъ. Взятыми изъ дому въ изобиліи съѣстными припасами утоляли они голодъ. Револьверъ украли у Волка приставшіе къ нимъ новые бродяги, бѣглецы изъ разныхъ бандъ. Оставшіеся при немъ товарищи, узнавъ, что за ними

послана погоня, и наскучивъ его стонами и скрежетомъ зубовъ, бросили его на волю судьбы. Наконецъ, самого Волка выслѣдили полиція и крестьяне на границѣ Витебской и Минской губерній у какого-то болота. Ему оставалось отдаться въ руки преслѣдовавшихъ его или попытаться переѣхать черезъ болото и, если не удастся, погибнуть въ немъ. Потерявъ голову, онъ бросился въ болото. Нѣкоторое разстояніе проѣхалъ онъ благополучно по кочкамъ и черезъ кусты, жестоко хлеставшіе его по лицу, только въ одномъ мѣстѣ, казавшемся ему надежнымъ, лошадь его завязла. Трясина начала всасывать ее въ себя. Чѣмъ болѣе лошадь билась, тѣмъ болѣе погружалась въ глубь. Волкъ благословилъ бы судьбу свою, еслибъ могъ съ нею утопиться. Но его не теряли изъ вида крестьяне, хорошо знавшіе мѣстность. Имъ велѣно было достать его живьемъ. Они обошли болото съ другой стороны и, перескакивая съ кочки на кочку, цѣпляясь за сучья кустовъ, подкладывая подъ себя жерди, приближались къ своей добычѣ. Раздаются крики: «лови, лови его!» Въ нихъ слышитъ онъ свой приговоръ. Несмотря на мучительную боль въ ногѣ, онъ слѣзаетъ съ лошади. То въ безумномъ отчаяніи, будто вполнѣ владѣя здоровыми силами, шагаетъ по болоту, то падаетъ, изнемогая отъ страданій, едва ползетъ, какъ жаба, которую мальчишки пришибли камнемъ и у которой внутренности выходятъ уже наружу. Онъ выбираетъ самыя опасныя мѣста трясины. Тѣнь руки блуждаетъ около него, она кажется ему рукою баснословнаго исполина. Какіе-то тиски схватываютъ его, онъ чувствуетъ на шеѣ своей мокрую, холодную веревку. Какъ бы затянуть ее?... думаетъ онъ, но у него недостаетъ уже силъ, онъ теряетъ, наконецъ, сознаніе окружающихъ его предметовъ. Съ разныхъ сторонъ схватываютъ его, кладутъ на веревоч-

ныя носилки. Его приводятъ въ чувство, его берегутъ, какъ драгоцѣнный субъектъ, какъ знатнаго заложника. Онъ отвезенъ въ ближайшій городокъ, посаженъ за желѣзную рѣшетку. Надъ нимъ наряженъ военный судъ. Собственное признаніе, приправленное ругательствами на счетъ русскихъ и сожалѣніемъ, что онъ не могъ сдѣлать имъ болѣе вреда, довершаетъ улики свидѣтелей.

Въ одинъ день, на позорной колесницѣ, въ позорной одеждѣ преступника, онъ приближается къ мѣсту казни. Толпа глядитъ на него безчувственно, иные даже насмѣхаются надъ его дикообразною физіономіею. Онъ честитъ народъ именемъ рабовъ, себя превозноситъ героемъ-мученикомъ за свободу ойчизны.

— «Убійца своего брата,»—брошенъ ему изъ толпы громовый упрекъ.

Только пани и паненки со слезами на глазахъ простираютъ къ нему руки и благословляютъ его. Столбъ поставленъ на торговой площади, обряды исполнены, Волкъ повѣшенъ.

Остается мнѣ исполнить тяжкій долгъ—отдать отчетъ въ тѣхъ проявленіяхъ ужаснаго состоянія Лизы, когда она получила черезъ Кирилла и Евгенію Сергѣевну роковую вѣсть о смерти Владислава. Постараюсь сократить описаніе грустныхъ, раздирающихъ душу сценъ. Кириллъ, исхудалый, постарѣвшій въ нѣсколько дней, явился сначала къ Зарницыной и разсказалъ ей о своемъ плѣнѣ и разбойническомъ убійствѣ своего господина. Зарницына, какъ можно судить, была поражена этимъ извѣстіемъ. Со всѣми предосторожностями, со всею горячностью материнской любви передано оно Лизѣ. Были часы, въ которые боялись за ея разсудокъ. Несчастная совершенно упала духомъ, проклинала себя за то, что погубила страстно-любимаго ею человѣка, сурово выговаривала своей вто-

рой матери, что вовлекла ее въ *преступленіе*. Потеря ея преобладала въ ея сердцѣ и мысляхъ надъ убѣжденіемъ, что она совершила подвигъ за дѣло отечества, что избавила край отъ многихъ бѣдствій. Молитва образумила ее. Она поспѣшила на могилу мужа и на ней выплакала свою молодую жизнь, всѣ свои земныя радости. Съ этого времени горесть ея не проявлялась болѣе наружу, но тѣмъ сильнѣе сосредоточилась въ груди ея. Яскулку тоже поразила вѣсть объ ужасной смерти Владислава, имъ искренно любимаго. Онъ сталъ со-дня на-день сильно хирѣть. Евгенія Сергѣевна, представивъ администраціи всѣ доказательства преданности Владислава Россіи, спасла имя его отъ нареканій и осужденій. Имя это осталось безъ пятна. Впослѣдствіи надъ могилой его былъ поставленъ памятникъ съ простою надписью: «*такой-то, такихъ-то лѣтъ, погибъ мученическою смертью отъ руки убійцы за дѣло русское*». Подвигъ двухъ женщинъ остался тайною для всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ имъ. Нужно ли говорить о томъ, сколько нѣжныхъ, горячихъ заботъ и утѣшеній посвятили Тони и Сурминъ несчастной вдовѣ.

Лиза Стабровская осталась жить при своемъ дѣдѣ и отказалась отъ свѣта. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ на рукахъ ея, завѣщавъ ей все свое состояніе. Но для чего было ей теперь богатство? Она продала имѣніе, давъ себѣ слово, вырученныя за него деньги употребить на бѣдныхъ и на обновленіе православныхъ церквей въ Бѣлоруссіи. Только неважную сумму предназначила себѣ. Была у нея еще затаенная мысль, которую подкрѣплялъ по-временамъ видъ фарфоровой статуэтки—*сестры милосердія*, подаренной ей отцомъ ея. «Это было его назначеніе, его завѣщаніе»,—говорила она про себя, — «это была воля Провидѣнія, и я *хоть* этотъ завѣтъ свято исполню».

Совѣстно мнѣ вслѣдъ за разсказомъ о печальной участи моей героини перенестись тотчасъ къ лицу, погрязшему въ омутѣ безчестныхъ дѣлъ, съ клеймомъ преступника, и между тѣмъ довольному своею судьбою, счастливому. Но не такъ ли на сценѣ, гдѣ вращается жизнь человѣчества, стоятъ рядомъ добродѣтельный человѣкъ и злодѣй, люди съ разными оттѣнками — бѣленькій, черненькій и сѣренькій. А романъ есть отраженіе, копія этой жизни. Съ такою оговоркою приступаю къ послѣднему сказанію о Киноваровѣ-Жучкѣ.

Вечеромъ лѣтняго дня шелъ онъ по главной улицѣ города на Двинѣ. Онъ въ этотъ день обходилъ своихъ должниковъ, такъ какъ въ слѣдующее утро собирался отправиться во свояси, въ Динабургъ. Только-что кончилъ онъ свои разсчеты съ Зарницыной и погоревалъ съ ней о смерти Владислава. Довольный, счастливый, что обдѣлалъ дѣлишки, такъ что остригъ овечекъ и снялъ шкурку съ волковъ, Жучокъ мечталъ дорогой, какъ заживетъ въ своемъ домикѣ, будетъ продолжать свою торговлю и идти съ нею въ гору. Мало-ли какія мечты роились въ головѣ его И садикъ-то нужно бы спустить по отлогости горы къ Двинѣ, китайскую бесѣдку въ немъ устроить, гдѣ бы въ нѣгѣ соснуть послѣ сытнаго обѣда, не худо бы и купаленку на рѣкѣ поставить. А то, когда онъ сходитъ въ привольныя для всѣхъ воды, не убережешься отъ нахальныхъ взглядовъ прачекъ, моющихъ по-близости грязное бѣлье. Пуще всего надоѣдаетъ ему бинокль, наводимый на него сосѣдкой, вдовушкой гарнизоннаго офицера, когда онъ пробирается по берегу къ вожделѣннымъ струямъ. Чего ей?

По пути его была гостиница, которую содердержалъ полякъ Бршепршедецкій. Кстати нужно было завернуть къ нему, чтобы очистить счеты за забран-

ный кяхтинскій чай, спрашиваемый прихотливыми русскими офицерами полкъ Зарницына, незадолго стоявшаго въ городѣ, и отчасти поляками. Былъ счетецъ и по векселю. Боковой карманъ его кафтана вмѣщалъ уже въ своей утробѣ три тысячи рублей, почему-жъ бы не прибавить въ нее новаго слоя кредитокъ. Содержателя гостиницы не было ни въ конторѣ, ни въ его семейномъ отдѣленіи. Онъ находился въ одномъ изъ номеровъ у своего постояльца, бѣлорусскаго помѣщика, промышлявшаго болѣе карточной игрой, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь собралось человѣкъ съ десять разнородныхъ личностей. На зеленомъ полѣ ломбернаго стола лежали стопы колодъ и другія принадлежности карточной игры, красовались пачки кредитокъ разнаго цвѣта и среди ихъ кучка золота въ ожиданіи, что въ турнирѣ, предложенномъ банкометомъ, рьяные рыцари присовокупятъ къ нимъ новые вклады. Понтеры сидѣли за столомъ или стояли подлѣ него. На докладъ номернаго содержателю гостиницы, что пришелъ такой-то и желаетъ его видѣть, Бршепршедецкій попросилъ хозяина номера позволить Жучку войдти, предупредивъ, что онъ человѣкъ неопасный, да и нѣкоторые изъ игроковъ ручались за его скромность. Позволеніе охотно дано. Трактирщикъ любившій самъ играть въ карты, въ этомъ случаѣ разсчитывалъ, что на нѣсколько часовъ задержитъ въ номерѣ кредитора и оттянетъ свой долгъ до другого дня. А кто знаетъ? Судьба-индѣйка не нанесетъ-ли ему въ этотъ вечеръ золотыхъ яицъ? Тогда и квитъ съ долгомъ.

Вошелъ Жучокъ, не перекрестясь, какъ это обыкновенно дѣлалъ, когда входилъ къ русскимъ, но только низко поклонился и пожелалъ честной компаніи здравія. Трактирщикъ отрекомендовалъ вошедшаго банкомету, хозяину номера; тотъ, занятый игрою, довольно небрежно кивнулъ Жучку.

— Извините, панъ добродзей,—сказалъ своему посѣтителю трактирщикъ, загибая уголъ на выигранной имъ картѣ,—видите, въ ходу, навѣрно принесли мнѣ счастіе. Успѣемъ еще поговорить о дѣлѣ, а вы покуда присядьте да поучитесь въ отгадку.

— Подожду,—отвѣчалъ смиренно Жучокъ.

Содержатель гостиницы мимолетно указалъ глазами молодому человѣку, лѣтъ двадцати, стоявшему недалеко отъ него (это былъ его сынъ), на новаго посѣтителя и на бутылки, стоявшія на подоконникѣ. Молодой человѣкъ понялъ взглядъ отца, раскупорилъ бутылку шампанскаго и, наливъ изъ нея огромный стаканъ, предложилъ его Жучку.

Этому отказываться было совѣстно, бутылка вѣдь для него начата. Въ давнопрошедшее время онъ пивалъ водку стаканами, чтобы заморить въ груди угрызенія совѣсти, и не бывалъ, какъ говорятъ, ни въ одномъ глазѣ, а теперь отъ нѣсколькихъ глотковъ искрометнаго затуманило у него въ головѣ.

Никто изъ игроковъ не обращалъ на него вниманія; знали, что купецъ Жучокъ не умѣетъ и картъ держать въ рукахъ и потому въ обществѣ ихъ человѣкъ посторонній.

Между тѣмъ глаза его разгорались болѣе и болѣе, перебѣгая отъ картъ банкомета и понтеровъ на пачки кредитокъ и особенно на кучку золота, игравшаго своими искрометными лучами. Давно отрекся онъ отъ картъ, погубившихъ его, и твердо держался обѣта — не прикасаться къ нимъ, словно къ огню. Однакожъ, какая-то невидимая сила притягивала его къ столу, онъ къ нему подошелъ.

На этотъ разъ демонъ-искуситель стоялъ за нимъ и нашептывалъ ему то насмѣшливыя, то обольстительныя рѣчи

«Посмотри», говорилъ лукавый голосъ, «какъ тебя

оскорбляютъ здѣсь. Тебя, мизернаго купчишку, выталкиваютъ, какъ парія, изъ среды благороднаго общества, хоть бы изъ учтивости предложили принять участіе въ игрѣ. И не съ такою шляхтою игрывалъ ты, генералы не гнушались перекинуться съ тобою. А кушъ-то порядочный едва ли не десять тысячъ; банкометъ богатъ, не постоитъ и за бо̀льшую сумму. Проигрывалъ ты прежде. Чтожъ? Можетъ быть, судьба ждала тебя въ этотъ часъ, отыграешься, да еще разбогатѣешь. Повѣрь мнѣ, сорвешь банкъ. А удовольствіе поразить неожиданнымъ торжествомъ побѣды людей, которые тебя ни во что считаютъ, съ чѣмъ можно сравнить?—Рискни».

Пыхтѣлъ, боролся Жучокъ со своимъ искусителемъ до поту лица и—рискнулъ.

— Позволите-ли мнѣ, сиволапу, поставить карточку?—сказалъ онъ, обратясь къ банкомету.

— Не имѣю права отказывать здѣсь никому,—отвѣчалъ этотъ, нѣсколько поморщившись, воображая, что ставка такой мизерной личности будетъ ничтожна и только задержитъ игру.

— Помните,—сказалъ насмѣшливо банкометъ,—что правая сторона моя, а лѣвая ваша, и расплата должна быть немедленная.

— Смекаю. И я играю вѣдь не на щепки, — отозвался Жучокъ.

— Я ручаюсь за него въ тысячѣ,—сказалъ хозяинъ гостиницы, мигнувъ банкомету,—авось, дескать, молодецъ попадетъ на удочку.

Карта Жучка пошла и взяла сто рублей.

Онъ поставилъ ее на транспортъ, загнувъ по правиламъ игры.

Взяла.

— Угодно получить деньги? — спросилъ его банкометъ уже голосомъ серьезнымъ и вѣжливымъ.

— Атанде—идетъ на пе.

Карта взяла восемьсотъ рублей серебромъ.

Изумленные игроки переглянулись. Тотъ, кто не умѣлъ брать карты въ руки, преобразился въ искуснаго и отважнаго карточнаго бойца. Самъ банкометъ, хотя и испытанный въ бояхъ подобнаго рода, внутренно призналъ его за опаснаго противника, но не обнаруживъ и тѣни смущенія, спросилъ его, «какими деньгами желаетъ онъ получить выигрышъ, кредитками или золотомъ».

— И тѣми, и другими, винегретецъ, — отвѣчалъ Жучокъ, смотря свысока на игроковъ и вздернувъ рукою свою тощую съ просѣдью бородку.—Вотъ вамъ и сиволапъ, говорили его глаза.

Деньги были отсчитаны золотомъ и кредитками разной масти.

Въ Жучкѣ ожилъ прежній Киноваровъ.

— Прикажите подать бутылочки двѣ *отборной* шипучки, — сказалъ банкометъ хозяину гостиницы, зачесывая пятерней свою прическу.

— Позвольте и мнѣ на выигрышъ поставить полдюжинки,—предложилъ Жучокъ.

— Почему-жъ не такъ, — отозвался, хозяинъ номера.

Трактирщикъ вышелъ изъ комнаты, чтобы распорядиться на счетъ вина.

Жучокъ-Киноваровъ написалъ мѣломъ на столѣ 1000 рублей и закрылъ цифры картою.

Карты въ таліи ложились направо и налѣво.

— Атанде,—закричалъ герой-понтеръ, 600 рублей приписываю. — Взяла, примолвилъ онъ немного погодя и вскрылъ карту.

Банкомета подернуло, онъ отсчиталъ 1600 рублей. Замѣтно было, что онъ нетерпѣливо посматривалъ на дверь. Наконецъ, вошелъ хозяинъ гостиницы, за нимъ

несли корзину съ бутылками. Онъ самъ откупорилъ ихъ.

— Пожалуйста, безъ пальбы, — замѣтилъ банкометъ.

— Какъ удастся, будутъ съ пальбою и безъ нея,— сказалъ хозяинъ гостиницы.

Налили стаканы. Зоркій, наблюдательный глазъ высмотрѣлъ-бы, что Жучку наливалъ онъ изъ одной бутылки, прочимъ игрокамъ изъ другихъ. Жучокъ, упоенный и безъ вина своимъ выигрышемъ, не замѣтилъ этой мошеннической продѣлки и выпилъ поднесенный ему стаканъ. Онъ, однакожъ, поставилъ новую карту на малый кушъ и выигралъ, но вскорѣ голова его стала кружиться, въ глазахъ запрыгали темныя пятна.

— Что, ужь оробѣли?—сказалъ иронически банкометъ,—пошли упражняться къ меледу.

— Оробѣлъ?!—крикнулъ обиженный Жучокъ и поставилъ карту на три тысячи.

Карта была убита. Онъ не замѣтилъ, какъ тотъ передернулъ карту въ таліи. Горячась больше и больше, нашъ понтеръ удвоилъ куши, держался прежнихъ рутерокъ. Противникъ его клалъ ихъ всѣ на правую сторону.

Выигралъ было Жучокъ пятьсотъ рублей на одну карту, банкометъ забастовалъ. Стали разсчитываться. Всѣ выигранныя Жучкомъ деньги были возвращены прежнему ихъ обладателю; три тысячи, хранившіяся въ боковомъ карманѣ купеческаго кафтана, перешли къ нему же вмѣстѣ съ векселемъ трактирщика въ 1000 рублей, да сверхъ того взята съ несчастной жертвы сохранная росписка заднимъ числомъ въ 5000 р. золотою монетою такого-то года. Перо въ руки, и росписка написана и подписана. Онъ попросилъ стаканъ воды, выпилъ и, казалось, нѣсколько отрезвился. Наняли

извозчика, дали Жучку выпить другой стаканъ воды, поднесли спирту къ носу и отправили домой, наказавъ возничему сѣсть съ нимъ рядомъ на дрожки и поберегать его дорогой. Игроки разошлись. Хозяину гостиницы за бутылку *отборнаго* шампанскаго возвращенъ его вексель съ надраніемъ. Прислуга была щедро одѣлена. Дорогой Жучокъ смутно припомнилъ все, что съ нимъ случилось въ этотъ вечеръ. Привезенный извозчикомъ домой, онъ сданъ прислугѣ. Къ утру онъ совершенно пришелъ въ себя. Трехъ тысячъ, лежавшихъ у него въ карманѣ, не оказалось на лицо, также какъ и векселя отъ имени Бршепршедецкаго. Въ полдень пришелъ къ нему квартальный и предъявилъ ему сохранную росписку, данную за нѣсколько дней назадъ.

— Рука ваша? — спросилъ его полицейскій чиновникъ.

— Рука моя,—сказалъ оторопѣвшій Жучокъ, — но я писалъ росписку въ пьяномъ видѣ. Меня опоили зельемъ, обыграли, я не понимаю, что дѣлалъ.

Справилась полиція въ гостиницѣ, допрашивала содержателя ея, прислугу. Жучокъ не зналъ именъ игроковъ кромѣ имени банкомета и то по сохранной роспискѣ, ему предъявленной. Всѣ спрошенные показали, что указаннаго господина, будто обыгравшаго его, не было въ прошедшій вечеръ дома въ гостиницѣ, что Жучокъ дѣйствительно былъ тамъ, потребовалъ водки, закуску и бутылку шампанскаго, потчивалъ имъ хозяина и пьяный отвезенъ домой. Показанія его, какъ ложныя, не приняты въ уваженіе. Полиція распорядилась отобрать у него паспортъ до уплаты долга, обязала хозяина его квартиры не выпускать со двора его экипажа и лошадей и сверхъ того приставила къ дверямъ его полицейскаго унтеръ-офицера, который долженъ былъ, если онъ выйдетъ со двора, ходить

по пятамъ его. Жучокъ въ этотъ день ничего не ѣлъ, черныя мысли начали бродить у него въ головѣ.

Предсталъ передъ нимъ, какъ живой, бывшій его начальникъ, Ранѣевъ, съ его ясными, ласковыми глазами. Совѣсть развернула передъ нимъ свитокъ его преступленій. И видѣлъ онъ себя подъ уголовнымъ судомъ, потомъ за желѣзной рѣшеткой, иногда проходящаго по городу для допросовъ, въ сопровожденіи военнаго конвоя, подъ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ, исполненныхъ злобы и презрѣнія. Видѣлъ онъ себя въ бѣгахъ скрывающимся по лѣсамъ, когда собственная тѣнь пугала его. Наконецъ выступилъ передъ нимъ добродушный ликъ умирающаго праведника, онъ слышалъ его евангельскія слова прощенія, и слезы закапали изъ глазъ его. Назади его былъ мракъ, впереди то же.

— Есть-ли Богъ? — спросилъ онъ своего сторожа.

— Что ты брешешь,—сказалъ ему тотъ,—не рехнулся ли?

— Есть, мой другъ, и судъ Его рано или поздно караетъ преступника, сколько бы онъ отъ него не отвертывался,—оговорился Жучокъ.

Потомъ онъ началъ ласково бесѣдовать съ унтеръ-офицеромъ, спрашивалъ, есть-ли у него жена и дѣти, и на отвѣтъ, что есть жена и трое дѣтей, далъ ему два полуимперіала, присовокупивъ, чтобы помолился за раба Божія *Александра*. Немного погодя, онъ просилъ его идти съ нимъ купаться.

— Надо мнѣ освѣжиться,—говорилъ онъ,—въ прошедшій вечеръ я былъ сильно хмѣленъ.

Полицейскій служитель, обольщенный его ласковою рѣчью и золотыми, согласился на его просьбу. Въ данной ему квартальнымъ словесной инструкціи сказано было только, чтобы «не выпускалъ заложника изъ

вида,» а о томъ, чтобы ему не позволять купаться, ничего упомянуто не было.

Пошли на рѣку.

Жучокъ раздѣлся на берегу и просилъ поберечь его бѣлье и платье, самъ же побрелъ въ воду.

— Смотри только, далеко не ходи, не то набредешь на омутъ. А плавать умѣешь?

— Какъ утка

Ночь была тихая съ нерѣшительнымъ свѣтомъ двухъ зорь. Одна, вечерняя, уже погасала; другая, утренняя, только-что проглядывала. Черной каймой отражались берега въ рѣкѣ, въ вороненой стали водъ ея дрожали звѣзды, чешуйчатыя волны робко набѣгали на берегъ и монотоннымъ плескомъ своимъ наводили дремоту на вѣжды полицейскаго служителя. Посреди рѣки горѣлъ огненный снопъ, онъ отражался въ ней отъ пучка лучины, зажженой на кормѣ челнока, и едва двигался по водамъ вмѣстѣ съ нимъ. Видно было, что въ челнокѣ сидѣлъ человѣкъ, наклонялъ по-временамъ голову и быстро вонзалъ какое-то орудіе въ глубь рѣки. Рыбакъ *лучилъ* налимовъ, которыми Двина изобильна, билъ и ловко поднималъ острогою извивавшуюся, какъ змѣю, рыбу.

Въ это время Жучокъ отдалялся все болѣе и болѣе отъ берега. Сначала шелъ онъ по грунту рѣки, потомъ, потерявъ его подъ собою, погрузился, вынырнулъ, опять порузился и исчезъ. Что-то въ водѣ забурчало. Минута, и все затихло, только въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ послѣдній разъ погрузился и исчезъ, образовался водяной кругъ, и тотъ скоро сгладился. Такъ покончилъ съ собою Киноваровъ. Еслибы онъ тонулъ по неосторожности, то, навѣрно, боролся бы съ водою и успѣлъ бы крикнуть.

Между тѣмъ полицейскій служитель, клюнувъ раза два носомъ, вышелъ изъ своей дремоты и сталъ лю-

боваться огненнымъ снопомъ, ползущимъ по рѣкѣ, и ловкими движеніями рыбака. Вскорѣ онъ вспомнилъ о своемъ плѣнникѣ и оторвался отъ зрѣлища, такъ сильно его занимавшаго. Осмотрѣлся, приложилъ руку надъ глазами, чтобы лучше видѣть—никого на водахъ кромѣ рыбака въ челнокѣ.

— Пріятель, а пріятель!—закричалъ онъ ему.

Рыбакъ, занятый своимъ дѣломъ, не слыхалъ ничего или не хотѣлъ слышать

— Эй! хлопъ! бисовъ сынъ! — закричалъ унтеръ-офицеръ командирскимъ голосомъ такъ, что звуки его ударились въ противоположный берегъ и раскатились по водамъ.

— Что тебѣ надо? И такъ по милости твоей сорвалась важная рыба.

— Не видалъ-ли человѣка, что купался тутъ?

— Мало-ли тутъ купаются, мнѣ-то что.

Бѣдный сторожъ сильно растерялся. — «Не переплылъ-ли Жучокъ черезъ рѣку, не бѣжалъ-ли?—думалъ онъ.—Еслибъ переправлялся вплавь черезъ рѣку, увидалъ-бы все-таки рыбакъ. Да и какъ бѣжать безъ бѣлья и платья?»

Побродилъ по берегу — не видать никого. Оставалось донести обо всемъ начальству, что онъ тотчасъ и и исполнилъ, не забывъ захватить съ собою бѣлье и платье Жучка.

Собрался народъ, стали сновать лодки по теченію рѣки, закинули неводъ. Все напрасно, ни живого ни мертваго Жучка не нашли. Только черезъ дня два, за нѣсколько верстъ отъ города, усмотрѣнъ трупъ его, прибитый къ берегу волнами; раки успѣли ужь полакомиться имъ.

Когда дѣлали опись его движимому имуществу для продажи съ аукціона въ уплату долга по сохранной роспискѣ, нашли подъ чернильницей на столѣ записку,

въ которой онъ объявлялъ, что мученія совѣсти за совершенное имъ нѣсколько лѣтъ преступленіе дѣлаются для него невыносимы и онъ рѣшился на самоубійство. Записка была подписана: «*Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Никаноровъ Киноваровъ, именуемый Жучкомъ*». Недоумѣвали слѣдователи, какимъ образомъ купецъ изъ Динабурга Жучокъ превратился вдругъ въ коллежскаго совѣтника и кавалера Александра Никанорова Киноварова.

Когда Сурминъ, посвященный въ исторію жизни Ранѣева, узналъ о самоубійствѣ Жучка, онъ разъяснилъ Зарницыной смыслъ загадки, затруднявшей слѣдователей. Такъ и осталась она неразгаданною для нихъ.

VIII

По письму Сурмина къ матери она пріѣхала съ двойниками своими въ городъ на Двинѣ и остановилась въ номерахъ той-же гостиницы, куда незадолго до того переѣхалъ сынъ ея изъ квартиры Зарницыной. Она съ радостью благословила его на бракъ, желанный ею съ того дня, какъ узнала Тони.

— Ты съ нынѣшняго дня—третья дочь моя,—сказала Настасья Александровна, обнимая ее, — и потому скажу тебѣ, какъ мать: ты всегда во всемъ поручала себя Богу, а я каждый день молила Его, чтобы Онъ исполнилъ лучшія мои надежды видѣть тебя моей невѣсткой. Ты не искала высокихъ подвиговъ, на нихъ избираются Провидѣніемъ немногіе. Честь имъ, любовь и поклоненіе общества, народа! Но помни, душа моя, что и безъ этихъ подвиговъ женщина, свято исполнившая обязанности дочери, супруги, матери, исполнила свое высокое призваніе, угодила Богу и достойна общаго уваженія. Она сама счастлива и разливаетъ счастіе на тотъ кружокъ, которому себя посвятила.

Дочери Сурминой были въ восторгѣ, что пріобрѣли новую сестру по выбору ихъ сердца. Положено было съ общаго согласія жениха и невѣсты отвезти пока Тони Лорину въ Москву къ братьямъ и Дашѣ, а

потомъ уже Антонину Павловну Сурмину — хозяйкою въ прирѣченское имѣніе, доставшееся послѣ дяди. Прощаніе Лизы и Тони было самое трогательное, онѣ разставались, какъ-будто не надѣялись болѣе свидѣться.

Свадьба была въ Москвѣ, здѣсь провели *молодые* свой медовой мѣсяцъ. Родные остались для Тони тѣми же дорогими друзьями, какими были прежде. Она приглашала Крошку Доритъ къ себѣ на житье въ деревню но та, пожелавъ ей всевозможнаго счастія, не хотѣла разстаться со своими братьями и скромной долей, которой лучше не желала. Тони распредѣлила свой денежный капиталъ, доставшійся ей по смерти ея благодѣтельницы, братьямъ и сестрѣ, только переслала къ себѣ въ деревню свой любимый рояль, съ которымъ не могла разстаться.

Знали, что Лиза переѣхала въ усадьбу Зарницыной, находившуюся въ одной изъ великороссійскихъ губерній, гдѣ Евгенія Сергѣевна проводила каждое лѣто и осень для наблюденія за сельскимъ хозяйствомъ. Съ того времени о Стабровской не было слуха, ни съ кѣмъ она не переписывалась.

Въ одинъ изъ благодатныхъ лѣтнихъ дней прошлаго года въ шестомъ часу вечера пробирались между памятниками кладбища *** дѣвичьяго монастыря красивый, статный мужчина, по виду лѣтъ съ небольшимъ тридцати, и молоденькая дама, блондинка, очень привлекательной наружности. Они шли рука подъ руку. Можно бы засмотрѣться на эту парочку. Позади ихъ бѣжалъ хорошенькій, едва-ли не двухлѣтній мальчикъ, по пятамъ котораго шла нянька, русская, судя по темному шелковому платочку, повязанному на головѣ. Интересная парочка, вѣроятно, мужъ и жена, не останавливалась около великолѣпныхъ памятниковъ. Ребенокъ, попрыгивая, засматривался на улыбающихся ему изваянныхъ ангеловъ и на золотые кресты, искрившіеся подъ лу-

чами солнца. Иногда вбѣгалъ онъ въ часовеньки. Зарождающаяся жизнь играла въ жилищѣ смерти. Такъ мотылекъ порхаетъ надъ черепомъ мертвеца. Молодые мужчина и дама остановились у одной скромной могилы. На ней положена была гладкая гранитная плита съ надписью выпуклыми бронзовыми буквами, утонувшая въ цвѣтахъ свѣжихъ, благоухающихъ, вѣроятно, лелѣемыхъ рукою любящаго человѣка. Молодой мужчина скинулъ шляпу, перекрестился и положилъ земной поклонъ; дама также перекрестилась и преклонила голову; на глазахъ ихъ навернулись слезы.

— Миша, — сказалъ мужчина, взявъ мальчика за руку, — скинь картузъ, поклонись могилкѣ и поцѣлуй ее. Здѣсь похороненъ *честный* человѣкъ, другъ твоего папаши и мамаши. Желалъ-бы видѣть тебя такимъ же честнымъ, когда ты будешь большой.

Дитя не понимало многаго, что говорилъ отецъ подъ впечатлѣніемъ душевнаго настроенія, но исполнило, однакожъ, въ точности, что́ ему было приказано, хотя глазенки его бѣгали по красивымъ цвѣточкамъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, близъ входа въ одну изъ манастырскихъ келій, сидѣла освѣщенная косыми лучами вечерняго солнца, на плетеныхъ креслахъ, молодая монахиня. Лицо ея, несмотря, что было мертвенно-блѣдно, сохраняло еще отпечатокъ прежней красоты. Она по-временамъ кашляла зловѣщимъ кашлемъ. Около нея сидѣли двѣ молоденькія бѣлички, то глядѣли ей въ глаза съ трогательнымъ участіемъ, то бесѣдовали съ ней. Монахиня, при видѣ группы, посѣтившей скромную могилу и почтившей ее горячими изъявленіями любви и уваженія къ почившему въ ней, всплеснула руками:

— Тони, Андрей Иванычъ!—вскрикнула она.

— Лиза! — отозвалась молодая дама и бросилась обнимать монахиню.

— Ужь не Лиза, милый другъ, а сестра Агнеса,— сказала монахиня, и слезы заструились по блѣднымъ, исхудалымъ щекамъ.

Она дружески протянула руку Сурмину.

— Когда я увидала васъ у могилы отца моего, сердце сказало мнѣ, что это люди, горячо его любившіе.

— И ты въ продолженіе почти трехъ лѣтъ не хотѣла увѣдомить насъ о себѣ хоть одною строчкой,— упрекнула ее Тони.

— Боялась соблазниться убѣжденіями дружбы. Я хотѣла прервать всѣ связи мои съ міромъ, даже съ тѣми, кто мнѣ, какъ вы, былъ дорогъ въ немъ; но, увидавъ насъ, чувствую, что еще не оторвалась отъ земли.

Всѣ было забыли о мальчикѣ, сынѣ Сурминыхъ; сестра Агнеса взглянула на него и спросила: «сынъ вашъ?»

— Миша, — сказала Тони, — подойди къ сестрѣ Агнесѣ и попроси у нея благословенія.

— Имя отца моего, благодарю васъ, друзья мои,— произнесла съ чувствомъ монахиня.

Мальчикъ пугливо подошелъ подъ благословеніе молодой женщины, одѣтой вся въ черное, не такъ, какъ одѣвались мать его и другія женщины, которыхъ видалъ онъ у себя, дома; но, вскорѣ, побѣжденный ласковою рѣчью ея, нѣжными поцѣлуями, приманкою блестящихъ четокъ, сидѣлъ ужь на ея колѣняхъ.

Она попросила одну изъ бѣличекъ принести изъ ея кельи золотой образокъ Михаила-Архангела и, когда принесли его, благословила имъ дитя.

Когда они прощались, два розовыя пятна горѣли на щекахъ сестры Агнесы.

— Знаете-ли,—сказала она со слезами на глазахъ,— вы задержали меня на время на землѣ. По крайней

мѣрѣ умру со сладкими воспоминаніями о вашей дружбѣ, о краткихъ дняхъ моего счастья и съ убѣжденіемъ, что я не безслѣдно жила въ здѣшнемъ свѣтѣ. Тамъ я *ихъ* увижу.

Въ слѣдующемъ году Сурмины посѣтили монастырь и спросили, какъ пройдти имъ къ сестрѣ Агнесѣ. Имъ указали свѣжую могилу подлѣ могилы Ранѣева.

Говорить-ли объ участи третьестепенныхъ лицъ моего романа. Можетъ быть, мой читатель захочетъ узнать, что сдѣлалось съ ними. Удовлетворю его любопытство, посвятивъ этимъ лицамъ нѣсколько словъ на прощанье. Вотъ что разсказалъ объ нихъ и себѣ Сурмину бывшій адвокатъ его, Пржшедиловскій: онъ продолжалъ съ успѣхомъ свои занятія. Счастіе, которымъ онъ наслаждался въ своемъ русскомъ семействѣ, не мѣшаясь въ политическія дрязги, было долго отравлено извѣстіемъ объ ужасной смерти друга его, Владислава. Маврушкина законно ограничена въ пользованіи своимъ наслѣдствомъ. Распоряженіями тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало, образованіе и воспитаніе дѣтей ея поручены благонадежному надзору умнаго, ученаго и честнаго русскаго педагога. Сѣти, которыми спутывали ихъ польскіе гувернеры и наставники, навсегда разорваны. Дѣтскія сердца, не успѣвшія еще напиться отравой ихъ ложныхъ внушеній, еще неиспорченныя, обновились въ купели новаго, здороваго ученія. Можно надѣяться, что изъ нихъ выйдутъ добрые, вѣрные сыны отечества, образованные, полезные себѣ и обществу граждане. Людвиковичъ послѣ погрома польскаго мятежа едва-ли образумился. Онъ спокойно поживалъ въ полномъ довольствѣ и комфортѣ. Недавно слышалъ , что онъ отправился подышать болѣе свободнымъ воздухомъ. Бой-баба Левкоева странствуетъ по Европѣ при какой-то богатой барынѣ въ видѣ компаньонки, болтаетъ ей собственнаго сочиненія и чужіе анекдоты,

питается крупицами отъ ея трапезы, жуируетъ и благословляетъ свою судьбу. Куда дѣвался сынокъ ея,— Сурминъ не допытывался узнать. — Студентикъ Лидинъ съ честью подвизается въ одномъ изъ новыхъ судебныхъ мѣстъ. Я слышалъ еще въ прошедшемъ году, что Застрембецкій, оставшійся вѣрнымъ своему обѣту, пошелъ по службѣ въ гору.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

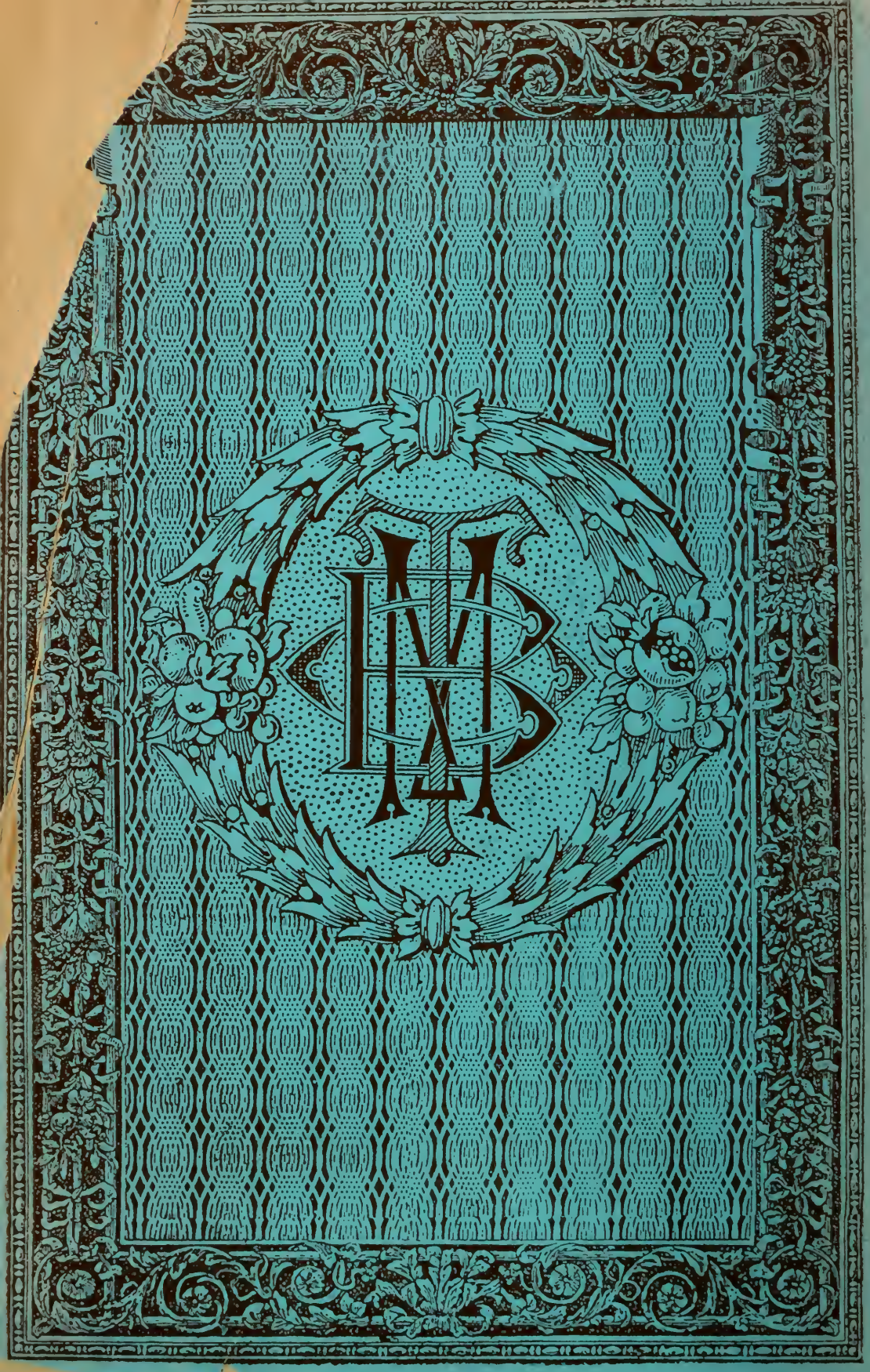
СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

стр.

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

Часть первая, вторая и третья 1

onto



494862
LR
L4314V
Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
Полное собраніе сочиненій... С.А.Венгерова.
v.4.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny... S.A.
Vengerova.]

DATE | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

BIBLIOTECA
BYZERNAT WASHINGTON DANCER